

ГРИГОРИЙ ШУВАЛОВ

И ЭТО — НОРМАЛЬНО

НА МОГИЛЕ БАТЮШКОВА В ПРИЛУКАХ

Неудачный любовник,
Городской соловей,
Папоротник и шиповник
На могиле твоей.

Твой талант — дивный корень
На глухом пустыре,
Ты не зря похоронен
В дальнем монастыре.

Так писал ты туманно,
Что не каждый поймёт,
Стих твой — рваная рана,
Перевязка и йод.

У ворот монастырских
Инвалиды стоят,

ШУВАЛОВ Григорий родился в 1981 году в пос. Ладва Республики Карелия. Служил в пограничных войсках, работал на стройке и в театре. В 2003 году поступил в Литинститут в поэтический семинар Ю. П. Кузнецова. В 2006 году с группой единомышленников основал поэтическую группу "Разговор". В 2009 году вышел первый коллективный сборник стихов — "Разговор". Его стихи печатались в "Литературной газете", "Дне поэзии" (2009, 2010) и других изданиях, переведены на болгарский и вьетнамский языки. Лауреат премии "Золотой витязь", победитель конкурса имени Бориса Примерова газеты "Литературная Россия".

Просят деньги настырно
На закуску и яд.

Лишь случайный прохожий
Да заезжий поэт
Твой покой потревожат:
“О, коллега, привет!”

Так судьба повелела,
Отпусти и прости.
В землю спрятано тело,
Чтоб стихами цвести.

И совсем неподвластны
Пересудам толпы
Выпирают бесстрастно
Ягоды и шипы.

* * *

Меня б ты из армии не дождалась:
два года — не шутка.
И снова петляет сквозь прошлую грязь
чужая маршрутка.

Подумаешь, как это было давно, —
и в сердце заноза.
Вот так умирает в забытом кино
хорошая проза.

И бледное солнце подарит объём,
как будто в насмешку.
Мой грустный соперник смахнул королём
отставшую пешку.

И хочется как-то быстрее завершить
все эти мученья
и белыми нитками рот свой зашить
без права отмщенья.

Не зря я учился смотреть во всю ширь
на вещи реально.
За мною никто не поедет в Сибирь,
и это — нормально.

8 МАРТА В КАФЕ “СПУТНИК”

Чего со мною только ни бывало,
но я прошёл по жизни налегке.
Однажды я работал вышибалой —
охранником в районном кабаке.

Начало нулевых. Ещё стреляли.
С работою напряг и денег нет.
Я согласился, мне на смену дали
наручники, дубинку, пистолет.

Я заступил, сперва всё было чинно —
восьмое марта, девушки, цветы,
но быстро накидались их мужчины,
и начались разборки и понты.

Дебют удачный — “скорая”, ментовка,
кабак гудел и на ушах стоял,
а почему всё вышло так неловко,
я после в объяснительной писал.

Я, к счастью, там недолго продержался,
я дольше бы не выдержал, не смог.
В Москву искать признания сорвался,
поэзии приметив огонёк.

Так жизнь спасла меня от соплежуйства,
но для меня отраднее всего,
что за мои недолгие дежурства
там всё же не убили никого.

ПАЗЛ

Вечером тоскливо, я чаю вмазал
И проверку чувств произвёл на лживость.
Помнишь, мы с тобой собирали пазл,
А любовь у нас так и не сложилась.

Там была картинка, на ней — осада,
Корабли стреляли в мятежный город.
Раз любовь прошла, значит, так и надо,
Но меня терзает любовный голод.

Флаги ты собрала почти мгновенно,
Паруса возникли и мачт верхушки.
Я же возводил городские стены,
Ну, а ты на них направляла пушки.

Но сложнее всего собиралось небо —
Голубое, белое, в клочьях дыма.
Жаль, в шестое чувство я верил слепо,
И оно, как поезд, промчалось мимо.

Интерес утратила ты внезапно,
Небо я один собирал в концовке...
Чтоб убить любовь корабельным залпом,
Нужен трезвый ум и чуть-чуть сноровки.

Я кусочек неба тебе оставил,
Ты его собрала, поставив точку.
Здесь плохой читатель меня б поправил,
А хороший — деньги б швырнул на бочку.

* * *

Я уйду, ты меня не неволь,
смоет прошлое дождик московский.
“Наша жизнь — взбаламученный ноль”, —
очень точно сказал Циолковский.

Долго в прошлое смотрят глаза,
ожидая в развинченном быте
разглядеть, что скрывается за
горизонтом событий.

Это старт, это спад, это всплеск,
это встречи, разлуки, тусовки,
это сердца влюблённого треск
и его упаковки.

Как студент, проваливший зачёт,
я прошёл мимо вечного храма.
Жизнь проходит — и в этом вся драма,
а любовь никогда не пройдёт.

* * *

Она ушла, какая жалость,
Зато расстались без обид.
Любовь, как лампочка, взорвалась,
И сердце больше не болит.

С утра погода никакая,
И на окне завял цветок,
И я уже не пропускаю
Через себя смертельный ток.

Один стою на остановке,
Один ложусь по вечерам,
Стреляю монстров из винтовки,
Не доверяю докторам.

Отчаянье, а не свобода
Со мною на ночь говорит.
Но вот проходит два-три года —
И снова лампочка горит.

ДМИТРИЙ ФИЛИППОВ

ЯБЛОКИ

РАССКАЗ

В сенях пахло яблоками и ещё чем-то родным, не имеющим точного слова. Полумрак вычертил резиновые сапоги, плетёные корзины, покрытые пылью банки на полках, старый холодильник, груды ватников и старых курток, сваленных в одну кучу. Глеб втянул ноздрями этот знакомый воздух и ощутил лёгкую тревогу: чего-то не хватало. С этой занозой он вошёл в дом.

Тесть сидел за столом и чистил рыбу. На подоконниках дозревала антоновка, и этот яблочно-рыбный дух свёл скулы и наполнил рот голодной слюной.

— Здравствуй, дядь Коль, — сказал Глеб.

Тесть не обернулся, только стряхнул налипшую к ножу чешую.

— Я заночую?

— Ночуй.

Тесть положил нож на край стола. Обернулся.

Мужчины очень внимательно глядели друг на друга, выедавая утаённое, не произнесённое вслух. Дёрнула хвостом изодранная рыба, и от этого судорожного движения качнулся мир.

— Чего встал?.. Проходи.

Глеб тяжело, устало разделся, долго путался в намокших шнурках, наконец выпрямился, но не во весь рост, а словно с грузом на покатых плечах. Огляделся. Попробовал узнать дом.

ФИЛИППОВ Дмитрий родился в городе Кириши Ленинградской области. Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Служил в армии на территории Чеченской республики; старший сапёр. Публиковал прозу и критику в журналах "День и ночь", "Волга", "Знамя", "Нева", в еженедельниках "Литературная газета", "Литературная Россия". Автор романа "Я — русский" (2015). Лауреат русско-итальянской премии "Радуга" (2015). Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Живёт в Санкт-Петербурге.

Привычные вещи не опознавали Глеба. Кровать, тумбочка, шкаф, гипсовый бюст Ленина на комодке — всё настороженное, забывшее прикосновение его рук. Пропала фотография, где он с женой и сыном на фоне теплицы, — пустое место на стене. Только защитившийся от пыли квадрат (тридцать на сорок) мозолил глаза.

— Вещи твои на веранде. Нинка сложила перед отъездом.

— Где она?

— В городе.

— Я знаю, где именно?

Старик замялся, но выдавил нехотя:

— У Сажина.

— Ясно. Давно?

— Месяца полтора.

В сенях не хватало коляски, но подумал об этом Глеб отстранённо. Просто мысль. Промелькнула и не оставила следа.

Их комната утратила запах. А чем она пахла раньше? Глеб попытался вспомнить и уже не мог, как будто прошло десять лет. Детские салфетки, подушки из верблюжьей шерсти, волосы Нины, плюшевый медведь, книги на полках — все вместе это пахло уютom. И, конечно, карамельный запах сына... Где всё это?

Мужчина сел на кровать.

Вошёл тесть. Положил на стул постельное бельё.

— Баню затопить?

— Да.

В комнату забежал Марсик — белый облезлый кот с разорванной бровью, — прыгнул на кровать и положил голову Глебу на колени. Мол, я тебя признал, держись.

Горький комок подкатил к горлу. Чтобы его задавить, Глеб начал с силой гладить кота. Тот понимал, терпел и не вырывался. Только урчал горлом и хлёстко бил хвостом по кровати.

Наконец отпустило. Выдохнул, сбросил кота. Подошёл к окну, взял яблоко с подоконника, взвесил его мягким движением, подкинул, положил на место. За окном, на краю деревни, вмёрзла в пейзаж вековая берёза. На самой её вершине аисты свили гнездо. Глеб смотрел на это гнездо. Аистов не было. А он смотрел и ждал, когда же они прилетят.

Вернулся тесть с улицы, прошаркал на кухню. Через пару минут зашипела сковородка.

Глеб достал из рюкзака застиранный маскхалат, переделся.

— Иди ужинать, — позвал тесть.

На сковородке дымился жареный лещ. На столе — чёрный хлеб, нарезанный мужскими кусками, солёные огурцы, сало. Бутылка водки. Две пустые стопки. Тесть с сомнением поглядел на Глеба.

— Чего вырядился?

— Тебя не спросил.

— Ты не хами. С тобой по-русски разговаривают.

— А я что, по-китайски?

— Водку будешь?

Глеб жадно сглотнул.

— Буду.

— Тогда разливай.

Глеб сел на скрипучий стул, свинтил пробку одним резким движением, наполнил стопки до краёв.

— С возвращением, — произнёс тесть. — За то, что живой.

Чокнулись и выпили.

Водка провалилась в пустой желудок и обожгла. Глеб сморщился.

— Закусывай.

Мужчины набросились на еду. Тесть ел со значением, внушительно пережёвывал, аккуратно откладывал мелкие кости на край тарелки. Глеб жевал жадно и суетливо, наполняя желудок горячей рыбой, огурцами, салом — всем подряд.

Налили ещё по одной, выпили.

— Что делать будешь?

— Не знаю. Работу найду.

— У тебя взгляд пустой, тебе в себя прийти надо.

— Приду.

— Конечно, придёшь, куда ты денешься. Жену потерял, сына потерял...

— Заткнись, дядь Коль.

— А то что?

— Кадык вырву, — произнёс Глеб с расстановкой, без злобы, и от этого спокойствия стало страшно.

— Ты в зверя превратился.

Глеб ничего не ответил. Налил ещё по одной.

— За всех... — И, не дожидаясь тества, лихо опрокинул стопку.

— Не нажрись смотри. С пьяным не буду возиться.

Глеб снова промолчал. Только глаза осветились твёрдым, на крови закалённым светом.

Баня пахла жаром ста тысяч солнц, но этот жар не тревожил, а успокаивал. Только медный крестик мгновенно накалился и Глеб, матерясь, торопливо сорвал цепочку. Сел на полок, спрятал лицо в ладони, размазывая выступившие капли пота. Покраснел шрам на правом предплечье. Пуля прошла навывлет, рана стянулась быстро, но сейчас, в бане, плечо заныло тягучей болью, как будто в него гвоздь вогнали.

Тело было худым, скукоженным. Распаренная кожа вычерчивала красным изгибы рёбер. От жары и странных, сладких мыслей затвердела... плоть, и Глеб вскочил, заходил из стороны в сторону, смахивая со лба капли пота, растирая его по телу. Наконец, не выдержав, он подошёл к баку с холодной водой и нырнул в него головой. Взметнулся вверх, фыркнул. Потом набрал таз, окатил себя, шумно и часто задыхался. Успокоился. Сладкие мысли ушли. Вадим, молодой сапёр во взводе, говорил, что передёрнуть не грех, мол, сапёру полезно передёргивать, спокойней будет. Вадима накрыло "градом" под Дебальцевом. Собирали по кускам.

Глеб залил кипятком свежий дубовый веник, ещё раз окатил себя водой и вышел в предбанник. Облако пара поднималось от красного тела к потолку. Глеб достал сигареты и закурил, приоткрыв дверь. Свежий вечерний воздух погладил спину.

Потом он парился до изнеможения, с силой хлестал себя веником, оставляя на теле вздувшиеся багряные полосы. Выбивал из себя отчаяние, заполняя пустоты влажным дубовым духом. Это была молитва. За мёртвых и живых, за Нину, за сына, за то, что всё не зря, не зря...

Тесть приготовил ему чистую рубаху.

— Переоденься.

Глеб скинул маскхалат.

— Что это? — тесть указал на мелкие подсохшие нарывы на груди.

— Сигареты тушили.

Помолчали.

— Эх, парень ты, парень...

— До свадьбы заживёт. — Глеб попробовал усмехнуться.

— Долго ты был... у них?

— Пятьдесят два дня.

Тесть покачал головой.

— Дядь Коль... — в голосе Глеба прорезались просящие нотки. — Есть ещё выпить?

Тесть плонул и пошёл на кухню. Вышел с новой пол-литрой.

— Последняя.

Брезгливо бросил стопку на стол.

— Сопьёшься.

— Плевать.

Пил Глеб муторно и тяжело. Тёплая водка не лезла, и он с усилием проталкивал её внутрь, сглатывая сивушное послевкусие, заедавая свежим хрустя-

щим луком. Взгляд туманился, зарастал болотной ряской. Лопнули капилляры в глазах, белки покрылись красными трещинками.

Тесть сел в кресло, включил телевизор. На экране хорошие дядьки ловили плохих. Один долгий, затяжной сериал, имитирующий жизнь. Идёт уже много лет. Меняются актёры, режиссёры, сюжет, название, а сериал всё тот же: безвыходная дрянь.

— Интересно? — спросил Глеб.

— Нормально.

— Ну, раз нормально, смотри.

— Я и смотрю.

Водку Глеб не допил. Уронил голову на стол и засвистел слипшимся пьяным свистом. Тесть чертыхнулся, подошёл к столу и обхватил парня сзади. Поднял на ноги одним резким рывком.

— Давай, давай... Свинья...

Потащил в комнату. Глеб пьяно мычал и отмахивался.

Уложил на кровать, накрыл одеялом. Несколько минут смотрел на парня, как тот проваливается в долгожданный сон. Потом вышел на улицу позвонить.

— Алло... Нина... Знаю, что поздно. Глеб приехал... Спит... Просто звоню, чтобы знала... Передать что?.. Хорошо, как знаешь... Давай, пока.

Достал сигарету, зло чиркнул спичкой, с наслаждением затянулся.

Дома он выплеснул остатки водки в стакан, выпил тремя большими глотками. Закусил лепестками лука.

В кровати тесть долго ворочался, не мог заснуть. Полная луна прорезалась сквозь занавески, рассекая комод холодным серебряным лучом. С мудрым прищуром смотрел Ленин на этот мир. Тесть выходил покурить, возвращался, снова ложился в кровать. Сна не было. Как не было и покоя в душе.

Среди ночи Глеб заорал. Долгий звериный рёв забил до отказа пространство избы, требовал выхода и рвался в небо. Глеб орал пьяно и страшно, из другого мира, который схватил его за губу и не отпускал, выкручивал.

— Что ты? Что?..

Тесть подбежал, схватил парня за плечи, затряс его, думая разбудить, но Глеб не спал. Глаза его были распахнуты. Он смотрел на тестя, не узнавал его и продолжал орать, ввинчивая в уши грязную муть, боль и что-то ещё, абсолютное и нечеловеческое, засасывающее на дно.

— Да что же это...

Старик зажал ему рот ладонью, но тут же вскрикнул и отдёргнул прокушенную руку. Залепил кулаком по лицу.

Глеб не чувствовал боли, продолжал орать, останавливаясь только для короткого вдоха.

— Что ж ты, парень...

Глеб сжался на кровати, подобрал ноги, как сжимаются младенцы в животе у матери, сиюсь спрятаться от чего-то ужасного, наступающего. Но скрыться не удавалось, и он продолжал орать охрипшим горлом, не в силах вырваться из сонного морока.

И тогда тесть схватил яблоко с подоконника и закинул ему в рот. Полетели брызги в разные стороны. Кислый вкус детства попал на язык, и этот момент узнавания вернул равновесие в мир.

Глеб подавился и зарыдал, и тесть схватил его голову и прижал к груди, принимая старческой впадинкой надкушенное яблоко. А тот вцепился в старика своими худыми узловатыми руками и прижался к нему, как ребёнок, размазывая слёзы и сопли, в надежде, что его погладят и защитят.

— Ну, всё, всё, парень, всё...

Морок отступал. Тесть гладил Глеба по вихрастой голове, тот плакал ему в живот, скулил, как побитая собака, и во всём русском мире не было людей роднее.

МАРИЯ ЗНОБИЩЕВА

ПОКАЖИ МНЕ, ГДЕ ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ...

ДВА КЛАДБИЩА

Каждый день я иду мимо кладбища.
Там звенят соловьи переливами,
Там зевают озябшие ландыши,
Пахнет снегом и мокрой крапивою.
Не гони меня, Чистый, нечистую,
Тех камней могу не касаться я.
Белым светом исходит неистово,
Осыпаясь под ветром, акация.
Все печали оплаканы, розданы
Все долги, и отбыты повинности.
И такая в пронзительном воздухе
Жизнь клубится, что страшно не вынести.

Я с другого пришла сюда кладбища —
Мира офисов, ставших могилами.

ЗНОБИЩЕВА Мария Игоревна родилась в Тамбове в 1987 году. Окончила Институт филологии Тамбовского университета. Публиковалась в журналах “Наш современник”, “Вопросы литературы”, в “Литературной газете” и других изданиях. Участник Форумов молодых писателей России (2005, 2008, 2012 и 2015 гг.). Лауреат Всероссийской литературной премии имени М. Ю. Лермонтова, премии имени Ю. П. Кузнецова, дипломант Международного Волошинского фестиваля. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России. Руководитель Центра творческого развития детей и подростков “Мир слова” при Центральной детской библиотеке г. Тамбова. Автор нескольких поэтических сборников.

Из вселенной, где пальцы по клавишам
Пляшут так, словно плачут над милыми.
Где изящно подвязаны галстучки,
Безупречные, как репутации,
Где и любят, и губят для галочки,
Для портфолио и презентации.
Для отчёта на маленьком брифинге,
Где секундна длина выступления,
Где со взглядом скучающей пифии
Смерть ведёт протоколы Правления.

Там с душой не позволено нянчиться:
Тихо дома сиди, малолетняя.
Покажи мне, где Жизнь начинается —
Букву первую, букву последнюю...

ЧЕЛОВЕК

Листья падают, дождь ли, снег —
После странствий своих недалних
На земле лежит человек,
Тих, как шёпот в исповедальне.

И покуда его душа,
Рея рядышком, воздух морщит,
Мухи ползают не спеша
По спине и штанам намокшим.

Неприкаян и невесом,
Он ладонь подложил под щёку
И таинственный смотрит сон
Так, как дети глядят сквозь щёлку.

Словно в бурю хочет поймать
Письма моря из всех бутылок.
А ведь тоже когда-то мать
Целовала его в затылок,

Ненаглядным звала сверчком,
Шила крошечные одёжки;
Пахли мёдом и молоком
Щёчки, пяточки, лоб, ладошки.

Листья, ливни ли, смех ли, снег...
Милый, дорог ли ты кому-то?
Это падает человек
Каждый день и в любую минуту.

* * *

И те, кто говорил, мол, голод и чума,
И те, кто под водой увидел терема,
И возгласившие, что мир сошёл с ума, —
Все были правы и неправы.
Мир не сходил с ума, не изменял пути.
Одни рождали ложь: спасаться и пасти,
Другие, семена надежд держа в горсти,
Ложились в травы.

Сменялся князем князь, а после — царь царём,
Был посрамлён пророк в отечестве своём,
Не раз гремел над мужиками гром,
Но летопись не знала строк неровных.
Как навсегда завязанный сюжет,
Схлестнулись Челубей и Пересвет,
И, раненный в живот, ушёл поэт,
Против виновных.

И те, кто говорит, кто скажет после нас,
Мол, тот ли, этот царь от гибели упас,
Щитом отвёл стрелу, и минул грозный час —
За то ему и слава, —
Те тоже вдруг поймут, что этот час грядёт,
Что вот уже он здесь, у внутренних ворот,
Но тихо, тихо как... Безмолвствует народ,
И немые травы.

АВГУСТ

Деревья держат звёзды крепко-крепко —
Им не с руки бросаться серебром.
Луна созрела. Вытянули репку,
Четыре дня тянули всем двором.

Цветёт цикорий — сердце в синей раме,
Бесстрашным корнем в холод уходя,
И пахнет август астрами, кострами —
Сухим дыханьем ветра и дождя.

* * *

Сквозь лепет веток, спрятавшись за сплетнями
(Здесь лист, как жест, отчётлив и шагренев),
Как девочка одиннадцатилетняя,
Акация завидует сирени:

Как вдохновенно всё её обличье!
Счастливая, повенчанная с ветром...
Как от избытка стати и величия
Она лучится испулённым светом!

“Так славит Бога всякое дыхание”, —
Цветы сирени вдруг заговорили.
Так слиты в голубом благоухании
Улыбка Евы и печаль Марии...

Акация стоит — глядишь, расплачется,
И пахнет сладко, до галлюцинаций,
Но в куцем золотисто-белом платице
Акации с сиренью не тягаться.

* * *

Я люблю такие души —
Как урочища лесные,
Коим кроны непокорны,
Коим комнаты тесны.

Там по-прежнему на стрежень
Выплывают расписные
Ни минуты не смешные
Остроносые челны.

Там для каждого найдётся
Угол тёплый и зелёный
С хвойной шепчущей опушкой
И подушкой моховой,

Словно бродишь среди сосен
С просветлённой, удивлённой,
Запрокинутой к верхушкам
Лёгкой-лёгкой головой.

Там поют и плещут листья
В соловьином иступленье,
Пихта мокрыми глазами
Прижимается к звезде,

И, хрустя листом брусничным,
Тонконогие олени
Пробираются неслышно
К замерзающей воде —

Той, которая качает
В тёмной глуби чьи-то лица,
Той, что ластится, струится
В голубых объятьях льда.

Там, омытые печалью,
Твой двойник, моя двойница,
Отражённые случайно,
Остаются навсегда.

* * *

Кошки умеют ходить, лучась,
По тишине нагой,
Зная, когда закончится час
И начнётся другой.

В детстве и я любила стеречь
Свой заповедный клад:
Старых часов ворчливую речь,
Стрелку и циферблат.

И — как на солнце — часам в лицо
Страшно было смотреть.
“Кутаясь в зябкое пальтецо”,
Это глядела смерть.

Может, за окнами падал снег,
Снежная бездна — вся,
Может, кончался двадцатый век,
Проводов не прося.

Сердцу, стоявшему на посту,
Просто б шепнуть: “Не верь!”
Только казалось, что каждый стук —
Именно в нашу дверь.

ЮРИЙ ЛУНИН

КЛЕТКА

РАССКАЗ

1

Накануне отпуска происходит такой разговор.

— Может, конечно, это просто оттого, что я устала за год, — говорит жена, — но знаешь, мне так надоели эти бесцветные занавески, эти наши серые дурацкие обои. Так это всё угнетает. Хочется вырваться из этого, хоть на неделю. Я очень устала.

Меня раздражает её жалоба. Как будто ищет она моего сочувствия, а на самом деле жалуется мне на меня же самого.

И я вкратце напоминаю ей, как однажды, когда в квартире были ещё голые стены, она несколько дней подряд говорила о таких прекрасных “попугайстых” занавесках. Говорила о них, как о каком-то спасении, и я разорился и купил их на последние деньги.

Что осталось после покупки занавесок, я пропил. Я посчитал, что с занавесками я имею на это если не полное право, то хоть какую-то часть права. Я пришёл домой, и пока её внимание не сосредоточилось на том, что я пьян, молча принялся вешать гардины. Никакой радости жена не показала, словно это не она так мечтала об этих тряпках. Моя работа проходила в гнетущей тишине. А крючки всё время вылетали из рук и сыпались на пол, я матюгался себе под нос, ребёнок ползал по полу, собирал крючки и совал

ЛУНИН Юрий Игоревич родился в 1984 году в г. Партизанске (Приморский край). Первая публикация состоялась в 2007 году в сборнике “Facultet: новая литература нового поколения”. Лауреат литературного конкурса “Facultet” (2009, 2010). Лауреат российско-итальянской литературной премии для молодых авторов “Радуга” (2012). В 2014 году вошел в лонг-лист премии “Дебют” в номинации “малая проза”. Живет в подмосковной деревне Следово.

себе в рот, а я прикрикивал на него, потому что и так ничего не получалось, да ещё и добавлялось беспокойство, что Миша подавится крючком. Когда первая занавеска была почти на весу, жена сказала:

— Ну, а на что мы теперь, интересно, будем жить?

Имелись в виду, конечно, не те деньги, что я потратил на занавески, а те пятьсот рублей, что я пропил. И всё-таки я показываю на занавески:

— Ты же хотела такие?

Моей жене недолго вспылить:

— Да нужны мне эти занавески, и вообще вся эта красота в доме, если отец моего ребёнка пьёт!

Она вспоминает, что я пил вчера, пил позавчера и четыре дня назад тоже пил. И неделю назад, и девять дней назад, и тогда, и с тем, и с другим. И действительно, выходит, что я сильно выпиваю. Она права. Но я уже зол. Если считать по деньгам, то я положил десять дней своего постылого труда на эти висячие тряпки. В коротком приступе бешенства я хладнокровно сдираю только что повешенную занавеску, а потом беру и остальные, ещё не распакованные пачки и иду с ними на помойку. Прихожу я оттуда домой с радостной победой зла в своём сердце и мгновенно засыпаю. Утром, проходя мимо помойки, я уже не вижу “попугайстых” занавесок, а ведь я не побрезговал бы достать их из мусора, если б увидел. Ничего, я усмехаюсь и смачно плюю в сторону ржавых урн.

Через три дня мы миримся, деваться некуда. А получив жалкий аванс, я сразу иду в занавесочный магазин. Гляжу на товар. Опять тратить кучу денег на те же самые занавески? Нет, решаю я. Надо создавать что-то новое и двигаться вперёд, а не растрачиваться на исправление старых ошибок. Не пошли первые занавески — так тому и быть. И я воображаю, как станция под названием “хорошие занавески” пронеслась мимо нашего семейного поезда навсегда. Я беру какую-то бесцветную кружевную дешёвку, из тех, что бывают в домах у стариков, и в тот же вечер легко обвешиваю все окна квартиры, потому что я трезвый. Мы с женой не в ссоре, и благодаря этому даже хвалим занавески. Но глядеть на них каждый раз обидно, даже больно.

То же и с обоями, дорогими, сделанными под холстину с элементами бамбука. Я прихожу с работы и начинаю их клеить. Я от природы ленивый, да ещё и устал, да ещё и на работе научился у мужиков ругаться матом. Поэтому я то и дело матерюсь. Я бью кулаком по пузырям воздуха, которые скопились под обоями в верхнем углу комнаты, и с каждым ударом повторяю слово на букву “б”, всё громче от боли. Через час такой моей работы жена не выдерживает и кричит с кухни:

— Да может, хватит уже материться?! Тебя в последнее время не узнавать! Как зэк какой-то! Ты посмотри: рядом с тобой ребёнок ходит! Что он от тебя слышит?!

Я вижу, что Миша и впрямь смотрит на меня. Но правота жены злит меня ещё больше, я ведь ещё и немного пьян. Я иду на кухню, говорю: “А знаешь, что?” — и посылаю её матом, и ещё добавляю: “Сейчас сама всё пойдёшь клеить”.

В конце концов, я этих слов нахватался на работе, на которую хожу, чтобы прокормить её и ребёнка, и которую ненавижу. Клеить обои я тоже ненавижу, но как могу, так и клею. Больно мне самому нравится такая жизнь. Могла бы и промолчать.

Она даёт мне пощёчину, идёт в комнату и торжественно сдирает все куски, что я успел наклеить, а потом ложится на пол и бьётся в истерике. “Ненавижу тебя! Ненавижу! Не нужны мне твои обои! И ты мне не нужен!”

Я, в свою очередь, собираю все оставшиеся рулоны, молча отношу их на помойку, возвращаюсь домой и спокойно засыпаю. Дня через три к стене кое-как прилипают новые обои, серенькие, дешёвые, которые в условиях мира кажутся не такими уж плохими.

— Ну, и зачем ты мне обо всём этом напоминаешь? — спрашивает теперь жена.

На самом деле, я понимаю зачем. Я давно хочу сказать ей, что мы вот уже пять лет подряд сами выбрасываем всё хорошее, что напрашивается в

нашу жизнь, и оставшиеся пустоты тут же заполняются чем-то второсортным, серым, что уже невозможно выгнать из жизни. Потому-то нам и плохо вдвоём. Мы ведь хотели счастья.

Но я этого не говорю. Страшно это вот так сказать.

Тем не менее, ссора происходит, и довольно крупная. Я всё делаю не так, она всё делает не так.

Я вдруг понимаю, что мне, — может быть, впервые, — не важно, кто прав, кто виноват. Я просто устал от всего этого, и я говорю жене, что поеду отдыхать один, потому что вдвоём у нас ничего не выходит.

— Ну, и езжай, куда хочешь. Так и знала, что опять никуда не поедем, — говорит жена и тихо плачет.

Действительно, за эти пять лет мы никуда не ездили. Каждый год собирались, строили планы, даже составляли список, что с собой брать: консервы, спальные, удочки; смеялись, придумывая, чем будем заниматься, и ни разу никуда не выехали. В самый последний момент все надежды почему-то улетали в помойку. В результате пару раз за лето ходили в наш пыльный лес за сыроежками да купались на искусственном городском водоёме, который в народе носит презрительное название “прудка”. Серенькие обои вместо прекрасной холстины с бамбуком. Мы не жалуемся. Когда мы не в ссоре, мы довольны и этим.

Короче, я оставляю ей денег и еду на вокзал, чтобы отправиться куда-нибудь на море. Из всех южных билетов, свободных на сегодняшний вечер, удаётся достать только на Таганрог, я машу на всё рукой и еду в Таганрог, на мелкое Азовское море.

2

Я сажусь на своё место в поезде и думаю о жене. Мне жалко жену. Мне жалко себя. Ничего не склеивается. И вот я впервые еду получать собственное удовольствие в стороне от семьи.

Поезд трогается. Ещё не пуская в ход свои механизмы, он пошевеливается тяжёлым телом и молча проходит с десятков метров. Люди словно просыпаются, они перестают чего-то бояться и уже чувствуют себя уютней, задумчиво смотрят, как Москва начинает уплывать от них. Вообще, это всё очень приятно, я люблю поезда, но сейчас я не получаю радости, потому что думаю о семье. Я отправляюсь в грешное путешествие, я предал семью. Впрочем, я очень устал. Это даёт мне хоть какую-то часть права.

Мне досталась нижняя полка в плацкарте. Но верхняя досталась какой-то старой женщине, и, чтобы ей не страдать, я предлагаю поменяться местами. “Ой, ну вот и хорошо, спасибо”, — вздыхает она так, как будто путь уже закончен. А он только начинается, и мы с ней сидим вдвоём на нижней полке, упершись руками в бордовый дермати́н. Я у окна, а она рядышком, седая, интеллигентная женщина с правильной русской речью. У неё две огромных клетчатых сумки, набитых чем-то. Чем? Что такое она может везти в Таганрог или в его сторону? Мне неохота об этом спрашивать. Зачем? Я просто забросил эти сумки в багажное отделение.

Я оглядываю других соседей. Это мальчик лет четырнадцати в дешёвой майке и спортивных штанах, который с самого начала лёг на свою верхнюю полку и всё жмёт на кнопки мобильного телефона. Кажется, это от него исходит такой запах, молодёжный. Не мудрено: в вагоне духота. И ещё замкнутый дедушка (может, замкнутый до поры до времени). Я видел, как его провожала дочь. Дедушка едет грустно. Почему грустно? Может, он давно не был в тех краях, куда едет, и теперь тревога ожидания растянется для него на весь путь. А может, он не слишком хочет туда ехать, а просто молодёжь отсылает его подальше от себя, чтоб не мешал их жизни. Наверное, рано или поздно он не выдержит и сам расскажет о себе. А укомплектован дедушка очень качественно: самый дорогой сок (в стеклянной бутылке, сто-процентный), богатейший запас душистой еды в прекрасных пластиковых контейнерах (уверен, специально купленных дочерью в дорогу), новенькая

спортивная сумка. Что это? Искренняя забота дочери? Или её последний долг, последнее благодеяние перед тем, как навсегда отделаться от старика?

Я понимаю, что каждый плацкарт в этом поезде просто нашпигован такими загадками. Пытаться их разгадать — всё равно что пытаться побывать во всех уголках земли. Или ещё что-то в этом духе. Поэтому я не волнуюсь. Не гонюсь за невозможным. Не хватает мне, что ли, собственной жизни? Я просто еду в Таганрог.

Может быть, женщина хотела бы лечь, поэтому я отправляюсь на свою верхнюю полку. Действительно, она вскоре ложится.

Я сразу отказываюсь наблюдать за дорогой, я лежу и какое-то время просто отщёлкиваю и прищёлкиваю к стенке сетку для полотенца. На одной высоте со мной лежит этот мальчик с мобильным телефоном. Мне почему-то кажется (может, потому, что от него такой запах), что он переписывается с какой-то взрослой женщиной, с которой у него что-то было в Москве. Впрочем, иногда он включает незамысловатую музыку на своём телефоне и слушает её, уставившись в экран. Видимо, ему просто неинтересен путь, и телефон помогает скоротать время.

Если б сейчас со мной были жена и Миша, я бы, скорее всего, не думал обо всём этом. Я всё бы себя по-другому. Не знаю, как именно, мы ведь никуда не ездили вместе. Но мне чем-то нравится, что их со мной нет, что я один, хоть мне и не очень хорошо. И я не знаю, что было бы лучше: с ними или без.

На душе всё-таки тяжело. Мне лень думать о чём-либо. Но и заснуть так сразу я не могу. Что же мне остаётся делать? Никакого третьего варианта я не вижу. На секунду мне становится тошно от себя самого, будто я в клетке. Не могу спать, не могу думать. А что же тогда делать? Взорваться?

Кстати о клетках. У нас дома живёт канарейка. Я не особенно сентиментален, но эта птичка трогает меня — своим голоском, своей хрупкостью. Я назвал её Чивиком. Сначала мы держали Чивика в клетке, но потом прочитали в книжке, что этих птиц иногда выпускать для полёта по квартире, не то они заплывут жиром, и жир помешает им петь. Мы обрадовались и стали выпускать Чивика из клетки, хотя что нам, казалось бы, мешало делать это и без книжки, из простой жалости к убогому существованию птички? Чивик повёл себя, на первый взгляд, странно. Конечно, он пользуется свободой, но очень скромно. Я бы сказал, не творчески. Он выпархивает из клетки, описывает в воздухе ничтожный кружок и снова возвращается в свой домик. Видимо, то, что сначала было для него тюрьмой, теперь стало казаться надёжным убежищем, местом безопасности. Мне жалко нашу птичку, хоть она и не страдает. Собственно, поэтому и жалко. Я ведь мог бы, да и готов, сделать всё для того, чтобы Чивик стал настоящей вольной птицей. Но сам он уже на это не способен.

Прносят пиво, я прыгиваю со своей полки и иду за человеком.

— А покрепче что-нибудь есть?

— Вагон-ресторан только.

Хорошо, схожу в ресторан. Туда идти с десяток вагонов. Чем-нибудь за полно время, как мальчик своим телефоном.

Поезд начинает уже ритмично качаться боками, это приятно. Между вагонов пахнет какой-то нечистой свежестью. Как будто всю жизнь любил этот запах. Кто-то широкоплечий в тельняшке медленно спускается на сильных руках с боковой верхней полки. Кто-то на украинском ругает плачущего ребёнка. Все едут в сторону Таганрога.

Вагон-ресторан. Я заказываю 200 г коньяка и яичницу с колбасой. Я сижу за столиком один. У противоположного окна сидит девушка, перед ней бутылка мартини, выпитая на треть. У неё волосы цвета льна, хоть я и не представляю, как выглядит лён, нахватался где-то таких выражений. Я думаю, лён — это что-то очень светлое, белёсое, созданное для того, чтобы его ласкало солнце. И вечернее солнце, действительно, украшает голову этой девушки. Дорожный ветерок из приоткрытого окна развевает отдельные волосы, и они у неё прямо светятся, как маленький золотой нимб. Я отворачиваюсь к своему окну, потому что снова начинаю гадать: а что у этой девушки на

душе? А почему это она пьёт в одиночестве? Мне ведь совсем не нужно это знать.

Тут мне как раз подносят коньяк в каплевидной колбочке, яичница будет чуть позже. К коньяку дают рюмку, но она мне кажется больно маленькой, и я отхлёбываю грамм семьдесят сразу из колбочки. Вижу, что девушка этому улыбается. Впрочем, сразу прячет улыбку, и мне это нравится в ней. И вот выходит, что нас уже что-то объединяет. И коньяк окутал мой живот своим теплом. Я опять отворачиваюсь к окну, а потом резко встаю и ухожу. Слишком я задумался об этой девушке. Это не годится. В тамбуре вспоминаю, что забыл расплатиться. Возвращаюсь, но тогда уже снова сажусь на место. Наверное, девушка как-то по-своему это поняла. Я не хочу на неё смотреть, но я уже от неё завишу и живу перед её глазами. И даже если пообещаю себе, что ни разу не взгляну на неё, всё равно буду думать о ней. Я снова не знаю, что мне делать. Не хочу на неё глядеть, но не могу не думать. Должен быть какой-то третий вариант, но я не вижу его. Тогда я забираю свою колбочку, иду к её столику и сажусь напротив девушки. Ничего ей не говорю. Хотелось бы что-то сказать, но я не знаю, какие слова были бы правильными. По крайней мере, она не ушла и не попросила меня уйти.

Мне принесли яичницу. Я смотрю на девушку, но не в упор, чтобы не смущать её. Грудь у неё не упругая и твёрдая, а мягкая, немного вздрагивающая от движений поезда. Широкие тёмные брови. Вот-вот она может допить очередной стакан и уйти. Но она отвечает мне взглядом и говорит такую бессмысленную фразу:

— Москва—Таганрог...

Я улыбаюсь, как дурак, и смотрю в потолок, как будто она украла у меня единственное, что можно было сказать. Теперь я должен что-то ответить, но каждое моё слово будет ложью... Но я должен что-то ответить! И я говорю:

— Волосы красивые. Цвета льна.

— Да, — она улыбается и понимающе качает головой. Я тоже сказал единственное, что можно было сказать.

Я понимаю, что именно это и называют “влюбился с первого взгляда”. И не потому, что передо мной какая-то уникальная девушка, девушка, предначертанная судьбой. Нет никакой судьбы. Тысячи таких девушек, тысячи воротник её белой рубашки, под которой вздрагивает её мягкая грудь. В этот момент я понимаю: теперь надо забыть о семье. Словно кто-то меня этому учил, или сам я втайне от себя к этому готовился. Я замечаю своё кольцо и вспоминаю о нём; девушка, конечно, тоже его давно заметила. Я прикладываю её руку к своему лбу, к щеке, к губам, к другой щеке. Это другая рука, не та, что у моей жены, и я с этим свыкаюсь, приноравливаюсь к новой руке. Пальцы, ногти, тоненькое запястье — я гляжу на них, целую, и в глазах моих появляются слёзы. Может, это коньяк. Меня сейчас разорвёт. Может быть, вырвет. В общем, что-то должно случиться.

Я беру её мартини, доверху наполняю им свою колбу с остатками коньяка и присасываюсь к колбе. Выпиваю почти половину и вдыхаю носом. В вагоне можно курить, я закуриваю. Мне вдруг кажется, что мы ещё не сказали друг другу ни единого слова, но я вспоминаю, что уже влюбился в эту девушку. И внутри у меня вырастает какое-то подобие верности. Я быстро пьянею и хочу, чтобы она тоже напилась. Она берёт мою колбу, выпивает, сколько может, поневоле морщится. Тогда мы целуемся в губы, и я вижу божовым зрением, что какой-то мужик, забыв о своём эскалопе, смотрит на нас. Наверняка он злится. Завидует, и поэтому злится. Ну, и ладно. Полезет драться — подерусь я с этим мужиком. Главное, что я уже купаюсь в её губах, и мужик понял, что я готов постоять за свой поцелуй. И я ни о чём больше не думаю. Разве что о муках ада. О них я не могу не думать. У меня был верующий отец, он частенько водил меня в церковь, когда я был маленьким. И сейчас у меня в голове две вещи: этот поцелуй — и муки ада.

Надо напиться. Я снова пью из колбы. Она пьёт из колбы. Берёт у меня из пальцев дотлевающую сигарету и неумело курит. Нет, думаю я, она не грешит против моей жены и против моего ребёнка. Наоборот, это она прощает

мне, что я отец и муж. Пей, пей ещё. И она, смеясь, пьёт, а выпив, улыбается и утирает слёзы. Вокруг головы у неё этот золотой солнечный нимб.

— Я тебя люблю, — говорю я ей, чтобы больше не колебаться ни в чём.

— Я тебя люблю, — говорит она.

Я чувствую неожиданность этих слов и их ужас. До этого мы сидели друг напротив друга, теперь она подсаживается ко мне. Она стройная, в коротких бежевых шортах. Я кладу руку ей на плечо, не как возлюбленной, а как сестре или старой подруге.

Через полчаса мы выходим из ресторана. В вагонах нигде обрести себе место, у обоих верхние полки. В тамбурах скучно, нигде сесть. Всё же мы около часа стоим в тамбуре и глядим в окно, провожаем солнце. Я совсем её не знаю, и не знаю, что я теперь должен делать. Мы расстаёмся. Наверное, до Таганрога.

— Увидимся, — говорю я.

— Да, — отвечает она преданно.

Откуда только эта преданность?

Я дохожу до своего вагона и залезаю на полку. Мальчик уже спит, держа на груди телефон. Дедушка тоже спит. Я так и не услышал от него никакой истории. Наверное, история досталась интеллигентной женщине. Да и женщина, вероятно, объяснила деду, что у неё в сумках и зачем. Если, конечно, дед позволил ей не только слушать, но и говорить самой.

Я лежу и чувствую, как ко мне подбираются муки ада. Чтобы забыть о них, мне надо прижаться к ней, к той, что несётся в этом поезде в шести вагонах от меня. Я ложусь на живот и гляжу на пролетающие мимо деревни. В домиках горят огни. Там, внутри, живут люди, которых я никогда не узнаю и не увижу. Мысль самая банальная, почти на грани пошлости. Но мне чудится, что в одном из домиков остались моя жена и мой Миша. Я только что пронёсся мимо этого домика и навсегда удаляюсь от него. И стук колёс забивает мою память о них. Я вспоминаю наши убогие обои и занавески, свадьбу, через шесть месяцев после которой родился Миша. Мы улыбались на свадьбе, мы надеялись на хорошее, на лучшее.

Я лежу больше часа, не двигаясь и не понимая, что мне ещё придётся предпринять. Наконец, медленно погружаюсь в сон.

3

Просыпаюсь я светлым утром под стук колёс. Поезд всю ночь трудился, чтоб картина за окном к утру сильно изменилась. И теперь я вижу необычные пирамидальные деревья. Они стоят правильным рядком, почти на одинаковом расстоянии друг от друга, а за ними медленно движется поле. Зелень выбелена солнцем и кажется не очень сочной. Потом проезжаем лес. Чего-то в нём недостаёт. Да, ёлки и сосны совсем исчезли.

Женщина внизу стучит ложкой, размешивая сахар в чае. Мальчик с верхней полки прислоняет свой телефон к окну и, не глядя, несколько раз фотографирует вид. Неужели так и пролежит всю дорогу на полке, неужели ему не хочется хотя бы пройтись вдоль плацкартов?

— Что, небось, размыто получилось? — спрашивает дедушка. — Поезд-то вон как бежит.

— Та разрешение фиговое, пикселей мало, — быстро говорит мальчик с малороссийским выговором и просматривает сделанную только что фотографию.

— Это я, когда был на Сахалине, — обращается дедушка к женщине, — у нас один коллекционировал фотоаппараты. Каких у него только не было! И эта машина, где под тряпкой нужно прятаться, у него была. Огромная, на треноге. И всё, главное, работало! И он каждый аппарат мог разобрать и снова собрать.

— Да, увлечённый человек — это хорошо, — говорит женщина. — Такому и жить интереснее.

— А ему больше ничего и не надо было. Сидит со своими фотоаппаратами, копается в них. Мы его зовём: Андрюш, давай, пойдём с нами на ручей —

выходной, получка, порыбачим, посидим. Нет. Он уже отправил письмо на материк, и ему потом оттуда какая-нибудь новая модель приходит. Говорим: давай хоть сфотографируй нас. Столько фотоаппаратов, хоть весь Сахалин общёлкай. А он, — тут дедушка усмехнулся, — глядит на нас, как на дураков. Я, говорит, их не для того собираю. А для чего? Просто, говорит. Нравится мне. Люблю общаться с техникой...

Я теряю нить разговора, который мне не интересен, думаю о вчерашнем. Потом думаю о море. Говорят, что Азовское море не совсем и море. Что глубина там в среднем три с половиной метра или что-то около того. Наверное, публика, которая едет куда-нибудь в Крым или в Сочи, на черноморское побережье, совсем другая. Те люди моложе, веселее, их жесты шире, свободнее. Настолько же свободнее, насколько Чёрное море больше Азовского. Но со мной произошло такое именно в таганрогском поезде.

Я снова думаю о ней. Не связалась ли она уже с другим мужчиной? Вдруг для неё это обычное дело, и преданность в её глазах была дежурным театральным приёмом?

И я иду к ней.

Она стоит спиной к туалету и смотрит в окно, положив локти на оконную перекладину. На ней белая майка с оранжевым узором в виде улиток. Под майкой, вижу, нет лифчика. Солнце создаёт из её волос такой же нимб, как вчера. Я провожу ладонью по её голой руке. Она оборачивается и говорит:

— Я боялась, мы больше не увидимся. Думала, ты не захочешь.

Мы не обнимаемся. Я просто становлюсь рядом, и мы вместе смотрим в окно. Стоим, как порядочная пара, муж и жена. Я глажу её волосы, шею без особенной ласки, скорее из чувства долга, и ухожу к себе.

4

Около девяти вечера я в Таганроге. Интеллигентную женщину встречают сестра и муж сестры, помогают с её клетчатыми сумками. Дедушку встречает какой-то молодой человек. Он спрашивает:

— Анатолий Петрович?

— Да, — говорит дедушка, и молодой человек берёт его спортивную сумку. Они идут вместе, видимо, в сторону ожидающей их машины. Я так ничего и не понял. А мальчик идёт в город один.

Я стою у вагона и в пустом коридоре, который образовался между поездом и отчаливающей от него толпой, вижу девушку. Она стоит и смотрит в мою сторону, а рядом на перроне лежит её сумка. Я иду к ней, уже не по вагонам, а по земле. Она скрестила руки на груди и несмело, пытаюсь удерживать достоинство, смотрит на меня. Видимо, она очень волновалась после нашего последнего свидания: не посчитал ли я её шлюхой? Мне жалко её.

— Сначала к морю? — спрашиваю я.

— Да, — кивает она точно так же, как вчера, когда я говорил про лён, и смотрит на меня с восхищением.

Я беру её сумку, мы покидаем перрон, находим такси и садимся вдвоём на заднее сиденье. Она описывает водителю какую-то лестницу, и он везёт нас к этой лестнице. Всю дорогу я глажу рукой её живот и смотрю на её профиль. Живот приподнимается и опускается, девушка не отстраняет мою руку, она словно не замечает её, а с радостным ожиданием смотрит в лобовое окно, на старенькие уютные улицы, богато украшенные зеленью.

Мы выходим из машины и оказываемся на вершине высокой лестницы. Сквозь листья каштанов видно, как море вдали поднимается вверх и сливается с небом. Я увидел его так просто и неожиданно, что у меня не появляется никаких мыслей по поводу него. Воздух влажный, тёплый, сладко пахнущий. И голоса людей разносятся в нём по-особенному, тихо, отдохновенно. Я пробую вдохнуть этот воздух и насладиться им, как человек, получивший возможность отвлечься от всех своих проблем. Но получается это наигранно: в душе ничего такого нет.

Она рассказывает мне об этой лестнице. У богатого греческого купца была хромя дочь. Чтобы она могла спускаться к морю, он и велел соорудить

такую лестницу. Я воображаю черноволосую страдающую девочку, которая в роскошном белом платье ковзляет по этим ступеням.

Значит, она не впервые здесь, если знает про лестницу. Может, имеются знакомые в городе. Или родственники.

— Я была здесь несколько раз, — говорит она, как будто поняла мои мысли. — Обожаю этот город.

Может, у неё здесь уже была любовь.

— А у меня просто с билетом так получилось, — говорю я. — Мне всё равно было, куда ехать.

Внизу — ряд уличных ресторанов и кафе, пахнет жареным мясом и немного морем, когда подует ветер. До моря ещё, наверное, около сотни шагов. Хочется и мяса, и моря. Мне кажется, Миша бы с удовольствием съел сейчас кусочек мяса. Жена бы вцепилась мне в локоть от счастья, а я шёл бы спокойный и думал о них с Мишей и о том, что вот я стал зарабатывать деньги, которых даже хватает на хороший отдых.

Вот и оно — Азовское море. Кто-то, может, и называет его лужей, а всё-таки оно большое. Берегов, по крайней мере, я не вижу, — чего ещё требовать? Волны не бесятся и не обрушиваются на берег, а мягко шлёпают по песку и камням. Она снимает босоножки, заходит в воду и идёт по краю моря. Я иду позади по линии влажного песка, одна волна наполняет мои глубокие следы водой, а вторая уже слизывает их до конца. Рестораны с их музыкой и посетителями кажутся уже очень далёкими, не имеющими отношения к морю, и на берегу, кроме нас, никого, это не пляжное место. На небе нарисовалось несколько полупрозрачных звёзд, и её белая рубашка, завязанная уголками на животе, едва мерцает на сером полотне моря. Она не побоялась преступить законы, о которых ей твердило моё обручальное кольцо. В то же время она не выглядит опытной циничной разлучницей. Она кажется совершенно наивной. И это придаёт ей первобытности, и на какое-то мгновение она предстаёт в моих глазах чистым ребёнком природы, который идёт себе за неведомым зовом, не размышляя о добре и зле. А море — это её колыбель.

Словно послушная моим мыслям, она слегка подпрыгивает, а потом наклоняется, берёт в ладони воды и подбрасывает в воздух брызги моря. Эта короткая вспышка восторга довольно убога, она не находит во мне ответа. А девушка и не требует его. Она задумчиво идёт дальше.

Я тоже не требую от неё ничего. Да и чего требовать? Ярких воспоминаний? Всё равно их некому будет передать, никому от них не будет ни пользы, ни радости. Это всего лишь моя жизнь, которая пройдёт и канет куда-то. Требовать её тела? Мне не нужна и её душа: нам не быть вместе всю жизнь, не растить детей. Я даже не напишу ей, когда вернусь домой. В общем, я тоже от неё ничего не требую, ничего не хочу получить. Тогда зачем мы вместе?

Может, если б я понял, что буду счастлив с нею всю жизнь, то согласился бы бросить ради неё жену. Но это сказки. Нет женщины, с которой мне через пять лет совместной жизни будет лучше, чем сегодня с женой. Я это знаю точно. И дело не в жене, на её месте могла бы быть и другая. Дело в пяти годах.

Темнеет. Я кладу на песок свой рюкзак и её сумку, снимаю с себя всю одежду и захожу в море. Море, прохладное, встречает меня мягким сопротивлением волн. Девушка тоже раздевается и преданно идёт за мной. Я не оборачиваюсь. Мы отходим далеко от берега, но глубина только по грудь, иногда по шею. Мелкие рыбки тычутся носами в мои ноги. Она догоняет меня, и мы теперь идём рядом. Я обнимаю её, а сам смотрю на бликующую даль моря. Девушка обхватывает меня ногами, чтобы волны не могли нас разъединить. Я не чувствую радости и нежности, но моё тело откликается на прикосновение девушки, и мы соединяемся.

Потом я ложусь на море, раскидываю руки и смотрю вверх, на множество звёзд. Вода задумчиво молчит у меня в ушах, а тело колеблется на волнах. Я бы, наверное, согласился, чтоб ночь продолжалась вечно, а я бы плыл себе и всегда видел эти звёзды, больше ничего. Но под рукой обязательно

должен быть неисчерпаемый запас какого-нибудь наркотика. Когда я начну скучать, я приму этот наркотик, и однообразная жизнь звёзд снова займёт меня. Мне всегда будет интересно. И через пять лет, и через сто. Я плыл бы и плыл.

Но в мире почему-то такого не бывает. Мне без малого три десятка лет, а я чувствую себя исходившим все земные дороги: будто я исходил их и увидел, что все они одинаковы. Ни одна не удивила меня.

Мы выходим из моря. Я снова иду позади девушки и смотрю на неё, обнажённую. Думаю о том, что эти бёдра, ягодицы, плечи, талия обречены одрябнуть, состариться и умереть. Но вот они бодро вздрагивают, принимая своё короткое счастье. Они надеются, что, отдавшись мне, могут перевернуть мою жизнь, привязать, сделать счастливым, другим. Какое маленькое и убогое богатство. Они ничего не могут. Только утолить на время чью-то жажду.

Она присаживается на корточки и, собирая свою одежду, иногда взглядывает на меня. Когда встречает мой взгляд, стыдливо улыбается и убирает мокрую прядь со лба.

Мы продолжаем идти по берегу. Темно, я уже не вижу её белой рубашки. Наконец, почти все городские огни и звуки остаются вдали, мы обнаруживаем на берегу несколько лодок. Надо переночевать в одной из них, что мы и делаем. Я чувствую большую усталость, поэтому засыпаю быстро, без всяких мыслей. Она лежит рядом, не ложиться же в разные лодки?

5

Нас будит солнце, и мы начинаем новый день.

Найти жильё оказывается нетрудно. Мы теперь временные хозяева небольшого дома на улице, по которой не ездят машины, а ходят одни трамваи. Море в пятнадцать минут ходьбы. Я сразу расплачиваюсь с хозяином за десять дней вперёд.

Дом двухэтажный, с тенистым садиком из груш и абрикосов. Плоды чуть не каждую минуту падают на тёмную прохладную землю. Между деревьям натянута гамак, по стене дома ползёт виноградная лоза. Она оплетает каркас беседки и даёт тень и прохладу. Всё, кроме помидоров и огурцов на грядке, разрешено есть. В доме имеется телевизор, но я не представляю, как это будет выглядеть, если мы усядемся его смотреть вместе с нею.

Теперь я могу с уверенностью причислить себя к полчищу презираемых мной мужиков, которые заводят романы “на югах”. Конечно, мне кажется, что моя девушка — не какая-нибудь дешёвка, не любовница в гадком смысле слова. Но, может, и все эти мужики так же думали о своих блудницах?..

Вручив мне ключи и уходя, хозяин подмигивает мне и показывает большой палец. Он имеет в виду: “Неплохую ты себе нашёл штучку. Желаю тебе хорошо порезвиться”. Наверняка догадывается, что мы не муж и жена.

Мерзко. Человечество во все времена так жизнерадостно облизывалось перед темой измены, смеялось над рогатыми мужьями, над обманутыми жёнами, да и над муками ада. Рассказы и сказки, анекдоты и тосты — всё говорит о том, что, изменяя, люди не чувствовали себя виноватыми. Они считали, что сам Господь Бог на их стороне, что жизнь, прекрасная и удивительная, продолжается. А те, кто не изменяет, — те тоже, как жалкие карлики, обделённые природой, смеются над этими анекдотами и ехидно краснеют. И, таким образом, вся земля весело крутится во зле. И я, выходя, часть этого зла.

Мы лежим в гамаке, ходим по садику, пробуем груши и виноград. Груши пресноватые, вязкие, виноград незрелый. Я покупаю на соседней улице семилитровую канистру красного сухого вина и пью его весь день вместо воды, утоляя жажду.

За всё это время мы сказали друг другу очень мало слов. Нас это не расстраивает. Спасибо ей, что не требует от меня постоянно тратить деньги, ехать ещё на какое-нибудь море. Денег мне не жалко. Просто спасибо ей, что она не такая. Уверен, что она согласилась бы жить со мной прямо на улице и каждый день засыпать в лодке, как в первую ночь. Странная девушка. Я спрашиваю её, когда мы спускаемся к морю:

— Чем я тебе так понравился?

— Понравился? Мы вообще-то сказали, что любим друг друга.

Я не спорю. Мы действительно это сказали. Наверное, все женщины придают словам очень большое значение. Я беру её за руку, и она начинает с улыбкой вглядываться в пирамидальные деревья. Кажется, у неё плохое зрение. На ней майка с оранжевым узором в виде улиток.

Я почти не хочу на море. Кажется, вчерашнего купания мне уже хватило. Но когда вижу море, уже не прочь искупаться.

— Покатай меня, как дельфин, — просит она во время купания, и я катаю. Волны затрудняют моё дыхание, то и дело ударяя в лицо, да ещё и она лежит сверху, и я фыркаю, а её это смешит.

Я понимаю, что так и пройдут эти дни. Вино, занятия любовью, купание, занятия любовью, вино, купание. Что нам ещё может предложить это место, да и любое другое; что могут предложить наши руки, ноги, наши головы? Ничего, только это. Ради неё я хотел бы сделать эти дни интереснее. Но мне не хватает фантазии. Да и желания не хватает: что я сам получу от этого? И поэтому я остаюсь самим собой.

Мы выходим из моря, ложимся животами на песок и смотрим друг на друга. Она закрывает и открывает глаза.

Мимо нас проходят несколько крепких загорелых парней. Один из них оборачивается, чтобы разглядеть мою девушку получше. Я поднимаю голову, спокойно ловлю его взгляд, а потом мне кажется, что он что-то говорит про нас остальным. Воображаю, что между нами происходит драка. Допустим, они оскорбляют её. И ведь я должен буду защищать её честь, которая с самого начала потеряна в нашем прелюбодеянии. И буду биться под этим солнцем неизвестно за что неизвестно с кем. И если меня убьют эти ребята — хорошенькое известие получит моя жена: “Вашего мужа убили, когда он защищал свою любовницу”. Такая вот глупая смерть вдали от дома. Наверное, кто-то уже так умирал.

Во второй половине дня мы идём назад. По дороге я покупаю раков, но пива не беру, хоть и хочу. Пиво кажется чем-то неуважительным по отношению к ней, слишком уж обыденным, вроде телевизора в нашем доме.

Надо бы спросить, как её зовут, но мы чересчур затянули с этим вопросом. Теперь уже не хочется ничего менять. Я — “он”, а она — “она”. Так и останемся.

Вечером лучше, чем днём. Мы сидим на каменных ступеньках нашего дома рядом с виноградной лозой и ожидаем ночи. Я пью вино бокал за бокалом, чтобы ночь показалась мне ещё более прекрасной. Пьянею и чувствую, что должен о чём-то с ней поговорить.

— Что ты о нас вообще думаешь? — спрашиваю я и с полминуты жду ответа.

— Ничего. Мне просто хорошо. Как никогда и ни с кем.

— Правда?

— Правда.

— Ты, может, думаешь, это навсегда?

— Нет.

Падают на землю груши, так же одиноко, как роняются в тишину наши слова.

6

Так проходит три, четыре или пять дней. Море, вино, дом, любовь, вино, море. Наше постоянное молчание для нас теперь так же привычно, как наша безмянность.

Однажды она предлагает отправиться в рыбацкий посёлок под названием Богудония. Я нахожу в доме старую удочку и беру с собой, накопив в саду несколько червяков.

В Богудонию ведёт с высокого склона узкая извилистая тропинка, выложенная камнями. Многие дома буквально вделаны в этот склон. Часть дома, которая ближе к морю, висит в воздухе на сваях, а другая врастает в камен-

ную породу. На крыши некоторых домов можно прыгнуть прямо с тропинки. Вдруг улочка обрывается, дома и деревья остаются позади, и перед нами распахивается море. Мы стоим на раскалённой ржавой лестнице, спускающейся в песок, и глядим на море.

Берег здесь не такой, как везде. Он усеян древними камнями, обломками бетонных плит, разным сверкающим мусором. Попадаются белые с синим орнаментом осколки фарфоровой посуды. Я поднимаю их и складываю в карман. На одном даже стоит печать царских времён — двуглавый орёл. Лет сто назад этим осколком можно было порезаться, но море облизало его приливами и отливами и сделало гладким. Потом я вижу, что таких диковин тут можно набрать ведро за полчаса, и поэтому оставляю всё, что собрал, на песке.

Эти фрагменты фарфора, куски арматуры, торчащие из бетонных плит, сильно напоминают о человеке, и в то же время Богудония кажется самым диким местом в Таганроге. Невозможно представить, что жители прибрежных домов, похожих на древние скворечники, вдолбленные в скалы, утром отправляются на работу на центральные улицы города, да и вообще, что эти дома можно купить или продать за деньги. Они как будто являются имуществом моря. Ещё в Богудонии я понимаю, что Азовское море тоже может быть сильным и властным, несмотря на свои небольшие размеры. Кое-где оно обрушилось на ветхие хибары и нанесло им страшный ущерб, хоть они и вознесены сваями на высоту.

Мне приятно смотреть, как немолодая костлявая женщина развешивает бельё, выйдя из своей лачуги на сомнительное подобие балкона. Под глазами у женщины мешки. А бельё блестит на солнце и говорит о домашнем уюте. Может быть, она и всё её семейство сильно выпивают, общаются матом, да и дом их наполовину разрушен, но в их жизни есть забота о чистоте. Это дарит покой и надежду. Не так уж всё и плохо, раз есть желание заняться простыми делами по дому в жаркий день. Глядя на бельё, на то, как ветер треплет его в прибрежной тишине, я завидую всем, кто здесь живёт. Затем гляжу на свою девушку, которая идёт впереди меня. Это всё показала мне она. У неё красивые широкие бёдра и узенькие пятки. Она прекрасно загорела. Её походку я назвал бы “южной”. Всё в ней словно создано для того, чтобы ловко ходить по острым камням и жаркому песку. На секунду мне становится очень жаль, что всё это кончится. Жаль, что кто-то ещё будет обладать этими бёдрами.

Потом мы видим костёр. Он разведён среди бетонных плит, которые встали на дыбы и образовали архитектурное сооружение наподобие древних ритуальных построек. В тени одной из плит на песке лежит человек в шерстяном свитере на голое тело и в синих брюках, похожих на брюки советского школьника. Он спит на боку, спина оголена, и ясно, что в свитере и штанах полным-полно песка. У костра сидит мой ровесник, белокурый парень в семейных трусах и расстёгнутой байковой рубашке. Дрова, которые он подкладывает в костёр, — тоже дары моря. Это доски, отшлифованные волнами: бывшие части домов или лодок. Рядом с ровесником полупустая бутылка портвейна, в тени стоит ещё одна, полная. Ясно, что пьют не торопясь; портвейн надо растягивать, нового ещё долго не предвидится. Между плит, как в античной арке, появляется женщина. Волосы её — не длиннее сантиметра. Наверное, недавно она была совсем лысой. Сверху на ней остатки короткого халата, из которых выбиваются голые груди. А на бёдрах длинная толстая юбка, надетая разрезом вперед, так что в разрезе откровенно являются взору каждого тёмные густые волосы. Женщина присаживается на корточки у костра и что-то тихо говорит моему ровеснику, показывая на спящего в школьных штанах. Ровесник кладёт спящему на голову газету, испачканную остатками какой-то еды, и они с женщиной хрипло смеются.

Дальше начинается мол, уходящий довольно далеко в море. Мы доходим до конца мола, там я сажусь и начинаю рыбачить. Попадаются одни бычки, самый крупный — с ладонь. Бычки игриво тербят червя и дрожат, когда их тянешь из воды, не умея оказать большего сопротивления. Выражения их глаз разные, как у людей, хоть ничего и не значат; один бычок кажется воз-

мущённым, другой — удивлённым, третий — смиренным или задумчивым. Я ожидаю какой-то крупной рыбы и поэтому рыбачу довольно долго. Девушка не торопит меня. Иногда подходит сзади и обнимает за плечи. Тогда я кладу голову на её руку. Делаю это сурово и мужественно, как подобает серьёзному охотнику, а вокруг меня — всего лишь мелкие мёртвые бычки, дары Азовского моря.

Я собираю удочку и хочу уже уходить, оставив трупики рыб на съедение чайкам, но она говорит:

— Давай возьмём бычков, я их приготовлю дома. Не зря же они умирали.

Я не смотрю ей в глаза. Это не оттого, что я и впрямь небрежно отнёсся к улову и мне теперь стыдно. Просто я услышал тёплую, родную мысль. От неё повеяло чем-то человеческим, очень правильным и добрым, что никак не совместимо с нашим грехом. Я чувствую, что привязываюсь к девушке не только телом, и мне горько от этого. Я собираю мёртвые тельца с теми же разнообразными выражениями глаз навывкате, складываю их в пакетик. Мне жалко этих рыбок. Я чувствую себя одной из них.

— Как улов? — спрашивает меня мой ровесник, когда мы снова проходим мимо их древней постройки из плит. Женщина сидит к нам спиной. Спящий всё спит. Женщина толкает его и протягивает остаток дымящейся сигареты.

— Да так, бычки, — поднимаю я пакетик, — мелочь.

— А что “мелочь”? — упрекает ровесник дружелюбно. — Вы так не говорите. Азовский бычок — самая прекрасная рыба.

Он картавит. Я думаю, что, может быть, они голодны и именно поэтому парень спрашивает о рыбе. Я говорю:

— Хотите? Вот, — и предлагаю им свой улов.

— Не-ет, — смеётся парень и даже позволяет себе по такому случаю налить немного портвейна, всё из той же початой бутылки. — Сами приготовите. Потом скажете: “Ххаа, ещё хотели кому-то отдать азовского бычка! Во дураки-то были!”

Женщина смеётся тому, что парень, хоть и не прямо, назвал нас дураками, но смеётся она без злобы. Поворачивается к нам и ласково, с восхищением даже, смотрит на мою спутницу. У женщины нет переднего зуба.

Я думал, что эти люди обязательно попросят у нас денег на выпивку или хотя бы сигарет. Но, к моему удивлению, ничего такого не происходит, хотя и выпивки, и сигарет у них явно немного. И всё же для них важнее остаться в нашей памяти такими вот беззаботными, не испытывающими никакой нужды обитателями побережья, чем занять ещё пару бутылок портвейна.

Когда мы снова поднимаемся на вершину склона, а затем выходим на людную улицу, мне кажется, что маленькая дверь в Богудонию — единственная, через которую можно туда попасть, — навсегда закрылась за нами и исчезла с лица Земли. Я даже оборачиваюсь.

Дома она чистит бычков и жарит их. Я ем, очень вкусно. Бычки умерли не зря.

Первая ночь, в которую мы не занимаемся любовью. Сейчас в этом почему-то нет необходимости. Мы просто лежим рядом и медленно засыпаем, даже не прикасаемся друг к другу. Тогда я вспоминаю жену, а потом гляжу во тьме на человека, который лежит рядом со мной. Волосы на подушке, нос, ресницы, грудь под одеялом. Мне не по себе. Я встаю и выхожу в наш садик. Весь этот дом и вся эта красота — пристанище двух преступников. Я прислоняюсь к дереву и плачу. Плачу оттого, что я оказался на это способен.

7

Мы идём под деревьями и едим мороженое. Под нами, справа, море. Прошло уже больше десяти дней, как мы поселились в нашем доме с садиком. Я заплатил хозяину ещё за одну неделю, но у меня уже куплен обратный билет. Она догадывается об этом, хоть мы и молчим целыми днями. День не солнечный, может быть, сегодня-завтра будет дождь.

Мы садимся на скамейку спиной к морю. Мне хочется, наконец, заговорить. Я это делаю:

— Знаешь, я понимаю, что это может всё разрушить. Что ты сразу разочаруешься во мне. Но я не думаю, что это страшно. Может быть, даже лучше, если ты разочаруешься. Нам ведь надо расставаться. Видишь, мы всё время молчали. Наверное, это было для того, чтобы оставалась какая-то тайна. Или чтобы ни о чём не думать. Ведь если бы мы говорили, то о чём? О том, как мы поступим дальше, о том, как мне быть с женой, да и у тебя, наверное, кто-то есть; о том, как всё это грешно, чем это должно кончиться и так далее. Зачем нам были эти разговоры? Может, ты теперь считаешь, что я слабак, раз мне не хватило сил молчать до конца. Тем лучше. Скажешь себе просто: “Ну что ж, я в очередной раз ошиблась, была со слабаком”. Понимаешь, мне с тобой лучше, чем с ней, с женой, но я не смогу с тобой быть всю жизнь. Будет то же самое. Я не буду менять то же на то же. Там у меня уже есть ребёнок. Видишь, какой я обычный. Мне кажется, ты уже слышала что-то такое от мужчин. И ты думала, что я другой, а я оказался, как все. Ты, наверное, хотела, чтоб я молчал до самого конца? Или чтобы остался с тобой навсегда?

Я удивляюсь, насколько неповоротлива и некрасива моя речь. Как будто я напрочь разучился мыслить за эти десять дней. Мне неудобно от всего, что я сказал.

У неё в руке тает мороженое, она не ела его, пока меня слушала. Только слизывает с губ остатки сладости. Лицо у неё печальное, задумчивое. Из-за этого она снова кажется мне чистой, даже целомудренной девушкой, которую я обманул.

Вместо ответа она медленно кладет голову мне на плечо. И мы сидим так с мороженым в руках. Над нами уже давно стусились серые тучи, ветер по-осеннему треплет ещё зелёные листья. Я чувствую плечом её голову, и тяжёлую, и лёгкую, и на меня обрушиваются тысячи догадок и смыслов.

Может, ей просто нужен кто-то, неважно кто, и она готова была влюбиться в кого угодно. То есть, если б тогда к ней подошёл не я, а мужик с эскалопом, она бы так же легко досталась ему. К чему ей теперь разговоры? Просто ей нужен кто-то, нужен я, она хотела и получила. Болтовня только всё испортит, потому что никакими разумными доводами не оправдать нашей связи. А может, она и впрямь увидела во мне что-то, о чём мечтала? Только что это? Ни замечательной внешностью, ни оригинальными суждениями, ни богатством я не отличаюсь, это точно. Может, она просто увидела, что я не знаю, куда мне деться. Ей понравилось, что я недоволен своей жизнью и пью коньяк, а не жру эскалоп, только и всего. Что бы там ни было, теперь мы связаны и сидим под этим ветром вдвоём, чем-то похожие на двух пожилых людей. На ней даже длинная кремовая юбка, скрывающая стройность её молодого тела. И ни о чём не можем говорить.

— Завтра я уеду, — говорю я. — Сегодня последний день.

— Подожди меня тут, — говорит она и куда-то уходит. Оказывается, в магазин.

Она возвращается оттуда с пакетом, в пакете гремят бутылки. Я заглядываю внутрь — там мартини, коньяк, сыр и виноград. Она купила всё на собственные деньги. Раскрыла сумочку и заплатила. Хочет поблагодарить меня, устроить прощальный праздник.

Куда нам теперь идти? Надо бы придумать что-то особенное, а мы, кажется, уже почти везде были. Разве что не ходили в домик Чехова. То, что между нами было, не вязалось ни с какой культурной программой. Хотя дама с собачкой и её возлюбленный, если верно помню, тоже изменяли своим супругам.

В конце концов, мы снова, как в первый раз, идём по береговой полосе. У больших камней мы останавливаемся, чтобы выпить. Начинается дождь, волны становятся выше, люди исчезли с берега, а мы идём, чем дальше, тем пьянее. И дождь всё сильнее. Когда-то давно, подростком, я был на море и видел таких людей: в приличной, но испачканной в песке одежде, они шли по берегу. Мужчина шатался, как и я сейчас начинаю шататься, рубашка

была расстёгнута, а в руке болталась бутылка дорогого, видимо, ресторанного коньяка. Впереди шла пьяная женщина с распущенными волосами и плакала. Я тогда посчитал, что они либо поссорились, либо ищут место, где можно совокупиться. Мы, наверное, выглядим так же. Она пьяная, я пьяный. Она красивая, я не такой красивый, но она меня любит.

Я уже почти допил коньяк, ноль-семь литра, мы ушли очень далеко, где ни разу ещё не бывали. Я пробую стянуть с себя одежду, но это трудно, да и не имеет смысла, я и так уже промок. Я захожу в воду в одежде, с бутылкой, она тоже. Волны бьют прямо в нас, и дождь бьёт по нашим головам. Я уже плохо соображаю, я понимаю только, что рядом со мной такой же, как я, несчастный человек, которого надо обнять и пожалеть. И я делаю это.

— Я люблю тебя, — снова говорю я, не понимая, правда это или нет.

— Я люблю тебя, — говорит она, и мы пьём. У меня сильная изжога от коньяка. Я выхожу из воды, сажусь на песок и достаю из пакета сыр с виноградом. Она садится рядом, мы едим. Мне так нравится еда, что я ложусь на спину и ем лёжа. Я успеваю только повернуть голову набок, чтоб не подавиться, и засыпаю.

8

Я просыпаюсь от холода. Уже ночь. Дождь прошёл. Она лежит рядом, она похожа на утопленницу, выброшенную морем. Волна достаёт до её пяток.

— Вставай, пойдём домой, — говорю я и подаю ей руку.

Мы идём по берегу назад — она впереди, я чуть позади, — грязные, опустошённые, нас шатает из стороны в сторону. Постепенно вдаль начинается просвечивать город. Зачем она надела сегодня эту старческую юбку?

Мы не смогли придумать ничего возвышенного, ничего сумасшедшего даже в последний день. Мы сделали, что могли. Напились и снова сказали, что любим друг друга. Как мало могут сделать два человека. Им было предоставлено море, время, дом с садом, целый город. А ничего особенного не вышло.

Нам с женой тоже была предоставлена целая жизнь, с сотнями морей, городов, с сотнями вещей, которым можно было бы научиться. Так казалось. Но вышло, что и в жизни всего очень мало. Меньше, чем казалось.

Мы открываем калитку и заходим в сад. С деревьев падают капли. Как-то птица поёт голосом, похожим на окарину. Я срываю с ветки грушу, откусываю один раз и бросаю плод под дерево. Я устал.

Утром я собираю вещи и выношу их из дома. Говорю ей:

— Давай не будем проводить время до поезда вместе. Как-то обидно. Лучше я уйду прямо сейчас, а ты останешься в доме, хотя бы до вечера. Хорошо?

Она сидит в прохладе на деревянных ступеньках крыльца:

— Хорошо.

Я хлопаю по карманам, проверяю документы, деньги.

— Скажи, тебе хоть будет, на что вернуться? У меня есть немного денег.

— У меня есть, — говорит она.

Я не знаю, как проститься. Поэтому спрашиваю:

— Как проститься-то лучше?

Она смотрит мне в глаза, потом подходит, становится на колени, обхватывает меня руками и прислоняется ухом к моему животу. Я гляжу на неё сверху: кажется, она хочет запомнить меня навечно, удержать в сердце и в памяти. Над её головой давно уже нет того свечения, какое было в первый день. Волосы какие-то простые, жидковатые даже, я вижу пористую кожу головы.

Она быстро встаёт и отворачивается от меня:

— Всё, иди...

Я тут же разворачиваюсь и выхожу из сада через калитку. Мне хочется как можно скорее оказаться в несущемся поезде, а лучше — уже в Москве, а ещё лучше — у подъезда своего дома.

Время до отъезда я провожу у яхт-клуба. Какой-то загорелый дед в белоснежной морской фуражке одного за другим таскает из моря бычков.

Я смотрю на него и думаю лишь о времени: дед важен для меня ровно настолько, насколько наблюдение за ним помогает убить время. Я вспоминаю и того, другого деда, из поезда. Тоже для времени. Нашёл ли он себе место в Таганроге? И что это за место?

Часто возникает мысль о ней. Словно я вижу её лицо в эту минуту. Она сейчас одна, в нашем доме, в саду, не находит себе места, думает, что ей дальше делать в этом городе, в этом мире, и никак не может придумать. Груши, виноградник, гамак — всё напоминает обо мне, о вчерашнем дожде и о словах: “Я люблю тебя”. Не сказать, что со мной она была, как в раю. Но без меня теперь одиноко. Найдётся ещё кто-нибудь, ей этого не избежать. Со мной у неё не было ничего такого, чего не мог бы дать другой.

Господи, куда девать оставшиеся четыре часа? И почему я сейчас не смогу заснуть прямо на этой маленькой пристани? Чёртов город Таганрог, в котором человеку нечего делать.

9

Я захожу в свою квартиру. Слышу неизменную, преданную трель моего Чивика. Потом в дверном проёме комнаты появляется удивлённый Миша. Он смотрит на меня, но не хочет мне ничего говорить раньше, чем меня увидит мама. А сам я страшно боюсь её увидеть, потому что не знаю, что со мной тогда произойдёт. На обратной дороге, в поезде, муки ада сгустились, я лежал, отвернувшись к стенке, и шёпотом говорил слово “нет”, чтобы оно убивало и совесть, и время, и вообще все мои мысли.

Жена выглядывает из комнаты, в руках у неё ножницы. Она вырезает солнышко для Мишиной аппликации. И лучи из жёлтой бумаги качаются в её руке. Я отворачиваюсь к стене, прислоняюсь к ней и начинаю вздрагивать. Мне хочется выкрикнуть: “Чтоб я сдох, тоскливая, бестолковая скотина!” Но я уже думаю о том, как объясню эти слёзы жене. Наверное, так: мне просто стало стыдно, что я отдохнул, а они — нет.

КРИСТИНА КАРМАЛИТА

СПАСЕНИЕ —
ТОНКАЯ НИТОЧКА...

* * *

Привычно догорел обычный день,
И капли звёзд попадали во тьму.
“Пойду на воздух. — Тёплое надень.
Возьмёшь сухое белое? — Возьму”.

Взрывает полночь голубой раскат.
“Всё не могу решить вопрос простой:
Господь сердит или свой грешный сад
Он освежает спелю водой? —

Ты выпила. — Я выпила давно.
Но хмель того вина не растворим
Так просто. — Милая, закрой окно,
Ложись ко мне, потом поговорим”.

Уносят дни настенные часы —
Стучит каблук по длинной мостовой.
“Ты спишь? — Я спал. — Какие видел сны? —
Я сплю ещё. Мне снится голос твой”.

КАРМАЛИТА Кристина Евгеньевна родилась в Новосибирске в 1984 году. Окончила факультет психологии НГПУ. Работает фотографом. Публиковалась в журналах “Сибирские огни”, “После 12” и других. Автор сборника стихов “Сны стеклодува” (2013) и сборника пьес “Голоса” (2014). Член Союза писателей России. Живёт в Новосибирске.

Тревожными лучами мрак проshit.
Заплакано стекло. “Который час? —
Четыре... Пять... Всё не могу решить:
Господь спасёт или погубит нас?”

Рассвет вползает медленно, как тать,
Вскрывает тайники ночных углов.
“А мне никак сегодня не понять,
Что станет с нами после стольких слов? —

Мне рано на работу”. Стынет твердь.
Дождь разучил кантату на трубе.
“Но чтобы ты спала ночами впредь,
Послушай, милая, что я скажу тебе:

“Мы станем небом, звёздами, луной,
Орлом в полёте, голубем в руке.
Мы станем полем, зёрнами, травой,
Собакой в будке, ланью вдалеке.

И если нам положат сотню лет
Грести в Оби чешуйчатым хвостом —
Мы выплывем и превратимся в свет,
Разлитый над Димитровским мостом”.

* * *

Болеет парус одинокий
В краю родном,
Его не манит пир далёкий,
Не гонит дом.

Он знает бури смех суровый,
Тоску в тиши,
Он видел, как теснят оковы,
И мрут паши.

Под ним волна игриво бьётся,
Над ним — портал,
А он не плачет, не смеётся —
Он жить устал.

* * *

“спасение — тонкая ниточка...”
поёт и поёт надо мной
качаясь на маленькой веточке
младенец чудной, неземной

ах, милая, нежная деточка
увязла по самый я рот
спасения тонкую ниточку
к чему мне хватать из болот?

светлеет гранитная плиточка
над тёмной моею душой.
“спасение — тонкая ниточка...” —
слетает ко мне малыш

куда ты, куда ты, малюточка
здесь тина, болезнь и порок
спасение — тонкая ниточка
порвёт и мытáрь, и пророк

приблизилась дивная крошечка
изъяна и страха лишён
в грязи твоя белая ножечка
скорей возвращайся но он

качаясь на тоненькой ниточке
смеётся и взглядом слепит
“спасения тонкая ниточка
надёжней железной цепи”

* * *

иногда происходит со мною
происходит со мной иногда:
Одиссей нападает на Троию
зеленеет в стакане орда

за окном разухабился город
а над городом СУшки парят
а над СУшками ласковый Воланд
синий космос меняет наряд

а над космосом? что-то со мною
происходит со мной навсегда:
тёмно-сине-зелёной волною
накрывает суда без следа

покрывает прохладной ладонью
раскалённый, в испарине лоб
золотую улыбку Мадонью
заливает всемирный потоп

всё, что есть, происходит со мною
проникает, как в почву вода
дверь входную я робко открою —
никогда не закрыть, никогда.

ЕЛЕНА ТУЛУШЕВА

ПЕРВЕНЕЦ

РАССКАЗЫ

Лида в который раз пыталась сложить ноги поудобнее. Никак не удалось найти нужную позу. Разозлилась, резко встала, но голова закружилась. Снова села на край кровати, начала раздражённо постукивать по холодному металлическому изголовью. Решётки... Везде решётки: на окнах, на кроватях, ещё бы шкафы решётчатые сделали... Ходить от окна до двери надоело. Стала расковыривать трещину в штукатурке на стене. Потом вдруг почувствовала очередные толчки. Подняла футболку и уставилась на свой живот, на котором то появлялись, то исчезали бугорки.

Там что-то происходило. Что-то, что раньше не касалось Лиды. А последние два дня её лишили всего остального мира, и вот она осталась наедине с этими толчками.

ТУЛУШЕВА Елена Сергеевна родилась в 1986 году в Москве. Окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте имени Горького. Автор книг рассказов "Чудес хочется!" (Москва, 2016) и "Виною выжившего" (Минск, 2016) и около 100 публикаций в "Литературной газете", "Литературной России", "Дне литературы", журналах "Наш современник", "Юность", "Роман-газета", "Москва" и др. ведущих российских изданиях, а также в русскоязычных журналах Германии, Канады, Беларуси, Казахстана, Украины и Эстонии. Рассказы Тулушевой переведены на арабский, венгерский, итальянский, китайский, болгарский, белорусский, сербский. Лауреат V и VII Международных форумов славянских литератур "Золотой Витязь" (2014, 2016), премий "В поисках правды и справедливости" (2015, 2016), "Югра" (2017), "Прохоровское поле" (2017), лонг-лист премии "Лицей" (2017), победитель российско-итальянской премии "Радуга" (2017) и др. Участница Литературного фестиваля молодых писателей России и Китая в Шанхае (2015), Фестиваля молодых писателей России, Беларуси и Украины в Минске (2016), 13—16-го Форумов молодых писателей России и зарубежья. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Накануне тощая медсестра ставила Лиде капельницу и, видно, от скуки спросила, мол, как зовут. Лида не сразу поняла, про кого она. Та кивнула на живот: “Назовёшь как?” Лида удивлённо разглядывала мужеподобную тётку: сухая, с одутловатым алкогольным лицом и короткой стрижкой под ёжик. Алкоголиков Лида определяла легко, даже тех, кто работал и выглядел прилично. Тётка смотрела безразлично, двигалась, как робот. А потом сказала, что надо разговаривать с ребёнком, чтобы слышал голос. Лида только и смогла промямлить: “А о чём?” Медсестра уставилась на Лиду стеклянными глазами: “О погоде”.

И вот ребёнок там снова шевелился. Кто его знает, просит что-то или просто переворачивается. У него уже есть руки и ноги, наверное... А волосы? Они с волосами рождаются или лысые? Да какая разница. Лида старалась отгонять эти мысли. Они приводили всё к новым и новым вопросам. А в конце — в конце вообще непонятно. Несколько месяцев получалось об этом не думать. Лида жила с ощущением, что можно будет задуматься потом, что ещё есть время. И вот это “потом” настало. А думать совсем не хотелось. От мыслей в голове начало пульсировать, хотелось бежать отсюда скорее... Лида снова упёрлась взглядом в решётку на окне.

Через три дня она неспешно поднималась по лестнице женской консультации, поторапливаемая Алевтиной — тучной социальной работницей, которая резво семеняла, хоть и краснела всё гуще с каждым пролётом. Они опаздывали. Лида специально тянула время при выходе из центра и здесь, в холле поликлиники.

Врачиха приняла вне очереди, хотя и была недовольна. Лида разглядывала непонятные картинки на стенах: развитие плода по месяцам. Фотография девушки на плакате была дополнена рисунками наподобие иллюстраций школьных учебников. Лицо девушки не менялось, а живот становился всё больше, эмбрион увеличивался и менял положение. Лиду затошнило. Ей казалось, он какой-то уродливый, скрюченный. Такие кривые ноги наверняка не смогут ходить. Похоже, он был слепым! Лида взглянула на лицо девушки: та выглядела счастливой. С чего бы?

— Так... значит, постановка на учёт, — услышала Лида голос врачихи. — Ты бы ещё на сороковой неделе пришла...

— Да вот как её привезли, так мы сразу к вам, — вступилась ещё не отдышавшаяся Алевтина.

Доктор смерила социального работника недовольным взглядом.

— Где до этого была? Где наблюдалась?

— Да так... — Лида ощутила подкатывающую тошноту, ладони вспотели. Хоть бы отвлекься. Мерзко. Тяга пошла. Сбежать бы скорее, да куда тут. Живот разросся. Жирная утка. Надо хитростью. Как из больницы. Думай. А чем думать, мозг не варит. Сейчас бы хоть один укольчик, хоть маленький. Просто, чтоб в себя прийти.

— Доктор, там выписка из детдома. Она как из больнички-то сбежала зимой, так вот её всё искали.

— Я вообще-то не пряталась! — огрызнулась Лида. — В детдоме знали, где я была. Им лень приезжать было.

— Сиди уж! — шикнула Алевтина.

— Ну и где же ты была всё это время? — доктор смотрела мягче, как будто озадаченно. Переводила взгляд с Лидиногo живота на теребящие край футболки пальцы.

— У молодого человека... своего.

— Молодой! — фыркнула Алевтина. — Сорок шесть лет — юнец просто! Уж ты, Лида, давай тут дуру-то не валяй! Время не трати. Некогда доктору твои сказки слушать! Наркоманила, так и говори, теперь вот и расхлёбываешь своё! А этого твоего упечь бы пожизненно за такие дела, так ведь никто не займётся! Сам наркоман паршивый, и девку за собой уволок!

Медсестра оторвалась от талончиков и нерешительно взглянула на врача. Та, опустив взгляд, чуть хрипло сказала:

— Алина, сходи-ка... К-хм, сходите, пожалуйста, с социальным работником к заведующей, надо оформить документы на государственного ребёнка и рецепты на витамины и молоко.

Медсестра поднялась:

— Идёмте, я вас провожу. Девочка несовершеннолетняя, нужно ваше согласие, как представителя опекуна.

— Да, — окликнула врач. — Потом ждите в коридоре, осмотр буду проводить без посторонних.

— Да я что, я с радостью! Вот только за ней, доктор, глаз да глаз нужен! Вы учтите, из наркологички сбежала, из приюта сбежала, а нам вот теперь отвечай!

— Я поняла, идите.

Врач замолчала. Уставилась куда-то, так и замерла. Потом как будто заметила Лиду и немного нахмурилась.

— Значит, срок беременности не точный?

— Ну да.

— А почему до этого никуда не обратилась? Или обращалась?

— Да как-то не до этого. Виталик сказал, рожай.

— Виталик — это тот мужчина, который старше тебя?

— Да. Наркоман.

— Ты... тоже употребляешь?

— Да. — Лида отвечала быстро, на выдохе, не дослушав вопрос. За последнюю неделю посещения всех этих детских комнат, приютов, инстанций она повторяла свою историю не раз.

— Значит, и во время беременности?

— Да.

— Внутривенно? Как часто?

— Раза три-четыре в неделю, — все так же быстро, пока не передумала говорить, как есть.

— Как насчёт стерильности?

— Плохо. Там вон в карте есть все анализы.

Только сейчас врач посмотрела на кипу бумажек, разложенных у неё на столе. В анамнезе значился ВИЧ положительный, впервые выявленный два года назад.

— Это он тебя наградил или кто-то ещё?

— Не, наверное, кто-то ещё. Виталик говорит, он чистый.

— В смысле: говорит? Ты анализы его видела?

— Не-а. А зачем ему врать. Это ж он хотел ребёнка.

— Если ты от него забеременела, то теперь он тоже инфицирован.

— Да?

Врачиха внимательно взглянула, помолчала.

— Так, а что ты думаешь с родами? Тебя вообще кто-то консультировал за это время? Хоть один врач?

— Нет. Я у Виталика жила. Я же сказала. Он говорит, рожай, деньги будут.

— Он говорит, рожай... — эхом повторила врач. — Так, ладно. Нам надо с тобой многое успеть обсудить. Давай попробуем поговорить честно.

— Да я и не вру. Чё теперь врать-то. Только пить очень хочется.

— Сейчас мы обсудим, и попьёшь в коридоре. Лида, твой ребёнок может заразиться от тебя ВИЧ-инфекцией. Но если приложить усилия, он может родиться относительно здоровым.

— Да какой он здоровый, он же уже наркоман там, да? Как я.

— Сейчас речь не об этом. Если сделать кесарево сечение, то риск заражения во время родов значительно снижается. То есть если мы проведём операцию, то он может родиться без ВИЧ, понимаешь?

— А это больно?

— Нет, операция проводится под наркозом и быстрее обычных родов. Потом чуть дольше восстанавливаться, но нам важно сейчас думать не об этом.

— Ну да, я согласна. Только вон соцработники, они же вроде все теперь решают, мне нет восемнадцати.

— Решать будем мы с тобой. Но здесь есть одно “но”. Операцию нужно успеть сделать до начала схваток. Обычно на тридцать восьмой неделе. Пока мы не знаем, какой у тебя срок. Но учитывая твои побеги...

— Что?

— Ты сможешь дотерпеть до тридцать восьмой или опять убежишь?

Лиде не хотелось врать. Врачиха первая за эту неделю, кто хотя бы не пилит, не давил на вину. Хотя у Лиды уже выработался иммунитет к таким разговорам, но чего она только не наслушалась и в полиции, и в детском доме. А ведь какое их дело...

— Да куда тут сбежишь, я вон едва хожу.

— Человек *зависимый* может убежать и при более сложных обстоятельствах... — она недолго помолчала и продолжила как будто сама с собой. — Я видела молодого человека, который из реабилитационного центра сбежал, сломав ногу, когда выпрыгнул из окна. Это не помешало ему бежать дальше и ещё две недели лежать в притоне с распухшей посиневшей ногой, пока не нашли.

— Ни фиги себе! — Лида было ухмыльнулась, но доктор посмотрела на неё как-то странно, скривившись, как от боли.

— Лида... А ты сама-то хотела рожать?

Лида постаралась отвечать так же на выдохе, быстро и по делу. Но с каждым разом говорить становилось сложнее. Почему-то с соцработниками и их нотациями было проще. Они обвиняли, Лида огрызалась. Злиться было проще. А сейчас, когда врачиха говорит “мы” и “нам”... Как бы не разреветься.

— Сейчас, конечно, ничего уже не изменишь. Надо будет рожать. Судя по размеру, тебе осталось немного. Как я понимаю, до этого родов у тебя не было. А аборт или выкидыши?

— Ну... чтобы у гинеколога делали аборт — нет.

— В смысле?

— Был один. Мать таблетки купила.

— Ты имеешь в виду не операционный, а медикаментозный аборт? Давно?

— В одиннадцать. Только я не знаю, это беременность была или просто.

— А зачем тогда таблетки, если не точная беременность?

— А мамкин сожитель меня изнасиловал со своим другом. Она тогда отрубилась от героина. А они того. Она проснулась, ну и поняла. Наорала на него. И в аптеку со мной потащила. Мать сказала, что на всякий случай, а то мало ли: забеременеть от таких...

— Господи, в одиннадцать...

— Да это давно уже было, не переживайте. Мать его выгнала, но он нам денег дал тогда много. Правда, мамка, наверное, их все спустила, я не помню. Потом меня бабка к себе забрала. А этот мужик снова к матери переехал.

— И в милицию не заявляли?

— Не-а. Мамка сказала никому не рассказывать. Ещё меня обругала: вечно я дома ошиваюсь, вот и неприятности. Я только года два назад сказала психологу в приюте. Она говорит, наверное, потому я к мужикам старым и бегалю, что у меня вроде как травма.

Лида тараторила всё быстрее. Она ничего не чувствовала, когда это рассказывала. Но обычно те, кто слушал, ужасались или почти плакали. Странно было это видеть и ничего не ощущать...

В дверь заглянула Алевтина:

— Доктор, я всё оформила. Мне чего с ней, на УЗИ еще? Это мне сейчас талон взять в общую очередь или нам приехать в другой день? Нам бы лучше сейчас, а то сбежит опять, она ведь беглая у нас, даже не думает, что беременная! А у нас машина одна. Таких, как она, ещё пятнадцать девок. Только поумнее.

Доктор раздражённо подняла глаза.

— Ждите в коридоре. — Потом посмотрела на Лиду. — Тебе, получается, больше некуда пойти, только к ним? Они ж тебя съедят своими нравами... Может, есть сестры или тётки? Не хотелось бы, чтобы их нотации спровоцировали тебя на побег. И здоровым самостоятельным женщинам иногда беременность даётся нелегко, особенно когда вокруг некому пожаловаться. Здесь у меня часто ноют. А тебе, несовершеннолетней, без семьи, с постоянными мыслями о наркотиках... Их упрёки могут тебя окончательно измотать, не выдержишь — уйдёшь ведь...

Зря она сказала про упрёки. Копившееся за последнюю неделю напряжение, наконец, прорвалось слезами. Рыдать или подвывать Лида разучилась давно: через год, как забрали от матери. Видимо, прорыдала всё там, в первом ещё приюте. Но сейчас так жалко себя стало, оттого что идти некуда, и даже единственную радость — героин — отобрали. А там, на свободе, Виталик гуляет, и ему хорошо...

— Да они мне всю неделю мозг пилят, какая я бесстыжая. И запугивают, что ребёнок будет больной, оттого мне придется труднее, чем другим девочкам — с инвалидом на руках. А я сама виновата, потому что бессовестная, убивать ребёнка наркотиками. Ещё всё время водят на беседу с какой-то настоятельницей. Она меня пугает, как надо будет ребёнка воспитывать. Что Бог дал мне ребёнка, чтобы я жизнь поменяла. И если даст больного, то чтобы грехи мои искупать мучениями... А и так жить тошно! Сил нет, ходить тяжело. Как я с ним потом — я же вообще ничего не знаю! Я не хочу никого растить, я плохая мать буду, у нас в роду не было хороших!

Врач встала. Налила в стакан воды из-под крана.

— На, попей. — Она подошла так близко, как будто вот-вот обнимет. Лида невольно отстранилась, но доктор только отдала стакан и отошла к окну. — Поплачь, Лида. Тебе можно. Ты беременная. Ты умничка... — Потом они долго молчали. Врачиха о чём-то своём у окна. А Лида всё никак не могла унять слёзы: только вытрет, а они снова.

— Всё у нас получится. Сейчас бумаги оформим, ходим вместе на УЗИ и посчитаем, сколько нам нужно дотянуть до кесарева. Всем беременным тяжело, тебе тем более. Поплачь, может, хоть чуть полегче станет.

Она вернулась за стол, когда Лида перестала всхлипывать.

— Давай мы с тобой договоримся. Я знаю... ждатель обещаний от наркомана — дело глупое. Я и не прошу. Давай мы просто договоримся, что ты попробуешь дотянуть до кесарева. Ведь если ты убежишь, Лида, ты не вернёшься. Мы же обе понимаем, где ты будешь. И будешь там прятаться до самых схваток. А там поздно будет оперировать. Да и роды для тебя будут тяжёлым испытанием. Это физически тяжело.

— Да я понимаю. Я не сбегу.

— Ты просто постарайся поставить себе одну цель. Ничего большего. Очень прошу, не думай, оставишь малыша себе или нет. Ты уже дала этому ребёнку, что могла. Лучшее, что ты можешь сейчас сделать — попробовать помочь ему родиться без ВИЧ-инфекции. А уж будут силы или нет, захочешь ли воспитывать — это ты станешь решать сама, в любой момент. Поняла меня? В лю-бой!

— Да вроде. Но они говорят: потом — привязанность... Сама не откажусь. Правда, я совсем не понимаю, что надо будет делать... Как это... Там, конечно, в центре помогают, но они запугивают, что ночи бессонные, и что никто за меня ничего делать не будет, притворщицам-наркоманкам не верят... — Лида снова почувствовала, что ревьёт. Это было так непривычно. Наверное, первый раз за последние полтора года. И как будто легче от этого становилось. Хотелось плакать и плакать.

— Так, Лида, соберись. Ты забыла, о чем мы договорились. Наша цель — просто дотянуть до кесарева. И всё. Дальше — даже не думай ни о чём. Болтают эти соцработники, а ты не слушай, кивай просто. А сама думай — мне бы только до кесарева, а там выдохну. Поняла меня? Твой финиш — кесарево, всё.

— Угу, — прошмыгала Лида.

То ли от слёз, то ли от тона доктора, но ей как будто стало легче. Начал рассеиваться жуткий страх от слов “будущая мама”. Эти навязчивые картин-ки больного скрюченного младенца. Если только до кесарева — можно попробовать. Тем более, если под наркозом. А то эта монашка как затянет своё про-муки роженицы, аж до дурноты. Половину слов не понять, что-то про гре-хи... Стоп, не думать... Надо не думать. Как врачиха сказала: просто кивать и всё. Надо попробовать.

— Ну что, сейчас сходим с тобой на УЗИ, и поедешь отдыхать. Тебе нужно сейчас побольше отдыхать и научиться играть в глухую. У тебя важ-ная миссия: дотянуть до кесарева.

— А это... осмотр?

— Да какой осмотр на твоём сроке. Только УЗИ теперь и померить жи-вот. Это я так, чтобы выпроводить твою надзирательницу.

Они прощались после выхода из кабинета УЗИ. — Тридцать три неде-ли, девочка. По УЗИ пока без явных патологий.

— Спасибо, — Лида не знала, как завершить разговор. — Мне ещё к вам прийти... можно? То есть... это... надо ещё?

— Да, Лида. Тебя должны привезти через десять дней, тогда будут го-товы анализы, и мы всё обсудим. Береги себя, отдыхай. Жду тебя через де-сять дней, постарайся приехать.

— Спасибо... что поговорили...

Доктор кивнула и двинулась дальше по тусклому коридору. Сначала хо-тела было отвести в сторону соцработника на пару слов: попытаться объяс-нить ей, что давить на Лиду сейчас нельзя. Иначе точно сбежит. Да и что за бред: оставить новорождённого Лиде. Девочка ведь малышка к себе в при-тон потащит... Но потом поймала себя на мысли, что снова начинает играть в спасателя. Где она — грань бессилия и безразличия... Где грань чужой и своей истории...

Она открыла дверь в туалет. Никого. Подошла к наполовину покрашен-ному окну и открыла тугую форточку. Задыхалось легче. Достала телефон, пролистала недавние вызовы... Не нашла. Набрала вручную цифры. Телефон высветил “Лёшенька”... Никто не отвечал. Она начала набирать сообщения, но после слова “сынок” не смогла ничего написать... Где ты... как нога... при-езжай... возвращайся... Всё это было не то. Ответа она не получит.

Она родила своего первенца в тридцать четыре года... “старородящая”... Родила здоровенького, красивого мальчишку... В детском саду он заболел гломерулонефритом, стал инвалидом, набрал огромный вес, почти не мог хо-дить... Пять лет она практически носила его на руках, лежала с ним по боль-ницам, не давала посадить на гормоны. И все-таки вытащила его каким-то чудом... К началу шестого класса по его инициативе они отказались от ин-валидности, всех полагающихся льгот и пособий... Хотя с деньгами тогда бы-ло очень туго... Лёша стал ходить в школу и на физкультуру, от которой был освобождён, записался на фехтование... До 9-го класса был идеальным сы-ном и учеником.

И вдруг в пятнадцать лет попытка суицида. Вроде из-за несчастной люб-ви. А потом депрессия, таблетки и через полгода наркотики... И этот послед-ний его глухой побег из реабилитационного центра, когда он сломал ногу... последняя попытка поговорить с ним, после которой он перестал отвечать на звонки... За что? Ну, ладно эта девчонка Лида, из неблагополучной семьи, дочь наркоманки... А ведь у Лёшеньки было всё...

Она посмотрела на продолжающий светиться экран мобильного телефо-на... Где он сейчас? Ей хотелось надеяться, что и ему, быть может, встре-тится кто-нибудь, кто, как она сегодня, найдёт несколько лишних минут, чтобы выслушать и поговорить.

РЯДОМ ХОДИТ

Выходя из электрички, Антон сразу заметил его. Кажется, больше года не виделись, и ещё бы столько. Антон даже не видел лица Костика, просто ощутил боковым зрением болезненно знакомый жест: суетливое приглаживание косой челки. Этой нервной привычке уже лет двадцать. Костик, замотанный в какие-то тряпки, ёжился у подножия лестницы в компании двух похожих типов. Они как будто невзначай подходили то к одному, то к другому прохожему и так же быстро ссутуло отходили, когда им отказывали.

Антон оглянулся. Другого выхода со станции не было. К нему подойдут точно, “своих” чуют даже через много лет. Антон вспомнил уловку, когда нужно было в старших классах слинять из лица посреди уроков мимо въедливых охранников. Он прикладывал к уху телефон и начинал изображать, что говорит с мамой: “Да, мам, ага, вижу твою машину, бегу-бегу, извини, долго передевался”. Обычно охранники не прикапывались.

— Да, Пётр Алексеевич! Конечно. Я вас понял. Давайте попробуем какие-то другие варианты. Вас какие даты интересуют? Мы что-нибудь придумаем. У меня под рукой нет компьютера, сейчас добегу до дома, смогу вам сразу отписать! — нехитрого монолога хватило на всю лестницу. И вот Костик как-то неуверенно отделяется от компании и двигается в сторону Антона. Вот они уже в двух шагах друг от друга. Костик пыгается непринуждённо улыбнуться. Поднимает руку, наверное, похлопать по плечу. Антон, быстро сообразив, ловит руку Костика и крепко пожимает. Чуть отодвинув телефон, громко шепчет: “Привет, братан! Рад тебя видеть! Сто лет! Как сам?”. И, не дождавшись ответа, прибавляет шаг: “Да-да, конечно, с этим я согласен. Но вы и мою позицию поймите, это же полный абсурд получается. Действия сотрудников непродуктивны!” Ещё несколько метров Антон ощущает, что Костик неуверенно плетётся сзади. Антон всё идёт и идёт, с трудом стараясь не переходить на бег. Толпа вечерних пассажиров постепенно расползается по переулкам. Антон продолжает говорить всё так же громко и возмущенно, пока не проходит квартала три. Пронесло...

Пронесло? Оборачивается. Облегчённо вздыхает. И тотчас обдаёт жаром, как будто в баню вошёл, — накатывает чувство стыда. И следом детские картинки, эпизоды, страхи, бесконечные кошмары последних лет... Ещё неизвестно, что хуже: общение с Костиком или их общие воспоминания.

И вот уже Антон как будто не на унылой зимней улице спешит домой после смены, а там, в неторопливом лете, ставшем рубежом его детства...

В тот день они расчерчивали поле боя: рисовали на песке расположение войск, делили линии фронта. С крыльца их окликнул Мишка Батон. Батоном его прозвали, потому что жирный был. Перестройка, магазины пустые, родители без денег, пацаны все тощие, а этот — как колобок. Вот и дразнили его от зависти. Отец Батона заправлял каким-то судом, его видели редко. А брат Батона работал на заводе, по вечерам ходил поддатый и отвешивал люлей всем, на кого младший показывал. Потом брату надоело мальчишек ловить, и он смастерил Батону здоровенную рогатку. Но кого удивишь рогаткой, пусть даже большой. Залезь на дерево (если, конечно, пузо не мешает) — наломай сколько хочешь этих рогаток. Потому брат смастерил ещё и особенные “патроны”. Вечером Батон вышел со своей рогаткой на крыльцо. Мальчишки были увлечены игрой и лишь по привычке обернулись на звук захлопнувшейся подъездной двери, но, увидев Батона, брезгливо отвернулись.

— Эй! — крикнул Батон. Никто не повернулся к нему. — Ща как стрёльну! — он навёл рогатку на копошащихся ребят.

Первым распрямился Лёха.

— Давай, стреляй! Чё, слабó?

Остальные мальчишки тоже начали подниматься и, деловито выпятить грудь, стали дразнить Батона.

— Крутой, да?! Стреляй, рискни!

— Попадёшь — держись!

— Да гляньте, он её даже не зарядил! Ну, лошок! — Антон вместе со всеми соревновался, кто подразнит громче и смешнее.

Батон подержал мальчишек под прицелом несколько мгновений и опустил “оружие”. Потом достал из кармана горстку “патронов” и медленно примерился. Мальчишки с любопытством смотрели. Рогатка, уже заряженная, снова уставилась на ребят, потом неспешно повернулась вправо на старый расстрекавшийся дуб и немного подалась назад от сильного натягивания. Хлоп. Батон отпустил тетиву.

Дальше... Антон помнил только, как совсем рядом с глухим воплем упал Костик. Антон как будто в замедленной съемке повернул голову и ошарашенно уставился на скрутившегося у его ног друга. Рядом с ним валялся окровавленный “патрон” — согнутый крючком гвоздь.

Привели взрослых, помчались ловить Батона. Антон вспоминал урывками. Просто кадры, один за другим, как будто замершие навсегда. Никто не мог понять: то ли гвоздь отскочил от дерева, то ли поменял траекторию и, бешено вертясь, высверлил Костика глаз.

Антон потом ездил с мамой к Костик у в больницу. Тот сидел на койке с залепленными бинтами глазами и бойко болтал:

— Я теперь как пират, скажи?! Я своих попрошу черную повязку купить! Жаль, доктор сказал, скоро буду как новенький — я бы остался пиратом! Вот мы наваяем этому жирдяю!

По дороге домой в дребезжащем трамвае Антон рассказывал маме, как они Батону устроят тёмную. Мама почему-то беззвучно плакала и обнимала Антона. А потом прижала и начала шептать ему в самое ухо быстро-быстро: “Маленький мой, самый родной! Обещай мне, ради Бога, никогда... никогда, слышишь? Не приходи к этому Мишке! Пожалуйста, никого больше не дразни! Я тебе куплю приставку! Мы накопим и купим! Уже в следующем месяце, слышишь? Только обещай, что никогда-никогда не будешь играть в войну на улице! Обещаешь?”

Антон хотел возразить: “Как же не играть в войну? Во что же тогда? И как наваять Батону, если к нему не подходить?” Но мама всё плакала и плакала, и уже пассажиры как-то тревожно смотрели на них. Тогда Антон отодвинулся и по-взрослому, как делал отец, погладил её по спине: “Мам, ты успокойся. Всё будет хорошо. Я тебе обещаю”.

Стало ли хорошо — сложно сказать. Стало по-другому. За пару месяцев двор опустел. Кого отправили к бабушкам, кого держали дома под разными предложениями, кого вдруг начали таскать с собой на работу.

Антону купили приставку. Как выяснилось много лет спустя, мама продала свои серьги с рубинами — подарок бабушки. Узнал это Антон уже будучи отчисленным студентом, когда ему позарез нужны были деньги. Диким и глупым показался ему такой поступок матери. Двадцатилетнему Антону, “поставленному на счётчик” за наркотики в долг, казалось, что именно те серёжки, так по-дурачки проданные матерью, могли бы решить все его проблемы...

Костика выписали только через три месяца. Потом он ещё до самого Нового года ездил по разным санаториям. Его мечта остаться пиратом сбылась. Глаз вернуть не смогли, и Костик ходил с повязкой.

А Батону так никто и не наваял. На следующий день его отвезли в деревню. Через пару недель куда-то съехала и вся его семья. Больше их не видели.

Антон и не заметил, как добрёл до дома. Настроение стало тягостным. Он вытащил из кармана горсть мелочевки, в поисках ключа от домофона.

— Вот чёрт, ключи! — он поморщился, увидев на ладони ключи от пищеблока. — Идиот, забыл сдать охране! — Антон растерянно замер перед подъездом. Снег валил хлопьями... Завтра у него выходной. А теперь? Не оставил ключи — снова тащиться в Москву, а это считай полдня в никуда! Уродский вечный стресс. Стрес-с-с — слово-то какое противное! Как ногтями по школьной доске.

Антону вдруг захотелось плакать. А следом накатила злость от жалости к себе.

Открыл дверь квартиры, машинально промямлив: “Привет, дед!”. Взгляд зацепился за родной скейт. А ну вас всех! — Он швырнул сумку, ухватил доску и, прихлопнув дверь, сбежал по лестнице. У подъезда вспомнил, что забыл в сумке плеер, и несколько секунд стоял в нерешительности: вернуться, нет.

— Да вашу мать! Надоели! — прошипел он кому-то в небо. — Успокою я сегодня наконец?! Так покатаюсь, плевать!

Он шёл по заснеженным вечерним улицам. Прохожие косились на зажатый подмышкой скейт, на его двухдневную щетину.

— Че пялишься? — мысленно давал он отпор каждому. — Скейт не видел, жиртрест? А ты, синюшный, только бухать умеешь? — При этом Антон отводил взгляд или стеснительно улыбался, за что злился на себя ещё больше. Хотелось одиночества. Только так, кажется, можно было освободиться от бесконечной неловкости и стыда. Перед родными, девушкой, сослуживцами, прохожими.

Всё шло не так. Ключи, забытый плеер, обрекший его на диалог с собственными мыслями, эти механические улицы, медленно движущиеся ему навстречу, лишний плачущий снег, лишние прохожие. Вечер не задался! Он шёл, пытаясь сжаться в точку, незаметную миру.

Наконец остановился. Ноги сами вспомнили дорогу: старая площадка над теплотрассой. Маленькая, конечно, и захламленная, но зато снега нет: он таял, ещё не коснувшись асфальта, оставляя мокрые следы. Правда, Антон не один оказался таким умным. Двое мальчишек лет тринадцати разучивали переворот по видео с телефона. Они оторвались было от экрана, но, взглянув на Антона с бесстыжей подростковой снисходительностью, отвернулись. Он кивнул им, наклонившись, как будто затащить кеды.

Ботинки! Ну и придурок! — на нём были совсем неуместные зимние ботинки на липучках. Для виду он их поправил, но сути это не меняло: ботинки были на толстой тракторной подошве, буквально неделю назад вытащенные с антресолей — уж больно зябко стало ждать на всех пересадках до работы.

— Пофиг, всё равно уже! — пробубнил он достаточно громко. Услышав своё “пофиг”, он невольно улыбнулся. И правда, кому какое дело. Не повыпендриваешься, конечно, в такой обуви, но проветриться можно.

С плеером было б полегче! Антон старался не замечать пацанов, но чувствовал их любопытные взгляды. Он перебирал в голове любимые мотивы. Ботинки жёстко фиксировали подъём, через подошву почти не ощущались движения доски, но постепенно он перестал нервничать и, наконец, немного выдохнул. Обрывки любимых мотивов вытеснили калейдоскоп болезненных воспоминаний; он крутился на доске, немного неумело, но весело. Как будто снова был подростком, радующимся каждому даже неуклюжему движению. Когда он присел на перила передохнуть, вокруг уже было пусто. Он не заметил, как мальчишки куда-то ушли. Снег прекратился. Он один на этом чёрном асфальтовом островке, а вокруг всё как будто бережно упаковано, завернуто в снег. Тихо. Прислушался — вроде и в душе улеглось. Теперь можно домой.

Он неспешно брёл назад. Струйки пота щекотали спину под толстовкой, мокрые перчатки покалывали горячие ладони. Антон стянул шапку. Приятный холодок обдувал. Настроение совсем выправилось: мысли об уютном вечере грели... Чаю с дедом навернём! Пельменей нажарю, с лучком. Как раз его футбол через час начнётся!

С дедом жить забавно. Да и легче, чем с родителями. Особенно когда тебе под тридцать. Можно при случае говорить, что за стариком просто присмотр нужен (а то нынче, если в тридцать живёшь с роднёй — уже недоделок как будто). Дед хорош молчанием, своим ритмом. Дверь в квартиру закроешь — и как отрезало от суеты. Когда бабушка была ещё жива, дом дышал жизнью, двигался. Дед тоже никогда без дела не сидел, но как овдовел, то будто тише стал, медленнее.

И Антону нравилась эта медлительность, неспешность, эта обособленная

жизнь. Он чувствовал себя здесь защищённым. Как будто в детстве, но не его реальном, а в детстве из книжек Гайдара, советских фильмов, родительских рассказов. У него не было пионерских лагерей на три смены и школьных кружков, не было вожатых или других старших, которые бы приглядывали, поддерживали. В его детстве были тревожные взгляды мамы, её слёзы и папины бесконечные подработки, поиски денег. А потом подработки закончились, появились папины бутылки. В последние годы у родителей как-то выровнялось, но почему-то, как только он заходил в родительскую квартиру, внутри поднималась тревога, даже страх.

С дедом было спокойно. Нет, они с бабушкой не накопили денег на чёрный день. Просто оба были родом из военного детства, и вся эта мрачная суета девяностых воспринималась ими как нечто, что обязательно схлынет, пройдёт. Не блокада! А уж с остальным справиться можно.

Антон подошёл к подъезду, полез в карман и снова вспомнил про ключи от пищеблока. Ладно, что-нибудь придумаем. Значит, в Москву завтра. Ничего, возьму скейт, там, кстати, в центре всегда расчищено, вдоволь покатаюсь. Алиске позволю, в кафе приглашу, она любит выбираться в центр, — он улыбнулся простым решениям тех проблем, которые ещё пару часов назад казались тягостными и невыносимыми. В последние годы он научился выдыхать и давать себе время на обдумывание, вместо того чтобы сразу отчаиваться. Эх, эту бы способность отослать Антону-подростку, которому жизнь казалась беспросветной.

Поднимаясь по лестнице, Антон замечает тень на втором пролёте у мсоропровода. Тень двигается. Да мало ли кто! Антон пытается унять зарождающуюся тревогу.

— Привет!

— А! Привет, брат! — Антон отвечает как на автомате, даже улыбается слегка. — Рад тебя видеть! Как сам?

— Да это... нормально. — Костик по привычке смотрит куда-то в сторону.

Антон и сам до сих пор с трудом заставляет себя смотреть людям в глаза.

— Давно не появлялся! Уже год, наверное! Лечился?

— Да не совсем... Два два восемь*. Ну, сам знаешь. Полтора года дали. Если бы не предыдущее, условный был бы. Но судья докопался. Не вернуться.

— Бывает.

— Но теперь всё, лечиться еду.

— Вот молодец! А куда?

— Пока не решил. Но теперь точно. Теперь уже насовсем.

— Красавчик! Всё правильно! — Антон пробует потихоньку начать обходить Костика, чтобы подняться дальше. Телефон остался в квартире, так что недавний трюк не пройдёт.

— А ты как? — Костик неловко пытается запихнуть руки в карманы потертых джинсов, переминаясь с ноги на ногу. На куртке карманы оборваны, не спрятать опухшие кулаки.

— Да ничего, как все. Рутина, сам знаешь.

— Ты всё с доской? Не холодно?

— Да не, отлично!

— А мне вот что-то холодно. Одежды тёплой не осталось. Раздал ребятам, когда понял, что посадят. А вернулся, и нет ничего. Поесть бы, согреться. — Костик ёжится, мнётся. — Может, будет у тебя рублей двести?

— Не, Костян, я вот катался, с пустыми руками! — Антон знает, на что Костику деньги. И в то же время так не хочется сейчас портить настроение. А с каждой минутой разговора всё больше затягивает то тёмное, страшное, давнее, постоянно сверлящее изнутри. В заднем кармане есть сотни три точно. Сунуть бы, и дальше. Костик отлипнет, и можно будет забыть... Но ведь

---

* 228 — статья УК РФ «незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов...»

понятно, зачем ему деньги. Забыть не выйдет. Потом опять накроет, внутри будет стыдом гореть, разжедать. За нечестность свою, за слабость.

— Понимаешь, чтобы на работу устроиться, надо одежду нормальную купить. А денег-то негде взять. Я пока жду, ребята обещали достать. Вот с едой хуже. Хоть согреться бы. Я могу подождать, если у тебя дома есть. Ты не думай, я отдам. — Костик разглаживает длинную челку налево. Его сальные волосы сильно поределли. — Как на работу устроюсь, все долги раздам. Теперь уже точно понял, что это не мое!

Антон смотрит на Костика, и тошнота накатывает от этого зеркального отражения его самого семилетней давности. Фразы, мысли, интонации...

— Нет, брат, извини, сам на мели! Зэпэ подчистую. Ты ж понимаешь, с моим прошлым только на конейки устроиться можно, все проедаю, сам в долгах. Хочешь, заходи! Я тебя обедом накормлю! Дед всегда рад гостям.

И вот на какой-то миг Костик как будто замирает. Глаза его, тёмные, затравленного зверя, вдруг освещаются чем-то тёплым, человеческим. Антону хочется зажмуриться и очутиться снова там, где им лет десять... Они грязные притащились к Антону домой. К Костику бесполезно — там крикливая бабка. Мать Антона тоже, конечно, ворчит: “Опять на пустырь ходили? Грязищи-то нанесли! Выпороть бы обоих!” Но её ворчания надолго не хватает. Отправляет руки мыть, и за стол. Набив рот, они болтают, смеются...

В семье Антона любили и оберегали Костика, ему часто разрешали оставаться на ночь. Его ласково звали Костик, помня о его детской беде. Пройдёт всего три года, и эта дружба обернётся бесконечным кошмаром, *употреблением*, раскаянием, новыми дозами.

Антон смотрит на Костика. Он всё понимает. И Костик понимает. От того сутулится сильнее. Ему бы сбежать сейчас от стыда, да проклятая тяга вертит-крутит, заставляя до последнего унижаться ради денег. Антон всё это проходил. Вместе проходили. И тошно от этого, и бессилие двинуться с места не даёт. Молчание затягивается. Костик тоже не двигается, смотрит под ноги.

Снизу слышатся шаги. У обоих как будто отлегло.

— Чего стоишь, ключи что ль забыл? — дед смотрит на Антона, неспешно поднимаясь по лестнице.

— Дед! Привет! Да нет, вот встретился тут... А ты чего? — Антон готов деда расцеловать, впрочем он пришёл.

— В магазин ходил. Папиросы кончились. Чего тут-то отираетесь, если ключи есть?

Костик едва слышно произносит “здрасьте” и отворачивается, как будто смотрит в окно.

— А чего, друг-то твой не зашёл? — дед неспешно стягивал ботинки, присев на обувницу.

— Костик? Да нет, он не зайдёт. Он из тех, давних.

Дед покосился на Антона:

— Из дурных твоих, что ли?

— Ну да, из... из *употребляющих*, — опять это чувство вины, стыда.

— И чего вам неймется... Молодые мужики. Ты-то хоть уже не балуешься? — дед, кряхтя, поднялся, стянул куртку. Антон стоял, как будто провинившийся школьник.

— Дед, я ж тебе говорил. Я уже семь лет как чистый. Иначе я бы сейчас не работал, а вон... как Костик. Да деньги бы у тебя таскал.

— Я б тебе потаскал! Деловой, — дед направился в ванную. — А он чего? Курит дрянь эту?

— Колется, — тихо выговорил Антон. — Да, думаю, да.

Антон стоял в смятении. Так бывало всегда, когда он видел бывших друзей, когда замечал на вокзалах эти трясущиеся руки, маниакальные взгляды. Потом долго ещё не отпускало.

Дед вышел из ванной:

— Чего стоишь? Пошли! Ужина ещё нет, а матч через полчаса. Вон на-
текло с тебя.

Антон машинально разделся, стянул промокшую толстовку и протиснул-
ся в кухню. Дед налил воды в кастрюлю, поставил на плиту и присел рядом.

— Курить будешь?

— Да не, дед, я ж не курю, ты знаешь.

— Ну, это я так. Не очень-то ты радостный от встречи с другом... Это
тот, который без глаза?

— Он самый. Костик.

— И чего дурень колется! И так девчонку не найти, а тут ещё нарко-
манит.

— Дед, ну у него ж травма.

— Да я помню, что без глаза. Но и слепые вон живут и ничего.

— Я про психологическую.

— Это чего такое? — дед достал было папиросы, но убрал в карман. —
Назовут же ещё умными словами.

— Понимаешь дед, это ж как — смерть так близко видеть. Мне самому
до сих пор страшно. Может, оттуда всё и началось.

— А чего её бояться, смерть? Раз рядом ходит — ещё не скоро загля-
нет. Видать, не подходишь ты ей.

— Да ладно б на войне, а пацана на всю жизнь просто так покалечило,
обидно!

— Это всегда обидно. Я вот, помню, у нас тоже ребята калечились,
да и помирали ни за что, в училище.

— В войну? Так ты ж в эвакуации был, в Азии, разве там много уми-
рало? Кормили, небось, хорошо.

— Кормили хорошо, это да. У курсантов паёк, как на фронте, калорий-
ный. Надо же было этих ребят как-то вырастить... Училище... Это у нас под
Саратовом лётное училище было. А когда в Туркменистан в сорок втором
эвакуировали — одно название осталось. Да и то потом меняли на “лёт-
ный лагерь Кара-Бугаз”.

Представь — пустыня бескрайняя. До ближайшего городка Кизил-Арбат
километров семьдесят. Весь лагерь — десятка два военных палаток да пара
дощатых домиков — для начальства и хозяйки. И вокруг самолёты стоят,
брезентом прикрытые. Вот тебе и всё училище...

А чуть дальше кладбище... в месяц двух-трех точно хоронили. Мне тог-
да сколько — лет десять, получается, было? Отец задание дал — на фанер-
ках звезду рисовать, имя и дату. Помню, сначала тяжело было — пыхтел,
всё хотелось покрасивее, а сам плакал. Рисую, а перед глазами лицо этого
Петьки или Лёши. Они ж со мной все за руку здоровались, учили разному:
кто на гармошке губной играть, кто стихи какие-нибудь. Отец после каж-
дых похорон подолгу, бывало, сядет и молчит. А потом говорил, мол, держись,
Вовка, это война.

Иногда за неделю двоих могли хоронить. Тоже всё рядом ходила,
смерть эта.

— Заразу, что ль, подцепляли?

— Да нет, молодость, видать, их губила. Самоуверенность, пыл, в небо
хотели.

— А как же их в небо отпускали, неподготовленных?

Дед рассеянно похлопал по пиджаку, потом снова выудил из кармана
смятую пачку “Явы”.

— А как ты его непустишь? Их присылают с бумажками, что всю те-
орию прошёл, и с указом в такие-то сроки подготовить для выполнения бо-
евых задач. А они до этого самолёты только по книжкам изучали. Мальчиш-
ки, и двадцати не было, только-только из-за парты. Отец сколько мог их на-
таскивал. Ты представь, парень из какой-нибудь Якутии. А тут жара каж-
дый день — сорок! У меня, у пацана волжского, голова к обеду гудела от
зноя. А им весь день занятия слушать, потом в *машине* раскалённой сидеть
отрабатывать. Да и самолёты, сам понимаешь, лучшие на фронт отправля-
ли. А нам старье да что попроще. А если ещё буря песчаная...

Дед покрутил папиросу, кряхтя потянулся за спичками, неожиданно громко продолжив:

— Ребята эти — все на фронт рвались! Эх, как куражились они в небе, глаз не оторвать. Отец ругал их страшно, и полетов лишал, и наряды раздавал. А им что... Каждый ведь считает, что смерть рядом пройдет, его не тронет...

Дед задымил.

— Не тронет... От этой дряни, говорят, тоже помирают! — дед с ухмылкой показал Антону дымящуюся папиросу. — Так что уж её бояться, смерть эту. Она найдёт, где прибрать.

Антон вспомнил, сколько раз снился ему кошмар про тот гвоздь, мог ведь свернуть чуть раньше и тогда угодил бы не в Костика, а в него. Сколько раз прокручивал он малейшие детали, которые могли всё повернуть по-другому. Он попытался выбраться из воспоминаний, стал разглядывать привычные предметы на кухне. Поглядел на деда. Может, что-нибудь расскажет. Хорошо бы, а то совсем тяжело на душе.

— Помню, хозяйственник у нас был — Василич — толковый мужик. Его тоже, как отца моего, на фронт не пускали. Только отца из-за квалификации, чтоб молодых учил, а у этого полступни не было, оторвало на заводе. Так вот, очень сообразительный был, отец за него держался... Он, понимаешь, умел как-то гробы доставать!

— Да уж, прям гений! Добра-то. Лучше б самолеты доставал нормальные! — Антону не нравился разговор, все больше уводивший к теме смерти.

— Э-э, темнота! Это тебе сейчас на каждом углу похоронное бюро, в каждом райцентре небось есть. А ты представь, ближайший аул — два часа езды на разваленном грузовичке. Туда не повезёшь хоронить, это на весь день машину занимать. Да и местные настороженно к нам относились, и хоронят они по-своему. А вокруг училища — пустыня. Землю копать — мука. А если не глубоко закопать — так ветром быстро верхний слой снесёт, а там и падальщики налетят. Без гроба здесь никак. Да и человек честно хотел за Родину воевать. Он что, своего места не заслужил на земле? Вон их сколько, до сих пор ищут, тех, кого похоронить не могли! Леса прочёсывают, целые районы. Велика она, земля наша, забрала себе, спрятала, обратно отдавать не хочет.

— А как же другим курсантам похороны: так ведь и боевой дух напрочь сбить можно?

Дед помолчал, прищурился, то ли от едкого дыма, то ли по привычке.

— Боевой дух... это дело такое... — дед неожиданно ухмыльнулся. — Помню, Василич как-то приезжает, а у него в машине сразу десяток гробов. Отец хмуро на него глянул, но что тут скажешь. Василич-то мужик толковый. Он всё отцу разложил: мол, пока он десять раз туда-сюда съездит, сколько машина километров накрутит, и так едва дышит. А им о живых заботиться надо, вдруг кто покалечился или заболел, а машины нет.

— Изворотливый твой Василич был.

— А как по-другому в военное время! Ему всё училище обеспечивать надо и едой, и одеждой. А спрос весь с него. Там ведь чуть что, объяснений не примут. Жёсткое время было!

— Всё равно, не по себе как-то. Гробы впрок.

— Да это ещё чего! Вся штука была в том, что хранить эти гробы негде было! Бараки заняты. Лишних построек нет, даже сарайчика какого свободного, где их возьмёшь, стройматериалы? Не ставить же гробы курсантам в палатку или столовую!

Антон невольно ухмыльнулся:

— Да уж, товар не самый приятный, под кровать не спрячешь.

— Вот-вот. Так он их за хозчастью поставил. Курсанты мимо идут, а тут — гробы. Территория маленькая, хочешь — не хочешь, наткнёшься. Не выдержали ребята. Сначала просто роптали на Василича. А потом взбунтовались. К отцу пришли, забастовка у них! Представляешь?

— Вполне логично. Люди всё-таки! Имеют право.

— Да какое право?! Война! Всех под трибунал за такое дело могли! Чудак-человек, это ж советские солдаты, в военное время подрывали дисциплину в лётном училище! Их по-хорошему арестовать и отправить в город для разбирательства, да поскорей, чтобы агитацию не разводили!

— Дед, это ты такой умный уже тогда был? Или сейчас понял? — Антон улыбнулся редко наблюдавшейся у деда эмоциональности.

Дед ухмыльнулся:

— Да не, я-то что. Я тогда перепугался. Лица у них, понимаешь... лица такие были, когда вошли... Испугался, что отца убьют... У меня же никого кроме него и не было. Помню, тайком приказы все читал, что ему приходили. Боялся, что его на фронт оправят... Но отец с ними держался жёстко. Они сначала молчали — а взгляды исподлобья. Потом один, умный такой паренёк был, Пашка Лосев. Он вперёд вышел и говорит уже так неуверенно, будто просит, а не ультиматум ставит. Я тогда помню, почувствовал, что отпускает меня страх: не сделают ничего отцу. Жалко их стало. Эх, малы пацаны были. Им бы ещё жить да жить...

Дед затушил сигарету.

— Так чем закончилось?

— Закончилось? Так ведь победой, Антошка! 9 мая — не знал что ль? — дед подмигнул.

— Да ну тебя, дед! С гробами что?

— С гробами-то? — дед достал обмётанный покойной бабкой платок, вытер лоб, аккуратно сложил его, как будто невзначай, погладил. — Отец долго ребят молчанием мучил. А потом говорит — так, мол, и так. Под трибунал он их не отправит. Дураков малолетних. Не для того, мол, страна их обучала, деньги тратила, чтобы потом они до фронта не добрались! Но за такие бунты с каждого наряд вне очереди: отдраить всё училище до блеска! Новые гробы такими партиями привозить не будут, но и эти обратно не отправят. А раз что не нравится, то пусть сами придумают, куда их спрятать. Срок — двое суток. Хоть портянки свои переведут, чтобы укрыть, ему, мол, всё равно.

— Пожалел, получается...

— Пожалел.

— А гробы-то куда?

— А они их разобрали. — Дед лукаво улыбнулся. — Сложили стопочками, все гвоздики да доски, как положено. И в хозсарае вдоль стены припрятали. И места мало занимают, и как будто, понимаешь, не гробы, а просто доски лежат. А как понадобятся — так собрать за полчаса можно. Гордые ходили, вроде как начлёт* победили.

Помню, потом отец с Василичем сидели на крыльце, выпивши, курили, в небо смотрели. Василич ворчал: “Пожалел, выходит?” “Война сама решит, кого пожалеть, — сказал отец. — А хоть пару месяцев пацанам ещё пожить”. Потом Василич успокоился. Вспоминать стали ребят ушедших. А отец ему и шуткует: “Василич, смерть — она же баба. Баба своё барахло везде приметит. А у нас барахло всё ненужное — вместо гробов доски в сарае да гвоздики. Глядишь, баба-то глупая, не поймёт, мимо пройдёт”.

Так что, Антошка, чего бабу-то бояться. Ходит она рядом, ну и пусть себе ходит.

Дед поднялся, посмотрел на кастрюлю.

— Тьфу, дурак старый! Газ не включил! Вот тебе и пельмени!

Антон улыбнулся:

— Иди, дед, а то сейчас футбол начнётся. Я сам. Приготовлю — принесу тебе.

— А ты что ль пропустишь начало?

— Да иди-иди, фанат. Я по твоим крикам и так пойму, что происходит.

Антону хотелось побыть одному. Подумать. Ему нравились байки деда. Для Антона они никогда не звучали как эти поучительно-назидательные

---

* Начлёт (разг.) — начальник лётного училища.

“а вот в наше время... что у вас за проблемы по сравнению с нашими... так что сидите и не нойте”...

Когда-то такие правоучения бесили Антона, толкали на улицу записать, занюхать. Все почему-то считали, что его можно вылечить постоянными упрёками и давлением. Сколько лет этот замкнутый круг было не разорвать. Они с Костиком часами жаловались друг другу, ненавидя весь мир, оправдывая каждую новую дозу безысходностью и враждебностью окружающих... Это тоже была война. Годы ушли у Антона, чтобы понять, что только ты сам можешь выбрать, на чьей будешь стороне. Что посередине остаться не получится. Так же как и бегать туда-сюда. Он выбрал. А Костик... Костик решил остаться там. Ему как будто и не к кому было идти сюда. Да и сил, наверное, не было. Слишком долгой и выматывающей была его борьба за выживание.

В рассказах деда Антон любил эту спокойную интонацию. Может, и в его жизни когда-нибудь настанет такое время, когда обо всех своих страхах и травмах он будет рассказывать так же размеренно и тихо, как будто всё случилось в далёкие-далёкие времена...

— Да ну что ж вы творите, бесстыжие! Кто вас понабрал?! Ноги бы оторвать! — послышалось из комнаты.

Антон улыбнулся.

КЛАД

— Слышь, пацан, что за барахло у тебя?

— Дяденька, купите тюльпаны! Красивые какие! Жене подарите!

— Где нарвал-то?

— Да в парке, далеко отсюда! Там много!

— И почём продаёшь?

— 100 рублей за штуку!

— Ну ты борзый! Вон в цветочном — 50.

— Мне деньги нужны, очень!

— Так у родаков попроси.

— Нету...

— Денег нет?

— Родителей нет. Бабушка нас с сестрой воспитывает. Мамка умерла зимой, а отца я не знаю.

— Ну и че, бабка тебя сюда послала? Или на сигареты деньги стреляешь?

— Нет, я не курю! Бабушка не знает. Она в больницу попала, старая уже.

— На лекарства что ли ей? Сколько надо?

— Да нет. На крещение. Сестренке.

— А это зачем?

— Если бабушка умрёт, нас с сестрой в детский дом сдадут. Сказали, что в разные, она маленькая совсем, а мне уже десять лет! А там в детдоме чего только не творят! Кто за неё заступится, если меня рядом не будет? Только Бог! А она не крещёная. Раз не крещёная — то и не заступится!

— М-м, это тебе кто сказал?

— Бабушка сказала, что когда родителей нет, только Бог заступится, никому другому верить нельзя. Меня крестили маленьким, а сестру так и не успели. А вот теперь вдруг бабушка умереть может. Нужно обязательно крестить, пока нас не забрали. Соседка говорит, она дня три присмотрит за сестрой, а потом уже не сможет, надо будет в приют звонить.

Мужчина посмотрел на Витьку, на его тюльпаны.

— Мороженого, может, хочешь?

— Не хочу. Мне деньги нужно заработать.

Мужчина постоял некоторое время, как будто оценивая Витькин товар.

— Пойдём, отойдём что ли, где потенистей, куплю парочку.

Витька, воодушевлённый мыслями о первых деньгах, помчался в сторону сквера. Мужчина неспешно пошел за ним.

— А мамка у тебя от чего умерла?

— Не знаю, бабушка говорит, уколы какие-то плохие делала и умерла.

Кто-то подсунул плохие лекарства.

Мужчина хмыкнул и пробежал взглядом по Витьке.

— Да, уколы нынче часто плохие. Тебе не колола она свои уколы?

— Да нет, я же не болел. А мама много болела. Ей всё время было плохо, она лежала белая-белая и тряслась. Только уколы и помогали... — Витька переминался с ноги на ногу, не решаясь уже попросить денег за цветы. Времени оставалось мало. — А вам какие дать: жёлтые или красные?

Мужчина помолчал немного. Потом как-то недовольно сморщился.

— Что-то они совсем хилые у тебя. Слушай, а ты по-другому заработать не хочешь?

— Да нигде не берут! Я уже просился и в кафе, и газетами торговать. Говорят, я для такого слишком маленький! Только с четырнадцати лет работать можно, иначе полиция поймает.

— Есть у меня работёнка, для которой ты в самый раз подойдёшь. И полиция таких не ловит... Хочешь?

— Хочу, конечно! На мойке что ли?

— Нет, у нас интереснее. Тебя как звать-то?

— Витёк!

— Ты, Витёк, клады когда-нибудь искал?

— Ну да, — радость Витьки поугасла. Времени на клады у него не оставалось. — Только вон в фонтане проще монеток набрать, чем клад найти.

— Это верно. Но у нас работа наоборот: клады прятать, чтобы потом другие находили, понимаешь?

— Понимаю! — Витька не очень понимал, но хотел сойти за взрослого, вдруг и правда работу предложит. Да ещё такую интересную.

— В общем, давай через полчаса подходи вон в ту цветочную палатку через дорогу. Там скажешь, что от дяди Миши.

— А при чем тут клад?

— Там тебе дадут клад. Ничего интересного: маленький пакетик, семена. Вот тебе их нужно будет спрятать. Тебе скажут, куда.

— И всё?

— И всё. Если справишься — получишь 100 рублей. Для первого раза. А потом получишь ещё клад, и за него уже сможешь получить больше. Чем больше кладов спрячешь, тем больше заработаешь.

— А не обманете?

Мужчина улыбнулся и потрепал Витьку по голове.

— Вот, вижу, умный, правильно, что интересуешься. Тюльпаны мне твои не нужны, но я дам тебе сто рублей, чтобы ты был уверен, что не обману.

— Просто так?

— Просто так. Я же тоже надеюсь, что ты не обманешь и спрячешь клад правильно. Потом вернёшься к палатке, тебе там отдадут твои заработанные сто рублей.

Витька выжидательно смотрел на мужчину.

— А можно сразу несколько взять, чтобы больше заработать?

— А ты, малый, не промах! — мужчина хмыкнул и достал из кармана сотню. — Давай для начала с первым справишься, а я посмотрю, на что ты способен. Вот, держи. Только уговор: никому об этом не говорить, понял?

— Понял! Это ж клад!

— Вот-вот. Этот клад очень нужен определённым людям. Но другие могут тоже захотеть его получить. За просто так. — Мужчина протянул сот-

ню и улыбнулся. — Не забудь, подходи через час к палатке со своими тюльпанами.

Витька с нетерпением ждал дядю Мишу. Работа оказалась ерундовой. Он спрятал малосенький свёрток за трубой дома в соседнем дворе. Все, как сказали в цветочном. Его не обманули, сто рублей дали. Но следующий клад сказали, даст дядя Миша. И вот теперь он ждал.

Витька уже посчитал, сколько кладов ему надо спрятать, чтобы хватило на крещение. Он представлял, как придёт с гордостью в церковь, покажет деньги, и та вредная бабка запишет сестрѐнку. Он вспомнил, как прогнала она его утром... Витька долго стоял при входе, не зная, к кому обратиться в пустом и тихом пространстве церкви. А потом увидел бабульку, которая гасила и выбрасывала свечки. Она сказала, что крещение — это тоже работа, и за неё надо платить. На Витькины объяснения, что денег нет, она начала подталкивать его к выходу — “чтобы не шумел в приличном месте”.

Дядя Миша подошёл, когда уже начало темнеть. Он издали увидел Витьку и махнул ему головой, показывая в сторону подземного перехода. Витька помчался вслед.

— Ну что, малой — молодец! Проверили, сказали, ты отлично справился.

— А кто проверил? Уже нашли клад?!

— Да, нашли! Всё правильно спрятал.

Витька немного растерялся. Он не понимал, зачем кому-то рассказали, где спрятан клад, чтобы его так быстро нашли. Но дядя Миша был вроде доволен.

— А еще дадите?

— Дам. Но не здесь. Сейчас зайдѐм в метро. Держи проездной. Зайдѐшь со мной в один вагон, но сядь подальше, чтобы никто не знал, что мы вместе. Понял?

— Понял! А то следить будут?

— Вот-вот. Игра такая. Следить будут. Выйдем через четыре остановки на конечной. Там тоже будет палатка с цветами. Я уйду по делам, а ты к ним подойдѐшь, они дадут тебе сразу два клада и два места, где спрятать. Справишься — получишь ещё 250 рублей.

— Справлюсь! А можно сразу много кладов?

— Сразу нельзя. Ты можешь забыть, где прятать, и пропадѐт товар. Семени то есть.

— А они дорогие?

— Конечно! Так что если ты вдруг потеряешь или не там спрячешь, придѐтся тебе за них самому платить или отрабатывать. Пакетик — четыреста рублей. У нас с этим строго! А то бабушке твоей придѐтся отдавать.

— Понял! Нет, я не напутаю ничего. Пойдѐмте скорее, может, успею ещё больше спрятать!

— Может, и успеешь. Но не забудь: если кто спросит, ты меня не знаешь. Просто играешь с мальчишками, прячешь клад, кто дал — не знаю, сам нашѐл. Понял?

— Да понял-понял! Я всё сделаю!

— Ну, вперед. Да, и в том цветочном скажешь, что ты от Стаса.

Витька счастливый шел домой. В кармане у него лежали семьсот рублей. Он почти не устал. Только с одним кладом оказалось сложно: сказали закопать возле дерева и сверху прикрыть камнем. А совка с собой не было. Земля из-за жары была сухая, пришлось ковырять её пальцами. Он посчитал, что за два дня соберѐт всю сумму. А если вдруг повезет, то и за завтра.

Бабушка говорила, что в случае беды им с сестрой надо идти в церковь: “Там никого не бросят. Бог всех, кто к нему приходит, любит и оберегает”. Теперь Витька был доволен. Он заработает столько, чтобы и сестрѐнку Бог полюбил.

“O, DOLCE NAPOLI!”*

Неаполь... На Москву похож. Летнюю. Жаркий, шумный, неугомонный. Не спящий. В полпервого ночи, уставшая — с запоздавшего самолёта — вышла из отеля вдохнуть морской прохлады... Но подхватил, закружил, унёс в знойную ночь гвалт толпы, хаотично бродящей по широченной набережной. Фейерверки, уличные акробаты, жонглёры с факелами. Поспать бы, да велик соблазн раствориться в этом блаженно-бесмысленном потоке.

А утром — утром он яркий, заслоняет солнце своим великолешием. Только весь в строительных лесах, как моя Москва. Но здесь не ломают, здесь бережно реставрируют, подкрашивают, по кусочкам восстанавливают треснувшие витражи. Мой город варварски меняют, выкорчёвывают осколки памятного. Здесь — лелеют, гордятся. Как москвичке — обидно. И всё-таки радуешься тому, что хотя бы где-то сохраняют, сберегут драгоценное наследие.

Что ж всё о высоком, ведь жизнь — она в каждом звуке, в каждом мгновении. Выпить чаю с воздушным канале в той самой кофейне, куда любил заходить Гоголь, — что может быть приятнее в начале дня. В кафе всё по старинке, как в моём московском доперестроечном детстве: в каждом отделе заказываешь, запоминаешь цифры, идёшь к общей кассе, пробиваешь, и снова с этими чеками по каждому отделу. Зной невозможный. За барной стойкой толчея, столиков внутри не предполагается, а снаружи не укрыться от разыгравшегося солнца. Но официанты, одетые с иголочки, в белоснежных рубашках и отглаженных брюках, в какую бы забегаловку ты ни заглянул, как будто и не замечают жаркого натиска лета. Это — уважение к себе, к профессии. Они демонстрируют его так, чтобы окружающие тоже их уважали. Какую работу ты ни делаешь — делай её достойно. Рядом со стойкой огромный поддон, в котором бурлит вода: кофейные чашки не просто моют — кипятят. В такую погоду предосторожность не лишняя.

Хочется бесконечно стоять вот так, разомлев, растворившись в этой суете, слушать рассказы великолепного знатока Италии Евгения Солоновича. Замечательный переводчик, Евгений Михайлович, шестьдесят лет знакомит русских читателей с произведениями крупнейших итальянских авторов. Лучшего собеседника для знакомства со страной и её культурой не найти.

Италия — страна особенно благосклонная к творческим русским людям. Как много талантливых живописцев были отправлены сюда императорской Академией художеств для совершенствования мастерства. А сколько русских писателей и поэтов приезжали в Италию в поисках красоты и вдохновения. От Гоголя до Прилепина, всех и не перечислишь!

Именно Италия учредила сразу несколько совместных с Россией литературных премий. Крупнейшая — “Москва—Пенне”, лауреатами были Валентин Распутин и Фазиль Искандер. Пушкинская премия присуждается за произведения, “демонстрирующие связи и преемственность между итальянской и российской культурами”. Недавно заявила о себе поэтическая премия “Белла”. И, наконец, “Радуга” — для молодых прозаиков и переводчиков. Примечательно, что название “Радуга” итальянцы не стали переводить, они используют транслитерацию “Raduga”.

Уникальность этой премии в самом формате оценки. Прозаик может представить только один рассказ, причём совсем короткий! Это отличает конкурс от прочих, награждающих за творческие достижения в целом или за опубликованные книги. Ведь развернуться в таком ограниченном пространстве безумно сложно! На нескольких страницах ты должен быть предельно убедительным, должен успеть сказать о главном, при этом сказать хорошо, интересно.

Конкурс прекрасен своей объективностью. Никакого бэкграунда. Твои прежние достижения, почести и книги — оставь себе, дорогой автор. На суд жюри, в которое с российской стороны входят нынешний ректор Литинститута Алексей Варламов и бывший ректор Борис Тарасов, представь несколько страничек, выбери достойное и рискованное. Вот уж задача для

* Рассказ Елены Тулушевой “Клад” (“Про любовь”) был отмечен российско-итальянской премией “Радуга”. Награждение прошло 23 июня в Неаполе.

молодого автора! Дашь промашку — жди следующего года. Многие заявлялись не раз, прежде чем стать победителями.

Лауреатами премии в разные годы были хорошо известные читателям “Нашего современника” Сергей Шаргунов, Юрий Лунин, Дмитрий Филиппов. В этом году в короткий список наряду со мной вошёл Андрей Тимофеев с трогательным рассказом “В тёплых лучах” о переосмыслении молодым человеком своих чувств к жене. В коротком списке и Евгения Декина, которую Андрей также включает в “поколение традиционалистов” (вместе с лауреатами — Луниным, Филипповым и Тулушевой). Рассказ Декиной “Мальчик” жёсткий, “ножевой”.

Свободный от учёта прежних заслуг, конкурс даёт уникальный шанс новичкам. Так, лауреатом премии с итальянской стороны стала Элиза Гвидотти — антрополог по образованию. Разговорившись с Элизой, узнаю, что пишет она для души, нигде литературному мастерству не обучалась и до этой премии никогда не публиковалась! Для неё всё это — удивительная сказка. За Элизу приехала болеть вся её большая семья. В роскошном палаццо, где выставлены картины Караваджо, нам вручают премию, и семья Элизы занимает целый ряд, болая за неё так, будто она ещё не победила, и ей очень нужны их волнение и поддержка.

Элиза только закончила бакалавриат, впереди магистратура. Премия даже по европейским меркам вполне солидная. Она потратит её, чтобы отправиться путешествовать. А рассказ её удивительно прост и близок по духу своему России. Поменять имена главных героев да традиционный итальянский соус на наши блины — и вот уже перед читателями такой знакомый, щемящий сюжет: одинокая мать не хочет перебраться из покинутой всеми деревни к сыну в город.

Кстати, переводчица рассказа Элизы — Яна Богданова так же стала лауреатом премии в номинации “переводчик”. Яна учится на четвёртом курсе Литинститута и владеет не только итальянским, но и английским и норвежским! Для переводчиков конкурс проходит в два этапа — сначала ребята присылают переводы по своему выбору, а потом им предлагают выполнить перевод произведений из короткого списка премии. С Яной мы говорили о родном Литинституте. Только там, оказывается, есть кафедра художественного перевода с итальянского — место, собравшее удивительных людей, таких как Евгений Солонович и Анна Ямпольская, болеющих всей душой за своё дело, которых Яна благодарила за то, что они увлекли её любовью к итальянской литературе.

Утром в день награждения нас пригласили посмотреть полотна в залах Палаццо Дзеваллос-Стильяно, где размещается одно из художественных собраний спонсора премии Банка Интеза — Санпаоло, в котором несколько часов спустя и состоялась церемония вручения премии. Стоишь и смотришь на подготовку к вручению — расставленные стулья, разложенные буклеты, персонал, накрывающий скатерти и раскладывающий таблички с именами... Как будто ребёнок на сказку, которая произойдёт с тобой. Мы смотрели на эти приготовления с высокой лестницы, заговорщицки улыбаясь посетителям галереи, зная, что именно нас здесь будут чествовать вечером. А пока — прохладные залы и полотна Караваджо.

С Борисом Николаевичем Тарасовым, крупнейшим современным мыслителем и историком литературы, мы говорили о путешествиях, о столь близкой ему Франции, не раз приглашавшей его работать. Профессор Тарасов знает не понаслышке, что такое молодой писатель, как нелегко ему пробиться, искать свой стиль. С какой мудростью и теплом говорит он о творческой молодёжи. Мы обсуждали современную литературу. О том, что развивается она вспышками. От Бориса Николаевича услышать похвалу в свой адрес — честь. Вечером, когда на церемонии нам вручили прекрасно напечатанные альманахи с собранием рассказов и их переводом, я увидела отзыв Б. Тарасова о моём рассказе: “Сумела в одном эпизоде из жизни мальчика ёмко раскрыть... болевые точки разных срезов общества, драматическое столкновение простодушного и чистого детского сознания — с его потребностью любить и спасать — и тупиковых проявлений окаменевшего бесчувствия взрослого мира”.

Вручая премию, председатель Совета директоров Банка Интеза Антонио Фаллико подчеркнул: “Мы являемся свидетелями появления поколения молодых талантов, которые словом выражают свою креативность, жизненную силу, гуманизм и врождённую склонность к диалогу”. Другие выступающие говорили о выразительной силе и проникновенности рассказов, о наших произведениях, “проникнутых стремлением к свободе”. И с каждым словом становилось тепло от того, что старшее поколение действительно слышит и понимает нас, принимает и пытается помочь, поддержать.

Тронуло, что жюри выбрало мой рассказ. Он о боли начинающего взрослеть никому не нужного ребёнка. С этими ранними детскими травмами я сталкиваюсь на своей работе каждый день. И если мой рассказ хоть одного читателя заставит задуматься и стать более чутким хотя бы к одному ребёнку, то моя цель достигнута.

Молодым, как и писателям старшего поколения, обидно от того, что вокруг много несправедливости. Мы тоже видим боль и чувствуем её так же остро, как и наши наставники. Мы ищем выход, как искали его писатели всех времён. Мы пытаемся сделать хоть что-то: достучаться, расшевелить. И если написанное нами кажется жёстче или грубее, так это не потому, что загубели наши души, а потому, что мы пытаемся обратить внимание читателя на то, что происходит вокруг. Ведь кто, если не мы, сможет запечатлеть несовершенство мира, чтобы остановился читающий и посмотрел в это отражение, чтобы заметил, задумался, захотел изменить.

МАРИНА ПЕРОВА

СЕГОДНЯ ДЕНЬ ТАК СОЛНЕЧЕН И МОЛОД

* * *

Огромное пылающее солнце
Над домом и над лесом поднялось,
И в глубине, в бревенчатом колодце
Огнём багряным небо занялось,
Когда ведро с водой я поднимала.
В безумной пляске огненные блики
На глади водной яростно и зло
Дробили мир и умножали лики,
И солнце в этом множестве росло,
А дна лучом никак не доставало.
Тогда я опустила на колени
У старого забора на снегу,
Растерзанном на всполохи и тени,
И стала пить. Но так и не могу
Вместить в себя огромное светило!

ПЕРОВА Марина Андреевна родилась в июне 1991 года в селе Старые Байдары Половинского района Курганской области. Окончила исторический факультет Курганского государственного университета. Аспирант КГУ, редактор газеты "Курганский университет". Участник совещания молодых писателей в Каменске-Уральском Свердловской области (2015), Всероссийского семинара-совещания "Мы выросли в России" в Бузуруслане Оренбургской области (2016), финалист Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов "Мицъри" в Москве (2016), победитель литературного конкурса "Стилисты добра" в Челябинске в номинации "Поэзия" (2017). Живёт в Кургане.

А снег сияет розовым и красным,
И небо пламенеет надо мной
Желанием единства неугасным.
Оно — перед лицом и за спиной.
Мой лес и дом — меня! — испепелило.

* * *

Вперёд!
Вперёд!
Без устали вперёд!
Не смей упасть,
Не смей остановиться!
Хрустит под каблуком прозрачный лёд,
Как в старом доме стонет половица.
Внизу — вода.
Холодная вода.
Я, кажется, перчатку обронила.
Горит над полумесяцем звезда
На небе, опрокинутом в чернила.
Ты слишком — здесь.
И ночь тебя полна.
И эта полнота невыносима.
Позёмки белой пенится волна —
У нас от страсти ветреные зимы.
Бежать вперёд!
От ветра,
от тебя,
от глубины,
где впору утопиться!
Бежать!
...Но знаешь,
честно говоря,
я так хочу остановиться.

* * *

Жадно смотрю
в эти сжатые губы,
Серых глаз
серебро.
Небо сегодня
на радости
скупое
И на закат щедро.
Полон перрон,
и на полном перроне
Каплей последней — мы.
Руку твою
неподвижную трону —
Пальцы от слёз
немые.
Выдави,
выброси
нас обратно,
Сумок и тел толпа!
Снег на вагонном
окне квадратном

АНДРЕЙ ТИМОФЕЕВ

НИНА

РАССКАЗ

По субботам возле северного вестибюля станции Павелецкая собирались бездомные. На просторную площадку между тяжёлыми стеклянными дверями метро и киосками с выпечкой и шаурмой каждую минуту волнами выплёскивались новые люди, смешивались, опять растекались, и только грязные фигуры, как бельма в глазу, маячили на своих местах. Особенно много их становилось здесь ближе к полудню. Некоторые сидели на корточках у стен и, закрыв глаза, покачивались, как птицы на жёрдочке; некоторые сбивались в проём в дальнем углу вестибюля, где лежали в ряд деревянные ящики из-под фруктов, на которых можно было устроиться, как на нарах. Одиноким полицейский обычно деловито прохаживался перед входом в метро, с брезгливым равнодушием поглядывая на них, а потом опять отходил внутрь здания, к турникетам.

Наконец, часам к двум дня со стороны Павелецкого вокзала появлялась группа парней и девушек с большими хозяйственными сумками. Они останавливались у свободного места у стены, чуть поодаль от стеклянных дверей, и, сиротливо оглядываясь, будто сами были бездомными или музыкантами в электричках, принимались раскладывать — один доставал термос

ТИМОФЕЕВ Андрей Николаевич родился в 1985 году в городе Салавате в Республике Башкортостан. Окончил Московский физико-технический институт и Литературный институт им. М. Горького (семинар М. П. Лобанова). Публиковался в журналах "Наш современник", "Новый мир", "Октябрь", "Роман-газета" и др. Лауреат премии им. Гончарова в номинации "Ученики Гончарова" (2013), премии "В поисках правды и справедливости" (2015), премии им. А. И. Кузьмина журнала "Наш современник" (2016). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

и стаканчики; другой открывал пакет с хлебом; третий готовил пластиковые тарелки и ложки для супа. Постепенно вокруг них начинали собираться бездомные. Самые пронырливые набегали первыми, обжигаясь, хватали тарелку и, отскочив подальше, принимались торопливо втягивать в рот горячий бульон. Потом подходили мужики в одинаковых рабочих куртках, отличающиеся друг от друга лишь цветом шапок-пидорок, — эти брали свою порцию спокойно и с достоинством. Женщины с пропитыми лицами, похожими на перезрелые сливы, забирали по несколько пакетиков с курицей и гречкой, ловко рассовывая их по карманам и попутно интересуясь, что сегодня ещё принесли из еды и одежды. А те, кто был сильнее потрёпан жизнью, люди без пола и возраста, с заплывшими глазами и гноящимися порезами на толстых негнущихся пальцах, неловко хватали посуду дрожащими руками и, усаживаясь прямо на асфальт, принимались есть, загораживая проход другим.

Это место кормления было ещё не так известно — со всей Москвы стекались на Кожевническую улицу или на Курский, а сюда захаживали в основном бывалые. Они уже знали эту жизнь: еда на таких вот пунктах, иногда мытьё на дезстанциях, а если повезёт — погреться в автобусах-накопителях у вокзалов. Они не хотели вернуться к нормальному существованию, не просили купить билет домой, восстановить паспорт; они лучше любого волонтера разбирались, когда и куда идти. И только мужик с разбитым костылём и замотанной синими больничными бахилами ступней каждый раз назойливо расспрашивал, можно ли ему оформить пенсию, и обещал прийти сюда через неделю с какими-то документами, но в следующий раз опять приходил без них и принимался расспрашивать о том же самом.

Обычно бездомные расходились быстро, едва получив своё, но сегодня не спешили, маячили рядом, наслаждаясь долгожданным состоянием сытости и млея на мягком мартовском солнце. На улице стало гораздо теплее, чем ещё несколько дней назад, и отчётливо ощущалось, что изматывающая зима отступила окончательно, а впереди — новое лето, и даже самые забитые и перемерзшие из пришедших как-то беззаботно распахивали замызганные грязью куртки. Принимались заводить обычные разговоры: жаловаться на жизнь или с обречённой настойчивостью выпрашивать денег.

Волонтёры с готовностью вступали в разговор: координатор их группы особенно настаивала на личном дружеском общении, чтобы не только накормить, а ещё и дать почувствовать бездомным, что они тоже люди, что и их кто-то любит. Впрочем, не у всех волонтеров это получалось. Так, молодой краснощёкий парень в очках по имени Юра, усердно работавший на раздаче, смотрел вокруг одинаково тёплым невидящим взглядом, стараясь всем улыбаться, но ни с кем не заговаривал надолго, каждый раз торопясь отвлечься: найти ещё ложек или закрыть термос, чтобы чай не остыл. А Мила, маленькая девушка в лёгком бедном пальтишке, говорила только с одним из пришедших — пожилым старичком, бывшим профессором в порванной куртке, но с длинным интеллигентским шарфом: он казался милым и вёл себя с ней подчёркнуто обходительно, будто великосветский помещик из позапрошлого века. И только координатор группы Таня, молодая коренастая женщина с сильными руками и громким, чуть хрипловатым голосом, успевала и распоряжаться по кухне, и лить перекисью водорода на чьи-то раны, а потом ловко бинтовать их, и одновременно строго расспрашивать о делах.

Чуть поодаль от раздачи стояла худая грузинка из тех, кто подходили за едой первыми, переминала пальцами кусочки хлебного мякиша, потом быстро клала его в рот, старательно обсасывала, в то же время скатывая руками новый тёплый комочек, и внимательно вглядывалась в волонтеров, а особенно в Таню, будто оценивая её. Она видела, что еда заканчивается, и с неодобрением смотрела на опоздавших, которые подходили, с надеждой спрашивая: “А чая нет?” — а потом с неохотой брали остывший пакетик с курицей и гречкой. Волонтёры начинали разъезжаться: кому-то нужно было отвезти оставшуюся посуду, термосы, нерозданные вещи, а кому-то просто хотелось скорее домой. И лишь когда на площадке у вестибюля осталось всего трое — координатор Таня, краснощёкий парень Юра и Мила, девушка в бедном пальто, грузинка всё-таки решила подойти.

У распотрошённых хозяйственных сумок в беспорядке валялись использованные стаканчики, а Таня, усмехаясь, медленно собирала их в чёрный мусорный пакет. Грузинка проворно схватила её за рукав куртки и стала требовательно трясти, мотая головой в сторону видневшегося через площадь здания вокзала, показывая, что нужно идти туда вместе с ней.

— Я Софико, Софико, — повторяла она с напором, словно это было самым весомым аргументом, чтобы подчиниться ей.

— Идти? Куда? — пыталась выяснить Таня. — Только мне или всем?

— Ребята, — обернулась она к Юре и Миле, уже заканчивавшим сборы, — давайте быстренько посмотрим, что тут.

Те вопросительно переглянулись, а потом Юра подхватил сумки, и все они двинулись в переход, ведущий на вокзал.

Софико шла первой, проворно обходя встречаемых прохожих, иногда ещё останавливалась, оглядываясь, и принималась делать таинственные знаки руками. Трое волонтеров нагоняли её, а она устремлялась вперёд, так что те поневоле опять отставали. Поднялись на другой стороне площади, вошли в суетливую теплоту вокзала — приятно запахло из блинной, равнодушно объявили о пребывающем поезде, приходилось то и дело петлять, чтобы не наткнуться на чьи-то тяжёлые сумки, а потом по кафельной лестнице спустились вниз, в просторный холл перед входом в туалет. Там Софико в последний раз остановилась и выдохнула:

— Здесь. Пять дней лежит, и никто ничего, у неё рак... Только я таблеточки ношу. А она глотает и ей хоть бы что. Я говорю, Нинка, Нинка, терпи, а ей хоть бы что, и никто ничего... — и вытащила из внутреннего кармана чайный пакетик, порванную карточку от метро, упаковку кое-чего анальгина.

Волонтеры растеряно молчали в ответ.

Таня плохо разбирала речь грузинки, ей хотелось прервать Софико, чтобы спросить что-нибудь конкретное: что это за больная, которая лежит в туалете пять дней, каков точный диагноз, какие документы есть при себе, но только хмурилась, ожидая, когда та закончит. Юра слушал, взволнованно поправляя очки, с неясным ему самому внутренним вдохновением. Он совсем недавно начал ходить к бездомным и всё ещё чувствовал беспечную радость от возможности оказать кому-то помощь. А Мила, первокурсница, полгода назад приехавшая в Москву из маленького городка на юге России, почти не воспринимала слова Софико и только испуганно глядела на них с Таней.

Пока они стояли в холле, туалетная кассирша, грузная женщина в синей униформе, поглядывала на них со злостью, уже догадываясь, зачем те пришли.

— Тридцать рублей вход, — сразу же сказала она громким нервным голосом, немного наклоняя тяжёлую голову вперёд, заранее готовясь встретить сопротивление.

— Мы ищем больную женщину, она лежит здесь, у вас? — подчёркнуто вежливо, но с внутренним напряжением спросила Таня.

— Тридцать рублей, — повторила кассирша. Её саму раздражало присутствие в туалете умирающей бездомной, за которую могли оштрафовать, но полицию она не вызывала, чтобы не быть виноватой в том, что больную выгонят на улицу, и теперь злилась и на неё, и на себя, и на этих холёных молодых людей, не знающих, что такое ежедневное изматывающее сидение на кассе, но словно нарочно пришедших сюда осуждать её.

— Почему вы не хотите, чтобы мы прошли? Мы просто хотим помочь, — вмешался Юра, чувствуя в ожесточении этой женщины слабость и надеясь её уговорить. А Мила только торопливо искала деньги в кошельке — каждая секунда этого разговора казалась ей мучительной, и она готова была всё отдать, лишь бы никто больше не спорил.

Заплатили, вошли. На белых кафельных полах вразнобой лежали обрывки намокшей бумаги, мятые пластиковые стаканчики. Пахло сигаретным дымом. Через открытую дверь мужского туалета было видно, как в глубине, перед зеркалами, бредет человек в парадном костюме. Ещё несколько секунд

волонтёры растеряно оглядывались, но потом заметили в дальнем углу ноги больной, торчавшие из-за двери.

Женщина лежала неподвижно. От громких голосов она, кажется, проснулась и едва разлепила глаза, но не в силах была долго держать их открытыми. Таня подошла к ней первой и наклонилась, стараясь разглядеть лицо.

— Как вы себя чувствуете? Где болит?

Та шумно вздохнула. Она была одета в засаленную жёлтую кофту, порванные в нескольких местах штаны и закутана в несколько слоёв толстым полиэтиленом, по-видимому, чтобы меньше пахло, — и мелко дрожала — то ли от холода, то ли от болезни.

— Надо подложить что-нибудь под спину, — понял Юра и, опустившись на колени, попытался неловко приподнять Нину за плечи, но промокший полиэтилен всё время выскальзывал из рук.

— Вы можете встать? — ещё раз обратилась к ней Таня, но та только жалобно покачала головой, втягивая губами воздух, и Юра опять положил её на пол, не зная, что же делать дальше.

— Она хочет пить, — вмешалась Софико, — её здесь не поят совсем, — а потом повернулась назад и мстительно взглянула на кассиршу, наблюдавшую за ними, стоя у турникета. Все словно пробудились после её слов: Таня поднялась решительно, а Юра поспешил в холл, где стоял огромный автомат с водой и сладостями. Софико зачем-то выскочила за ним и внимательно наблюдала, как он покупает бутылку воды, но всё не решаясь о чём-то спросить. А когда проходила обратно, нарочито громко сказала работнице туалета: “Я пройду”, — будто пытаясь показать, что теперь она не просто бесправная бездомная и сила уже на её стороне.

Юра поднёс горлышко бутылки к губам Нины. Та сделала несколько глотков и, кажется, даже благодарно кивнула, но почти сразу же сморщилась и зарычала монотонным утробным гулом. “Как будто в ней бесы”, — подумал Юра. А через несколько секунд та закрыла глаза и задышала теперь уже ровно и глубоко.

Две пожилые женщины, ярко и безвкусно накрашенные, проходившие в этот момент мимо кассы, на секунду остановились рядом.

— Что у вас тут происходит? — требовательно спросила одна, но не для того, чтобы вмешаться, а скорее, просто желая выразить недовольство громким звуком.

Волонтёры неловко замерли на местах, не отвечая. А когда женщины скрылись в дверном проёме, осторожно прикрыли большую дверь и, не сговариваясь, отошли на несколько шагов.

— Социальный патруль? — осторожно предложил Юра.

— Да, патруль будет не лишним, — рассеянно выговорила Таня.

— Самое лучше, конечно, хоспис, — продолжал Юра, ободрённый этим согласием.

— Да, да, — оживилась и Мила. — Давайте в хоспис!

Но Таня больше не отвечала и только ожесточённо стучала костяшками пальцев по ладони другой руки. Она не знала, что делать в такой ситуации, и её тяготило доверчивое внимание, с которым ребята смотрели на неё.

Раньше Таня работала в молодёжном центре при Даниловом монастыре, там была большая команда ребят с опытом волонтёрской деятельности. Но потом поссорилась с координаторами, и теперь сама организовала такую вот группу кормления на базе маленького храма Феодоровской иконы Божьей Матери при Российском Социальном университете. Ходили туда в основном студенты, как Юра с Милой, — все они уважали её и слушались безоговорочно. Сама же Таня воспринимала всё зло в мире как испытание, которое нужно преодолеть, и потому отчаянно истощала себя: ездила на благотворительные ярмарки, проводила евангельские встречи, каждые выходные помогала бездомными. Но иногда, в самый неподходящий день, её крепкое тело не выдерживало, и тогда она не могла встать с кровати и так и лежала до вечера. И вот теперь ощущала именно такую усталость.

— Если она грузинка, то в хоспис не получится, — сказала медленно, — хотя я не знаю, надо уточнить... — заторопилась, как бы извиняясь за свою слабость.

— Она, наверно, уже давно здесь живёт, — неуверенно возразил Юра, — должно быть гражданство.

Таня машинально кивнула, а потом повернулась к Софиго, переминавшейся с ноги на ногу неподалёку:

— У неё есть документы?

При упоминании о документах Софиго пожала плечами и недовольно скривила губы, словно у неё требовали её собственные. Тогда Таня вернулась к Нине и, стараясь не вдыхать кислый запах, наклонилась к распухшему лицу:

— Мне нужно посмотреть любой ваш документ, можно?

Нина только зашевелила губами, словно стараясь прожевать, но не открыла глаз. Тогда Таня развернула первый слой полиэтилена. Внизу оказался разрыв, через который можно было просунуть руку и попытаться нащупать в карманах что-нибудь твёрдое. Преодолевая отвращение, Таня присела и погрузила пальцы в мягкую тёплую жижу. Ей почти сразу повезло: в ближайшем кармане брюк обнаружилось что-то твёрдое, наощупь похожее на корочку документа. Вытащила, инстинктивно сделала несколько шагов назад, с трудом разлепила мокрые страницы. И увидела насыщенно-синие праздничные цвета, так непохожие на бледность российского паспорта.

Юра подошёл и из-за плеча стал разглядывать фотографию молодой черноволосой женщины.

— Красивая, — зачем-то сказал он и смутился. — Но это же документ, он действительный! Гораздо хуже ведь было бы, если бы он потерялся... Надо попробовать в хоспис, там за ней хотя бы будут ухаживать...

Таня кивнула, но по-прежнему думала о том, что ничего нельзя сделать.

Тем временем Софиго смотрела на них сердито. Приходившие на вокзал волонтеры, а особенно их старшая — Таня, раньше казались ей важными людьми, и она надеялась, что они быстро со всем разберутся и всех накажут. А теперь была разочарована их растерянностью.

— Нинка хотела умереть дома, в Тианети, — ожесточённо заметила она, будто споря с кем-то.

— У неё там родственники? — удивилась Таня. — Они могут её принять?

— Откуда я знаю?! — ответила грузинка с неожиданной обидой. А потом отвернулась, села на корточки и, опершись спиной на стену, с наивной картинностью закрыла лицо руками. Ей было и жаль Нину, и грустно за себя, и досадно, что она потащилась сюда с этими людьми и только подставилась перед кассиршей без толку.

— В Грузии, наверно, климат лучше, там можно дольше прожить, — заметил Юра, стараясь сгладить неловкий момент, но Софиго продолжила сидеть, держа руки перед глазами. Все опять замолчали. Юра некстати вспомнил, что сегодня хотел сходить на вечернюю службу в церковь.

В этот момент у входа всхлинула Мила. Она не отдавала себе отчёта в том, что плачет, просто стояла, а из глаз текли слёзы. Не понимая до конца, о чём спорят Таня и Юра и что за проблема с паспортом, она всё это время думала только о том, что эта неизлечимо больная женщина скоро умрёт, и от этой определённости ей становилось невыносимо тоскливо.

Юра увидел её слёзы, вздохнул и улыбнулся:

— Ну вот, теперь у нас у всех глаза на мокром месте...

Подошёл к Миле, ласково взял её за плечи.

— Глупышка, всё образуется, ведь затем мы и здесь, — заговорил он с ней, как с ребёнком.

Для Юры, действительно, всё было просто — любого человека вёл по жизни Божий промысел, и нужно было только захотеть следовать ему, чтобы всё стало хорошо. И так приятно было сказать это ей, и видеть, как Мила доверчиво наклоняется к его плечу, и чувствовать себя сильным и мудрым.

Таня стояла неподвижно, оглядывая всех, и от общего смятения к ней постепенно стало возвращаться её обычное самообладание. Не объясняя ничего, она вышла в холл и набрала номер телефона социального патруля. Не отвечали, она звонила ещё и ещё. Наконец, услышала ровный безраз-

личный мужской голос и стала говорить резко и даже зло. Она знала, как устроена эта служба, что у них только две машины на всю Москву и они с большой неохотой принимают вызовы, а потом имеют право приехать только через сутки. Ей было важно убедить диспетчера, что эта бездомная никогда не уйдёт с вокзала, а ещё что ею занимается церковная организация, которая в случае чего не оставит халатность безнаказанной.

Она вернулась, воодушевлённая и собранная.

— Юра, езжай в храм, — выговорила спокойно и строго. — Узнай у матушки, кажется, у неё был телефон Лизы Тусиевой, такая маленькая чёренькая девочка, помнишь? Иногда ходила с нами, кажется, она из Тбилиси, позвони, спроси, есть ли там знакомые, которые могут чем-то помочь, может, поискать родственников...

Остановилась, обдумывая что-то.

— Мил, тебе придётся подождать здесь. Соципатруль едет несколько часов, но вдруг повезёт, и он появится раньше. Если что, они обязаны отвезти её в приёмник и оказать первую помощь. А я схожу к дежурному по вокзалу, может, там помогут, хотя не знаю... У вас нет сейчас других дел? Вы согласны?

Юра кивнул, а Мила подняла покрасневшие глаза и шмыгнула носом.

Всё было вроде бы понятно, но они ещё минуту не двигались, будто оставалось что-то важное, что им необходимо было сделать. И все даже помнили, что именно: они всегда молились перед любым серьёзным делом, Таня особенно настаивала на этом. Но сейчас ни у кого не хватало духа начать или хотя бы сказать о молитве вслух. Немного постояли, потом рассеянно кивнули друг другу и разошлись.

Оставшись одна, Мила совсем растерялась. Она хотела выйти и ждать в холле, убеждая себя, что так лучше, чтобы не ссориться с кассиршей, — всё равно ведь придётся выходить встречать патруль. Но потом ей стало стыдно перед Софики, оставшейся рядом с больной. “Я совсем не думаю об этой бедной женщине, только о себе, — вдруг подумала она, — как же это ужасно...”

Она почти силой заставила себя посмотреть в лицо Нины. Глубокие чёрные впадины закрытых глаз, гнойная короста на месте рта. Это было так безобразно и жалко, что хотелось зажмуриться.

— Вот, ототришь, посушешь будешь, — услышала она голос Софики, протягивающей ей зелёный засаленный платок. Мила неловко улыбнулась, взяла и осторожно дотронулась платком до лица, ощущая грязное прикосновение, а потом неловко держала его в руках.

— Почему она заболела? — спросила шипло.

— Да откуда я знаю, — махнула рукой Софики и невесело усмехнулась. — Продавала розы в переходе. Прошлой весной пропала, киоск закрыли, а недавно появилась. Деньги-то закончились, видно, лечиться... Говорила, комнату её заняли, в подвале жила, здесь, рядом... Уехать хотела, да вот — не судьба.

Несколько подростков с шумом ввалилась через турникет, а потом ещё долго перекрикивались в туалете, так что Миле слышен был их грубый нахрапистый смех. Коренастый мужчина тащил тяжёлую, шаркающую по полу сумку и равнодушно косился на лежавшую на полу больную.

— Хорошая была женщина, — нараспев продолжала Софики, глядя перед собой. — Помню, поила кипяточком, специально чайник держала для меня, мы же с ней землячки, я из Ахалсопели... Помогала, не жадная была... Пятьдесят рублей мне как-то дала, вот так просто взяла и дала, — сказала она и со скрытой надеждой взглянула на Милу. — А мне, знаешь, тоже ведь хотелось ей приятное сделать, я встану возле киоска и зову: “Подходите, подходите, свежие цветы!” — а она: “Уходи, дура!” Гоняла меня, конечно, как без этого. Все нас гоняют... А теперь вот заживо гниёт, — добавила грустно, но будто какое-то удовольствие было для неё в жестокости этих слов, в том, что они были правдой.

Из холла раздался шуршащий звук кофе-машины, в ответ ему зашелестела в трубе вода, а потом опять стало тихо. Так просидели ещё несколько минут. Вдруг обе очнулись, как от толчка, и увидели, что по лицу Нины текут тяжёлые крупные слёзы. Софико наклонилась к ней, и та застонала. Звук почти не было, и только свистящий воздух выходил изо рта, усиливаясь с каждым выдохом.

— Таблеточку надо, неси воду, — заторопилась Софико, размашисто хлопая себя по карманам куртки, пытаясь найти затерявшуюся упаковку анальгина. — Кружку, кружку у этой спроси, — прикрикнула, видя растерянность Милы и показывая в сторону кассы.

Кассирша же глядела на них в приоткрытую дверь своей белой будки и не двигалась, не решив ещё, как поступить. Общее смятение захватило и её, но внутреннее упорство не давало сделать шаг навстречу.

— Да что ты за человек такой, ведь давала же когда-то, — закричала в сердцах Софико. — Разберутся сейчас, увезут её, — и та сердито завозилась у себя в столе, а потом протянула Миле кружку.

Мила побежала к раковине, торопливо стала наливать воду. Но кружка уже была полная, а она всё ещё продолжала стоять. Ей страшно не хотелось выходить к больной стонущей женщине, она шагнула к двери через силу, протянула Софико воду, стараясь не глядеть, как она даёт Нине таблетку, а та запрокидывает голову. Стоять рядом было невыносимо и, не думая ни о чём, просто чтобы сделать что-нибудь, Мила принялась набирать Танин номер. Но не попадала дрожащими пальцами по клавишам — казалось, даже телефон теперь вибрировал болью.

— Ей плохо, совсем плохо, — выдохнула она в трубку.

— Вызову “скорую”, беги на обычное место, встречай, — услышала она твёрдый голос Тани.

Мила опустила телефон.

— Мне надо, — виновато пробормотала она и, не оборачиваясь, выскочила из туалета. А потом бежала по длинным просторным коридорам, спускалась куда-то вниз, плутала в переходе между кассами, и ей всё казалось, что пока она торопится изо всех сил, Нине не так больно, а оттого и самой Миле было не так стыдно за свой побег.

Неожиданно она оказалась там, где и должна была, — на знакомой площадке у метро, на которой всего час назад кормили бездомных. Мила остановилась, оглядывая это привычное оживлённое место, только теперь никто здесь не обращал на неё внимания, никто заискивающе не заглядывал в глаза и не благодарил. Неподальку у обжитого бездомными закутка справа от вокзальных дверей столпились несколько человек, кто-то лежал, двое мужчин лениво дрались и кричали. Черноволосый парень в порванной куртке, то ли бездомный, то ли просто пьяный, заливал в горло бутылку пива.

Она была здесь чужой и потому не могла больше чувствовать себя в безопасности — ей хотелось убежать, спрятаться и никогда не приходить сюда, отдать всё, что у неё есть, навсегда исполнить свой долг и не видеть больше этой боли и грязи. Она боялась только, что скажет Таня и как потом будет невыносимо неловко перед ней за своё малодушие. И когда появилась запыхавшаяся Таня и начала что-то недовольно рассказывать про дежурных на вокзале, а затем заспешила к машине “скорой помощи”, остановившейся вдалеке, у киоска с сигаретами, Мила всё не могла справиться со своим смятением и только кивала, не слушая, и машинально шагала за подругой...

Врач оказался совсем молодым парнем. Он деловито кивнул красивой черноволосой медсестре, с трудом вытаскивающей из машины медицинскую сумку, взглянул на подошедших девушек, как будто по одному их виду понял, что “скорую” вызвали именно они, и двинулся к вокзалу.

— Вы знаете, что здесь есть медпункт? — спросил он с напором, когда они с Таней вместе входили внутрь.

— Мы видели указатель, но не были там.

— Я вас не спрашиваю, были вы там или нет, я спрашиваю, вы знаете, что “скорую” на вокзал вызывают из медпункта? — повторил он недовольно.

— Простите, больная не смогла дойти туда, — ответила Таня, мгновенно пугаясь своей едкости, которая могла сейчас только повредить.

— Девушка, ну, вы же понимаете, у нас много вызовов, — вмешалась шедшая сзади медсестра, стараясь сгладить острый момент.

Они с врачом вошли в туалет быстро, как хозяева, так что и кассирша, и Софики неподвижно встали у стены, ничего не говоря и только наблюдая за их решительными действиями. Врач подошёл к Нине, присел на корточки и недовольно оглянулся.

— Что у неё? Какой диагноз?

— Нам сообщили, что рак, — ответила Таня, но получилось по-прежнему едко.

— Рак чего?

— Я не знаю.

— А что вы тогда мне предлагаете? Полис давайте.

— Полиса нет, она гражданка Грузии. Но вы всё равно обязаны оказать помощь, — сказала Таня и опять почувствовала тяжёлое бессилие внутри.

Врач коротко усмехнулся. Он не ощущал брезгливости, спокойно прощупал пульс больной, наклонил голову, чтобы она не проглотила язык и не задохнулась. Но он привык всегда руководствоваться рациональностью, считая, что эмоции в их профессии могут только помешать. И теперь он понимал, что в больнице, куда была прикреплена его бригада, сейчас мало мест, а в онкологическое отделение её просто не возьмут, и потому не имело смысла держать в общей палате умирающую от рака бездомную, когда вместо этого можно было помочь кому-то другому.

— Мы сейчас сделаем укол, — сказал, немного подумав, — ей станет легче.

— Просто укол? — переспросила Таня. — Но через несколько часов опять случится приступ, и что тогда? Нужно госпитализировать.

Тот лишь пожал плечами.

— Кетонал, — кивнул медсестре.

— Поймите, у нас десятки вызовов, нас ждут люди, которым мы можем по-настоящему помочь, — ещё раз мягко обратилась та к Тане.

— А от таких сердобольных только увеличивается смертность, — продолжал врач, чувствуя её поддержку.

— Вы обязаны взять, — не сдавалась Таня, но уже без силы в словах.

— Я журналистка, я про вас напишу, — вмешалась Мила с отчаянной и наивной решительностью — так, закрыв глаза, бросаются в пропасть, но Тане сразу же стало ясно, что нет, не подействует.

— Да пишите, сколько угодно! — рявкнул врач, а медсестра ласково положила руки ему на плечи, стараясь успокоить.

— Это ваша работа, а это наша...

Таня хотела ещё что-то сказать, использовать, может, последний шанс, чтобы повлиять на ситуацию, и шагнула к врачу, хотя даже не придумала нужных слов. Но в этот момент случайно взглянула на Нину и увидела, что глаза её открыты, а взгляд осмыслен, и ей показалось, что та всё видит и понимает. Они секунду глядели друг на друга.

Таня выпрямилась, сказала: “Хорошо, делайте укол и уезжайте”, — потом медленно и даже гордо двинулась прочь. А когда завернула за угол, побежала по вокзальным коридорам, ощущая, что скорее умрёт, чем остановится. Вылетела на площадку перед метро, всей грудью глотнула горький уличный воздух и подскочила к машине. Увидела простодушное азиатское лицо водителя.

— Какой номер бригады? А как врача зовут? — и стремительно бросилась обратно.

Когда она опять оказалась в холле, Мила растерянно стояла у кассы вместе с Софики, а врач и медсестра шли к выходу. Таня встала перед ними, загородив турникет, и, стараясь побороть отдышку, отчётливо, почти по словам выговорила:

— Александр Павлович, я позвонила на горячую линию министерства здравоохранения, описала ситуацию и сообщила номер подстанции и вашей

бригады — двести четырнадцать. Если вы не заберёте эту женщину в больницу, я вас в покое не оставлю.

Они смотрели друг на друга, не отводя ожесточённых взглядов, а врач всё сильнее морщился, как от зубной боли. Но вот, наконец, зло усмехнулся и покачал головой:

— Что вы за люди, где вас таких берут... Давайте, молодцы, сделали своё дело, — обернулся к медсестре, бросил: — Позвони Нурлану, скажи, чтобы тащил носилки. Пусть в приёмном разбираются... — а потом отошёл в холл и встал, опершись на стену и прикрыв глаза.

Неловко переключившись Нину на носилки, стараясь меньше дотрагиваться до полиэтиленового мешка, Таня смотрела на это, ещё не веря в то, что всё получилось, и по-прежнему чувствуя бьющуюся внутри злость.

— В какую больницу вы её повезёте? — спросила, стараясь сдерживать дрожь в голосе.

— В 56-ю городскую, — устало ответил ей врач.

Он взялся за носилки спереди, а шофёр сзади, и понесли, с трудом проходя через турникет, застревая в нём, ругаясь. Мила стояла у стены. Ей было невероятно грустно, и тогда она коротко перекрестила больную, пытаясь подбодрить то ли её, то ли себя, но в следующий же момент смутилась своего картинного жеста и опустила руку.

Шли по вокзальным коридорам — медсестра впереди, освобождая дорогу, а Таня, Мила и Софико следом. Оказались на улице, врач и водитель медленно и осторожно погружали носилки в машину. Врач, не обернувшись, залез в кабину, медсестра попрощалась с холодной вежливостью. Таня и Мила ждали, когда закроются двери, когда заведётся мотор, а Софико стояла чуть поодаль, боясь подойти. Когда же машина уехала, Мила обернулась к ней, отрывисто кивнула, и они с Таней двинулись в сторону подземного перехода.

Софико осталась одна, будто забытая кем-то на этом шумном вокзале, переминаясь с ноги на ногу, шепча про пятьдесят рублей и вздыхая от своего внезапного одиночества. Ей хотелось плакать даже сильнее, чем когда она сидела возле умирающей Нины. “Эх, вот и уехала Нинка”, — неловко взмахнула она рукой и попыталась улыбнуться.

А тем временем Таня и Мила шли по краю широкой привокзальной площади, а вокруг стояли, сидели или рвались навстречу множество людей. Немолодой мужчина в толпе монотонно звал на автобус до Ростова. Женщина в капюшоне, почти закрывающем лицо, раздавала листовки у спуска в подземный переход, у неё под ногами ёрзал маленький ребёнок, и она иногда рывкала на него, чтобы стоял смирно. Рядом безногая просила милостыню. Ещё ниже по лестнице сидели двое бездомных, а один с наслаждением курил, откинувшись на грязную стену перехода. Они спускались вниз, и с новой силой хлынули им в глаза лица, лица... А когда вышли на той стороне площади, увидели на пятачке большую стаю голубей, теснившихся вокруг крошечной мусорной урны. Громко звякнул проходящий трамвай, голуби мгновенно взлетели, и весь воздух наполнился торопливым хлопанием крыльев...

В маленькой квартирке, где девушки снимали комнату на двоих, было пусто, и, войдя, они обрадовались этому, потому что не хотелось ничего сейчас рассказывать соседкам. Пока они шли от метро, на улице начался холодный скупой дождь, и теперь они молча снимали одежду, чтобы развесить на батареях. Таня налила воды в чайник, и он неожиданно громко зашумел, так что Мила вздрогнула.

— Надо будет разобраться с правилами помещения иностранца в хоспис, в больнице её продержат максимум до понедельника, — задумчиво сказала Таня, как бы для себя.

Мила кивнула, но ей стало стыдно оттого, что она даже не подумала, что нужно что-то ещё делать, будто на том, что больную увезла “скорая”, всё и закончилось.

— Знаешь, я поняла сегодня, что совсем не люблю людей, никого, — призналась она. — И эта Нина, мне так жаль её, но боюсь, что я и её не люблю...

— Давай помолимся, — спокойно ответила Тانيا.

Они встали перед большой иконой Богородицы, скотчем прикрепленной к стене возле окна. Миле хотелось быстрее начать произносить молитву, чтобы древние слова захватили её, наполнили успокаивающим размеренным движением, но Тانيا будто нарочно молчала, позволяя прийти самым мучительным мыслям. Она всегда делала всё самым тяжёлым способом, не давая поблажки ни себе, ни другим. А потом долго ещё шумел и трясся чайник, и они не могли начать раньше, чем он окончательно закипит.

Наконец, щёлкнуло и стало тихо. В этот момент в напряжённой тишине резко зазвонил телефон. Мила с выдохом опустила на стул.

— Юра, — многозначительно кивнула Тانيا и сразу отметила про себя, какой взволнованный у него был голос.

— Тانيا, Тانيا, привет! Я нашёл ту самую Лизу Тусиеву, ты слышишь меня, слышишь? — торопливо переспрашивал Юра. — Оказалось, у неё есть знакомые в социальной службе при Грузинской Церкви, они согласны принять эту женщину и ухаживать за ней...

— Удивительно, — неловко пожала плечами Тانيا, и мгновенно завертелась в голове мысли. — Подожди, а как её перевезти? Кто-то же должен её сопровождать?

— Реаниматолог, — ответил Юра, не скрывая беззаботного удовольствия от того, что знает профессию, о которой Тانيا, возможно, не слышала. — Есть, оказывается, специальные службы, которые этим занимаются. Рядом мой хороший друг, я рассказал ему эту историю, мы позвонили ещё двум ребятам и вместе собрали деньги.

Он старался говорить медленно, но иногда получалось взхлёб от радости, что всё получилось, конечно, всё должно было чудесным образом случиться, а они не верили. Мила тоже слышала громкий Юрин голос из трубки, кажется, он ехал в метро и пытался перекричать шум поезда, и ей было немного обидно, что она так много пережила за этот день и ничего по сути не сделала, а ему всё это так легко удалось.

— Сейчас я еду в аэропорт договариваться о рейсе, — продолжал Юра, но его слова потерялись в отрывистом резком гуле. — ...реаниматолог может вылететь с ней прямо завтра...

— Юра, ты молодец, — устало выговорила Тانيا и улыбнулась.

Она положила телефон, и девушки радостно и молча обнялись.

Миле вдруг стало так беззаботно, что захотелось прыгать по комнате, петь, танцевать. Но она постаралась вести себя сдержанно, неосознанно подражая Тание.

— Надо позвонить в больницу, — сказала серьёзно, — чтобы её предупредили, обрадовали.

Тانيا кивнула, стала искать в интернете точный номер больницы. А когда звонила, ещё не пришла в себя от оживления, и потому заговорила весёлым торжественным голосом, будто хотела поздравить кого-то с праздником.

— Здравствуйте, это приёмный покой? К вам сегодня должна была поступить женщина, Нина Марцваладзе... да, которая из Грузии... Мы хотели предупредить вас, что скоро... наверно, даже завтра, заберём её на Родину. Пусть продержится, потерпит еще сутки!

На том конце Тانيا почувствовала недоумение. А потом глубокий мужской голос медленно спросил её:

— Вы откуда, девушка? Где вы работаете?

— Я сотрудник при храме, — машинально ответила она. — Занимаюсь бездомными...

— Не тратьтесь на билеты, женщина скончалась.

“Скончалась”, — растеряно повторила Тانيا, сжимая в руках трубку.

Они с Милой посмотрели друг на друга, не зная, что теперь говорить. У Тани подкатила к горлу злость на больницу, на того врача из “скорой”, но ожесточённые мысли просто просто текли, не вызывая никаких чувств. Миле же стало так одиноко и показалось, что теперь уже никогда больше нельзя быть весёлой, нельзя беззаботно ходить в университет, разговаривать там с друзьями, заниматься своими обычными делами, будто ничего не случилось...

— Надо позвонить Юре, — тихо сказала она.

— Да, да, — заторопилась Таня, оживляясь от необходимости что-то сделать.

— Всё, Юр, она умерла, можно расслабиться, — выговорила в трубку, не дожидаясь Юриных вопросов, и сразу же подумала: “Господи, что за нелепая фраза, как так “расслабиться”...”

Юра секунду молчал, а потом твёрдо и даже слишком спокойно ответил:

— Значит, так должно быть, Тань... Как бы это ни было страшно.

Таня положила трубку и молча сидела, глядя перед собой. Монотонно стучал по карнизу дождь, разрывая тишину. В окне, как в кривом зеркале, отражался огромный, горящий огнями город, изуродованный дождевой рябью. Она смотрела в окно и никак не могла согласиться со словами Юры, думала, что он ещё слишком молод и просто не воспринимает весь ужас случившегося и что на самом деле нет никакого смысла в боли и одиночестве бедной женщины. Потом стала корить себя, что не помолилась перед тем, как пойти к администратору, что до конца не верила в то, что всё получится и что это она во всём виновата...

А через минуту увидела, что Мила закрыла лицо руками, и подседа рядом, обняла — было легче оттого, что Мила может сейчас заплакать и что кому-то нужны ещё её крепость и самообладание. Мила же сидела с сухими глазами, не думая ни о чём, просто прижимаясь к Тане, чтобы чувствовать чужое тепло. Медленно текли минуты, и постепенно внутри и правда что-то ослабло.

Конечно, девушки не могли знать, что в свои последние часы на вокзале Нина почти не испытывала боли. Она лежала в забытии, ощущая только холод, как когда-то зимним утром в Тианети на похоронах мужа. Они тогда стояли с дочерью Марией, глядя, как в запорошенную снегом могилу опускают гроб, и Нина плакала не столько о муже, сколько о том, как же им с дочерью жить дальше. И сегодня на вокзале ей всё казалось, что она по-прежнему стоит там, и до сих пор длится одно только это мгновение. А когда пробуждалась и слышала, что странные молодые люди собираются везти её в Грузию, то радовалась, но в то же время хотела изо всех сил сказать им, что не просто в Грузию, а именно в Тианети, на старое кладбище на берегу Иори, дожидаться лета, увидеть могилу мужа в цветах и постоять рядом, слушая их негромкий шелест...

В те часы на вокзале Нина уже не помнила свою дальнейшую жизнь — как поехала в Москву на заработки, чтобы содержать дочь, оставив её в доме у сестры, как ей сообщили, что Мария заболела, и как не было денег на билеты. И только когда русский врач наклонился над ней, Нину пронзила лихорадочная мысль, что укол нужно делать не ей, а Маше, но в следующее же мгновение она опять провалилась в зыбкое тупое ожидание.

Последние пять лет после смерти дочери она жила в Москве, уже не зная, зачем ей этот чужой город, зачем работа и деньги, привыкнув к размеренной тяжёлой жизни и не решаясь что-то изменить. Но даже в эти годы Нина иногда бывала счастлива. Это случалось по утрам, когда ещё только светало, и она стояла в переходе у входа в метро, открывая большие железные щиты своего киоска. Сердце её вдруг сжималось неясной радостью, и она начинала весело брызгать водой в сонные лица цветов, протирать разлапистые листья. В такой день всё спорилось у неё, клиенты попадались приветливые и щедрые, торговля шла бойко. А вечером она выходила из перехода на улицу и шла, глядя в мутное московское небо, и ей отчего-то казалось, что всё не зря и что её боль сохранилась где-то внутри, под мёртвой коркой, но уже не как боль, а как самое дорогое, что было на свете и что теперь навсегда останется с ней...

Последний раз она пришла в себя, когда её уже подняли на носилки, и увидела перед собой девушку в синей медицинской куртке, так похожую на её Марию, и подумала, что та выросла и приехала к ней в Москву. Нина улыбнулась ей, та взглянула тревожно, пошла сначала рядом с носилками, а потом обогнала. Тогда другая девушка, оставшаяся стоять у стены, маленькой, чуть сжатой ладошкой перекрестила их на прощанье, и Нине стало тепло, и боль исчезла навсегда.

СЕРАФИМА САПРЫКИНА

ЗАПИШИ МОЁ ИМЯ

* * *

Молча соболезнай
И не вопрошай,
Хороша ли бездна...
Очень хороша.
Ластится, ручная,
За собой влечёт
Добренький очкарик —
Близорукий чёрт...
Мы идём по двое,
Как тогда в ковчег,
Ни маслин, ни Ноя —
ничего вообще...

* * *

Не помрети панночке
До тех пор, пока
Алфавит припадочный
Хлещет по щекам
Дланью материнскою,
Детством угловым...

САПРЫКИНА Серафима Олеговна родилась в 1988 году. Окончила философское отделение Кубанского государственного университета, магистратуру СПбГУ по специальности “религиозная философия”. Участница Форумов молодых писателей России (2013, 2015, 2016). Публиковалась в журналах “Знамя”, “Зинзивер”, “Сибирские огни”, сборнике “Новые писатели” и др. Лауреат премии журнала “Зинзивер”. Живёт в Санкт-Петербурге.

Крестик кипарисный мой —
Свет из головы...
Спас-На-Слове кукольный,
Отче-Полиглот,
Не предам ни буквы
От твоих щедрот...

* * *

На призывы бездны сей
жутко отвечать:
Царствия небесного
На тебе печать.

Светится Прощеное,
Вербное горит...
Смерть шумит трещоткою
И меняет ритм.

Поджидает случая
Отвести домой.
Ты, когда отмучаюсь,
Приходи за мной...

* * *

Будет вот что — сплошной пустырь
Пошатнувшийся по оси.
Раздобудь бел-горюч-нашатырь,
Осторожно к вискам поднеси

Тело временное узко —
Не по Сеньке пошит сюртук...
По ничейной земле прыг-скок —
Знай, сердечко себе тук-тук...

Тятя, тятя, к нам смерть несёт,
Стелет дева свой лён и шёлк,
Ясным взором глядит, и всё
Не закончится хорошо...

* * *

Притчею о Лазаре
тешить бесполезно —
не прозреть безглазому,
глине — не воскреснуть...

Вспомнят, как положено,
пирогом да кашей.
Ничего хорошего
обо мне не скажут.

Прощевай, заклиная,
сгинь в глухой полыни...
Зеркала попрятали,
вымыли полы мы.

Пусть овцу паршивую
никому не жаль, но,
Отче, запиши моё
имя на скрижалях.

АЛЁНА БЕЛОУСЕНКО

ДОЧКИ-МАТЕРИ

РАССКАЗ

Глухо стучит мамино сердце под сорочкой. Олеся приникла головой: тук...тук...тук....

У девочки Саша из параллельного класса умер папа. Учительница сказала, что остановилось сердце...

Олесе не было жалко Сашу, с которой она и раньше мало разговаривала и которую с тех пор стала совсем избегать. Она чувствовала только жуткое удивление.

Тук...тук... стучит, но будто медленнее. А если остановится? От этой мысли Олеся приподняла голову и через мгновение плотнее зарылась под мамино крылышко. Мама так называла свою руку и, когда Олеся плакала, приглашала "под крылышко", а потом ласково убирала с лица спутанные волосы... В голове всё сдавило от подступающих слёз. Мама молодая, даже бабушка у них ещё жива. Мысль, что бабушка жива, немного обрадовала Олесю, ведь мама не может умереть раньше неё.

Саша появилась в школе через две недели. Деньги, которые собрали её маме, она взяла. Олеся не знала, сколько было денег, но ей немного захотелось, чтобы у неё тоже умер папа. Ей бы этих денег на многое хватило. На летающую фею из рекламы. И ещё на что-нибудь.

Олесин папа давно ушёл от них. От неё не скрывали, что он живёт с другой тётёй и покупает игрушки другим деткам. Олеся понимала, когда

БЕЛОУСЕНКО Алёна родилась в городе Удомля Тверской области в 1992 году. Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова (экономический факультет). Студентка Литературного института им. М. Горького (семинар М. П. Лобанова) с 2012 года. Лауреат фестиваля-конкурса "Хрустальный родник" (2015), ежегодной премии сайта "Российский писатель" в номинации "Новое имя" (2015), победитель конкурса фестиваля "Во славу Бориса и Глеба" (2016). Публиковалась в журналах "Наш современник", "Волга 21 век", "Польмя" и др. Живёт в Москве.

по телефону мама разговаривала именно с ним, — тогда мама ругалась и говорила, что Олесю кормить нечем. Олесе от этих слов становилось до горищи обидно, и она сразу же начинала кричать из комнаты: “Мама-а, не-ет!” Мама строго цыкала на неё, прислоняя трубку к груди: “Олеся, тихо ты!” Олеся тут же прибежала на кухню и, стуча кулаками по маминым бёдрам, отчаянно требовала: “Скажи, что я не голодная, мамочка, нет!” Мама ещё больше злилась на папу и вскоре бросала трубку...

“Олеся, перестань вертеться, завтра не встанешь”, — вдруг пробурчала мама.

От строгого маминого голоса все страхи вмиг исчезли. Притихнув и закрыв глаза, Олеся заснула.

Мама проснулась в семь. Олеся слышала будильник, но знала, что её разбудят позже. На кухне зазудел чайник, потом зашипело на сковородке масло. Эти звуки теплом растеклись по телу. Они были вестником самого важного — мама не умерла, не сейчас. И не хотелось ни засыпать, ни просыпаться, а только дремать с этой солнечной мыслью.

У соседей через стенку заиграла иностранная песня. Олеся смогла понять только “love” и “my”. Увлекаясь танцевальным ритмом, она застучала пальцами по матрасу, будто по клавишам фортепиано, но легче и небрежнее. Песня предвещала ещё неизведанное веселье и вела в будущее, была самым будущим — загадочным и счастливым.

Готовя на кухне, мама тоже услышала эту песню сквозь звуки шипящего масла и утреннего цапанья метлы по асфальту, доносившегося из окна. И ненадолго вспомнила школьное время, когда эта песня только вышла в эфир. “Почему сейчас всё не так, как представлялось?” — подумала она вскользя. Но попытка ответить на этот вопрос вызвала только прилив тоски, и мама в очередной раз сделала вывод: молодость просто обманула её.

Мама взяла из косметички зеркальце, чтобы успеть накраситься. К тридцати годам она выглядела старше своего возраста, и её это огорчало. Разве только упругую и высокую грудь по-прежнему не покидали молодые силы. И внутри самой мамы до сих пор жила молодая искорка. Она разжигала огонь, когда мама нравилась мужчинам, когда ей дарили подарки и подвозили из клуба домой. Эта искорка родилась в девичестве и всё ещё не перегорела.

— Олесь, вставай, — поцеловала она дочку в лоб.

Олеся сделала вид, что спит, мама начала злиться.

— Если не проснёшься, оставлю тебя здесь! Всё, — мама встала с кровати и, не колеблясь, направилась к двери.

Прикидываться спящей Олесе уже не хотелось, ведь в школу всё равно бы пришлось собираться или ещё хуже — оставаться дома одной. Но и просто так встать она не могла. Олеся надеялась, что мама ещё раз ласково погладит её по лбу и вкрадчиво и нежно попросит встать. Уже сожалея о своей игре, она будто чувствовала на себе мамину нежную руку и тёплый поцелуй.

— Ты портфель собрала? — крикнула мама из кухни.

Олеся нечаянно ответила: “Да!” — и обрадовалась, что нехотя обнаружила себя.

— Проснулась, наконец, — мама зашла в комнату. — Одевайся быстрее и блины кушать.

На обеденном столе осталась лежать мамина косметичка. Прозрачный мешочек, заляпанный кое-где фиолетовыми тенями и чёрточками туши. Силуэты волшебных тюбиков с английскими буквами приковали Олесин взгляд. Хорошо бы сегодня после школы попробовать всё это до маминого прихода. Когда-то давно Олеся уже пробовала накраситься помадой, но на ней она смотрелась совсем не так, как на маме. Сейчас же она почувствовала в себе больше умения и сноровки.

— Посмотрим сегодня, что у тебя по русскому будет за четверть, — сказала мама будто по привычке, и вспомнила, что вечером нужно пораньше уйти с работы и отвезти ребёнка к бабушке. Ещё успеть собраться — в семь подъедет Паша.

У Олеси опустилось сердце... Она знала, что у неё будет “три”. Свёрнутый в трубочку блин стал каким-то чужим, словно это не её вовсе блин, а другой девочки, а она, Олеся, не имеет права макать его в сгущёнку и есть.

Закончился последний учебный день. По русскому поставили “три”. Олеся на другое и не надеялась, разве только самую малость. Вернувшись домой и сбросив грузный портфель в коридоре, она начала, торопясь, искать место, куда можно было бы спрятать дневник. Но в маленькой однушке не находилось ни одного шкафчика, который мама не могла бы случайно открыть.

Взывая к летней неге и беспечности, сквозь оконное стекло проникли толстые весенние лучи. Олеся присела. На обеденном столе продолжала лежать мамина косметичка. На мгновение стало даже легко и весело, словно тройки и не было. Олеся давно хотела попробовать намазаться тушью. Взяв мамино зеркальце, она провела толстой чернявой кисточкой по ресницам, но тут же задела глаз и закрутила тушь обратно. Ещё рано. Настоящая жизнь ещё впереди. Когда она станет старшеклассницей, а мама начнёт покупать ей лифчики и туфли на каблучках, а в школу разрешит ходить с распущенными волосами.

В коридоре послышались шаги. Олеся быстро положила косметичку на место.

— Олеся, сейчас кушать и к бабушке, — сказала мама с порога.

У бабушки всегда полный вкусоностей холодильник и свободный компьютер, на котором можно сколько угодно смотреть мультики. От радостной новости Олеся забыла про дневник.

Посмотрев на дочкины туфли, мама вспомнила, что забыла купить Олеся сандалии. Бабушка начнёт ворчать... Мама недовольно вздохнула.

Бабушке шёл уже седьмой десяток, и сказать, что она выглядела моложе своих лет, нельзя было. Она продолжала работать в кассе на вокзале, хоть и брала уже только половину смены. От долгого сидения поясница ныла так, что её потом невозможно было размять, да и пошатывало иногда от усталости по дороге домой.

Когда пришли Олеся с мамой, бабушка хозяйничала на кухне.

— Это мы, — сказала мама, заходя в квартиру.

— Ага, проходите, — сказала бабушка, переворачивая котлеты. — Надо долго ли теперь? — спросила она бессильным голосом.

— До завтра. Я пораньше зайду, — ответила мама, торопясь уйти и уже целуя Олеся на прощание.

Бабушка слегка покачала головой, мол, знаю я, как ты пораньше зайдёшь, прогуляешь до утра, проспишь до обеда и придёшь к вечеру, если не на следующий день. Ребёнок каждые выходные у бабки, матери не видит и домой идти не хочет. Да разве такое возможно, чтобы ребёнок к матери родной не хотел домой идти?

— Покормила хоть?

— Она ничего не съела почти, пару ложек супа только.

Олеся, нахмурившись, замычала на “неё”, но больше для вида, так как кушать уже хотелось.

— Пошла я.

— Давай, давай, — уже в закрытую дверь сказала бабушка. — А мы с тобой обедать будем, — обратилась она к внучке.

Олеся долго стояла в ванной и намыливала руки новым, только что развёрнутым бабушкой хозяйственным мылом, смотря на себя в не заляпанное, как у них, засохшими каплями зеркало.

Бабушка намазала на котлету сметану. То ли от голода, то ли сметана действительно делала мясо вкуснее, но Олеся подумала, что теперь будет просить маму готовить именно так.

— Как в школе дела?

У Олеси всё опустилось. У неё же тройка по русскому! Где она оставила дневник?! Она же его не успела спрятать... Он остался на столе — мама его найдёт.

— Нормально, — попыталась непринуждённо ответить Олеся.

“Несчастный ребёнок, — подумала бабушка, — с утра встаёт, учится. Так ещё дома мать не кормит и по мужикам чужим бегает. Неужто мы так раньше жили, дед? — переведа взгляд на портрет умершего мужа, стоявший рядом с иконами, подумала бабушка. — За что мне одной на Настькины несчастья смотреть?”

Олеся привыкла, что бабушка часто молча разговаривала с портретом, и в такие моменты старалась не смотреть в её сторону, как будто бабушка делала это тайком от неё.

“Подрастёт немного Олеська, и мне к тебе уж можно будет на покой”, — обдумав ещё что-то, прошептала бабушка.

Мама едва успела собраться. Приготовила мясо, приняла душ, ещё раз нарядилась и сменила постельное бельё. Обвела взглядом давно немыйтый пол: “Много чести будет!” — и не стала убирать. На столе в прихожей лежал Олесин дневник.

“Ну-ка, ну-ка, неужели ей четыре всё-таки поставили, раз она на виду его оставила”, — подумала мама, открывая его. Но там стояла тройка.

“Значит, оставила, чтобы я узнала в её отсутствие. Но так, может, даже умнее. Я в детстве обычно прятала”.

Паша приехал с пустыми руками. Мама встретила его с едва скрываемым недоумением. Он это заметил, но сам продолжал широко улыбаться.

— Привет, сладкая, — притянул он её за талию.

“Да ты, я смотрю, уверен в себе”, — подумала мама, слегка отстраняясь.

Возле порога лежали тапки, оставшиеся от мужа. Она специально достала их для Паши, но сейчас обуть не предложила и прошла в комнату. Сев в кресло, начала рассматривать себя в зеркало, висевшее на стене напротив. Она была в однотонном синем платье без лишних деталей, которое, несмотря на это, очень выигрышно подчёркивало её фигуру. Закинув ногу на ногу, она села так, чтобы побольше оголить ногу из-под платья.

“Посмотрим, что ты будешь делать”, — злорадно подумала она.

— Девчонка-то не придёт? — разуваясь, спросил Паша.

Мама сначала не поняла, про какую девчонку он говорит. Но заметив, что он смотрит на Олесин портфель, оставленный в коридоре, догадалась. Она и так чувствовала себя униженной из-за того, что постаралась, приготовила мясо, купила дорогой торт, а он пришёл с ней переспать, даже не удосужившись купить цветы или бутылку вина. А теперь ещё позволяет себе её дочь называть “девчонкой”!

— Мою дочку зовут Олеся. Это её дом, когда захочет, тогда и придёт.

— Как бы не в тот момент-то не пришла, — сказал Паша, смеясь совсем простодушно и без злобы. — Я в туалет зайду?

— Вон там, — показала мама.

Да что же он вздумал про себя такого! Неужели он считает, что раз у меня ребёнок, я кинусь на любого, лишь бы взял?

Выйдя из туалета, Паша не знал, что говорить, и продолжал улыбаться.

— Суп будешь?

Паша помялся.

— Может, что-нибудь выпьем? — спросил он, подсмеиваясь.

— А ты что-нибудь принёс? — ликуя про себя, ответила мама.

— Не-ет, но я могу сбегать, — сказал он, оставаясь довольным собой.

— Давай, беги.

Мама поспешно выпроводила его. Защёлкнулась дверь, и она поняла, что ни за что не впустит его больше. В углу коридора лежал Олесин портфель.

“Возвращайся к себе домой”, — написала она Паше СМС. Он несколько раз позвонил — она не взяла трубку.

Зайдя на кухню, мама первым делом достала сковородку с мясом и, не перекладывая в тарелку, начала есть.

Ну, а что делать? Первый сорт уже давно разобран. Но на хороших она раньше не смотрела, да и сейчас бы, положив руку на сердце, не взглянула,

как бы здравый рассудок ни подсказывал. Так она в школе послала страшного одноклассника. А он единственный, кто ей за всю жизнь подарил украшение, не считая мужниного обручального кольца. Серебряный кулон сердечком... Так, как он, никто не ухаживал и так долго её не добивался. Не побоялся, на выпускном признался, стих рассказал даже. Наверно, сам сочинил. А сейчас в Москве, хорошо зарабатывает. И симпатичным стал.

Обычно воспоминания об упущенных мужчинах не вызывали большого сожаления, но не сейчас.

За просмотром очередной серии мелодрамы по кухонному телевизору, бабушка не торопясь состряпала ещё одну сковородку котлет. Олеся бегала то в зал за компьютер, то к бабушке на кухню.

— Баб, а ты во сколько лет замуж вышла? — спросила вдруг Олеся.

— За деда-то? — переспросила бабушка, будто вспоминая. — За деда, Царствие ему Небесное, я вышла, когда мне двадцать семь было, — облокотившись на подоконник, с нежностью начала рассказывать она. — Засиделась я тогда в девках... Мать моя, покойница, Царствие ей Небесное, не хотела меня отдавать, не молод ведь был он уже, да ещё разведённый. В то время это ого-го! — погрозила бабушка пальцем, подумав, что сказала лишнего. — Не то что сейчас, творят, что хотят.

— Ты его любила, баб? — заинтересовалась Олеся.

— Любила, не любила, дом уже свой хотелось, очаг, — строго сказала бабушка, думая, что рано Олеся ещё про любовь-то спрашивать. — А он, конечно, ухаживал хорошо, ни на шаг не отходил. Я тогда девка добротная больно была, круглолицая, и не думала, что глаз на меня кто положит. А он положил, в душу смотрел... Не на внешность смотреть надо, вот так вот.

— Жили-жили, не тужили, — вздохнула бабушка после недолгого молчания, — и прибрал его Бог, сердечко слабенькое было. Упокой душу раба Божьего, — бабушка перекрестилась и поклонилась иконе Божьей Матери, стоявшей на подоконнике.

— Жизнь-то она штука тяжёлая, хоть и простая, проще некуда, Олеська. Господа почитай, да мать свою люби и слушайся, — бабушка погладила её по голове.

Надеясь ещё что-нибудь интересное услышать, Олеся не торопилась идти в зал. Но казалось, заговорив о Боге, бабушка уже не вернётся к прежнему разговору, не расскажет, как же именно дед её любил. Олеся хотела ещё спросить, как же слушаться мать, если бабушкина мать не хотела её выдавать замуж, но было неудобно — бабушка уже занялась вдруг обнаружившейся пылью на иконе.

Стукнула входная дверь.

— Это я, — торопливо и громко назвала себя мама.

— Мама-а! — подбежала к ней Олеся.

— Ух ты, как рано! Даже не позвонила! Нагулялась уже? — вышла из кухни радостная бабушка.

— Собирайся, Олесь, — мягко скомандовала мама.

— Да посиди немного-то, поешь, котлет ещё нажарила. А то только бегаешь туда-сюда.

— Мама, да, давай посидим! — подумала Олеся о том, что как раз не досмотрела мультяк, и побежала в зал за компьютер.

Мама с бабушкой сели ужинать.

Накладывая котлеты, бабушка предложила добавить сметаны, но мама торопливо отказалась. “Со сметаной-то вкуснее”, — пыталась её уговорить бабушка. “Нет уж, спасибо”, — усмехнулась мама. Бабушка, вспомнив, с каким аппетитом кушала Олеся эти котлеты, с болью подумала, что поздно уже что-то говорить. Дочь её больше не слышит. Но чувство кровной и никем не отменяемой власти матерей над своими детьми было сильнее всяких мыслей.

— Нормального тебе мужика надо... У Надьки Топтырёвой сын ведь давно уж развёлся. Работящий, здоровый мужик, матери слова лишнего не скажет.

— Мама-а-а, — басом протянула мама.

— Ну, это по её вине он развёлся-то, она шалавила от него. А что “мама”? Ребёнку отец нужен, а не твои ушёл-пришёл.

— Уж лучше ушёл-пришёл, чем как вы с папой жили, — отрезала мама.

Бабушка молча взяла со стола соль и, не торопясь, посыпала котлеты на своей тарелке. Мама искоса наблюдала за ней. Бабушка принялась за свою котлету. Прошло несколько минут. Дожевав последний кусочек, она прервала молчание.

— А кто сказал, что жизнь лёгкая-то будет? Всякое было, что уж греха таить. И гулял дед, и шил. Но терпеть ведь вместе надо, а не к другим мужикам в отместку убежать.

— Терпее-ть? — удивилась мама. — А ребёнка тебе своего не жалко было? Когда папа меня ремнём хлестал? Когда он ко мне в школу пьяный ввалился? Нет, тебе не было меня жалко, ты и не спрашивала, как я себя чувствую!

Бабушка осторожно прикрыла дверь из кухни. Так у двери и осталась, не садясь.

— Только его жалела и около него бегала: Коленька, Коленька... — уже тише закончила мама.

Мама замолчала, остановив взгляд на старых часах с кукушкой, чтобы на чем-нибудь его остановить. Из её распахнутых глаз катились слёзы. Позади стояла бабушка.

— Всех было жалко. Такова судьба у нас, значит. И ведь вытащили деда-то... — бабушка положила руки на мамины плечи.

Мама нервными глотками стала пить чай.

— Как оттикают, так и умру я. Остановятся... значит, зовёт меня к себе. А ты же на кого с Олесенькой останешься? Что же я деду-то нашему горемычному скажу? Не сберегла, не пристроила? — спокойно и равномерно приговаривала бабушка.

Мама знала, что эти старые часы давным-давно были подарены бабушке как приданое. Но никогда раньше бабушка не говорила о них так — с полной верой в свои глупые и страшные мысли.

— Хоть какой, да один должен быть, постоянный, — как точку поставила бабушка.

Мама, ничего не ответив, продолжала смотреть на часы: стрелка слабо отмечала: тик...тик...тик...

На кухню заглянула Олеся.

— Ты чего прибежала-то? — не давая пройти к маме, нависла над ней бабушка.

Олеся сказала, что досмотрела мультик, но, заметив заплаканную маму, остолбенела: “Мам, ты чего?”

Мама, услышав про мультики, вдруг вспомнила про оставленный на столе дневник: “Уроки лучше бы учила, мультики она смотрит”, — сказала она и на последних словах, сама, не ожидая того, рассмеялась. Бабушка тоже начала улыбаться.

— Тройку схлопотала, да? — стараясь быть серьёзной, спросила мама.

Олеся опустила голову — вот он, настал этот момент. Но настал он совсем не так, как она того ожидала. И мама говорила совсем не так. Олеся даже почувствовала, что она вовсе ни в чём не виновата.

— Ладно, иди. В следующем году шкуру с тебя сдери, только попробуй у меня тройки получать, поняла?

Олеся, кивнув, убежала в комнату. Впервые она почувствовала такое облегчение, вдруг явившееся после стольких переживаний. Но отчего же плакала мама... Этот вопрос зародил в ней новый страх.

— Ишь, троечница! А я же спрашивала, как в школе, нормально, говорит... — продолжала ласково смеяться бабушка.

Они смеялись, глядя друг другу в глаза.

Бабушка провожала маму и Олеся взглядом, стоя у окна. Вот уже подошли к автобусной остановке и в ту же минуту затерялись в толпе ожидающих людей.

“Видимо, опять автобус сломался”, — подумала бабушка.

Она вспомнила, как с утра садилась на этой остановке, чтобы до рынка доехать. И тоже полным-полно людей было в автобусе. Кто сидел, кто стоял. Место уступил молодой совсем паренёк. И как-то робко так, даже стыдливо предложил: “Бабушка, садитесь”. Что он, интересно, думает, когда старых видит? Наверно, уже как на мёртвых смотрит. А все-то мы и живы, и мертвы одинаково. Все в шажочке друг от друга. Как в этом автобусе все вместе по жизни и едем.

Этот паренёк ещё не видит, а я всех вижу, каждого чувствую, каждый внутри меня есть. Потому как каждый из нас ребёночек чей-то. И у старух, и у мужиков больших мать есть.

Бабушка вспомнила свою матушку и, как сейчас, увидела её. Заходят они с Колей в дом, а матушка сидит на полу, чернику перебирает. Коля-то сразу: “Собирай, matka, приданое”. А матушка как встала, так и стоит, смотрит на них, будто ребёнок испуганный. То на одного посмотрит, то на другого. “Людка-а-а, — заголосила матушка, — дура ты, девка!..” — и заохала, хватаясь руками за голову. А сама двумя ногами-то на чернике стоит, придавила ягодки и не замечает.

“И все-то мы детки малые и детками останемся”, — прошептала бабушка.

БОРИС ПЕЙГИН

НА КРАЕШКЕ ЖИЗНИ

* * *

В далёком-далёком холодном краю,
В пушистых дымах полумёртвой деревни,
Беззвучную песню протяжно поют
В безветрии полном большие деревья.

В далёком-далёком и тихом краю
Алмазы горят в лакированном небе,
И свет свой бесплатно ему отдают,
И лес в этом свете не чёрен, не бел.

В далёком-далёком и диком краю
В дорогу вмерзают досужие сплетни;
В прореженном временем тощем строю
Стоят, покосившись, заборы и плетни.

Тот край не знаком ни в аду, ни в раю,
Там время застыло в бессмысленной тризне.
Но я там бывал — в том далёком краю,
У края вселенной, на краешке жизни.

ПЕЙГИН Борис Сергеевич родился в 1988 г. в г. Северск Томской области. Окончил юридический институт Томского государственного университета. Литературой начал заниматься в школьные годы. Шорт-лист премии Дебют (2010), лауреат Премии Губернатора Томской области по литературе (2016), участник 15-го, 16-го Форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Член Союза писателей России. Живёт в Томске

* * *

Я раздвинул шторы, открыл окно,
Я смотрел на твой город с верхушки башни;
Там в подъезде любом, как в гробу, темно,
И любая газета выходит вчерашней.

Там, где ты ходила, — трава стоит,
Одуванчик горький и едкий лютик,
В твоём доме уютные свили свои
Ипотечные гнёзда другие люди.

Ты ни в нём, ни за ним не была моей.
Ни тоска, ни горечь, ни ностальгия —
Ничего из этого — ей же ей!.. —
Времена другие... слова другие.

Эта дурь пока не сошла с меня:
В голове опилки нельзя запудрить.
Я бы все стихи на тебя сменял,
На хлопчатые руки, льняные кудри...

Но когда пришедшая вдруг зима
Все дворы и проезды собой заполнит,
Кто из нас настолько сойдёт с ума,
Чтоб сверхновой вспыхнуть в январский полдень?..

...И лежащая на земле вода
Не растает вдруг, и ручьем не ахнет.
Я хотел бы с тобою уйти туда,
Где апрель озоном и дымом пахнет.

Вот, апрель настал, и снега сошли,
Чёрный грач порхает над чёрной пашней...
Не с того мы с тобою ума сошли —
Я смотрел на твой город с верхушки башни...

ОКНО

Где-то там, далеко-далеко,
Среди тысяч других одно,
Узнаваемое нелегко,
Одиноко горит окно.
И не очень оно высоко,
Не зашторено вроде, но —
Мокрый снег и ночь на дворе.
Кто откроет окно в октябре?

* * *

Сорок дней никого в той квартире нет,
Сорок дней, как в ней не включали свет,
Сорок дней телефон молчит, и, поверь,
Сорок дней никто не стучался в дверь.

Сорок дней пыль катается по полам,
Сорок дней занавешены зеркала,
И иссох в серой чашечке невзначай
Сорок дней назад недопитый чай.

Сорок раз зажглись фонари за углом,
Сорок раз село солнце за дальний дом,
И по стенам плясал хоровод теней
Сорок зимних коротких холодных дней.

Я рукою вверю замок ключу,
Я найду в прихожую, свет включу,
Я зачем-то пыль оботру с ножа,
А квитанции, что на столе лежат,

Положу я в маленький книжный шкаф.
Пусть он знает, что не оплачен штраф.
Я когда-то в него целиком влезал,
Но не сорок дней — много лет назад.

* * *

Светит солнце за окном.
Завтра будет понедельник.
Нужно съездить в отчий дом:
Нет ни курева, ни денег.

С умным видом за столом
Чай зелёный пить я буду;
Вытру в комнате стекло,
Перемою всю посуду,

Между делом попрошу
Пятихатку или тыщу...
Что ворчанье? Белый шум!..
Я поэт, а значит, нищий...

Стыдно? Это не беда,
И стыдиться легче сытым.
И потом — я всё отдам...
...если стану знаменитым.

АНАСТАСИЯ ЧЕРНОВА

ДОЛОЙ!

РАССКАЗЫ

Начать хотя бы с того, что утром Галина опять встретила оперного певца. Ну, что такое! Тощий, в чёрном плаще, — взмахом крыла ворона, — он мелькнул от подъезда к своей машине. Хлопнула дверца, певец уехал. “Наглый, — подумала Галина, — с утра куда-то намылился”. Вот уже несколько недель, как оперный певец делает нескончаемый ремонт, наверное, покрывает бриллиантами стену. Каждый бриллиант прикреплялся отдельно. Невыносимый визг электрической дрели пронзал этажи.

“А сколько богатых сосут из страны последние гроши, — вздохнула Галина, — кровавый режим не позволяет провести честную статистику”.

Если вы окажетесь за городом, то ахнете. Трёхэтажные коттеджи за бетонными стенами громоздятся друг над другом, будто гроздья переспелого винограда, и все эти башенки, все эти колоннады и декоративные трубы над черепичными крышами в своей безликой и бездушной пестроте напоминают чудовищный оскал. А где-нибудь на обочине ютится полуразрушенный домик нищей старушки, которая только и знает, что утром пасёт свою единственную козу, а вечером поливает грядки и слушает дребезжащий старомодный приёмник с вытанутой в бок тонкой антенной. И ничего у неё нет, кроме козы и вот этого приёмника, потемневшего от времени. Пока богачи купаются в своих бассейнах и в золоте, она сидит так тихим вечерком перед окном, подперев голову рукой, и думает, думает... кто знает, о чём!

ЧЕРНОВА Анастасия Евгеньевна родилась в 1987 году в Москве. Окончила Литературный институт им. М. Горького. Автор рассказов, публиковавшихся в столичных изданиях. В 2009 году стала лауреатом Литературной премии им. Леонида Леонова, присуждаемой журналом “Наш современник” молодым авторам. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

“Страна нуждается в реформах! — чувствовала Галина до того удушающе-явственно, что чуть не споткнулась, когда подходила к офису. — Ямка! У... асфальт не могут починить! П-п-п-равители”.

— Добрый день, Галя, — равнодушно поздоровался охранник Лёша.

— Как жизнь?

— Как? — он повёл плечами. — Честно, ничего хорошего.

— Ну, ещё бы, ещё бы. У кого сейчас всё хорошо? Только у дегенератов.

— С женой я поругался, про развод думаем.

— Вон как.

— Надоела мне вся муть. Бабство. Один хочу жить, сам себе хозяин.

— В этой стране по-другому и нельзя, — согласилась Галина, — пока у нас такой президент — так всё и будет. Ведь почему вы ругаетесь? Потому что жизнь вокруг такая. Поганенькая. Ресурсы исчерпаны, образование для простого человека недоступно, цены взвинчены. А про медицину лучше вообще не говорить.

— Тебя послушать, — обрадовался Лёша, — сразу легче. Умный ты человек. Смотришь в корень, в самую суть. Колбаса-то ведь и правда дорожает!..

В маленькой комнате офиса, как Галя и предполагала, за компьютером уже сидел Валентин, он всегда приходил первым; много курил и мало ел, кислым голосом разговаривал по сотовому телефону, любил откидываться на спинку кресла, здоровался, не поднимая глаз. Вот и всё, что знала Галя про этого Валентина. И до чего же он ей нравился! Худой и загадочный, словно узкая замочная скважина, с пергаментным лицом и непроницаемыми зеленоватыми глазами!

— Валентин, — спросила Галина, — ты собираешься завтра на митинг?

— Нет.

— Что так?

— А зачем?

— Ох, зачем, зачем, во всём тебе цель нужна, какой-то смысл ищешь. А по-моему, всё понятно! Пора менять систему. Государство прогнило. Так-то, Валентин, так-то.

Он ничего не ответил. Потянувшись, встал и шагнул к двери:

— Пойду на перекур.

— Ты не найдёшь счастливых людей. Взять хотя бы нашего охранника Лёшу... — почти жалобно закончила Галина.

Включила компьютер. Уткнулась в документы...

И так каждый день. Пресная, точно бездрожжевой хлеб, жизнь. Дрожжи. Вот чего не хватает! День пухнет событиями, не дающими никакого результата. Собираясь в единый ком, будто грязное бельё, дела нагнаиваются, стиснутые невидимой оболочкой.

Утро, которого ты не видишь, не чувствуешь, не знаешь, как светит солнце, этот бледный клубочек, спелёнутый тучами. Ты бежишь, спускаешься в метро, ты увязаешь в людях, в духоте чужих лиц, жарко разлитых вокруг твоих плеч. Как в общей могиле, глубоко под землёй, сжатый такими же, как и ты, телами. В метро нет людей. Только тела, застывшие в муке ожидания.

Работа. Охранник Лёша и скучный Валентин с невидящими, ватными глазами. Племянница Ирочка, ярко покрашенная, в платье, похожем на гирлянду, стоит у подъезда с подругой. Весёлые девушки шепчутся и хихикают, прикрыв ладошкой рот. Кто-то курит в подъезде, присев на ступеньку. Кто-то вышвыривает из квартиры кота.

Стареющие друзья, сливочный торт на день рождения, бесконечный сериал по выходным и солёный крекер, от которого уже тошнит. Изюм в день. Из года в год.

И задача общества — разорвать оболочку, стянувшую сердце, вылузиться, как в далёкое время пытался царь Пётр, в Европу или ещё куда-нибудь. Россия — гигантское твёрдое яйцо. Дед бил, баба била... ничего не вышло. Галина всего лишь хотела “вырваться к свету, к разумному государственному устройству”, так, чтобы и охранник Лёша был счастлив, и у Валентина сухие щёки порозовели бы.

...Поздно вечером в своей квартире она разогрела на постном масле и поела вялые, слипшиеся макароны, включила телевизор. В новостях опять показывали президента, куда-то он поехал, то ли на переговоры, то ли на конференцию, то ли отдыхать. Экран трещал, изображение сложилось, и президент походил на перевёрнутое корыто. Галина усмехнулась. “Долой правительство!”, — провозгласила она, зевнув. А за стеной послушно раздался протяжный скрип. Должно быть, оперный певец прикрепил очередной брильянт к стене.

ПОДАРКИ

Они ходили по слякотным улицам уже давно, и всё не могли расстаться. Вадим рассказывал про своё детство, как первый раз поехал на метро и потерялся в толпе: сестра Неля, очень худая, высокая, да ещё и на шпильках, да-да, он именно такой и запомнил её в тот день, тащила в клетчатой сумке рыжего кота, а его, маленького, вела за руку и повторяла:

— Будет эскалатор Вадик, не пугайся. Прыгай. Главное — прыгай. Ну, и всё.

Кот постоянно высовывался в отверстие под молнией, похожее на дупло, и орал. Страшно так, выпучив жёлтые глаза. Стыдоба какая...

В какой-то момент Неля отвлеклась: наверное, толкала голову кота обратно, в глубь сумки, отпустила руку, и в миг, да-да, это случилось в один миг, душная толпа восала его и потащила, кольхаясь, куда-то в сторону.

— Я здорово тогда перепугался, — сказал Вадим, — думал, ну всё, конец. Стал громко кричать. А голоса не слышно! Хотел залезть на дерево и повесить какой-нибудь флаг, так в сказках пираты делали, и только тут увидел: в метро нет деревьев. И нет облаков. И моря нет, чтобы бросить бутылку с письмом о помощи. Вот это ощущение...

— А дальше?

— А дальше не помню. Нашлись как-то. Знаешь, это Нелька придумала. Повезла меня выгуливать куда-то в центр. На карусель.

— А кот?

— Ну, и кот за компанию, да...

— Здорово! Вадим, а как твоя сестра сейчас?

— В Германию поехала, там бизнес.

— Да... Мы с папой были в прошлом году, мне понравилось.

— А я не понял. Заграница... — Вадим нахмурился, — слишком там стерильно. Не по-нашему всё как-то. Все рассчитано, до минут...

— Там тепло, — вздохнула Аня, — мой папа обещал снять на юге домик, вот к следующему лету. Где-нибудь в Италии...

По тёмному городу в пятнах тусклого света кружился мелкий снег. Пустые бесформенные улицы и холодное сияние чужих окон — везде, куда ни помотришь. Заговорившись, они забрели в новый район, пустынный и дикий. Привычный мир исчез. Лишь дома и гаражи, и сероватые горсти света, протекающие в небо...

— Замерзла?.. — спросил Вадим. — Тут заблудиться можно.

— Да нет, мне тепло.

И всё-таки они завернули в какой-то магазинчик, ветхое строение между деревьями, и купили чай. В пластиковом стаканчике, крепкий, обжигающий. Один на двоих.

— Почему ты не хочешь в кафешку? — в который раз спросил Вадим. — Вон хоть в ту, через дорогу.

— А на улице вкусней!

Она засмеялась и сняла шапку. Светлые длинные волосы рассыпались по плечам.

— Чувствуешь, снег колючий... летит. Летит... И мне хочется. Как на крыльях.

— Чудная!..

И он впервые взял её за руку. Она не убрала, но и не сжала в ответ его ладонь. Задумчиво, будто отрешённо, посмотрела в тёмную, взвихренную снегом мутную даль.

— Вот и зима наступила, — просто так сказал Вадим, — теперь всё будет холодным и скучным. До весны.

А сам подумал с каким-то привычным равнодушием, что опять завтра просыпаться затемно, спешить на работу, трудную и долгую, а ночью слушать шум электричек, тревожное биение колёс, и как старый незнакомый сосед за стеной перебирает струны гитары. И всё это будет сливаться в единый стон, нераздельный и тусклый, будто тёплый воск золотистой свечки. Полуявь-полусон. Дом на краю железной дороги. Поезд, исчезающий в стрелах ледяного ветра.

Доброе детское воспоминание, да уж... Если бы Аня знала, могла догадаться о причинах той поездки в метро, когда сестра в одной руке сжимает сумку с обезумевшим от страха котом, а в другой — ладонь брата. До этого было вот что. Пьяный отец всю ночь зачем-то сдирал на кухне обои и при этом то ли пел, то ли плакал. Мама подметала пол. Молча. Тогда Неля рано утром собрала вещи. Взяла самое дорогое: лаковую шкатулку, туфли на каблучках, флейту, рыжего кота и меня. И хлопнула дверью. В метро пахло жарким летом. “Поедем к бабушке, — сказала Неля, — станем жить у неё. И на карусели кататься, не бойся”.

— Идём-ка вон туда! Видишь? — потянула Аня его за руку.

— Что?

— Вон-вон, книжный, там... К Новому году подарки посмотрим. Блокнот какой-нибудь, — Аня улыбнулась.

— Идея. И мне, кстати, для племянницы. Что-нибудь, конструктор, может...

— А сколько ей?

— Два года три месяца.

Серые тучи бесшумно вились над домами. Тихий город моросил блеском фонарей. Было так легко, что хотелось вечно идти по этим замёрзшим улицам. Просто идти, чуть касаясь друг друга. “Ну, разное у нас было детство, — подумал Вадим. — Ну, и что! Мы любим. Кажется, любим друг друга”.

В книжном магазине Аня долго и сосредоточено перебирала блокноты, а Вадим сразу прошёл к кассе и спросил у продавца “что-нибудь интересное для ребёнка, девочке два года”.

— Есть книжка, есть конструктор... — засомневалась продавец, — или кукла ещё.

— Мне вот такой блокнот, — наконец-то выбрала Аня, — а ты, Вадик, возьми конструктор. Дети любят такие штучки.

...Улица тонула, будто корабль, в вихре снега и мутного сияния фонарей. Они вновь шли, взявшись за руки, по этому бесконечному и влажному свечению.

— Тебе завтра на работу?

— Да!..

— А я в универ. А после к папе в театр. Или нет. Сразу домой.

Вадим знал, что отец Ани — давно уже не актёр, но директор и успешный предприниматель. И всё-таки уточнил:

— На репетиции ходишь?

— Нет, конечно! Коридоры мне нравятся... Длинные-длинные...

Длинные, как улицы, как провода, запорошённые снегом, как нехоженные тропинки диких лесов: корни выются, вздымаются песок... Колокольчики синие на поляне растут... Перезваниваются: динь-дзинь...

— Алё, мам, не волнуйся, я почти уже дома.

Вот и чёрные ступени подъезда.

— До завтра, Анют. К восьми зайду.

— Можно и раньше. Я же не пойду в театр. Или... хотя...

Беззвёздная ночь тянулась вазким туманом, в котором таяли звуки шагов и шорохи машин. В этой совершенной, точно глубокая пропасть, тишине они впервые поцеловались. Посреди талого снега. Деревьев. Немых тёмных окон. Быстрого движения далёких планет. Одни-одни во всем мире.

Дома Аня долго не могла заснуть. Часов до трёх читала, потом включила негромкую музыку и легла. Тревожно цокали настенные часы. Нагнувшись, она подтянула с пола сумку и достала блокнот. Вот он, в красной обложке, чуть шершавый на ощупь. Маленький блокнотик, который никогда ему, наверное, так и не подарит. И не наверное. А точно. Ведь с тех пор, с их последнего разговора, прошло столько времени. Больше года.

...В тёмном свитере и кожаном пиджаке, он всё так же будет ходить по коридорам театра, переносить декорации из мастерской на сцену и обратно. Театральный художник. Такой далёкий, чужой и невозмутимый. Каждый раз, увидев его, Аня теряла опору, и словно падала, но не в пустоту, а в огромный звучащий мир, в котором весенние дожди, высокие дома и далёкие цветочные луга соединялись в одну мелодию. Когда он подходил, просто замедлял шаг и, прищурив глаза, вежливо и хмуро здоровался, всё наполнялось жизнью и радостью. Как же давно заблудилась она в этих коридорах! Осталась одна. Толпы людей спешат сквозь неё. Безмолвно. Страшно.

— Не спишь, дочка? — заглянула в комнату мама.

— Да...

— В воскресенье к нам в гости придет тётя Эля. Хочешь, пригласи Вадима, будет праздничный ужин.

— Хорошо...

Аня отложила блокнот и, обняв подушку, отвернулась.

Вадим стоял у себя на балконе и курил. Холодный ветер глухо поднимался от земли. Веял мёртвыми просторами. А где-то далеко, в тёплой тесной квартирке на окраине Москвы спит сейчас крохотная девочка с мягкими волосами и голубыми глазами. Машенька. Конструктор, наверное, ей понравится. “Па-па, па-па!” — звонко воскликнет она, подпрыгивая на одной ножке. “Скверно получилось, — в который раз подумал о жене Вадим. — Ну, вышил я пару раз чуть больше нормы, с кем не бывает. А она уехала, дура. Какая дикость”. Впрочем, эту нервную женщину с жёлтым истощённым лицом и не жаль вовсе. Пусть живёт, как хочет. “Мне-то теперь что!” — почти вслух проговорил Вадим.

В снежном ночном тумане слышно и тоскливо прогудел поезд.

КАРИНА СЕЙДАМЕТОВА

ПО ПТИЧЬЕМУ ЛЁТУ,
ПО ЗЫБКОМУ ЛЬДУ...

* * *

По птичьему лёту, по зыбкому льду
Весне первоцветной навстречу иду.
Ветра прилетают
И лёд подъедают,
И дуют в шальную дуду.

И голуби мнутся у кромки пруда,
И смотрят, любуясь, как дремлет вода
До майского срока,
В предчувствии рока —
Могучего таянья льда!

С Господних и горних поющих высот
Нисходит сиянье на тающий лёд.
По лужам весёлым,
Взметая подолом,
Весна мне навстречу идёт.

СЕЙДАМЕТОВА Карина родилась в 1984 году. Автор поэтических сборников "Позимник", "Соборный свет". Стихи публиковались во многих всероссийских бумажных и электронных общественно-патриотических изданиях: журналах "Наш современник", "Сура" (Пенза), "Дон" (Ростов-на-Дону), "Невский альманах" (СПб), "ВЕЛИКОРОССЪ", "Подъём" (Воронеж), "Гостинный двор" (Оренбург) и др. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

* * *

“Переплыть бы раздольну Волгу
По лихому теченью встречь!” —
Так дерзания юности колко
Будоражили кровь и речь.

Растревожена девья память
Ускользящей вспять реки.
Всё, что было, сокрыла заводь
Да угрюмые рыбаки.

Было нас, окаянных, трое —
Ты да я, и... река! Река,
Искупавшая нас собою,
Икупившая всё лихое
И сбежавшая в облака...

* * *

На столе букет из сухих цветов
И рябина... рябина — в глазах рябит!
Эта комната помнится нам без слов,
От того и кажется — без обид.

И покуда никто ещё не привык —
Хорошо бы не приходиться тебе.
Если говорю, то без закавык.
Да не думай, не думай, не по злобе!

Так бывает: нельзя ничего спасти,
Эта комната нам, что казённый дом...
Эта кисть рябины в моей горсти
Поцелуйным пылает твоим огнём!

Паутины много наплёл паук...
Всё осенний дым от костра, всё тлен.
Не боюсь к разлуке привыкнуть вдруг —
Я боюсь непрошенных перемен!

На столе букет из сухих цветов
И рябина, рябина — в глазах рябит...
Эта комната помнится нам без слов,
От того и кажется — без обид.

* * *

Ты снишься, как черёмуховый ветер.
По-майски ясно и светло в саду...
Любовью дышат душные соцветья,
И я по саду, юная, иду.

Несмелая, иду под вздох черёмух,
Себя на “до” и “после” не деля.
Мой самый точный, самый важный промах —
Жить начинаю набело, с нуля.

Пусть запах той черёмухи ознобкой,
Гонимый ветром, вскинется в окно,
И я поверю в суть примет народных:
Не всё ли жизнью определено?!

Фасонится черёмуховым платьем
Княжна-весна, не ведая, зачем...
Цветущая у юности в объятых
Влюблённость — вот поэма из поэм!

Весенний мой, стремительно-рассветный,
Влюблённо-юный невозвратный май,
Не утрашись безудержного ветра,
Черёмуховых судеб не ломай...

* * *

Нрав мой — клинок стальной. А ты думал — шёлк?
(Лучше б ты никогда меня не нашёл!)
Властвуют в нём — не сносить тебе головы! —
Вспыльчивость вихря, колкость осок-травы,
Резкость и резвость молнии шаровой...
Что, говоришь, не боишься норова моего?!

Жжётся привольностью диких горючих степей
Волжский напев мой — спелых ночей горячей.
Всходят ковыльные звёзды, пьянят за погляд,
Песни мои о тебе по-степняцки звучат.
Солнце казачье светает поить-полонить —
Зря ты распутывал нежности шёлкову нить.

Встретил-приветил клинка раскаленную сталь —
Вздорного нрава мою огневую печаль.
Зря уверял — не страшишься досужей молвы.
Ох, повторю: не сносить тебе головы!
Степь изнутри тебя выжжет, посмевший забыть,
Как ты однажды распутывал шёлкову нить.

МАРИЯ ШУРЫГИНА

СТИХИ ДЛЯ ЛЕШЕГО

РАССКАЗ

Рыжая Калуша исчезла со двора, а Лена и не заметила. Может быть, это случилось ночью, когда хозяева спускают своих собак с цепи размять лапы, а может, рано утром, когда направление в тумане угадывается только по звуку коровьего ботала. Умчалась ли бестолковая Калуша за симпатичным кобельком или решила податься в пастушьи собаки, было неизвестно, но так или иначе этот несносный комок вычесанной, чисто вымытой шерсти надо было спасать. Без людей в окрестных полях и лесах горожанка Калуша не выживет. Да и как жить без Калуши?

Словом, если бы не собака, Лена за околицу бы и не вышла. И когда выходить? Уезжая на неделю в отпуск в родные Боровки, она тесно распланировала дела: убрать огород, накрутить оставшиеся соленья-варенья, заклеить рамы — да мало ли занятий в деревне на исходе сентября?

Вот и крутилась-вертелась по двору да в кухне, за ограду носа не казала, даже с соседями, приехав, почти не перемолвилась. Так и прошла собака, а городскому псу от лесных манких запахов долго ли голову потерять?

Утро выседело былье у заборов: стояли серебряными пиками отцветшие в лето дикая редька, чертополох и прочий травяной народец. Казалось, холод поднимался из глубины земли, будто зима дождалась своего времени не

ШУРЫГИНА Мария Анатольевна родилась и живёт в Красноярске. Окончила Красноярский педагогический университет им. В. П. Астафьева, факультет русского языка и литературы. Работала на радиостанциях, в рекламе, в настоящее время её работа связана с развитием северных и арктических территорий. Рассказы публиковались в сборниках издательства АСТ и российских журналах. Живёт в Красноярске.

где-то в сказочных ледяных чертогах, а вот там, внизу, под густым слоем грязи и мокрой листвы, а теперь выползала потихоньку, охватывая нижние бревна домов хрусткой корочкой инея. Лена зябко поёжилась и с сомнением глянула на ноги: сапоги, что ли, надеть? Да далеко она не уйдёт, оклица-то вон виднеется... Можно и в калошах сходить, что так по ноге пришлось в домашней да огородной беготне — новые, на малиновой подкладке. Резиново поскрипывая, Лена двинулась на поиски, то и дело посвистывая и окликакая беглянку по имени.

Калуша не откликалась. Лена нерешительно потопталась у дома Савельича — крайнего по улице, через поле уже и лес виден. Из-за ограды послышалось тёплое меканье и копытный перестук. В заборную дырку просунулся козлиный нос, с нитяным треском потянул жухлую траву с улицы — она там всегда вкуснее. “Прогуляюсь... недалеко же”, — подумала Лена и зашагала через поле.

Голая, измотанная битвой за урожай земля, словно роженица с развороченным акушерами нутром, ждала снежного забытья. Лена быстро пожалела о своей опрометчивой прогулке к лесу: скакать по застывшим земляным буграм в спадающих калошах — дело непростое. Вот ведь, жизнь прожить — не поле перейти, да и поле перейти — умаешься. С облегчением доскакала до первых осин — как из бурного течения выбралась на ровный да гладкий берег.

“Калуша...” — позвала нерешительно. Странно показалось кричать в этой тишине. Посёлок с его утренней суетливой разноголосицей отступил перед простотой и ясностью осеннего леса. Деревья стояли застывшие, с напряжённо выпрямленными спинами и вскинутыми к небу руками, словно прислушиваясь к приближению того, что вот-вот должно произойти — большое, жутковатое в своей неизбежности, значительное, с именем коротким и веским: Зима.

Что-то рыжее мелькнуло за деревьями, замельтешило промеж стволов у самой земли. “Калуша! Вот негодница!” — ахнула Лена и бросилась за ней.

Неверный рыжий отблеск то вспыхивал, то гас среди кустов, сливаясь с желтизной листвы. Стараясь не терять его из виду, Лена расталкивала стволы, поднимала руки, будто вброд переходя еловый молодняк, поскальзывалась на лиственной подстилке, едва удерживая неуместную, норовящую сбежать обувь. От бега сердце бухало где-то у горла, лицо заливало жаром до кончиков ушей, лоб же, напротив, почему-то ломило от холода, и студёным воздухом остро обжигало лёгкие. Наконец, закололо в подреберье, и Лена, тяжело дыша, остановилась. “Калуша!” — крикнула она ещё раз. Тишина в ответ, словно и не было собаки. Да может, и правда не было, померещилось? За кем гналась?

Взмокшая спина быстро остывала, под куртку забирался холодок. Перед глазами перестали прыгать красные пятна, и Лена оглянулась: куда её занесло? Лес как лес. В детстве она, казалось, весь его исходила, и до сих пор, думалось ей, завяжи глаза — выйдет, да ещё и грибов по дороге наберёт. Прикинув, куда её могла завести погоня, Лена прислонилась к старой осине — надо передохнуть да домой отправляться. Может, бестолковая Калуша уже там?

Прикрыла глаза. После напряжённого бега покой медленно входил в неё, кружа пространство за закрытыми веками. Вдохнула глубоко, до мурашек в затылке. Странно, все эти запахи — древесная труха, преюющие листья, оседающие от долгих дождей грибы — ведь все это распад, тление, умирание. Почему же так легко дышится?

Лес погружал её в непривычное задумчивое состояние. Обеспокоенно встряхнувшись, Лена пустилась напрямки, отгоняя нахлынувшую вдруг досаду. Она приучила себя не размышлять особо о жизни, как да что устроено. Живёшь — и живи себе, нечего задумываться, от этого только меланхолия да язва образуются. Она привычно заворачивала себя в дела, закутывала, прятала, жила минутой, рутинной и суетой. Не останавливаться, главное — не останавливаться, чтобы, не дай Бог, не впасть в пустые размышления, вроде

“вот, могло бы сложиться, а не сложилось...” Но здесь, в прозрачном осеннем лесу, тишина вдруг поймала Лёну в силки — не выпутаешься.

Жизнь у неё не задалась, как не задаётся тесто, — не поднимается, но и вылить жалко. Видимо, тот, кто замешивает человека, был тогда крепко не в настроении, творил без огонька. Вроде всё как у людей, как положено: муж, работа, детей нет, но какие её годы, и в сорок рожают... А всё мимо, без радости. Жизнь проходит, как пейзаж за грязноватым стеклом вагона: за окном какой-нибудь длинный нескончаемый лес, и сумерки всё плотнее, смотреть скучно, в купе душно, тягостно, а до нужной станции ехать и ехать — не выйдешь же в чистом поле, где ни родных, ни знакомых? Да и какая станция — нужная? Билет потерялся...

Чего ей надо, чего неймётся? Лена сердилась на себя — вот, опять взялась перебирать! Лесная ясность разбередила что-то глубинное, тщательно скрываемое от самой себя. Такая ясность была в юности: она только что поступила на архитектурный, переехала в город и была уверена, что впереди — ширь неохватная, и чисто, и ярко, и правильно всё в жизни сложится. А теперь сидит в маленькой строительной конторке, умножает одну колонку цифр на другую — изо дня в день. Когда заплутала? И как выбраться?

В городе ей всё время хотелось спать. Нет, не как хотят уснуть глубоко уставшие люди, а просто уйти в сон, спрятаться. Там, в спасительной дремотной темноте не приходят тоскливые мысли, там мягко, уютно. Она бродила в тепле своих неясных, не запоминающихся снов и каждый раз совсем неожиданно натыкалась на холодное утро, которое вставало перед ней серой бетонной стеной, и она обречённо брела вдоль неё, чтобы войти в такой же серый день. Разве нормально в её-то возрасте, чтобы всё время хотелось спать?

Но кому какое дело до чьей-то неясной масти? Муж не спрашивал, да и она виду не подавала, что всё не в радость. Только Лёха-Чума — водитель, с которым она ездила одно время в командировки, — это однажды приметил. Был он рыжий, лихой, гонял по городу и вне так, будто сам чёрт ему не брат, ибо он превзошёл нечистого в лихости и утверждал, что ему некогда соблюдать правила дорожного движения. Видимо, за многочасовые молчаливые поездки по трассе отрастил он себе какие-то антеннки, которыми улавливал состояние-настроение пассажира. Расспрашивать не стал, просто однажды на каком-то глухом отрезке трассы затормозил резко и приказал: “Выходи”. Она удивилась: “Очумел, Лёха? Ехать ещё часа два”. Но вышла. Была весна — не цветущая, распрекрасная, победительно шествующая по земле, а ползучая, больная, грязная, словно исподтишка задумавшая навредить зиме. Лена зябко ёжилась на обочине, но подошёл Лёха, развернул её лицом в сторону обрыва, голосом, не терпящим возражения, скомандовал: “Смотри! Дыши! Глубже!” Она вдохнула так, что голова поплыла. “А теперь — кричи!” “Зачем?” — спросила и осеклась. И так ведь понятно — чтобы выбросить из себя этот ком в груди, выблевать его в крике. Чтоб легче стало, чтоб жилось-не гнилось. “Аааа...” — несмело крикнула, словно пытаясь подстроиться под какую-то мелодию. Прислушалась — фальшиво получилось. “Не так, дура! От нутра!” И заорал, распыливая широко рот — аж сороки с ёлок сорвались. “Поняла? Вот, давай вместе на счёт “три”. И заорали, и с каждым разом получалось всё лучше. И легче стало тогда, она даже из командировки вернулась будто отдохнувшей. И потом во всех поездках Лёху спрашивала: “Поорём?”

А теперь и не с кем. Чёрту, которому Лёха-Чума был не брат, видимо, надоело насмешливое превосходство шоферюги, и нечистый заграбастал его к себе: просто завертел однажды машину на гололедице, да и выбросил с трассы. Ей казалось, что Лёха с тех мест и не ушёл: бродит его дух вдоль дорог, смущает редких остановившихся водителей, может, и помогает кому выплеснуть боль-печаль в крике. Лёха-Леший.

С тех пор она запретила себе задумываться. Живёт по правилу: “Моешь чашку — думай о чашке”. Так-то.

Шишка внезапно тюкнула её по затылку, отскочила, спряталась в траве. Сбила ход мыслей, вывела из тоскливой какой-то дремотности. Лена с удивлением заозиралась: вот ведь, шла, будто ноги сами несли...

Где это она? Место показалось ей совсем незнакомым — темно от хвойников, и лес старый, дряхлый даже. И тишина здесь была иной, не ясной, почти звенящей, как на кромке леса, а словно в затхлой, заставленной мебельной рухлядью комнате. Всякий звук, казалось, тонул в лишайниках, кувавших ветки, как чехлы дачную люстру. Брошенное место, оставленное.

Тропы под ногами не было. Встревожившись, Лена осмотрелась и, приметив неясный от перечёркивающих веток просвет, двинулась в его сторону. Но он оказался лишь маленькой опушкой, прогалом между столпившихся, словно для тайного совещания, елей. Куда теперь? Лена, внутренне усмехаясь (Чего встревожилась? Рано!), постаралась вспомнить разрозненные сведения, как вести себя заблудившимся. Памятная из школьных учебников примета — мох с севера — тут не работала: он облеплял деревья со всех сторон, и плевать ему было, где север, где юг... Что там ещё? Вызвать МЧС и оставаться на месте... Она ощупала карманы большой, не по размеру куртки — телефон остался дома. Что-то звякнуло под пальцами, и она выудила из недр отсыревшей ткани маленькую фляжку. Удивилась: с лета лежит, брала каплеюшку с собой по грибы на случай дезинфекции, да позабыла... В жестянке слабо булькнуло, но звук вдруг показался неожиданно громким. В голову начинала лезть всякая чертовщина, байки деревенских, как “дядьку Семёна леший водил-водил, да бросил”. Может, правда, он и завёл, заманил, прикинулся рыжей псиной меж деревьев? А она, дуручка, погналась. Поёжившись от тревоги, Лена отвернула крышку, коротко хлебнула. Вспомнила вдруг деда Терёша, как он крестил самогон поверх кружки и приговаривал: “Сгинь, нечиста сила, останься гольний шпирт!” — и вкусно вышивал, подставляя ладонь ковшиком, чтоб ни капли мимо. “Сгинь, нечистая сила...” — повторила она шёпотом. Лес молчал.

Она снова вспомнила, как ещё у поля её удивила тишина. Но там она была наполненная, не пустая: едва слышно сходил с ветвей жухлый лист, где-то в отдалении стучал деловито дятел, мягко капало с деревьев. А тут — ничего.

И тёмным унылым духом в неё вполз страх.

Теперь вся она была — слух. Но нечего было слышать. Лес, будто на паузу поставленный: ни шороха, ни ветерка. Казалось, смотрит на неё кто со стороны, сверлит недобрый взглядом, следит каждое её движение. Готовится. К чему? Она заглядывалась перепуганно. Никого.

“Хэээ...ааа”, — скрипучий протяжный стон. Станный, не горлом человеческим выдохнутый. Но живой. Жуткий. Дерево какое старое скрипит? Так ведь ветра нет.

“Туп...” — пауза. И опять: “Туп...” Мягкий, на грани слышимости звук, будто тяжёлый кто ступает по мхам... А копыта жёсткие до камней, под мхами спрятанными, достают... “Туп...” — ближе.

Вдруг сорвалась птица — и Лена птицей порхнула с места, кинулась, сломя голову, дороги не разбирая! Всё рациональное, дневное в ней вдруг умерло, как не бывало, осталось дикое, ночное и страшное, всё, что живёт в этом жутком месте, да ещё прячется у человека где-то возле сердца. Нет страха глубже таёжного, ему и смелые подвластны. Встаёт за спиной что-то древнее, тёмное, и нет сил ему сопротивляться — только бежать! А лес не пускал: хлестал наотмашь мокрыми розгами, вцеплялся колко в волосы, оплетал колени травой. Но неслась — не оглядывалась, да и страшно оглянуться! Хрустел валежник то ли под ногами, то ли где-то зади — близко, совсем близко! Сквозь ельник, сквозь мокрые веснушчатые папоротники, через какие-то выворотни, без мысли — вся страх, вся слух! — бежала в панике неведомо куда.

Вдруг нога соскользнула и Лена, вскрикнув, кубарем покатилась в овражину, отчаянно цепляясь за траву и кусты. Наконец, замерла — глаза закрыты, лицом к земле, — в ужасе ожидая, что вот-вот он наступит, кинется... придавит. Леший навис над ней, тяжело ворочая ветками, влажно дыша в затылок. “Он рядом... — поняла Лена. — Замри!” Ходит вокруг, и опять скрип этот жуткий: “Хэээ... аа”.

Чего он ждёт? Запалённое дыхание успокаивалось, кровь перестала стучать в ушах. И леший, казалось, поутих. Притаился? Лена, трепеща, поднялась на локтях, охнула — руки саднило от парашин. Огляделась боязливо, щурясь от неожиданного света: тёмный ельник остался позади, а навстречу ей холодно сияло маленькое озерцо и ярко-жёлтые на фоне серых воды и неба стояли берёзы.

Лена с трудом поднялась. Леший, казалось, замер на краю поляны, будто не допущенный в круг золотого березового сияния. Там, в тени, в буреломе, где на ещё не пожухшей, длинной и блестящей, как вымытые волосы, траве фарфорово белеют поганки, — там его власть. А здесь... будто другое царство.

Она подошла к озерку: совсем маленькое, не озеро — лужица метров десяти в длину. Вода прозрачная, у берега покрытая сеткой побуревших листьев. Лена отвела их, — порскнула в сторону сонная водомерка, — зачерпнула воды, умылась. Усталость навалилась на плечи, сил не осталось даже на страх. Она закрыла глаза и будто пропала. Время остановилось.

Над головой захлопал кто-то крыльями, задел ветки, и на Лену дождём обрушилась дождевая влага. Она вскинулась, будто очнувшись, — сколько же так просидела? А он где? Все ещё караулит её? Вокруг было по-прежнему тихо.

Лене вдруг показалось, что тишина эта неспроста, что она — часть неведомого, большого, задуманного кем-то действия. Будто Лена — на маленькой светлой сцене, как в парках отдыха бывают, и лес-зритель чего-то ждёт от неё. Стояли, напряжённо замерев, берёзы, готовые всплеснуть ветками и захлопать, или же, наоборот, зашелестеть негодующе. А она, растерянная, в золоте осенних софитов — и нема, как рыба. Нет у неё таких слов, что ни скажи здесь — всё не к месту будет. Деревья дышали в ином ритме, и человек со своими перепуганными скачущими мыслями в него не попадал. “Я — не с ними. Лес — вековой, он всегда будет, а человек уйдёт”, — она впервые почувствовала эту отъединённость. Человек преходящ, а деревья, озеро, небо постоянны, неизменны, как понятия о добре и зле. И почему-то от мысли, что есть в неуютном мире что-то незыблемое, будто обтекаемое временем, ей вдруг стало спокойно, ровно на душе. Ведь по этому же лесу и бабка её ходила, и прабабка, и многие другие пра-, которых она и не знала вовсе. А значит, если вдуматься, деревья ей здесь, как односельчане, — поздоровайся да спроси: “Помнишь бабку Устину?” — закивают обрадованно. Это человечья память короткая, а они-то не забывают. Выходит, и заблудиться невозможно, кругом знакомые. Лена улыбнулась — хорошо. Может, и по жизни так же, да мы не замечаем? Блуждаем, теряемся в трёх соснах...

И вдруг, внезапно совсем, пришли слова. Не её, чужие, Лена даже не вспомнила, чьи — что-то из школьных времён. Но показались они такими дешёвыми... Может быть, этого от неё и ждут?

...весь день стоит как бы хрустальный...

Строка повисла, выдернутая из памяти, и Лена удивилась её прозрачности — будто акварелью по мокрому листу написано. Напряглась, вспоминая, и сплывато от долгого молчания медленно-медленно вымолвила в лесную глубину:

Есть в осени... первоначальной...

Короткая, но дивная пора —

Весь день стоит... как бы хрустальный...

И лучезарны... вечера...

“Лу-че-зар-ны...” — повторила она поражённо. От неожиданных слёз перехватило горло.

И пошёл снег — первый. И не было его тише. Сходила белая небесная тишина на землю, оседая на траве, расслабляя спины деревьев, путаясь в во-

лосах. Снежное молчание вошло в неё, и стало совсем покойно, легко. “Снег во мне, — подумала Лена. — Во мне. Идёт. Снег”.

И слабой тенью, замороженно притихший, стоял неразличимый за сеткой ветвей огромный неведомый кто-то. Уже не страшный.

Лесные тропы будто сами стелились под ноги. А вот и знакомое поле, и краешек леса, и дымком потянуло — жильём, домом, теплом! И околицу уже видно, плутать не пришлось. Оглянулась на лес — словно чей взгляд почувствовала. “А может, правда, Лёха — леший? Может, он меня и гонял, чтоб о жизни что-то поняла-вспомнила? И скрипел так... поговорить хотел?”

Она выступила из тени деревьев и даже зажмурилась — так светло на белом свете! Деревня встречала её принаряженная, в блестящих кокошниках побелевших от снега крыш. “Надо же... уходила — в золото, возвращаюсь — в серебро. Заживём!”

“Заживём!” — вдруг сама себе крикнула, как тогда, с Лёхой. И рассмеялась. Смех тут же отозвался, да не эхом — лаем. Это счастливая Калуша, повизгивая, трусила навстречу по опушке, а в отдалении стоял и улыбался ласково чёрный кобелёк. Лена вдохнула глубоко, вбирая в себя весь этот день: и серебро, и золото, и бег, и страх, и те стихи... Бережно несла она из леса лучезарную осеннюю ясность — не расплескать бы! И отчего-то казалось — ширь впереди необъятная, и всё теперь будет хорошо, светло и радостно.

ВАСИЛИЙ НАЦЕНТОВ

ГДЕ ЖДУТ ДОЖДЯ,
КАК СМЕРТИ ИЛИ ЧУДА...

* * *

Дешёвых дач нахолившихся чубы,
где виноград, откинувшийся ниц,
где ждут дождя, как смерти или чуда.
И дождь везут. И грохот колесниц.
И длинных рук, рабочих, постаревших,
десяток рук заштопывают даль.
И друг о друга — высохший орешник,
и о фасад — со скрежетом — миндаль.
Подпёрт забор оставленным поленом
на всякий случай — мало ли чего.
Не мало. И целует баба Лена,
меня целует в жаркое чело.

* * *

С последним негреющим светом.
Последним. А всё — на потом.
И судьбы ложатся валетом,
ложатся дороги крестом.

Василию НАЦЕНТОВУ 18 лет, он студент первого курса географического факультета Воронежского государственного университета. Внештатным корреспондентом областной газеты стал в пятнадцать лет. Пять лет подряд участвовал в археологических экспедициях по среднему Дону. Занимался историей Великой Отечественной и гражданской войны. Первые стихи напечатал в молодёжной малотиражке в шестнадцать лет.

И снится пустой полустанок
и сливы в горячей пыли,
как поезд, качнувшийся набок,
касается сонной земли.
Как вскакиваю на подножку
под грай воронья и грачей,
как всё же с людьми понарошку,
как всё-таки — страшно ничей.
Верста позади. И — вторая.
Вот станция. Бабы. Галдёж.
И где-то растерянно с краю
ты первой любовью идёшь.

* * *

Мне снилось поле, снился ветер,
закат полоскою горел,
последний луч в ворону метил
и ни черта уже не грел.
В траве — ссутуленные гномы —
торчали старые кресты,
и были, кажется, знакомы
углов округлые черты.
Как будто бы сегодня утром
их заколачивали тут,
но век прошёл в томленьи смутном,
и не случился Высший Суд.
И вот среди пустого поля,
что так мучительно пусто,
одни кресты без Божьей воли
да воля Божья без крестов.

* * *

Мы глядели в глаза
и о том и о сём говорили,
и закат —
растолстевшим за зиму котом —
лёг усами к Москве,
а хвостом под Воронежем или
под ростовским железнодорожным мостом.
И качали ссутуленный месяц
кудлатые лапы,
и поскрипывал гвоздь,
на котором тот месяц висел,
и, наверное, кто-то сейчас
от бессилия плакал,
и с ведром молока
шла доярка по крупной росе.
И, наверное, пальцы в галошах
от холода жались
и беззубо и жадно
жевала галоши земля,
и завязывал леший на узел
лужёную завязь...
Было всё. Только прежде —
глядели глаза на меня.
А под ними — как бусинки —
белые капельки пота,

а над ними — как ниточки —
чёрные стёжки бровей.
Были б бусы,
но мне не по силам работа,
тебе нужен другой —
поуверенней и посильней.

* * *

Холодный день на левом берегу
Воронежского моря, над которым
седая птица в мартовском снегу,
прокашлявшись, солирует минором.
Разодранная надвое страна
тремя мостами держится, покуда
есть основанье летошнего дна
и ощущение завтрашнего чуда,
и оправданье вечного креста,
согнувшего неопытную спину.
Здесь Триединство Бога — три моста,
навечно заколоченные в глину.
Холодный день. Холодная ладонь.
И птица, поперхнувшаяся снегом,
несётся меж взъерошенной водой
и неизбывным падающим небом.

ЮРИЙ ФОФИН

ЖДЁМ ПЕРЕМЕН

РАССКАЗ

Мне снилось туманное морозное утро.

Выпал первый снег. Я иду по широкой пустынной улице. Улица упирается в большое трёхэтажное здание с пятью колоннами. Между колоннами стоит он. Багровое лицо его покрыто испариной. На щеках торчит редкая поросль. Он щурится своими глубокими глазами, полными слёз, и улыбается. Сотрясая землю, бьёт в бубен, дудит в дудку и, кривя рот, дико кричит: “Перемен! — требуют наши сердца. Перемен! — требуют наши глаза. В нашем смехе и в наших слезах, и в пульсации вен: “Перемен! Мы ждём перемен...”

В который раз уже мне снился этот сон. Но всё как-то не хватало времени толком осмыслить его: проснувшись утром, я всегда куда-то спешил.

В тот день я спешил на собеседование в одну торговую фирму.

Окончив второй курс медакадемии, я решил на время оставить учёбу. Я устал от бесконечных лекций с утра до вечера, изучения того, что мне непонятно. Мне хотелось что-то поменять в своей жизни. А может быть, изменить всю свою жизнь. К тому же, мне казалось, что я живу вовсе и не своей жизнью, а как будто проживаю чью-то чужую. Что та жизнь — моя, настоящая — намного ярче и полнее этой.

Я мечтал уехать куда-нибудь в тёплые края. Постоянно представлял себе это: ночь, море, шум волн, огромная луна над головой и небо! Гигантское

ФОФИН Юрий Николаевич родился в 1981 году в Челябинске. Окончил Челябинский государственный педагогический университет (факультет психологии) и Челябинский государственный университет (филологический факультет). Победитель литературного конкурса “Стилисты добра” в 2017 году. Преподавал литературу в колледже. Работает осветителем в Челябинском государственном драматическом Камерном театре. Живёт в Челябинске.

чёрное, пестреющее мириадами звёзд небо. Лежишь, смотришь в эту бесконечную глубину и как будто выходишь в открытый космос.

“Но чтобы обрести свою настоящую жизнь, надо сделать какой-то шаг, поступок!” — размышлял я.

Решено! Заработаю денег в конторе — и в путь.

Я вышел пораньше, чтобы пойти пешком.

Приятно выйти на улицу ранним весенним утром. Когда так тихо, прохладно, свежо. Всё кажется первозданным, нетронутым.

Во дворе раздавался рокот мусорной машины. Я остановился на секунду и прислушался к нему. Звук был отдалённый и даже приятный — одинокий слабый шум, который, ты знаешь, скоро исчезнет, и опять наступит тишина и покой.

Скоро так и случилось: шум стих. Я хотел было идти дальше, но вдруг из-за угла дома показалась сгорбленная фигура старухи в сером плаще. Она медленно катила четырёхколесную тележку, гружённую какими-то свёртками, мешками, сумками. Я смотрел на неё и думал: “Как такое маленькое сухое существо может сдвинуть с места эту бандуру? И куда она её тащит?”

Озадаченный этим, я долго стоял и смотрел на неё. Я даже забыл, куда иду. Я уже ничего не видел, кроме неё. Мне казалось, у меня на мгновение помутился рассудок. Всё как бы остановилось для меня на *долгую секунду*. Было тихо. Я слышал только один звук. Что-то вроде курлыкканья птиц. Интересно, что это? Похоже на журавлей. Но откуда им тут взяться? И вдруг я понимаю, что это не птицы. Звук доносится со стороны старухи. Это скрипит колесо тележки. Этот звук замыкается во мне и воплощается во что-то неясное и тревожное. Охваченный этим чувством, я ещё долго стою в ожидании чего-то неминуемого. Но ничего не происходит. Старуха уходит. Я остаюсь один.

Я выхожу на главную улицу города.

Шумят машины, бегут люди. От резкой перемены картины я чувствую боль в голове. Мне хочется вернуться, спрятаться от всего этого. Но я пересиливаю себя и иду дальше.

Мой взгляд притягивает рекламный щит на другой стороне улицы — “Быстродень”.

“Действительно, быстродень какой-то”, — думаю я.

Но что за быстродень там такой?

Смотрю ещё раз, а это “Быстроденьги”. Две последние буквы скрывал другой рекламный щит.

“Быстродень — быстроденьги, быстродень — быстроденьги”, — как лезвие, вертится у меня в голове эта фраза, но я не могу избавиться от неё.

Перепуганный городской суетой, с головной болью, я поднимаюсь в офис на тринадцатый этаж высокого стеклянного здания. В зале порядок, светло, тихо. На стульях, выставленных в круг, сидят три парня и четыре девушки. В центре стоит мягкое винтовое кресло с высокой спинкой. Остаётся пара минут до начала собеседования.

Он зашёл последним — взмыленный, со включенными волосами. Представился Иваном. На нём, как старая тряпка, болтался серый засаленный костюм с высохшими потёками пота. Он осторожно присел на свободный стул (комнату наполнил кислый запах). Он щурился и улыбался. Сутулость заставляла его закидывать голову вверх, и он так степенно, как верблюд, рассматривал нас всех.

Откуда ни возьмись, словно иллюзионист, появляется красивый энергичный мужчина с большими зубами, в модных кожаных сапогах цвета молочного шоколада. За ним идёт девушка. Её белое румяное лицо напоминает свадебный торт с глазами.

— Добрый день, друзья! — приятным баритоном приветствует нас мужчина. — Мы осуществляем ребрендинг и рестайлинг нашей компании. Поэтому нам необходим новый состав сотрудников. Сейчас мы выполним с вами три упражнения. Это поможет нам выявить среди вас наиболее подходящих для работы в нашей компании. Желаю всем удачи! — он садится

в кресло и закидывает ногу на ногу. На его сапогах становятся различимы едва заметные узоры.

Девушка широко улыбается (от этого *торт* становится больше и аппетитнее), разводит руками и говорит звонким голосом:

— Первое задание заключается в том, чтобы ответить на вопрос: что вы считаете слабостью в себе?

“Быстродень — быстроденьги, быстродень — быстроденьги”, — по-прежнему, как лезвие, вертится у меня в голове эта фраза. Опять шумят машины, бегут люди. Головная боль усиливается. Я становлюсь раздражительным.

“Моя слабость в том, что я пришёл к вам просить убежища”, — мне это сказать? Не-ет. Надо придумать что-то поинтереснее. Что же это? Неумение обращаться с деньгами? Замкнутость и озлобленность на весь мир? Чёрт его знает!

Пока я мысленно перебирал свои слабости, очередь дошла до Ивана.

Мне казалось, он спал. Глаза его были почти закрыты. Но он что-то бубнил себе под нос, словно отшлифовывая какую-то фразу, и слегка улыбался, как будто уже стыдился этой самой фразы.

— Иван, мы слушаем тебя, — весело сказала ведущая.

Иван встрепенулся, выпрямил спину и, оттопырив губы, протянул что-то среднее между “А” и “О”.

— Ао, ну, в детстве я постоянно стоял у окна, — прогундосил он и замолчал.

“Не поняла...” — отразилось в глазах у *свадебного торта*.

— И смотрел на шоссе, — продолжил Иван. — Я мечтал стать шофёром. Я рисовал машины.

Через каждое предложение Иван делал паузу.

— Потом, когда я вырос, я всегда опаздывал, куда бы ни направлялся. И поэтому часто смотрел на часы. Я представлял себе, какие у них могут быть разные циферблаты, и рисовал их.

Он поперхнулся и громко откашлялся.

— А однажды я стоял у окна. И я видел... Это... Я читал об этом в книге. Там было написано, я помню: вдруг сделалось безмолвие на небе, как бы на полчаса. И было семь ангелов. И... ещё что-то...

Иван сбился с мысли, секунду помолчал и продолжил.

— А теперь я смотрю на животных, и мне кажется... Мне кажется, что они говорят со мной, — продолжил он. — Но я не могу разобрать слов. Мне кажется, животные знают о чём-то, о чём люди забыли. Они знают, что...

Иван пожал плечами (было видно, что ему стыдно) и медленно потянулся вперёд к мужчине в узорчатых сапогах, даже привстал немного со стула.

— Что после смерти они переходят в другое состояние, — прошептал он, не то улыбаясь, не то гримасничая, и вернулся на место.

Кожаные сапоги у мужчины слегка потемнели. “Что это за идиот?” — говорил его окаменевший взгляд.

Девушка-торт прервала неловкую паузу:

— Друзья, давайте перейдём к следующему заданию.

Она раздала всем тетради и попросила написать пять пунктов: что значит быть торговым представителем?

Господи, да она издевается! Быть торговым представителем — значит быть ни на что не способным — это же ясно как день!

— Для меня это, прежде всего, быть коммуникабельным, — начала читать из своей тетради одна молодая дама, — дисциплинированным, амбициозным и приоритетным.

— Так! Очень хорошо! А пятое? — спросила ведущая.

— Эмм, простите, я не успела — сконфузилась дама.

— Ну, что же, в целом хорошо, очень хорошо! А что такое быть приоритетным?

— Ну, как же? Быть априори в тренде...

Очередь дошла до Ивана.

— Ао, ну, мне кажется, надо любить того, кому продаёшь свой товар, — прогундосил Иван, не то улыбаясь, не то гримасничая.

— Хорошо, Иван, спасибо тебе, — осторожно прервала его ведущая. — Итак, друзья, перейдём к последнему упражнению. Каждому из вас нужно будет продать нам свою тетрадь, в которой вы сделали записи.

Первый участник робко назначил цену в сто рублей. Второй в тысячу. Третий в десять тысяч. Я мелочиться не стал и назначил миллион долларов.

Иван посмотрел на форзац тетради и сказал:

— Двенадцать рублей сорок копеек.

В кругу кто-то засмеялся. Потом другой. Третий. Дошло и до ведущих.

— Павел, почему ты так дешево продаёшь свою тетрадь? — часто моргая от навернувшихся слёз, спросила девушка-торт. Она почему-то назвала его Павлом.

Иван смутился и занервничал. Мне было видно, как он пальцами правой руки снизу натирал сиденье стула.

— Она столько стоит, — пробубнил он. — Здесь цена указана...

Иван протянул тетрадь мужчине в сапогах.

— Послушай, Ваня, — взялся объяснять мужчина, — она столько стоит чистая. А там же твои уникальные записи... — перейдя на шёпот, сказал он и подмигнул Ивану.

— Точно! Как это я сразу не догадался? — Иван закатился каким-то странным истерическим смехом.

Собеседование закончилось. Меня взяли на испытательный срок. Я ликовал: первый шаг был сделан. Моя мечта изменить свою жизнь стала ближе ко мне. Теперь ночное море, небо и огромная луна над головой стали для меня реальностью.

Но эйфория продолжалась недолго. Меня отрезвили будни.

Я часами просиживал в офисе за компьютером, глядя в свою пустую клиентскую базу. Клевал носом после сытного обеда в “Макдональдсе”. А вечером проходил платный курс “активных продаж и личного роста”. Стоил он недорого: шесть тысяч в месяц. По окончании курса меня ожидал экзамен. Я трижды пытался сдать его. Но всякий раз, когда меня спрашивали, как правильно продать товар, я молчал, как партизан, не находя нужного ответа. Через три месяца мне вручили диплом о том, что я прослушал их курс, и отправили восвояси.

Я пытался устроиться в другие компании с этим дипломом. Но мне говорили, что этот курс уже устарел, и предлагали пройти новый — “прогрессивных продаж”.

Так закончилась моя попытка вырваться из серой безликой массы и взять от жизни всё, перестать жить чужой жизнью и обрести свою, настоящую. Так гигантское чёрное, пестреющее мириадами звёзд небо осталось навсегда где-то в тёплых краях, где ночь, море, шум волн и огромная луна над головой.

Я вернулся в медакадемию.

И сегодня был первый день летней практики. Нас повели в психиатрическую клинику. Её огораживал толстый белый забор. За ним стояли рябины, дальше к подъезду вела липовая аллея.

— А хорошо здесь, правда? Как в парке! — старалась шутить заведующая. — Наша лечебница небольшая, состоит из трёх корпусов. Вот в Биргильдах, на шестьдесят третьем километре, там да, хорошая клиника. Но там и заболевания серьёзные. У нас-то буйных нет. Так, лёгкая меланхолия, — опять пошутила она.

К одному из корпусов примыкала площадка величиной с небольшое футбольное поле. Она была огорожена забором из сетки рабицы. За забором без дела шатались люди в застиранных халатах, кто-то громко кашлял, кто-то разговаривал сам с собой.

Одна толстая женщина у забора согнулась пополам и упёрлась руками в асфальт. Её варикозные ноги оголились, и показалось нижнее бельё. Постоив так немного, она опустила на ноги, поправила халат и жидкий хво-

стик полуседых волос. Её круглое, пунцовое от прилива крови лицо расплылось в улыбке.

Был час свиданий. К женщине подошли два худеньких мальчика с большой сумкой. Она обняла одного из них и поцеловала в ухо. Все трое присели на скамейку. Женщина открыла сумку, достала какую-то еду и поделила всё между несколькими старухами, сидевшими на соседней скамейке. Одна из них, доев угощение, подошла и попросила налить ей газированной воды в ладони — у неё не было стакана.

Нас завели в здание и посадили в учебную аудиторию. Я сел у окна. Вскоре в аудиторию завели худого сутулого парня и посадили за стол преподавателя.

Он щурился и улыбался. Сутулость заставляла его закидывать голову вверх, и он, казалось, даже с каким-то высокомерием поглядывал на нас всех.

Это был Иван.

Я сидел с краю у окна, и мне было видно, как он пальцами правой руки снизу натирал сиденье стула.

Ему задавали вопросы.

Оттопырив губы, он протягивал что-то среднее между “А” и “О”, отвечая только на простые и короткие. В ответ на сложные вопросы он молчал и смотрел вниз. Говорил тихо, каждый раз делая паузу перед ответом, как будто обдумывая его.

Я смотрел на его багровое лицо, влажные глаза и эту странную улыбку. И вдруг я понял — это он снится мне.

Я долго всматривался в него. Как будто ждал от него какого-то откровения. И у меня опять возникло то странное чувство. Как тем тихим весенним утром в моём дворе, когда всё вдруг остановилось для меня, и что-то тревожное, неясное проявилось в моём сознании. Я вспомнил сторбленную старуху. Как она, изнемогая, толкала свою тележку, как будто кто-то заставлял её делать это. Как будто она только и рождена была для того, чтобы каждый день снова и снова толкать гружёную тележку. Я слышу тот странный звук — что-то вроде курлыканья птиц (может быть, журавлей?), и мне опять кажется, что сейчас что-то непременно произойдёт.

Вдруг в окно что-то ударило.

Как будто теннисный мячик (только легче и подвижнее). Я попытался вспомнить, как он летел. В момент удара боковым зрением я видел, что мячик летел как-то странно, неестественно. И отскочил не в ту сторону, в какую должен был. Я присмотрелся к тому месту, куда пришёлся удар. Там оставался след. Я увидел мелкие цветные перышки, трепетавшие на ветру. Я понял — это была синица.

Недавно ночью я проснулся от такого же стука в окно, и не понял, что это было.

Дома, после практики, я подошёл к окну и увидел в правом верхнем углу такой же комок цветных перышек. Я ещё долго простоял у окна, о чём-то думая.

Потом лёг на кровать, чтобы уснуть.

Я не хотел спать, но хотел увидеть тот сон. Ведь теперь я знаю, что это Иван стоит там, между колоннами. Мне хотелось посмотреть на него новыми глазами и, может быть, наконец что-то понять. Кажется, настало то время, когда бежать больше некуда. И некуда спешить. И больше уже не хочется перемен.

И вот уже не то снится, не то думается мне.

Я опять вижу туманное морозное утро. Первый снег. Снег лежит на больших зелёных матовых листьях. Скоро они пожухнут и свернутся в трубочки. Большие, зелёные странные листья.

Я иду по широкой пустынной улице огромного города. Передо мной — большое трёхэтажное здание с колоннами. Между колоннами стоит он. Он щурится своими глубокими полными слез глазами и улыбается. Бьёт в бубен, рассекая в кровь ладони, дудит в дудку и, кривя рот, дико кричит: “Перемен! —

требуют наши сердца. Перемен! — требуют наши глаза. В нашем смехе и в наших слезах, и в пульсации вен: “Перемен! Мы ждём перемен...”

Я долго всматриваюсь в него, и мне кажется, что это я стою там. Слово теперь мы с ним — одно, и взгляд мой обращён как бы внутрь нас. Я вижу, как мы плывём в одной лодке по изломистой кипящей реке. Нас выбрасывает на мшистые гранитные берега с вековыми сухими смоковницами. Озарённые солнцем отвесные скалы теснят нас, кажется, готовые сомкнуться над нашими головами.

Я всё пристальнее и пристальнее всматриваюсь в него. Как будто жду от него какого-то откровения. Я уже ничего не вижу, кроме него. Всё опять остановилось для меня на *долгую секунду*. И вдруг как будто сама нагота жизни высвечивается передо мной. Я вижу всё человечество в этом ревущем и одновременно смеющемся человеке, сошедшем с ума, стоящем в это туманное морозное утро с бубном в руках. Он стоит передо мной, плачет, радуется и поёт, как бессознательный образ целого мира, жизнь которого продолжается вопреки всему.

ЕВГЕНИЙ КАПУСТИН

И УХОДЯТ ЛУЧШИЕ НАЛЕГКЕ

БОЙЦУ СПЕЦНАЗА

Русским добровольцам в Югославии

В лесной войне, где не было неправых,
Ты знаешь, пахнет кровью место встречи.
Ты сочиняешь, как Шахерезада,
Сто тысяч фантастических диверсий.
Ища следы врага по горным склонам,
Ты, как шайтан, неумолим и точен.
Ты от бедра кладёшь две пули в душу.
Спецназ, ты снова в роли Азраила,
Десантом на земле по воле Неба.
Душа твоя не ведает покоя.
Дрожит свинцовой тяжестью во взоре
Прицельная молитва высшей меры.

КАПУСТИН Евгений Александрович родился в 1984 году. Окончил Санкт-Петербургский государственный морской технический университет по специальности морской инженер. Автор сборника стихов “От времени к вечности” (Канада, 2013). Стихи публиковались в газете “Слово”, журналах “Наш современник”, “Нёман” (Беларусь, Минск), “Новый ренессанс” (Германия) и др. Лауреат конкурса литераторов Союзного государства “Мост дружба” (2015). Дважды — лонг-лист независимой литературной премии “Дебют” (2013, 2014). Стипендия министерства культуры РФ по итогам 16-го Международного Форума молодых писателей России. Живёт в Санкт-Петербурге.

НЕБЕСНЫЙ СУД

*Иоаким Вишнич
Вольный перевод с сербского —
Евгений Капустин*

*Стихотворение написано сербским
поэтом в марте 2014 года в связи с
политической ситуацией на Украине.*

Не капает мёд из небесного сада...
Идут наглецы за Америкой следом;
Идут, оставляя след чёрного пепла,
Надменные звери... Разорваны души

У них, неизменно не видящих Неба,
Которое плачет над миром невинным.
И Бог сострадает, и любит, и помнит
Рассветы былые и гром Воскресенья.

Кровавые праздники Запад готовит —
Наполнены кровью долины и реки.
Но Небо ответит сигналом набата,

Проснётся Земля и стряхнёт с себя злобу
Перед Божьим судом, перед Матерью-Русью!

РЕКВИЕМ

Только радости в жизни — уметь дышать.
Только радости в боли — уметь молиться.
И не верит в рай ни одна душа,
Лишь пока сама не взлетит, как птица.

И не хватит воздуха в кулаке,
И не хватит сердца для каждой битвы;
И уходят лучшие налегке
Нарекать собою кресты и плиты.

Только нет покоя для тех имён,
У которых голос навеки сорван...
И узнаем цену в конце времён
Тем, кто сам себе ни орёл, ни ворон.

* * *

Есть физический труд — это когда работают руками.
Есть умственный — когда работают головой.
А есть те, кто работает совестью:
например, это русские добровольцы на Балканах.

г. Санкт-Петербург

ОЛЕГ МАЛИНИН

ПЕСНЯ О СДАЧЕ СЛАВЯНСКА

(Отрывки из поэмы)

* * *

Слабо греет северное солнце.
У тебя красивые глаза.
Выгляни в широкое оконце,
Разметает ярко-белый стронций
Вдоль по небу лента-полоса!
Тяжко думать о прошедшем. Что же,
Расплетайся, розовая нить.
Мне мятеж волос твоих дороже,
Угли глаз, которым не остыть.
Вбиты навсегда тугие клинья
Птиц российских между нас двоих.
Но хочу вернуть тот вечер синий,
Шепот губ, полёт неровных линий
Рук тяжёлых и кистей твоих!
Где бы ты сейчас ни находилась,
Веришь или нет моим словам,
И теперь готов судьбу и силу
Разделить с тобой напополам.
Потому что помню очень много,
И воспоминанием одним
Я могу поклясться, рухнуть в ноги,
Широтой души твоей храним.

МАЛИНИН Олег Игоревич родился в 1983 году в Москве. Окончил социологический факультет МГУ и Литинститут им. А. М. Горького. Печатался в журналах и коллективных сборниках. Работает учителем. Живёт в Подмосковье.

Вспоминаю давние свиданья,
Новолунья лёгкие лучи,
На седых налётах козлодранья
Вымрите во мне, воспоминанья,
Сильный голос памяти, молчи!
Теплится ещё в груди надежда,
Отзвук еле различимый: где ж ты?
Глух удар, тягуча темнота...
И тоска обвальная такая,
Что я б вырвал сердце!.. Истекая,
Тяжкой кровью память разлита.
Память встречи, первой нашей встречи
У туманной ягодной воды,
В неглухом саду Замоскворечья
Мучает меня... И этот вечер
В полушаге от слепой беды.
Выстрелить в себя? Одно мгновенье:
Кончен всех мучений страшный путь.
Будет мне тогда успокоенье,
Но твоих ладоней не вернуть...
Но волос твоих густого хмеля
Возвратить не суждено назад...
Что же я разнылся, как Емеля?
Как войны не видевший казак?
Вон вдали колышутся знамёна!
Маршируя, взводные пошли.
Будет каждый назван поимённо
На просторах горестной земли.
Будет солнце так же слабо сеять
Тыщи лет вперёд свои лучи,
Чтобы нам легко с тобой поверить
(как ни тяжёлы порой потери)
На земле в любовь и жар свечи...
Выгляни в широкое оконце:
Небо разрезает полоса!
И пускай погаснет это солнце.
У тебя — бессмертные глаза.
У тебя сердечко — василёк,
И нежны твои лучи-ресницы.
Не тужи о том, что путь далёк:
Вороним с белёсыми не сжиться..
Я тебя невестой назову,
Мы детишек розовеньких сладим...
Будешь королевой наяву
Славы и богатства наших ради!..

* * *

Я прошу, чтоб осудила строго,
Залихватскую смирила прыть,
Только прежде разреши с дороги
Грязь с лица и ног истёртых смыть.
Я к тебе вернулся слишком поздно,
Но легко простить, коль веришь ты
Недосчитанным сгоревшим звёздам,
Падающим не из пустоты.
В этот раз, обрызганный рассветом,
Не поверю всем огням земли.
Если назывался я поэтом —

Глаз твоих подснежники цвели.
Помни всё. И, в праведной обиде,
Если хочешь, ты меня кори!
Только небо, словно брашно в сите,
Звёзды отпускает до зари.
Звёздам падать — то же, что кометам;
Но звезде упасть, по мне, — честней.
Хвост её, сгорев мгновенно следом,
Не обманывает чистоты очей.
Ты прикрой слегка у окон ставни,
Выйди в этот сад, как я прошу, —
Мы с тобой припомним вечер давний,
Вспомним тихий яблоневый шум...
Ты подслушай песню в этот вечер:
Расплетающиеся ветра,
На ресницы падая и плечи,
Здесь не утихают до утра...
Потому что небо стало злиться.
Ведь когда расстанемся мы, тут
Первые осинового листья
Птицами подбитыми падут.
Станут под свинцовым этим светом,
Если не нарушить тишины,
Голоса расстрелянных поэтов
В переливе лиственном слышны.
Ослеплённых поколений дети,
“Мы” переродились в грани “я”...
Отчего и вижу в пистолетах,
В грязных ружьях копать от огня!..
Вот зачем прошу, чтоб крайне строго
Залихватскую смирила прыть,
Только прежде разреши с дороги
Грязь с лица и ног истёртых смыть.
Много я в пути кривом изведаль,
Множество дорог исколесил,
Потому теперь зовусь поэтом,
Что пою безвестный крест Руси.

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ

НАВСТРЕЧУ БОЛИ

Рассказы Елены Тулушевой как свидетельство времени

“Там никого не бросят. Бог всех, кто к Нему приходит, любит и оберегает”. Теперь Витька был доволен. Он заработает столько, чтобы и сестрёнку Бог полюбил.

Е. Тулушева.

Кажется, во все языки мира это русское слово так и вошло непереводаемым *Perestrojka* – слишком русским было само явление: строить, строить, а потом вдруг увидеть, что дом-то за годы строительства уже будто и позабыл, для чего создавался. Или жильцы переменялись, и всё стало не по ним. Ну, и взяли да, потоптавшись в “застое”, и решили всё переделать из старого в новое. Старое некоторое время противилось, а новое или путалось, или норовило перевести на русский готовые чужие образцы и говорило “с акцентом”.

А в тени и свете, раздражении и красноречии, “пересиживании” одних и наступлении других росло новое поколение. Росло, как трава, – “взрослым” было не до него. И вот незаметно ему оказалось тридцать лет. Не знаю, как для других народов, а для русского сердца возраст тревожный. Пушкин в конце шестой главы “Онегина” в смятении вопрошает: “Ужель мне скоро тридцать лет?” Но уже в следующей строфе, оглянувшись на всю череду внешних случайностей жизни, видит, что у Бога случайностей для гения нет, и позади – слепящая ясная даль, и всё неукоснительно сходится к осознанию полноты: “Так, полдень мой настал...” Может, в тридцать лет это и было сказано в России только однажды.

И вот я вчитываюсь в сегодняшних тридцатилетних с волнением и надеждой – настал ли их полдень, ведь это они определяют лицо сегодняшней литературы. Им, нынешним “нулевым”, было труднее, чем до них “шестидесятникам”, входившим в литературу с молодой отвагой и сознанием единства поколения. И труднее, чем “восьмидесятам” (термин, сочетающий календарь и брань, принадлежит представителю этого поколения Юрию Арабову). Он звал этим именем эгоистических авторов восьмидесятых, которые, по слову писателя, развинчивали словарь до такой степени, что уже нельзя было понять, “от какого болта эта гайка”. Они много успели тогда, приготовив явление “постмодернизма” и острое ощущение конца истории. И хоть сами тайно

КУРБАТОВ Валентин Яковлевич родился в 1939 году в г. Салават Ульяновской области. Окончил факультет киноведения ВГИКа. Автор около 20 книг, в том числе “Хранители памяти” (1992), “Валентин Распутин. Личность и творчество” (1992), “Перед вечером, или Жизнь на полях” (2003), “Подорожник” (2006), “Долги наши” (2007) и др. Лауреат Патриаршей литературной премии (2014) и многих других. Член Президентского совета по культуре. Живёт в Пскове.

тосковали по утраченному единству, но уже могли только “развинчивать”, мстя словарю и жизни, словно их втянули в историю силой.

Материя жизни истончилась и засквозила метафизикой, нравственно полегчала, стала послушна однодневным призывам жить “здесь и сейчас” и владеть “всем и сразу” — поэтিকা старая, а герои уж давно мучаются вполне новым временем, не понимая причин своей муки.

О чём, бишь, я? Когда о рассказах-то Тулушевой? Да это я о рассказах и говорю, таких горьких — хоть не дочитывай, потому что в каждом на глазах погибают дети. Ну, а перестройка-то причём? А вот при том, что тот же Александр Сергеевич ещё в стихотворении “Из Пиндемонти (“Недорого ценю я громкие права, // от коих не одна кружится голова...”) вычёркивал строки: “При звучных именах Равенства и Свободы, // Как будто опьянев, беснуются народы”. Вычёркивал, очевидно, потому, что ему ещё казалось, что такому предупреждению не время. Но — гений же и русский же человек! — наперёд видел, что однажды этот зачёркнутый стих проступит из черновика. И вот теперь мы “постарались” — теперь уже время, потому что, когда “беснуются народы”, остаются без присмотра дети, которых тотчас уловляют расчётливые молодцы от наркотического рынка.

Рассказы Елены Тулушевой об этом — о грани бессилия и безразличия, грани чужой и своей истории. Мы скрываем от себя эту страшную действительность и прячем глаза от статистики, по-детски надеясь, что не скажешь и, авось, оно само и уйдёт. И не надо будет загораживать от детей спиной страницы невыносимых книг, чтобы нечаянно не подтолкнуть их в гибельную сторону. Не напишешь, заслонишь — и вроде как не будет. Как Андрей Битов когда-то говорил о “вине” Достоевского, написавшего “Бесов”. Не написал бы их такими “беспокойно умными”, их бы и не было, а был бы один уголовный случай в подворотне. А только уже прочитанного не спрячешь. Останется занозой и обострит зрение. Выйдешь вечером из дома посидеть в тишине на берегу Великой или Псковы, а уж нет-нет под ногами — и шприц. Как укол в сердце.

И сразу перестройка-то “ломкой” оборачивается. И, закрыв последнюю страницу, всё равно не найдёшь покоя. Даже и сами названия рассказов теперь в оглавлении просто так не пройдут. Вроде взяты первые, что под рукой. А лучше не оборачиваться. Ну, что тут глубокого-то? А раздумаешься и не будешь знать, как унять сердце. Это наш с вами “первенец” — эта беременная несовершеннолетняя детдомовская девочка накануне родов, и родится ли её ребенок без ВИЧ, которым она заражена, отчего-то вроде и от нас зависит. И это “рядом ходит” наше дитя, может быть, друг нашего сына, у которого “не было пионерских лагерей на три смены и школьных кружков, не было вожатых или других старших, которые бы приглядывали, поддерживали, а были тревожные взгляды мамы, её слезы и папины бесконечные подработки, поиски денег”. Как всеобщее, как горько похоже! И нам решать, как спасти их обоих.

И нам болеть оттого, что мальчик из рассказа “Клад” опасно честен, губит, не ведая того, чьи-то жизни, потому что ему надо крестить сестрёнку прежде, чем оба останутся сиротами, потому что “Бог всех, кто к нему приходит, любит и оберегает”. Он заработает столько, чтобы и сестрёнку Бог полюбил”. А “зарабатывает”, не ведая того, передачей наркотиков.

Время так повернулось, что вот и честность стала тревожна. Раньше-то (помните?) у Леонида Пантелеева мальчик не может уйти с “поста” при игре в войну, хотя про него давно забыли поставившие его мальчишки, потому что он дал честное слово. Мы любили этого мальчика и гордились им. А этого боимся, хотя виноваты мы, взрослые. Простые названия (“Первенец”. “Вместе ходит”, “Клад”), а будто всякое слово наизнанку вывернуто — Адам скрестил эти слова с другими смыслами.

Устанешь иногда от щегольства нынешней прозы, от блестящей однодневности, а только соберёшься махнуть рукой, как на твоих глазах слово опять выходит навстречу боли и подставляет своё сердце, чтобы разбудить и защитить нас, потому что знающий — вооружён. Теперь нам уже трудно будет закрыть глаза и притвориться, что мир благополучен, — полдневный свет не даст.

Время может переодеваться как угодно, искать свободы от идеологии, снимать с себя ответственность за якобы чужое прошлое, перед которым “мы не виноваты”, но нравственный закон всё так же незыблем, и Россия по-прежнему, по слову Рильке, есть “часть суши, окружённая небом”.

РОМАН СЕНЧИН

ВРЕМЯ ВРЫВАТЬСЯ

Заметят ли новых традиционалистов?

В одной из рецензий литературного критика Алексея Колобродова есть, на мой взгляд, жестокие, но очень точные слова: "...У молодых писателей не бывает частичного попадания. Либо есть полное, либо нет никакого".

Да, стать *настоящим* хотя бы для небольшого круга читателей с частичным попаданием невозможно. Но что такое "попадание"?

Одного текста мало, даже если допустить, что в нём — полное попадание. На текст попросту не обратят внимания. Нет, обратят — десяток человек от силы. И даже если они начнут неистово пропагандировать этот текст другим, вряд ли кто клюнет. При нынешней информационной плотности взять и открыть расхваленную горсткой людей книгу неизвестного автора — вариант почти утопический.

Плюс к тексту нужна фигура живого, реального, что-то ещё сделавшего человека. Сделавшего даже глупость, но шумную.

Вспомним жёлтую кофту Маяковского, то ли мифические, то ли вполне реальные русские сапожки с каблчком Есенина... Вспомним и более давних. К примеру, Державина.

Он ведь писал и публиковал оды и до прославившей его "Фелицы". Десять лет публиковал, и не видел никакой реакции. А потом решился напечатать "Фелицу", за которую его вполне могла покарать и сама Екатерина II, и, что вероятнее, её окружение, которое в оде было выведено, мягко скажем, нелицеприятно... Но Державин рискнул — и выиграл. И стал не только первым поэтом своего времени, но и государственным мужем.

Кстати, через несколько лет Гавриил Романович преподнёс императрице стихотворение "Властителям и судиям" и чуть было не загремел в Петропавловскую крепость. Приобрёл ярлык якобинца и, в конце концов, был "уволён от всех должностей"...

По сути, ни один заметный писатель не приходил в русскую литературу тихонько, скромно, бочком. Чаще всего — врываются. В том числе и в советское время, которое теперь многими воспринимается как десятилетия некой если не тюрьмы, то казармы.

Да это и естественно — врывать. В который раз рискну процитировать высказывание Виссариона Белинского: "Шум, конечно, не всегда одно и то же с славой, но без шума нет славы".

Сенчин Роман Валерьевич родился в 1971 году в Кызыл-Тувинской АССР. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Автор романов "Нубук", "Елтышевы", "Зона затопления" и др. Лауреат литературных премий, в том числе "Большая книга". Живёт в Екатеринбурге.

Последнее относительно шумное вторжение в литературу произвели новые реалисты и их сверстники (не по возрасту, а по дебюту) в первой половине нулевых: Сергей Шаргунов, Василина Орлова, Денис Гуцко, Дмитрий Новиков, Ирина Мамаева, Захар Прилепин, Аркадий Бабченко, Анна Козлова, Герман Садулаев, Андрей Рубанов, Олег Зоберн, Илья Кочергин, Игорь Савельев, Александр Снегирёв, Евгений Алёхин, Наталья Ключарёва... Тогда же появилось поколение довольно шумных поэтов, любивших состязаться на слэхах, "Полюсах". Подходящая атмосфера породила и плеяду критиков: Андрея Рудалёва, Валерию Пустовую, Юлию Качалкину, Сергея Белякова, Алису Ганиеву (затем перекочевавшую в прозаики), Дарью Маркову, Елену Погорелую... Накатила волна и новых драматургов...

Нельзя сказать, что все эти, да и десятки и десятки не названных мною по именам авторов вытворяли что-то особенное. Но и не входили бочком. Можно сказать, что им повезло со временем: к моменту их первых публикаций возникла потребность в *новом* и при этом таком *новом*, которое бы хоть отчасти отражало, осмысляло реальную действительность. У них оказались сторонники и противники среди представителей старших поколений. Разгромные статьи перемежались прославляющими; тиражи книг некоторых тогдашних молодых даже сжигали в издательских дворах или пускали под нож...

В конце нулевых и в десятые годы новые талантливые авторы, конечно, тоже появляются, но их появление, как правило, происходит почти незаметно. Совсем мало рецензий, нет жарких обсуждений, споров, дискуссий.

Каждый наблюдающий за нашей современной литературой наверняка может привести свои два-три примера более или менее заметного дебюта, но общую картину это вряд ли изменит: молодых ярких писателей у нас крайне мало. Но талантливых, по-настоящему талантливых – много.

В чём дело?.. По-моему, в том, что они приходят поодиночке.

Конечно, можно возразить, что писательство – дело одинокое, сбиваться в стаи нельзя. Но ведь всегда сбивались. И до Пушкина, и при Пушкине, и после Пушкина. Объединялись вокруг какого-нибудь журнала, какой-нибудь политической, эстетической идеи, придумывали направления. Боролись. Футуристы боролись с символистами, имажинисты – с футуристами. Славянофилы – с западниками, либералы – с почвенниками. И наоборот.

Новые реалисты начала нулевых попытались потеснить постмодернистов, а новых реалистов довольно долго никто не пытался потеснить. Критиковали, убеждали неизвестно кого, что нового реализма не может существовать по определению, что реализм всегда один – обычный, и всё. Но даже такую простенькую идею, как "новый реализм" нужно было вытеснить другой идеей, а её до последнего времени не существовало.

Возникло было некое, кажется, виртуальное – без собраний, споров о целях – объединение "Последние 30", в которое вошли авторы, рождённые в 1985 году и позже (Арслан Хасавов, Антон Секисов, Ольга Брейнингер, Алиса Ганиева, Максим Матковский и ряд других), то есть представители постсоветского поколения. Был даже выпущен альманах, но особого резонанса объединение и альманах не вызвали. Может быть, из-за того, что не заявили о себе громко, манифестом...

И вот не так давно в журнале "Наш современник" (2016, № 10) появилась статья Андрея Тимофеева "Новые традиционалисты" как будущее русской литературы". "Наконец-то, – подумал я, – появилось ещё что-то новое".

Статья с поистине манифестальным названием оказалась обстоятельной, аргументированной, но очень спокойной, слишком взвешенной. Она не раздражала, не вызывала на спор... В общем-то, её если и заметили, то с пониманием (мол, молодым всегда нужно выделиться), а не с желанием ответить.

Как критика я знал Андрея Тимофеева и до этой статьи. Время от времени мне попадались на глаза то бумажные, то электронные номера газеты "Российский писатель", где я встречал рецензии, небольшие статьи на литературные и политические темы Андрея Тимофеева под рубрикой "Дневник читателя". В журнале "Октябрь" (2015, № 12) я прочёл его очень колючую (в отличие от "Новых традиционалистов"...") статью "О новой органической критике". И постепенно складывалась картина молодого (по возрасту) литературного критика, недовольного тем, что делали и делают те, кто пришёл в литературу за десятком лет до него.

Недовольство справедливое. Но что, а вернее кого он предлагал взамен,

до статьи “Новые традиционалисты”...” я толком не видел. В четвёртом номере журнала “Новый мир” за 2014 год (кстати, Тимофеев печатается в совершенно разных изданиях, и никого, кажется, это нынче не возмущает, а в начале нулевых тогдашних молодых ругали со всех сторон очень страшно за возмутительную неразборчивость и всеядность) я прочитал рассказ Андрея “Свадьба”. Рассказ очень сильный, но, кажется, мало чем (по крайней мере, на первый взгляд) отличающийся от “нового реализма”...

И вот статья, где дано и название тому, что должно потеснить новый реализм, и приведены имена новых традиционалистов: Андрей Антипин, Елена Тулушева, Юрий Лунин, Алёна Белоусенко, Иван Маков... А следом – книга Андрея Тимофеева “Навстречу”. 250 страниц, с четверть которых занимает литературная критика, а остальное – проза.

Запомнилось признание писателя Алексея Варламова в уже давнем интервью журналу “Фома”, что он хочет написать православную повесть, в которой бы не было ни слова о Боге, церкви, самом православии, но была бы православная суть... Не знаю, написал ли Варламов такую повесть или нет, но разделяю его желание и понимаю, как это сложно. Особенно людям, выросшим в те времена, когда православие было если и не искоренено из жизни, то глубоко спрятано, забито в угол...

Наверное, действительно православную прозу способны писать сегодня молодые люди, сформировавшиеся в конце 90-х – начале нулевых.

1990-е сейчас воспринимаются у нас, в основном, как времена беспредела, бандитских войн, падения моральных, нравственных, патриотических устоев. Но это было и время возвращения православия. И как раз те, кому сейчас около тридцати или совсем немного за тридцать, впитали это возвращение детьми. Вернее, многие из них. В том числе и те, кого Андрей Тимофеев отнёс к новым традиционалистам. И он сам, конечно.

В прозе Тимофеева есть и “церковь”, и “Бог”, но главное, что она по-настоящему, как-то не в лоб, органично православна. Как православна, при всей её сложности, практически вся русская литература XIX века.

В сложные ситуации, перед сложным выбором ставит своих героев и Андрей Тимофеев. У него нет громкой радости обретающего веру, нет слёз умиления, нет нравочительства, которые так часты у православных писателей старших поколений (обретших веру или художественно заявивших о ней в зрелом возрасте). Герои Тимофеева скорее пугаются своего преображения, чем радуются ему. Вот пример из повести, давшей название книге:

“Было темно, передо мной сгрудились несколько маленьких старушек, похожих друг на друга, будто слепленных из одного теста, сверху пел хор, откуда-то издали доносился голос священника, неразборчиво читающий молитву. Всё это было так знакомо, ничего необычного, та же обстановка, которую я помнил с детства. Может, только какая-то ностальгическая грусть могла бы закрасить мне в сердце, да и той не было. И странным казалось, что когда-то эта обстановка производила на меня такое сильное впечатление, что могла даже влиять на мои мысли. Теперь я всё видел отчётливо, не обманываясь и не придумывая ничего.

Но в то же время с первых же секунд, как только я вошёл, какая-то неясная тревога охватила меня, будто на самом деле что-то было не так. Я попытался прислушаться к себе, но никак не мог объяснить это странное изменение, пока вдруг так отчётливо не осознал, что в этой церкви, кроме священника, хора, старушек и меня, есть кто-то ещё. Я стоял, ощущая его присутствие в окружающей меня темноте, и с каждым мгновением всё яснее мне становилось, что это Он. А когда я понял это до конца, неожиданный животный страх прошиб меня насквозь, так что я не мог вынести ни секунды и бросился прочь.

Помню, в ужасе стоял на крыльце и пытался отдышаться. Вокруг был тот же мир, я слышал шум проезжающего трамвая, слышал, как где-то шелестят ветви на деревьях, голоса рабочих, доносившиеся из-за церкви, – мир жил своей обычной жизнью, призрак рассеялся, но я-то знал, что там, внутри, Он по-прежнему есть. Тогда я почувствовал, как мне хочется опять ощутить Его присутствие, как мне больно и невозможно стоять сейчас здесь, на крыльце, и как тянет меня обратно...

Я глубоко вдохнул и медленно, боязливо опять вошёл внутрь”.

Говоря о том, что проза Андрея Тимофеева – православная, я не имею в виду, что его герои, обретая веру, становятся счастливыми, обретают смысл

жизни, понимают, как надо и как не надо. Нет, у Тимофеева всё сложнее. Вообще, по моему мнению, это один из самых сложных писателей, появившихся в последнее время. Не стилистически, а психологически.

Это относится и к повести “Медь звенящая”, главный герой которой, Дубов, ой, как не прост, и к рассказу “Свадьба”, который в контексте книги приобретает совсем другой смысл, и к другим произведениям.

Необычайно глубок коротенький рассказ “У моря”. Сюжет такой: молодожёны Оля и Максим проводят медовый месяц в Крыму. По пути из Севастополя в Ялту они оказываются в одной маршрутке с подвыпившими молодыми парнями, которые безобразно матерятся. Максим не выдерживает и “с ненавистью” кричит на парней.

Оля вместо того, чтобы мысленно одобрить мужа, “с удивлением смотрела на него, она никогда ещё не слышала, чтобы он так кричал, и только сильнее вжалась в кресло”. И потом, в Ялте, “Оле стало жутко, оттого, что она находится в каком-то неизвестном городе, за сотни километров от дома, с чужим, почти неизвестным ей человеком. Она рассеянно глядела по сторонам и в полусонном состоянии двигалась за мужем. Будущая жизнь вдруг представилась ей огромным пустым пространством, таким же бесконечным, как раскинувшееся перед ней тревожное вечернее море”.

Да, Тимофеев, да и Антипин, Лунин, Тулушева, Белоусенко пишут очень простым, действительно *традиционным* языком. Никаких стилистических изысков, нарочитых усложнений, игры с хронологией, реальностью. Но это очень тонкая проза. Вот только найдутся ли те, кто не только оценит эту тонкость (горстка почитателей у каждого из этих авторов есть), но и сможет о ней рассказать интересно и увлекательно. Привлечь так называемого широкого читателя.

В начале книги Андрея Тимофеева помещены несколько довольно подробных отзывов о его прозе Михаила Лобанова, Геннадия Иванова, Александра Сегеня, Алексея Татаринова. Там не только хвалебные слова, а такие мини-разборы. Но это написано *старшими*, а для глубокого разговора нужны слова *сверстников* Тимофеева и других традиционалистов.

Они, традиционалисты, в основном люди уже не юные — им за тридцать. Опубликовано немало, есть и книги. Но вот резонанс до обидного слабый. Нужно что-то предпринять. Или им самим (что и сделал своей статьёй Тимофеев), или тем, кто ещё остался в цеху литературных критиков.

Хорошо бы было, если бы книга “Навстречу” разбудила нового критика, как когда-то повесть Сергея Шаргунова разбудила Валерию Пустовую. Пора.

ЯНА САФРОНОВА

ПУТЕШЕСТВИЕ В МИНУВШЕЕ

О прозе Дмитрия Филиппова

Широкая литературная общественность всерьёз заговорила о петербургском прозаике Дмитрие Филиппове, когда его роман “Я – русский”^{*} попал в длинный список премии “Национальный бестселлер-2015”. Примерно в то же время в “Литературной России” вышла статья Андрея Рудалёва “Третье поколение мужчин”^{**}, где известный критик поставил роман Филиппова в один ряд с романами “новых реалистов” Сергея Шаргунова и Романа Сенчина. Однако по возрасту и по времени вступления в литературу Филиппова вернее было бы отнести к следующему поколению, так называемых “новых традиционалистов”, сегодняшних тридцатилетних, группирующихся вокруг журнала “Наш современник”. Впрочем, начиная разговор о Филиппове, мне категорически не хотелось бы причислять его ни к одному из литературных направлений. И не потому, что эти направления условны, просто Филиппов в лучших своих произведениях не стремится к интерпретациям прошлого или к созданию нового героя и отражению бушующей современности, а затрагивает универсальные бытийные вопросы: “Почему люди воюют?”, “Кончается ли жизнь со смертью любимого человека?”, “Что такое вера в глубинном её понимании?” Пожалуй, именно широкомасштабность, амбициозность целеполагания этого автора позволяют выделить его из ряда ровесников. В случае Филиппова интересен творческий метод, магия тонкого обобщения. Кажется, Филиппов описывает конкретную ситуацию, но к концу текста читатель обнаруживает себя в многослойном художественном мире, в совмещении микро- и макропланов, в центре глобального явления, частью которого является первоначальное событие. Автору не всегда удаётся аккуратно выстраивать свои основательные конструкции, но устремлённость их в высоту заслуживает внимания.

Филиппов родился в городе Кириши Ленинградской области, образование имеет филологическое. Участвовал в боевых действиях на территории Чечни. Вот и публиковаться начал на интернет-ресурсе, посвящённом военной тематике “Окорка.ru”, затем – в самых разнообразных литературно-художественных изданиях. Публицистика в “Дне литературы”, критика и художественные произведения в “Литературной газете”, на сайте “Российский писатель”, из толстых журналов – “Знамя”, “Волга”, “Нева”, “День и ночь” и т. д.

Лучшее из ранних произведений Филиппова – повесть “Капля молока”^{***}. Главный герой повести – молодой солдат Рома Савин по кличке Шустрик. С ним мы встречаемся в чеченском плену. Отряд боевиков уходит вперёд,

* Филиппов Д.С. Я – Русский. Роман. М., “Литературная Россия”, 2015. 304 с.

** Андрей Рудалёв. Третье поколение мужчин. “Литературная Россия” №48, 2014.

*** Дмитрий Филиппов. Капля молока // URL: <http://rospisatel.ru/filippov2.htm>

оставляя грозного воина Юсупа конвоировать русского паренька. Звёздная чеченская ночь навеивает на Юсупа воспоминания, Рома же в отчаянии перебирает счастливые моменты своего прошлого, понимая, что будущее у него могут скоро отнять. В параллельных ретроспективах Ромы и Юсупа читатель видит: русский и чеченец просто люди, у которых бывшие любви, потери, мир вокруг – одинаковые.

Но Юсуп – человек опытный, проживший большой кусок насыщенной жизни, чеченский боевик. Рома же очень молод, он почти мальчик, и вспомнить перед смертью ему практически нечего: девочка Аня, детское ощущение страха да капля молока на усах домашнего кота. И как бы Юсуп ни сожалел о смерти Ромы, *“он не испытывал угрызений совести”*, и, скорее всего, оставив мальчика позади, чеченец пойдёт дальше – убивать.

Несмотря на спорное сопоставление Ромы и Юсупа, Дмитрию Филиппову в этом рассказе всё же удалось, на мой взгляд, главное для прозаика: взобраться по лестнице частного случая к сути явления, выразить в коротком тексте деструктивность войны, общность человеческой природы, загадку природы. Демонстрируя мастерское владение деталью, из капли молока Филиппов создаёт море воспоминаний, чувств, поводов жить, ведь эта капля, жирная и большая, сама по себе – жизнь.

Со временем тематический диапазон Филиппова расширялся, действие переносилось с поля боя в другие, однако не всегда мирные, места. В повести *“Три дня Осоргина”** писатель рассказывает нам историю свидания отбывающего срок на Соловках Георгия Осоргина с его женой Линой прямо перед его расстрелом. И эти три последних дня, проведённые вместе, оказываются самыми счастливыми днями их жизни.

В одну из ночей в лагере Лина просыпается, обнаруживает, что время пропало, и говорит об этом мужу. *“– Если оно не вернётся – не будет смерти. – Он крепче обнял жену. – Но и жизни не будет. Навсегда останемся в плену”*. В этой короткой реплике нет эгоизма, для Осоргина жизнь – не первостепенный фактор, он знает, что, если время пойдёт своим чередом, он завтра умрёт, ведь приговор уже вынесен и оглашён. Но Лина, их дети, мир, будущая правда и справедливость – всё это возможно, только если время будет идти вперёд несмотря ни на что, даже на его собственную смерть.

Автор выразил в своих героях чудо безусловной веры и рассказал нам об общечеловеческом на примере частного: о любви на пороге смерти и о том, что жизнь на самом деле никогда не кончается: *“Разошлись тучи, небо залило золотом, и Лине открылся образ. Картинка желанного и невозможного: они сидят в кафе на Остоженке вчетвером (она, муж, дети), пьют чай, едят пирожные. Георгий протягивает руку и нежно стряхивает крошку с её верхней губы. А она ловит ртом его пальцы... Так всё и было: над холодным Белым морем – их семья, лето, Москва, кафе, счастье <...> Хрупкая, усталая женщина стояла на корме парохода, глядела вдаль. Ветер развеивал её длинные каштановые волосы, трепал подол платья, сушил слёзы. А Лина всей душой верила открывшемуся ей чуду. И была непоколебима её вера”*.

Даже в Соловецком лагере автору важен не ад повседневной жизни, а корни. Вера и Бог, незримо присутствующие в этом месте: *“Соловки – от слова соль. Солоня Россия от слёз, пролитых на этой земле. Преподобные Зосима, Савватий и Герман, вы первые ступили на этот берег, вдохнули святость в суровый поморский край. Сотни лет здесь спасали душу, молились Богу, а зачали дьявола. <...> Бог отвернулся. И пришёл СЛОН: Соловецкий лагерь особого назначения. И стал топтать своими толстыми ногами всё и вся, перетирать в порошок души человеческие. Многие-много лет. Тьмы и тьмы...”* Говоря о старцах, вспоминая древнюю Русь, автор и стилизует текст соответствующим образом: уделяет внимание топонимическим созвучиям, которые рождают метафору, что присуще традиции древнерусской литературы (например, было характерно для стиля Даниила Заточника: *“Ибо, господине, кому Боголюбове, а мне горе лютее; кому Белоозеро, а мне оно смолы чернее; кому Лаче-озеро, а мне, на нём живя, плач горький...”***).

Конечно же, автор, написавший о Соловках, не может обойтись без сравнения с Захаром Прилепиным. Роман Прилепина *“Обитель”* по сравнению

* Дмитрий Филиппов. Три дня Осоргина // “Нева”. 2014. № 1.

** Перевод Д. С. Лихачёва

с повестью Филиппова носит ярко выраженный эпический характер. Его цель – захватить как можно больше персонажей, событий, пейзажей, ситуаций. Отсюда внушительный размер текста. Филиппов же, напротив, выходит за рамки темы, порой пренебрегая заданным местом действия. Ему гораздо важнее философская суть человека в контексте целого мира. Выбранная географическая точка для него неважна, она только толчок к развитию в ней событий библейского масштаба. Повествование Филиппова стремится к катарсису, но... он не всегда случается. Происходит это из-за того, что герои во всеобъемлющем нравственном письме порой однооттеночно окрашены, лишены “объёма”, противоречия характера, набора черт. Такой излишне прямой подход мешает “вылететь” за пределы заданных реалий, поверить, что читаешь не выдуманную, составленную историю, а настоящую.

После глубоко уважительного к христианской традиции произведения “Три дня Осоргина” особенно странно говорить о следующем, экспериментальном рассказе автора “Сын человеческий”*. Молодая деревенская девушка Маша потеряла родителей, старик-сосед Осип взял её в жены, “но притронуться по-мужски не смел”. Однажды Маша стирала бельё в речке, за этим занятием застаёт её крепкий мужик Гаврила. После короткого диалога происходит молниеносное совокупление. Маша беременна, и Осип, узнав об этом, выгоняет её из дома. За помощью девушка обращается к своей сестре Елизавете, которая тоже носит ребёнка. После родов Елизаветы Осип прощает Машу и возвращает её под свою опеку. Супруги едут на всесоюзную перепись, но автобус ломается, а Маша начинает рожать. Три пассажира помогают довести девушку до сторожки, и там, в полевых условиях, принимают у неё роды. “Три волхва курят морозной ночью. Смерти больше нет”, – подводит итог Филиппов, окончательно убеждая читателя в том, что имена, так точно схожие с евангельскими, совершенно не случайны.

Филиппов не из того рода авторов, которые строят свою прозу на эпатаже и бросают громкие вызовы. Но если читатель ознакомится с одним только “Сыном человеческим”, у него может сложиться именно такое впечатление: ведь такая бытовая интерпретация непорочного зачатия, которое в тексте представлено нам как акт стихийного совокупления, – повод для большого скандала. Но можно посмотреть на эту вещь с другой точки зрения (что представляется более уместным и, наверно, более соответствующим посылу автора). “Сын человеческий” – название, выбранное не случайно. Он родился в такой же избе, в крови и слизи, вышел из матери, как и все мы. Филиппов намеренно “снижает” образы, не наделяя Машу интеллектом, Гаврилу – высокими чувствами, а Осипа – способностью сохранять рассудок в критической ситуации. Герои этого рассказа максимально приземлены, человечны в примитивном понимании. Для иллюстрации этой идеи автор обращается к неприятным физиологическим деталям: “Машин живот округлился, налился соком, сама она раздобрела, отяжелели руки, опухло лицо, а на лбу высыпали гречишным зерном нарывистые прыщи”. Маша – образ деревенский, природный, животный, мотивации её полностью подчинены желаниям тела, биоритмам планеты. Потому в истории, основанной на Евангелии, порой появляются языческие отголоски: “не говорила – заговаривала Маша, зашёптывала, заколдовывала страшный, натянувшийся живот. И этот шёпот пробуждал древние, спящие в природе силы, выманивал их из бани, из чердака, из леса, из полей. И силы, вынырнув из вековой дремоты, слетались к дому и кружили, кружили вокруг...” Из-за совмещения различных религиозных мотивов рассказ напоминает лоскутное одеяло. Появляются новые смыслы, но нельзя сказать с уверенностью, что автор их в текст закладывал...

При всей противоречивости и некоторой невнятности нельзя не отметить мастерство, с которым написан “Сын человеческий”. Размашисто, крупными мазками Филиппов рисует перед нами мир напряжённый, сочащийся энергией. “Пужинала хлебом и огурцом и, положив сумку под голову, зарылась в луговую траву, укуталась полынью и растворилась в душистом травяном запахе. Зажглись звёзды над головой, яркие, сочные. Маша глядела в ночное небо, а душа наполнялась покоем и благодатью. Будущего не существовало, а настоящее было внятным и верным. Ночь звучала трескотнёй цикад. Тянула болью распухшая от удара щека. Но всё это было неважным по сравнению

* Дмитрий Филиппов. Сын человеческий. // URL: <http://moloko.ruspole.info/node/7480>

с новой жизнью, зреющей у неё в животе. И в этот момент ребёнок пошевелился. Маша замерла, прислушиваясь к самой себе, к ощущениям и вдруг улыбнулась: небу, цикадам, полю. Рыбка в животе проплыла...» Ненавязчиво скользнувшее в конце «рыбка проплыла», на самом деле, – многослойная метафора. Упрощённое понимание: ассоциация с околородными водами, развёрнутое – сопоставление женщины с океаном, порождающим и оберегающим морских тварей.

В «Сыне человеческом» всё звучит и двигается, с первых строк энергия природы завораживает, оглушает. Всё стремится к рождению Сына, наполненное и упоённое. И в конце: *«Шипит кровь. Маша вновь кричит, а потом начинает смеяться»*, – и мир взрывается, бушует, чудо рождения настолько громадно, что кровь начинает шипеть. Пульс текста слышится отчётливо, он весомо бьётся в животе Маши, удары его угадываются и в окружающих её людях, и в неодолимом мире. Пожалуй, громче и судорожнее всего звучит он в последней сцене экстремальных родов, которые принимает у Маши водитель Александр Мелихов, мужик «от сохи», который является проводником Сына на пути рождения: *«Мелихов бережно принимает ребёнка просамогоненными руками. Время и не застыло, и не замерло – завязло в крике, в свете запальной лампочки, в молчании мужчин. Прощмыгнула мышшь под столом...»* Человек принимает человека.

«Сын человеческий» – рассказ-намёк, где читатель, в зависимости от своего уровня, может увидеть либо бытовую историю, либо аллюзию на евангельские события. Следующий же литературный опыт Филиппова, роман «Я – русский», – предельно прямолинеен. Главный герой романа – Андрей Вознесенский, получивший своё имя из-за увлечения матери известным поэтом. Он работает заведующим студенческим отделом, считает себя графоманом, остро переживает происходящие в стране несправедливости, ненавидит мигрантов-кавказцев, прожигает жизнь в алкогольном угаре. Однажды встречает хорошую девушку Ярославу, жизнь его с того дня меняется (однако не до конца – всё-таки не готов он полностью соответствовать требованиям высококравственной девушки). В их отношениях наступает перелом и сразу же после этого девушку насилует «южный» человек. Девушка больше не хочет видеть Андрея. Молодой человек находит обидчика Ярославы, но не решается на убийство. Андрей уезжает в неизвестном направлении, а автор постскрипту рассказывает нам, что видел Ярославу в маршрутке с ребёнком, который «был русским».

Надо сказать, что Ярославе в романе попросту отказано в любой неоднозначности: наиболее ожидаемым завершением линии этой девушки был бы монастырь, настолько она идеальна и не интегрирована с явью.

В отношении морали всё так же ожидаемо: Ярослава сохранила невинность, которую вручила главному герою. Тем сильнее по эмоциональному воздействию должна выйти драма, случившаяся с Ярославой. Но разорвавшаяся бомба осталась незамеченной. Мотив внезапного горя, которое меняет всё, не вписался органично в конструкцию сюжета. Роман населён героями, на фоне которых Ярослава выглядит особенно «картонно». Например, трагедия отвергнутой обществом и Андреем еврейки Сова трогает куда больше, ведь раскрыта последовательнее и глубже (начиная с рассказов о её детстве и заканчивая потребительским отношением Андрея к уже взрослой Сова). Потому и в полемике Ярославы и Сова вызывает симпатию именно Сова: она естественна, испытывает настоящие чувства, которые не стесняется выражать. Ярослава же – только опускает глаза и ратует за мирное существование.

Вообще образу автора романа «Я – русский» и его героям свойствен максимализм и способность смотреть на происходящее с единственной точки зрения. Угадывающаяся до этого любовь к советской эпохе подтверждается и раскрывается в образах родных Андрея Вознесенского. Отец, офицер, *«всё так же ходил на службу, выполняя воинский долг по защите рубежей нашей Родины»*, уже когда Советский Союз развалился. Но потом отец сдался, больше не захотел защищать страну, которой, по словам Андрея, это было и не нужно. Для Андрея отказ от борьбы за родину до последнего – предательство, которое он не может простить. И автор жестоко осудил офицера за поступок: отец спился, лишился положительных человеческих качеств, умер как личность. Другое дело – дед и бабушка главного героя. Они, сохранив «заветы

добрый старины”, всё ещё существуют там, в далёких временах. Дед живёт в деревне, почитая главной ценностью землю, а бабка – в советской квартире, где каждый предмет мебели дышит советской же эстетикой. *“Все окна были открыты, но запах не выветривался – это был запах великой эпохи, великих побед и великих свершений. А также великих измен, крутых поворотов, поднебесных взлётов и стремительных падений”*.

Именно бабка и дед приходят на помощь Андрею, когда он ищет деньги для того, чтобы поймать обидчика Ярославы и убить. Несмотря на противоположность своих моральных позиций, старики, каждый по-своему, помогают Андрею. Бабка жертвует невероятную сумму в сто тысяч рублей из старой пыльной книги. Дед, наперекор своему активному неприятию убийства, отдаёт Андрею ружьё и даже помогает выпиливать обрез, и делает это ужасающе спокойно.

Мечты о светлом прошлом, параллельная реальность, где все были равны и счастливы, “держат” весь роман. Автор мечтает об удивительных странах, о “православном коммунизме”, как Томас Мор мечтал об Утопии, а Томмазо Кампанелла – о Городе Солнца: *“Ещё не так давно в моей стране жили люди, которые выстаивали очереди за колбасой, вершиной удачливости считали путёвку в Сочи, мечтали об американских джинсах и все как один работали на благо империи”*. Никакого критического осмысления прошлого не происходит, изредка появляется: *“Много было причин краха империи. Как объективных, так и созданных искусственно, но это не отменяет величие попытки”*. Отсутствие внятного обоснования этих причин делает роман идеологически несостоятельным. А ведь ради идеологии, ради его политизированности, ради идеи автор почти полностью пожертвовал художественной составляющей. Выговориться было настолько необходимо, что даже появились публицистические вставки после каждой главы, пропагандистские и назидательные, крайне мешающие восприятию художественного текста.

Андрей Вознесенский раздираем осознанием того, что его идеальный мир когда-то существовал, и было это не далее, как несколько десятилетий тому назад. Образ главного героя видится составным: интеллигентный молодой парень и инстинктивно агрессивный человек, лишённый возможности обдумывать свои действия. Первый грезит о Союзе, который он едва застал и ассоциирует со вкусовыми “маркерами”: *“Мне посчастливилось родиться русским в ещё великой Империи <...> Моё детство пришлось на эпоху перестройки, и я не могу сказать, что это было совсем уж плохое время. Сначала появилась жевательная резинка “Ну, погоди!”. Она была сладкой, вкусной и тянучей, как положено жвачке, но из неё совсем не выдувались пузыри”*. Но появляется ещё и вторая ипостась личности, не встречавшаяся нам на страницах Филипповской прозы, – чистая агрессия, несдержанность, животное начало, которое просыпается как ответная реакция на любые, даже просто кажущиеся негативными воздействия мира.

Демонстрирует нам свою двойственную природу Андрей в стрессовой ситуации: молодой человек выходит из метро и сталкивается с кем-то плечом. Он поднимает глаза и реагирует мигом: бьёт кавказцев с локтя. Существующая действительность настолько раздражает его, что заводится он с “полтыка”, каждую секунду готовый к рывку. Удара ему не прощают, и тогда Андрей убегает. Укрывается он в старинном здании библиотеки, где и встречает Ярославу. Национальная библиотека олицетворяет ушедшее, в котором спешит спрятаться от агрессивного настоящего герой Филиппова, а также светлую часть его натуры, ведь Вознесенский не зря забегает именно в храм книги: одновременно с горячим пристрастием к алкоголю и дракам Андрей, по его собственному признанию, плохой, но всё-таки поэт, а потом и прозаик. И вот Андрей-агрессор “задирает” людей на улице, а Андрей, пишущий стихи и восхищающийся прошлым, от них убегает.

Схожим образом ведёт себя герой и в отношениях с Ярославой. Зная высокие нравственные требования девушки, он всё-таки вступает в серьёзные отношения с ней, априори понимая, что ему нужно будет измениться: как минимум, бросить пить, о чём она говорит ему совершенно конкретно с самого начала. Андрей снова совершает порыв, раззадоривает сердце Ярославы, пробуждает в ней надежды, но, встретившись после длительного перерыва со своими друзьями, бросается в омут с головой. Герой испытывает страх, ведь перемены могут не привести к ожидаемым результатам, и Слава на поверку может не оказаться беспроектным вариантом.

Филиппов-романист не может собрать линии, героев, образы, он захлёбывается в собственных мыслях и спешно накидывает на бумагу всё, что приходит на ум. Не выдерживает гнёта структурированного сюжета и уходит в пространные публицистические рассуждения. Да, он действительно торопится сказать, но ведь важно ещё, как сказать. Если убрать из «Я – русского» публицистические вставки и первые ничего не значащие сцены, книга потеряет в объёме ровно наполовину, и перед нами окажется произведение, жанровую принадлежность которого без всяких раздумий можно определить как повесть. Краткий промежуток времени, отсутствие побочных линий, акцентированность на одном событии... Безусловно, до решающего кульминационного момента (встреча с Ярославой, её изнасилование, несостоявшаяся месть) с Андреем что-то происходило, но это никак не влияло на сюжет. Филиппов пытался выразить через своего героя мировоззренческие и социальные идеи, но получилось передать только сугубо личное максималистское отношение к тому или иному вопросу.

В «Я – русском», не стесняясь в выражениях, он констатирует неприятные факты. Из текста можно вычлениить три основополагающие темы: вопрос миграции, социальные проблемы в современной России, утопическая любовь к СССР. Но, как это часто бывает в такого рода повествованиях, решения нам так и не предлагают. Андрей Вознесенский на протяжении всего романа декларирует и упивается окружающем убожеством, в решающий же момент своей жизни, уверенный в том, что находится лицом к лицу с обидчиком Ярославой, он так и не решается на месть. А затем... Андрей уезжает. Автор оставляет нам напоследок только символ, акцентируя внимание на национальности ребёнка Ярославой. Ребёнок русский, и это значит – русский победил в этой войне с самим собой, с проблемами страны, продолжив свой род. Исход туманен и зыбок: всё осталось так же, как было, Андрей убежал в неизвестном направлении, автор, поставив перед читателем массу вопросов, закончил книгу, не ответив ни на один из них. Не приносит удовлетворения и способ постановки вопросов: вразброс, отдельно от обещавшей быть художественной части текста, на повышенной патетической интонации. Создаётся ощущение запоздалых юношеских метаний, которых до этого в прозе Филиппова не наблюдалось.

В повестях и рассказах Филиппова, в отличие от романа, присутствует собранность. Крепкие сюжеты, наблюдательность в деталях, впечатляющее количество повествовательных планов, соответствие стилистики идейному наполнению текста. Филиппов в достаточной мере овладел прозаическим инструментарием, в чём можно убедиться на примере его малой прозы. Безусловно, всё это даёт основание надеяться на то, что автор может ярко проявить себе в жанре романа, который пока ему не покорился.

Мы подошли к концу путешествия, и финальной его точкой станет последний на данный момент рассказ Дмитрия Филиппова – «Яблока».

В «Яблоках» нам явился автор мощный и опытный. Рассказ не изобилует сюжетными ходами, он совсем незамысловат: Глеб возвращается с линии боевых действий и просит у тестя остановиться переночевать. Дом Глебу уже не родной: жена где-то в городе, чужая и больше в него не влюблённая. Но в этом простом событии кроется огромный эмоциональный заряд, сила и слабость человеческой природы. Филиппов вновь возвращается к теме, которую мы наблюдали в начале его творческого пути, в рассказе «Капля молока». Избавившись от ситуационной неоднозначности, автор твёрдо заявляет о необходимости единства людей перед устрашающим лицом войны. В «Яблоках» есть всё, что способно сделать текст художественным произведением.

Есть деталь. Вернувшись домой, Глеб видит на подоконнике антоновку, в конце рассказа начинает кричать, будто бы во сне, но глаза его на самом деле открыты: *«И тогда тесть схватил яблоко с подоконника и запихнул ему в рот. Полетели брызги в разные стороны. Кислый вкус детства попал на язык, и этот момент узнавания вернул равновесие в мир»*. Есть здесь также стилистическая точность и взвешенность: *«Глаза его были распахнуты. Он смотрел на тестя, не узнавал его и продолжал орать, ввинчивая в уши грязную муть, боль и что-то ещё, абсолютное и нечеловеческое, засасывающее на дно»*. В рассказе есть и уверенно правдоподобный герой. Глеб не хороший и не плохой, он не тяготеет ни к советскому мировосприятию, ни к современному. Это человек, который может быть органичен в любой эпохе, потому что испытывает отчётливую и универсальную эмоцию, полную оттенков

и полутонов: “А тот вцепился в старика своими худыми узловатыми руками и прижался к нему, как ребёнок, размазывая слёзы и сопли, в надежде, что его погладят и защитят”.

Очевидно соединение двух элементов, которые нередко были разбросаны по текстам Филиппова отдельно друг от друга: мастерства и духа. Симбиоз привёл к впечатляющему эффекту – читатель ассоциирует себя с героем, кричит в неизбывном одиночестве его голосом, и совсем не важно, откуда вернулся Глеб, почему от него ушла жена. Главное, как вопль оборвался: “Тесть гладил Глеба по вихрастой голове, тот плакал ему в живот, как побитая собака, и во всём русском мире не было людей роднее”. Созвучность всех составляющих друг другу, соответствие лаконичности формы и исчерпывающей полноты содержания, интуитивная гармония текста, из-за которой он обретает свою мелодию, – это лишь примерное описание третьего элемента, который выводит текст на принципиально новый уровень и является логичным выводом из первых двух. “Яблоки” – рассказ, в котором загадочное вещество выкристаллизовалось и отвердело до безусловной прозаической удачи. А определить её очень легко: произведение побуждает к сотворчеству, вызывает желание писать, осмыслять, разбираться, отправиться на поиски своего литературного “философского камня”.

ТАМАРА ЛОСЕВА

ПОЛЕВАЯ ГВОЗДИКА

* * *

Ты помнишь, как жили мы в этой деревне?
Мы были тогда молодые деревья:
Ты — стройный, как тополь,
Я — дикою вишней
Тебя обнимала под нашу крышей.

Ты помнишь дожди проливные и небо,
И запах осоки и свежего хлеба,
И вёдра с водою, и руки в работе,
И клюкву с брусникой на дальнем болоте...

Ты помнишь, как ветры призывно трубили
Про то, как мы сильно друг друга любили.
Скрипела калитка, шуршала солома,
Картошку ссыпали у самого дома...

Лосева Тамара Анатольевна родилась в Смоленске. Окончила филологический факультет СГПИ. Работает учительницей начальных классов. Печаталась в журналах: "Студенческий меридиан", "Молодая гвардия", "Русская провинция", "Десна", "Воин России", "Смоленск", в альманахе "Академия поэзии", в коллективных сборниках и антологиях. Автор поэтических книг: "В объятиях ветра" (1994), "Чертополох" (2004), "Голос мой земной" (2011), "И цвели в облаках васильки" (2013). Лауреат Всероссийской литературной премии им. А. Т. Твардовского. Лауреат Международного литературного конкурса им. А. Платонова "Умное сердце". Член Союза писателей России.

А в доме смеялись и плакали дети,
И хлопьями снег выпадал на рассвете,
И вижу сквозь снег и крылечко, и крышу,
И сына могилу на кладбище вижу.

Судьба выбирала, судила-рядила.
Взяла наши души, слила воедино.
Теперь расставаться и больно, и дико.
Цветёт у дорог полевая гвоздика...

МАЛЬЧИК

Выношу я на белый свет
Тёплый сверток с родным дыханьем,
Свой живой голубой конверт
Завернула с большим стараньем.

Я держу его на руках
И пою ему “Жаворонка”,
Лента синяя в облаках,
Небо плавает в глазках ребёнка.

Посмотри, как весь мир велик,
Как планета Земля красива...
Слышишь? Это птица кулик.
Видишь? Это дерево слива...

Вот последний наш гармонист...
Вот старушка, что жить устала...
Вот зелёное сердце-лист
От берёзы белой упало...

Ветер гонит за садом дождь,
Будто стадо с лугов под вечер...
Ты к груди моей припадёшь —
И нам станет обоим легче...

* * *

Что сегодня пропоёт мне ветер?
Или песня всё одна и та ж...
Хлеб последний поделила детям,
А сама молитвами сыта.

Я не знаю, что теперь уж лучше:
Жить иль помереть в моей стране?
Не идти же продавать мне душу
Чёрту, дьяволу и сатане?

Хоть один святой бы объявился
К нам в правители, давно пора.
Но лишь снег на землю повалился,
Будто сыпал совесть до утра.

Обречённость есть в полёте снега,
Он весной покинет этот край,
Ну, а мне пора уже, наверно,
Безысходность принимать за рай.

Но в кукушку не оборотиться,
И детей по гнёздам не бросать.
Может, надо как-то научиться
Жить душою в небеса?

Может быть, такой системе йогов
Научить детей уже пора,
Чтоб они не дёргали из стога
Сено со слезами до утра...

Чтоб могли они учить уроки
Без лопаты на своём хребте;
Чтоб не обивала я пороги,
Занимая в долг по нищете...

* * *

Я нашла уже все слова.
К этой музыке, но волной
Поразмыла их все молва...
Так не связывайся со мной.

Ты не связывайся со мной,
Пожалей себя, пожалей,
А горячечный мой настрой
Ледяною водой залей.

Ни к чему разжигать костёр,
Дай свободу тоске моей,
Отпусти ее на простор
Пожалей себя, пожалей.

Дай свободу моим глазам
И рукам, и словам скорей...
А теперь будь свободен сам,
Пожалей себя, пожалей...

Может, были плохи стихи,
Или был музыкант плохой.
Мы не спелись — и нет стихий...
Так не связывайся со мной.

МИХАИЛ ПОПОВ

КУБАНОЧКА,
ИЛИ
РУССКОЕ ТАНГО́

ПОВЕСТЬ-ТРАГИКОМЕДИЯ

1

Звали его Коля-Бесамомуча, иногда Коля-Муча, но чаще всего — Коля-Беса. Эта кликуха прилепилась к нему году в 50-м, когда знойное танго, вылетевшее из перегрето-хмельной бутылки под названием Аргентина, покружившись над планетой, долетело даже до Сибири.

“Беса-ме-е-е, — блял Коля своим ополовиненным от зубов ртом, — беса-само-му-у-ча-а...” Дальше слов он не знал и концовку припева восполнял речитативом, мыча “ла-ла-ла” или “зу-зу-зу” в зависимости от настроения. А настроение зэка зависит от объёма дневной пайки и, само собой, от того, где он нынче мантулит — на лесосеке с лучком-ширкалкой, на нижнем складе с багром да аншпугом либо на пилораме.

Это была не первая Колина ходка. По первой, когда зубы были целы, он попал перед самой войной и объяснял её просто: “по малолетке” или “по дурику”. При этом в детали не вдавался. Да и то, чего там числилось-то

ПОПОВ Михаил Константинович родился в августе 1947 года. Окончил Ленинградский государственный университет, факультет журналистики. Автор трёх десятков книг. Произведения переведены на скандинавские языки, повесть “Последний патрон” — на английский. Повесть “Дерево 42-го года” экранизирована. Лауреат десяти литературных премий. Главный редактор журнала “Двина”. Живёт в Архангельске.

тогда за ним? Спёр с прилавка горсть липких “подушечек” или пачку папирос “Сафо” — он и сам уже толком не помнил. Дали Коле тогда три года, учитывая чистосердечное раскаяние, возраст да улыбку ещё застенчивую, украшенную крупными, как рафинад, зубами. В процессе отсидки “за характер” ему добавили ещё три — тогда ведь с этим было просто: что там год-два, коли в большинстве “дел” счёт шёл на десятки, а то и “двадцать пять и по рогам”. Страна Советов ни в чём не знала предела, во всём держала “размаха шага сажени”, даром что от тех шагов штаны трещали, и задница голая сверкала.

Шёл 43-й год. Завершилась Курская битва. Красная армия переходила в наступление. Однако разворачивалось оно тяжело: немец дрался яростно, здесь и там возникали мощные очаги сопротивления. Кого бросать на прорыв? Ясно дело — штрафников. Но где их взять? Под Курском погибли многие штурмовые роты. Фронтовые резервы проштрафившихся были исчерпаны. А мешкать нельзя — враг закрепляется. И тогда по особой команде пошёл запрос в исправительные лагеря: сидельцев, у кого не тяжкие статьи, — срочно в пополнение.

Дошла очередь до Коли. “На волю хочешь? — А то... — Тогда пиши...”. Все писали: “Смыть свой позор...”. Так написал и Коля, а слово “кровью” подчеркнул. Обращение Колино приняли — парень он был жилистый, хоть и отощавший на лагерной баланде. И отправили его прямоходом на передок.

Штрафная рота, в которую попал Коля, был напрочь выкошена под Орлом и по осени начала формироваться вновь. Новичка определили в пулемётный взвод, поставив вторым номером к пулемёту “Максим”. Тут-то его и заметил лейтенант Шелест, командир разведвзвода. Уж больно ловко Коля набивал патронами пулемётную ленту — так и сыпал, так и сыпал. “Где наловчился-то?..” — полюбопытствовал лейтенант, склонив над Колей свою фартовую кубаночку. “Маслята-то?.. — Коля широко улыбнулся, показав весь набор ещё крепких, как рафинад, зубов. — А там...” — и мотнул лопухой стриженной наголо головой. Где “там”, лейтенанту, служившему в штрафроте, объяснять было не надо. Бывший детдомовец, он посмотрелся и приютецких блатарьков, и лагерных ухарей и, конечно, знал, что к чему: там — это где, рубясь на нарах в “очко”, “стос” или “буру”, сутками напролёт тасуют колоду и сдают карты.

Взвод разведки ещё только сбивался-собирался, бойцы не обвыклились, не освоились, не обрели ещё самых необходимых навыков, а сверху уже поступил приказ совершить рейд во вражеский тыл. Целью вылазки был железнодорожный пакгауз, расположенный на разъезде в тридцати километрах от линии фронта. Там, по оперативным данным, базируются мехмастерские танкового дивизиона. Предстояло разведать, какой матчастью располагает ремонтно-восстановительная база, каков состав ремонтной команды, её производительность, на основании этого определить резервы панцерсоединения, а уж после, если удастся, объект уничтожить.

В рейд, кроме лейтенанта и Коли, отправились ещё пятеро: бывший старшина, мужик лет сорока, который попал в штрафники за то, что менял “шило” на “мыло”, то есть спирт на сало, заначивая “наркомовскую норму”; узкоплечий боец неопределённого возраста, как потом выяснилось, бывший “форточник” по кличке Сверчок; двое братанов-самострельщиков, которые по малолетке избежали трибунала, — им ещё не было восемнадцати, — Фока и Фома, а ещё крепкий, широкоплечий, краснощёкий мужик по фамилии Лупандин — из дезертиров.

Линию фронта группа разведчиков пересекла на рассвете, проскользнув ужом по сухому болотцу. Всё прошло гладко — их не обнаружили. И уже выровняв дыхалку, разведчики устремились в глубь леса.

На первом же привале к Коле подсел Лупандин.

— Слышь, керея, — устроив “шмайссер” меж коленей, просипел он, — ты, толкут, с кича. — Рот этак прикрыл, будто щетину под носом теребит.

Коля мыкнул. Лупандин помолчал, потом, наклонив голову, будто ягодник оглядывает, предложил “рвать когти”: “Ежели ты блатарь, чего тут пухнуть? Дырку в тулове зарабатывать? А там, — он, понятно, имел в виду

чужую сторону, — можно не худо обустроиться. Как? Да просто. Со стволами и камешков, и золотишка можно надыбать. А хапанув рыжавья — махнуть дальше, в тёплые края, где не стреляют, где полно марух и птички чирикают”. Коля на это опять мыкнул, вроде как соглашаясь, но в то же время и выражая опаску: а ну как не выгорит?

— Не кикеую, керя, — заверил Лупандин. — Держись коцаного, — и, слегка повернувшись, подмигнул. Глаз, заметил Коля, у него мутный и такой же ржавый, как вода в застоялой лесной глазнице.

Чуть передохнув, отряд двинулся дальше. Впереди старшина, за ним лейтенант, дальше Фока, потом Сверчок, следом другой из братанов, потом Лупандин, а завершал цепочку Коля — почему-то именно его командир назначил замыкающим.

Путь отряда пролегал через глухомань, по едва заметным звериным стёжкам. Всякий шорох, треск сучка настораживали, разведчики замирали, тая дыхание, прислушивались и только по отмашке лейтенанта устремлялись дальше.

Шли след в след, молча и зыряка по сторонам. Коля не спускал с Лупандина глаз, даже перестал поглядывать назад, как наставлял лейтенант. Всё своё внимание он сосредоточил на спине впереди идущего, на его согнутых в локте руках.

Лейтенант стал чаще брать в руки планшетку, поводить компасом да бросать взгляд на часы. Красный верх его кубанки обращался то кругом, то овалом, а то совсем исчезал из поля зрения при очередном повороте головы. Сам же командир, чернобровый и смуглявый, всё больше бледнел, словно малец перед дракой. По его сосредоточенному лицу становилось ясно, что цель близка.

Наконец, впереди забрезжило, сквозь ельник и сосняк появились просветы. До опушки, где находился разъезд, оставалось совсем немного. Вот тут-то всё и произошло.

Цепочка разведчиков внезапно разомкнулась. Случилось это для передних незаметно, увидел только Коля. А разрыв в цепи произошёл между Фомой и Лупандиным. Лупандин, завидев просветы, слегка замешкался и не просто остановился, а наклонился, как бы оправляя обмотки. За эти мгновения голова отряда заметно отдалилась. Алый верх лейтенантской кубанки превратился в лепесток мака. А Лупандин с Колей остались на месте.

Дальше было так. Не спеша выпрямляясь, Лупандин сорвал с ремня противотанковую гранату. Когда он распрямился во весь рост, рука с гранатой взметнулась в замахе. То и другое произошло одновременно. Взрыв был неминуем. Он разорвал бы впереди идущих в клочки. Но вместо взрыва раздался сдавленный вскрик.

Что такое? Что случилось? Лейтенант и ушедшие вперёд бойцы разом обернулись. А обернувшись, кинулись назад. У Колиных ног на коленях стоял, ломко свесив голову, дюжий Лупандин. В спине его под левой лопаткой торчала “финка”, добросовестно загнанная по самую рукоятку. Правая рука предателя была задрана вверх, а Коля, не давая разомкнуться его пальцам, уже разорвал зубами индивидуальный пакет и деловито перетягивал бинтом кулак и зажатую в нём рукоятку взведённой гранаты.

Из рейда отряд Шелеста вернулся всемером, как и уходил. Только вместо Лупандина в цепочке плёлся унтер-офицер, которого они выдернули из пылающей ремонтной базы. “Язык” от мазутной копоти был до того чёрен — черней своего танкистского комбинезона, — что ротные остряки тут же окрестили его “дядей Томом”.

“Задание командования выполнено на сто с хвостиком”, — так передавал оценку начальства лейтенант Шелест, благодаря бойцов за службу. А Коле, уже наедине, сказал, что будет добиваться снятия с него судимости. Основания для такого решения, по мнению взводного, были, и притом не маленькие. Именно Коля обеспечил удачу рейда, обезвредив предателя, а потом отлично проявил себя при уничтожении мехбазы. А тут ещё выяснилось — Шелесту о том по секрету сказал особист, — что Лупандин, судя по оперативке, был немецким шпионом, который возвращался за линию

фронта. Короче, взводный стал незамедлительно писать докладные и рапорты, дабы освободить своего подчинённого от позорной статьи... И своему начальству писал, и в штаб полка. Да только всё оказалось тщетно.

Крови нет — кровью позор обещал смыть! — а на нет и суда нет, то бишь пересуда. Только после кровянки. Ну и что, что кровянкой в штрафбате не обходится, чаще кранты бывают, зато после уже без всякого пересуда боец отправится прямо в рай пред светлые очи ключника Петра. Это так объяснял лейтенанту усталый и древний, как, кажется, сам Пётр, замполит. А объяснив, обещал, что специально ради него, взводного, впишет самолично имя Коли в представление на медаль.

Достучаться до совести отцов-командиров взводному не удалось. Тогда, чтобы уберечь Колю от их дуроломства, — ведь они, не моргнув глазом, когда надо и не надо бросают штрафников на пулемёты, — лейтенант сделал Колю своим ординарцем и ни на шаг не отпускал от себя. Мало того, Шелест делился с Колей своим офицерским допнайком, деля всё поровну. А чтобы повысить ценность Коли как бойца, стал самолично учить его минному делу.

— Вот это, — наставлял он, берясь за фанерный пенал. — Ящичная мина деревянная, ЯМД-5.

— Почему “пять”? — уточнял Коля.

— Пять кило...

— Ишь ты, гробик! — уважительно тянул Коля, но от усмешки — ведь малец! — удержаться не мог: — Гробик для Тобика.

Тарельчатую противотанковую, на которой стояло три взрывателя, Коля обозвал тришперкой. Помзы — немецкие противопехотные осколочные мины, которые выставлялись на колышках и походили на грибы, с лёгкой руки Коли разведчики стали звать поганками. Прыгающие шпренгельные все звали лягушками, а Коля только жабами.

По вечерам в землянке или сидя у лесного костерка в стороне от передовой лейтенант рассказывал о детдоме. Картины рисовались до того красивые, что Коля заслушивался. Побудка по горну, зарядка коллективная, потом учёба, работа в мастерских, а по вечерам — костры и задушевные песни.

“Взвейтесь кострами...” — дирижировал лейтенант сам себе и будто сам себе что-то доказывал. Глаза его лихорадочно блестели, словно в них металось не просто пламя тех далёких костров, а пожар мировой революции. Скоро, сулил лейтенант, наступит такая жизнь, когда во всём мире не будет ни бедных, ни богатых, а как у нас, будет справедливость. Все будут жить сытно, в достатке и радости, а ещё работать, учиться, летать по выходным на Луну и на Марс. Но пока надо добить фашистов, а для этого осваивать военное дело настоящим образом. Это взводный подводил к тому, чтобы ещё раз оценить, насколько Коля усвоил последний урок.

Коля отзывался охотно. Он подробно и точно рассказывал об устройстве минного поля “шнуром”, о настройке на боевой взвод фугасов, о том, как надо ставить тросы растяжки, которые уже машинально называл по-своему резинкой от трусов. Юное, не слишком ещё засорённое сознание Коли легко впитывало все военные премудрости. Но главная причина этой прилежности заключалась не в материале, который он усваивал, а в том, кто этот материал преподносил, — в лейтенанте Шелесте. Коля почувствовал к Шелесту доверие. Сиротское детство и лагерная юность настигли его сердце. Встретив лейтенанта, он будто обрёл родную кровь, долгожданного старшего брата, и сердце его, до конца не охладевшее, от этой сродной крови ожило и раскрылось. Коля без утайки рассказал о себе. Как в 37-м арестовали отца, как мать слегла и больше не встала, как его шпыняли и не пускали к себе родичи, остерегаясь, что и на них падёт несчастье. И о бродяжничестве своём, и о голодухе, и о кражах...

По-мальчишески гордый и независимый, Коля готов был принять от Шелеста и порицание, и осуждение, и, может, даже снисходительно-презрительную намешку, на которую, по его представлениям, старший брат имел право. Но лейтенант ни жестом, ни взглядом, ни словом не осудил его. Он только кивал да крутил в руках кубанку, поворачивал её то алым верхом, то чёрным исподом, словно ворошил уголья костра.

Как-то в ноябре, возвращаясь из ближних немецких тылов, группа разведчиков напоролась на моторизованный патруль. Двое бойцов были скошены наповал. Уцелели Шелест и Коля. “Туда!” — махнул лейтенант и нырнул в балку. Уцелела была узкая и длинная, она вела в сторону от передка, но зато позволила оторваться от погони. Вынырнув в тупике балки наверх, разведчики осмотрелись. Слева открылся перелесок, до него оставался один хороший бросок. Но как это сделать? Мотоциклисты с пулемётами остались позади, да от охоты явно не отказались, выжидаячи на кромке балки. Куда денется мышка, если кошка караулит возле норки? Так оно и вышло. Едва разведчики выбрались наверх, как снова попали под сокрушительный огонь. Хорошо ещё местность тут оказалась бугристая. Прячась в её складках, Шелест с Колей мало-помалу уходили от опасного места. До перелеска, до редких, но всё же спасительных ёлок и сосен было уже рукой подать, как лейтенант что-то крикнул и, пригибаясь, кинулся назад. “Куда?” — заорал Коля. Лейтенант, не оглядываясь, хлопнул по голове и только тут Коля заметил, что на нём нет кубанки. Ситуация обострилась. На беду, немцы решили продолжить погоню в пешем строю: экипаж одного из двух мотоциклов снял со станины тупорылый “МГ”, пересёк балку и кинулся наперерез. Что оставалось Коле? Весь огонь принять на себя — ничего другого. Меж тем патроны кончались, он стрелял короткими очередями. Зато немцы лупили из двух стволов — пулемёта и автомата, — не экономя, и всё ближе подбирались к Коле. Лейтенант появился внезапно, как и исчез. Причём там, где его не ожидали ни Коля, ни немцы, явно потерявшие бдительность. Вынырнув из балки в тылу у спешившихся охотников, лейтенант кинул гранату и тут же дал очередь из ППШ. Пулемётчика он расчётливо сразил пулями, дабы не попортить “МГ”, а автоматчика осколками. Экипаж оставшегося за балкой мотоцикла всё это время не стрелял, остерегаясь зацепить своих. Что произошло на острие погони, немцы сообразили не сразу. Этих мгновений лейтенанту хватило, чтобы кинуться к пулемёту и повернуть ствол в противоположную сторону. Дальний пулемётчик был сражён первой же очередью, водитель мотоцикла оказался проворнее, он успел давануть на газ и вырваться из-под огня. Лейтенант, не мешкая, бросился к Коле: “Цел?” Тот кивнул и зыркнул на кубанку. “Нашёл!” — оскалил лейтенант и, дабы больше не слетала, хлопнув по верху, нахлобучил по самую переносицу. Тут раздалась автоматная очередь — это, оцухавшись, затеял пальбу уцелевший немец. Что было делать? Ответили в два ствола, хлестанув огненными веерами из последних патронов, и что оставалось духу пустились к спасительному перелеску.

В пылу боя Коля ничего не почувствовал, но, когда они добрались до своих, обнаружилось, что его всё-таки зацепило. Одна пуля ободрала предплечье, другая царапнула по рёбрам. Это произошло, видимо, тогда, когда он отбивался в одиночку. От потери крови кружилась голова, ноги подгибались. Однако ни словом, ни жестом Коля не упрекнул взводного. Лейтенант сам повинился перед ним, перебинтовывая раны. А потом, уже ночью, когда не спалось, когда ворочались, всё ещё остывая от погони, он и поведал о кубанке.

Жил-был в селе под Армавиром лихой хлопец. Звали кубанца Фрол. В 16-м году, когда пришёл срок, забрали его на войну. Сначала служил в пластунской сотне, потом в кавалерии. Воевал знатно, два Георгия заслужил. Потом революция, гражданская война. Очутился Фрол в Красной армии. Сначала у Думенко, потом у Будённого. В 19-м году командовал сотней. Раз проходил полк через одно тамбовское село. Видит Фрол — дивчина. Коса русая, глаза васильковые... И она засмотрелась на бравого командира: белозубый, из-под кубанки чуб вороной... “Сидай, красавица!” — манит он. Та, недолго мешкая, прыг в седло. Мать от хаты: “Куда? Опомнись, Любка!” А она махнула косыночкой — и поминай, мама, как звали... Всю войну Фрол и Любава были вместе. Когда казака ранило, она осталась с ним в госпитале и выхаживала, пока не встал. После излечения Фрола направили в армию Тухачевского. За ним, как дратва за шилом, — и Любава. Полтавщина, Витебщина, Львовщина — куда только их не бросало. А в 21-м кинули части

Тухачевского на подавление антоновского мятежа. Вот уж где наревелась Люба — ведь по родным местам шли, огнём выжигая. Чудом успела предупредить мать, та укрылась. А село спалили, перед тем пустив газы, у людей глаза вылезали из глазниц... В 22-м Фрол уже командовал полком, ему сулили блестящее будущее, собирались отправить на учёбу в военную академию. Но летом того же года его и Любаву зверски зарубили. Стряслось это в их собственном доме. Убийца оставил записку, написанную кровью: “За моих сродников. Тамбовский волк”. Но младенца тот “волк” не тронул, хотя зыбка висела на виду.

Эту историю младший лейтенант Шелест услышал перед отправкой на фронт. Успел на сутки заскочить к бабке, которая, как родственница красного командира, дождала свой век в интернате под Орехово-Зуевом. Она-то, чуя, что уже более не свидеться с внуком, и выложила всё начистоту. Прежде говорила, что родители погибли в Туркестане, гонимая за басмачами. Даже намекала, что кино “Тринадцать” — это про них. Но теперь достала из сундучка кубанку да всё и выложила: “Душегуб тот не тронул тебя. Увидел шапку-то и не тронул. Она в твоей люльке лежала. Вот этот крест, — старуха огладила белое перекрестье на алом верхе, — чую, и остановил его”.

Шелест склонил, как велела старая, голову, и она собственноручно надела на него отцову кубанку. “Это твой оберег, — заключила бабка своё напутствие. — Носи и не сьмай. Христом Богом молю”. — И перекрестила внука.

История, рассказанная шёпотом в потёмках большой землянки, до того разволновала Колю, что он долго ещё вздыхал, ворочался, не в силах отрешиться от нахлынувших чувств, а ещё, конечно, боли. Усталость всё же смирила — Коля забылся. Однако, видимо, ненадолго. Очнулся он от непривычных звуков. Дальний артиллерийский гул, рокот мимоходных бомбовозов — это всё Колю не тревожило, он уже привык к таким помехам, и ежели спал, то не просыпался. А тут всхлипы и, тихий плач — эти звуки, точно вода, просочились в сознание, вот Коля и очнулся. Они спали с лейтенантом бок о бок, укрывшись шинелями. Понять, кого корёжит злая память, не составило труда — лейтенанта. Но что в таких случаях делать, Коля не представлял. Лейтенант не ребёнок, который ждёт утешения, не девчонка, которую пожалей — она и присмирееет. Вздохнул Коля, поморщился, выдавив закипающие в глазах ответные слёзы, да только плотнее вжал свои лопатки в спину лейтенанта.

Вместе с Шелестом, ставшим уже старшим лейтенантом, Коля провоевал почти год. И медалей нахватал, и почётных грамот, и судимость под конец этого срока с него сняли, а главное — благодаря Богу и Шелесту Коля избежал серьёзных ранений и увечий. Так, вместе, сам-друг, где по-пластунски, где катом-бегом они и приближались к победе. Да на исходе лета 44-го стряслась беда.

Было это в Польше под Вильно. Совершая рейд по ближним немецким тылам, Шелест с Колей вышли на один хутор. Крестьянское семейство — хозяин и двое сыновей с жёнами — встретило их радушно. Доверившись этим приветливым людям, смертельно уставшие разведчики решили маленько передохнуть. И... просчитались. Семейка оказалась связниками “АК” — “Армии крайовой”. Хозяин тотчас же послал гонца — одну из своих снох. Подмога из аковского отряда долго не приходила. Остерегаясь, что добыча уйдёт, поляки сами решили скрутить русских...

Если бы старлей с Колей попали в руки аковцев, с них живём содрали бы кожу — до того люто те ненавидели москалей. Но тут неожиданно на хутор нагрянул разъезд фельджандармерии, который шёл по следам диверсантов, и полякам ничего не оставалось, как передать русских немцам.

Шелест к той поре уже истёк кровью — выхватив наган, он успел укокошить хозяина, но сам получил вилами в грудь. А Коля был только оглушён. Чумового, истерзанного, его потащили к грузовику. Фельдфебель заметил в руках хозяйского сына кубанку — она, видать, глянулась польскому куркулю, тот уже прибрал её к рукам.

— Kazaken? — пролаял немец. Вырвав добычу из рук поляка, он поспешил к Коле и, прежде чем того кинули в фургон, нахлобучил кубанку ему

на голову. Теперь пленный приобрёл товарный вид — за диверсанта, к тому же казака, могли дать железный крест, а то и недельный отпуск в фатерлянд.

Получил ли фельдфебель чаемую награду — история умалчивает. Но Колю, несмотря на безысходность его положения, судьба в дальнейшем всё же миловала. Началось с того, что эшелон с пленными неожиданно развернули. Вместо Люблина, близ которого находился “Майданек” — гигантский комбинат по утилизации человеческой массы, — его направили на балтийское побережье, в Данциг, где существовал обычный рабочий лагерь. Правда, Коля, как и его спутники, о том не ведал. Он только после, сопоставляя факты, стал догадываться, что ему и впрямь повезло.

В себя Коля пришёл нескоро. А когда всё же очухался, то был и не рад, что стал что-то соображать. Сокрушённо вспоминая, как глупо они со взводным влипли, он то и дело скрипел зубами, которых после побоев-допросов стало намного меньше. Ведь предупреждали же отцы-командиры, старшие начальники, что нельзя доверяться полякам. Гоголя устами Тараса Бульбы для убедительности цитировали. “Что, сынку, — мычал про себя Коля, мотая, как старый сечевик, головой, только что без оселедца, — помогли тебе твои ляхи?” А ещё кстати и нехстати вспоминал, что, кинувшись на сено в клуне “клятых ляхов”, Шелест обронил кубанку. “Забыл про наказ бабки — вот и попух”, — качал головой Коля. Сам же он с командирской кубанкой с тех пор не расставался. А чтобы она не бросалась в глаза, не соблазняла бы любителей дармовщинки, вывалил кубанку в грязь.

Узники рабочего лагеря занимались расчисткой портовых пирсов, которые постоянно подвергались бомбардировкам. Формы арестантской здесь не носили, военнопленные ходили в чём попало, точнее — кто в чём попал. А обновами разживались, снимая одежду с околевших или угодивших под пулю конвоира. И поскольку мёрло народу много, одежда, хоть драная и задрипанная, тут не переводилась.

Коло Богу миловал. В немецкой неволе он пробыл всего четыре месяца — лагерь геройским броском освободили советские танкисты. Правда, многих узников эсэсовцы успели пострелять, кося рванувшихся навстречу долгожданной свободе перекрёстным огнём. Но Коле и тут повезло. Вспомнив один из уроков друга старлея, что в любой самой безнадежной ситуации главное — это не метушиться, он прихлопнул кубаночку и от смертоносных жал укрылся за трупами. Что ещё его поразило, так это собственное злуднокровие. Он вдруг поймал себя на мысли, что прислушивается к звукам пуль. В живое они попадают беззвучно, а тут — с каким-то чвяканьем.

Уцелевших узников собрали в один барак, назвав его фильтрационным — так постановил капитан-особист, прибывший в Данциг следом за передовыми частями. Иных, кто был покрепче, через день-другой направляли в боевые подразделения, которые поредели в ходе прорыва, других — в ближайшие тылы на усиленное медсанбатовское питание, дабы привести их в телесную норму. Третью задерживали “до особого”, не поясняя, что за этим словом таится.

В ожидании участи Коля не смыкал ночами глаз. Он рвался в бой, даром что отощал и крепко ослаб. Ненависть, клокотовавшая в груди, была сильнее немощи. Он жаждал поквитаться, отомстить за павших товарищей, а главное — за Шелеста, своего командира и друга. Но скоро сказка сказывается, да не скоро “Дело” закрывается. Такая присказка была у капитана Лихих. Любым эмоциям особист предпочитал документы. Есть документ — шагай довоёвывай, а нет — сиди и не рывайся.

Долго ли коротко, ответ на запрос СМЕРШа пришёл. Однако ничего утешительного для Коли в нём не оказалось. Штаб полка в начале зимы накрыло авиабомбой, архив сгорел. Многих сослуживцев с той поры покосило, а кто уцелел — перебросили в другие части...

— Ну, — пробурчал особист, уставившись на Колю, — что прикажешь с тобой делать?

Левый глаз капитана был постоянно прищурен, даже когда он не курил, отчего казалось, что особист постоянно держит тебя на прицеле. Глядя в его

правый зрак, который был неестественно выпучен, Коля поёжился и обречённо пожал плечами.

Он ничего не утаивал, честно расписал всю свою невеликую биографию — и про отсидки, и про штрафбат, и про то, как служил под командой товарища старшего лейтенанта Шелеста, и какие заслужил награды, и про снятие судимости... Да что толку! Документов-то нет. А нет документов — нет и веры. Тем более бывшему военнопленному, бывшему сидельцу и штрафнику. В немецких лагерях не многие выживают, да и в штрафбате уцелевших не бывает, а тут всего-навсего какие-то царاپины.

Нельзя утверждать, что капитан Лихих относился к штрафникам как к человеческому отребью, нет. Иные из проштрафившихся — вести доходили — неплохо воюют и даже геройствуют. Но тут был тот случай, который называется “серединка на половинку”. Судьбу Коли могла решить какая-то мелочь. И она появилась. Это была характеристика из лагеря, где Коля мотал свой юношеский срок. В ней значилось всякое: и нарушения режима, и неповиновение, и карцеры... Вот это и решило Колину участь.

Из немецкого лагеря, точнее, уже фильтрационного блока, Коло прямою наводкой наладили в лагерь советский. Он находился под Тайшетом. И дали ему ни много ни мало аж 8 лет, по два года за каждый месяц плена. Такая вот арифметика сплюсовалась.

Поглядев после объявления приговора на свою кубаночку, Коля собрался её выбросить, тоска схватила за горло — страсть, да вдруг призадумался. А ведь что-то оберегало доселе его: и от “Майданека” — лагеря смерти — отвело, и от штыков конвоиров спасло, и от осколков бомб, что сыпались на причалы, и от пулемётов эсэсовцев... А ну как всё-таки кубаночка, этот крест на ней, что прикрыт земляной коростой! Восемь годиков, конечно, много — и так много, и этак, особенно когда тебе всего-то двадцать. А с другой стороны — терпимо, ведь тебе всего двадцать и житейский резерв у тебя есть. К тому же вспомнился Шелест. Стыдно стало Коле за свою слабину. Побратим погиб. Теперь надо жить за двоих. Так Коля заключил и, нахлобучив на стриженую голову кубаночку, отправился отбывать новый срок.

Время в неволе идёт медленно, как в детстве. Только в детстве, если оно нормальное, много радости и тепла, а солнечное лето кажется бесконечным праздником. В неволе же одни неповоротливо-медленные, как слоны, и такие же серые, как слоны, будни.

Выпавший срок Коля отмотал от звонка до звонка плюс полгода в общей сложности карцера — никак поначалу не мог примириться с приговором, то и дело залетая в кондей. Ежели бы Коля прислонился к уголке, положение его сидельское могло поправиться — блатата, как и до войны, жила в зоне хоть и не припеваючи, но у пня с лучком не горбатилась, от голода не пухла. Но Коля не перешёл на ту сторону. Для него это было равносильно предательству. Предать Шелеста, своего наречённого брата? Нет! Он остался среди фраеров или мужиков, как работающий лагерный люд называли урки. Так мужиком, корячась да горбясь, терпя унижения, зуботычины и голод, он и отмантулил неведомо за что назначенный срок.

2

Из лагеря Коля освободился через полгода после смерти Сталина, точнее, в день рождения вождя — 21 декабря. Вышел, потеряв остатки былого “рафинада”, а обрёл музыкальную кликуху, которую без конца цедил сквозь бреши во рту, а потом, уже на воле, — через железные фиксы.

Коле было без малого тридцать. Жизнь предстояло начинать с нуля. Встал вопрос, куда податься и что делать. Пораскинул Коля мозгами и решил далеко от “насиженных” мест не удаляться. Тут, под Тайшетом, затевалась большая стройка, требовались рабочие руки — вот он и остался, тем паче, что дело предлагалось знакомое: взрывные работы. “Аммонал — он и в Африке аммонал, — рассуждал Коля. — Что под немецкую задницу пристроить, что под гранитную скалу — одно и то же”. Единственная разница заключалась в том, что в тайге, в отличие от фронта, не надо дурить

врага, устраивая ему всевозможные ловушки навроде “шахматок”, чтобы поставить “мат”. Бей шурфы, — бурки по-лагерному, — закладывай заряд, оттягивай взрывную машинку и рви. Делов-то...

С первых сибирских зарплат Коля завёл себе овчинный полушубочек, меховые верхонки, белые бурки и белый шёлковый шарфик. Но до того, ещё прежде, отмыл-отчистил свою фартовую кубаночку: верх её вновь закраснел, как индевелое зимнее солнышко, а шёлком шитый крест, обращённый в зенит, забелел.

Красавцем, понятно дело, Коля не был — война да лагеря потрепали мужика, но женихом в округе слыл не из последних. Сбитая набекрень кубаночка, из-под которой, что гроздь, свисает русский зуб, лёгкая, упругая походка жигана и разведчика, посвист “Бесамемучо”, словно невидимая спица, на которую нанизываются колечки папиросного дыма, — Коля вскружил голову не одной девке, причём не только на трассе, на которой трудился, но и в лесопункте, и в ближних сёлах-деревнях. Полгода он провёл в интенсивном поиске, перебирая девиц, как баянные кнопочки. А выбор сделал для всех неожиданный, остановившись не на самой яркой да видной. “С лица воду не пить”, — заключил Коля. Глафира была сиротой, дивчина сибирская, широкая в кости, крепкая, работала на трассе учётчицей. А лицом была добрая. Вот этим и глянулась Коле.

Минул год. В молодом семействе наметилось потомство. Незадолго до родов Коля пристроил Глашу к одной одинокой женщине, что жила в просторном пятистенке на лесном кордоне. Не в балке же младеню на свет выводить! А та женщина, Евстолия Ниловна, и рада была. В войну потеряла всех родных — и мужа, и троих сыновей — и вековала в одиночку. А тут — живая душа, да к тому же не одна.

Родила Глаша на излёте лета. Девочку назвали Степанидой — так, поминая мать, пожелала Глаша. А Коля и не возражал. Стёша — так Стёша, хотя лучше бы парень...

На ту пору у Коли выпал отпуск. Мелькала мыслишка съездить куда-нибудь на юга, погреться на солнышке — он ведь никогда не бывал на море, да и Глаше с дочуркой было бы на пользу. Но подумали-подумали, пригласив на совет Евстолию Ниловну, и решили воздержаться. Ехать долго, с пересадками — неделю, в дорогах маета, ребёнок маленький, мало ли что. А недостаток витаминов решили восполнить козьим молоком, благо у Евстолии Ниловны и коза удоистая имелась на примете.

С отпускных Коля закупил женщинам гостинцев: Глаше — платье крепдешиновое в меленький горошек, дочурке — ленточек да пупсиков, а Евстолии Ниловне — шаль оренбургскую. Была у Коли одна мечта: хотел он справить охотничье ружьё — одноствольную “тозовку”. Худо ли попотчевать свежатиной кормящую мать, особенно белым мяском ряба! С этой целью Коля специально ездил в ближний райцентр. Но в милиции, куда он обратился за разрешением, заявили, что, как недавнему сидельцу, оружие, даже гладкоствольное, ему не положено.

“Во суки! — горячился Коля, вернувшись на кордон. — Аммонал — дак ничего, доверять можно, а пукалку дробовую — дак опасно!” — И так скрипел зубами, словно опять встретился с особистом. Тут из запечья вышла Евстолия Ниловна. В руках она держала двустволку. Три сыновние ружья она, по требованию властей, сдала ещё в войну, а это, мужнино, с царскими орёлками на цевье, и запасы к нему пороховые всё же припрятала.

На охоту Коля наладился в сторону от трассы, чтобы не попасть кому на глаза: увидят ружьё — не ровен час, дойдёт, куда не надо, могут и Ниловну затаскать.

Убрёл Коля далеко. Из-за череды лесистых урманов не доносилось ни звука, хотя на трёхкилометровом участке трассы в эту пору вовсю шли взрывные работы, и взрывы ухали день и ночь, точно на фронте в канун наступления.

Зверинный дух охотник почувствовал верхним чутьём. Скинув с плеча двустволку, заменил патроны с “бекасинником” на пару с “жаканами” и, взведя курки, двинулся дальше. Стелился тенью, как, бывало, в рейде

за “языком”, стопами едва касаясь земли. Передвигался с подветра, стараясь не сбиваться с взятого направления. Однако мало-помалу запах ослаб — то ли нос притерпелся, то ли зверь ушёл. Коля уже собрался повернуть назад, тем более что лес тут пошёл густой, посвистов да ворошений и не слышать стало. Но внезапно донёлся писк, короткий и какой-то странный для леса. Коля замер, затаив дыханье. Нет, решил, послышалось: может, ветер в стволах или гнидушка какая под стопой... Но только собрался поворачивать, как вновь услышал писк. Был он короткий и не по-лесовому отчаянный. Неужели так, по-человечески, звучит голос неведомой птицы или зверя? Живо, но по-прежнему сторожко Коля устремился на звук. Впереди показался выворотень — поваленная матерая ель. Держа наготовку ружьё, охотник обошёл распластанную лесину и заглянул за вздыбленное корневище. Картина, которая открылась его глазам, привела Колю в трепет. На чёрной земле в переплётё корней-шупалец лежала распластанная навзничь женщина. Она была истерзана каким-то зверем. Когти, тонкими лезвиями распоровшие её живот, видимо, принадлежали рыси или росомaxe. Но то было и странно. Ведь стояла осень, в лесу полно всякой добычи, до бескормицы далеко. Отчего же зверь кинулся на человека? Или он был чем-то напуган, разъярён, потому и обезумел? Или наоборот — почуял слабость, беззащитность, которые исключали отпор?..

Кровь из ран уже ушла в землю, а остатки её запекались на рваном теле. Но самое жуткое Коля разглядел потом. И хоть насмотрелся за свою лагерную да фронтную жизнь всякого, такое наблюдать не доводилось: в ногах женщины шевелилось чёрное от земли и крови существо. Коля остолбенел. И только когда раздался слабеющий писк, он очнулся. Пуговина оказалась ещё влажная. Коля пересёк её “финкой”. И тут, не иначе, фронтные навыки аукнулись, потому что, как Коля ни был ошарашен, у него достало ума сотворить, точно в рейде по тылам, доступную маскировку. Что он сделал? Да ничего особенного. Взял материнский конец пуговины и дернул по охвостовью стальными зубами, как обычно зачищал концы проводов взрывной машинки, только после этого не просто сплонул, а едва не выблевал.

Дальше мешкать было нельзя. Коля скинул с себя фуфайку и закутал ещё не угасшую жизнь в своё тепло. Ребёнок слабо ворохнулся. Не выпуская его из рук, Коля повернулся к матери. Женщина не дышала — ясно было, что она мертва. Но чтобы удостовериться, Коля всё-таки наклонился. Она была совсем юная и, несмотря на обескровленное, измученное ужасом и отчаянием лицо, красивая. Такой Коля и запомнил её, запечатлев в памяти.

Глаша приняла младенца без разговоров, приткнув полумёртвого и зачуханного бедолагу к своей груди. Стеша сосала мать слева, а найдёныш — справа. И только когда дитя немного отошло, зауркало и запосапывало, она и спросила про находку. Коля шёпотом рассказал, как было дело, а потом поделился своими соображениями: судя по бушлату и номеру на нём, мать спасёныша — беглянка. Да что бушлат — он и по запаху, затхлому и казённому, чует, что она из-за колючки. Глаша, заметив в словах мужа какую-то недосказанность, какую-то угрозу, только ближе приткнула к себе найдёныша и даже выставила охранительно локоть.

Первые дни Коля всё прислушивался: не идут ли лагерные “архангелы”, так бывало в зоне в ожидании карцера. Но шли дни, никто не объявлялся, и Коля успокоился. А Глаша, казалось, и думать ни о чём худом не думала. У неё даже молока прибавилось, словно природа поощрила за милосердие. “Ты прямо, как рекордистка, — грубовато шутил Коля. — Удои растут на глазах... Хоть на ВДНХ посылай...” Но втайне-то, конечно, был рад такому житейскому обороту.

Записали младенцев как законнорожденных брата и сестру на Колину фамилию — Алтухин. С именем мальчика вышла небольшая заминка. Коля сначала про себя, а потом и вслух стал звать его Медвежонком, держа в памяти место рождения. Однако в свидетельстве записал под именем Артура. Так в честь Овода, борца за справедливость и счастье угнетённого народа, назвали своего сына родители Шелеста. Так в память о своём побратиме назвал сынка-найдёныша Коля. Однако в обиходе он и про себя, и вслух нередко звал его Мишей.

Минул ещё год. Трасса ушла далеко на восток. Лесной кордон с приветливым домом Евстолия Ниловны семейству Алтухиных пришлось покинуть и переселиться в балок. Однако расстаться совсем они обоюдно не пожела-ли. То Евстолия Ниловна, которую Глаша стала называть мамой, навестит их, привезя житников да козьего творожка. То они всем гамузом на Май-ские или Октябрьские прикатят на кордон. А уж летом детишки месяцами гостили у бабушки, обласканные её добротой да заботой.

Тайна, которой, наряду с Колей да Глашей, владела Евстолия Ниловна, так и осталась тайной — не давая громких зарок, она не поминала об исто-рии Артура-Миши даже в разговорах с ними, а не то что где-то на сторо-не. Но тут случилось непредвиденное.

Однажды в передвижном посёлочке появилась новая бабёшка. Её офор-мили истопником в кочегарку. Понять, откуда залётная выпорхнула, было нетрудно. Многие из работяг мехколонны прошли лагеря и чуяли сидельцев за версту. Коле тоже не надо было объяснять, кто она и откуда — по повад-кам ведь всё видно.

Звали новенькую Руфиной. Вертлявая да егозливая, Руфа сразу запоха-живала по гостям. Наведалась она и в балок, половину которого занимал Ко-ля с семейством. Родители как раз собрались купить детишек. Руфа сходу — этакая родственница выискалась — принялась помогать да всё сосюкала и те-тёшкала, что в семье было не принято. А когда стали ребятишек вытирать, то неожиданно брякнула, что Стёша и Артур совершенно не похожи. Глаша от этих слов на миг растерялась, но тут же взяла себя в руки и кивнула в угол, где стояла корзина: дескать, чего тут особенного, вон и у кошки раз-ные котята, посмотри. Коля же промолчал, но когда Руфа ещё раз подиви-лась несхожести двойняшек, да ещё добавила, что Артурчик и на родителей не похож, то скрипанул втихаря железными зубами и процедил неизменное “Бесаме...”, вложив в соло свою новую озабоченность.

Праздников в ближайшее время не предвиделось, однако Коля не стал дожидаться случая, а велел Глаше пригласить Руфу на ближайшее воскресен-ье. Та хвасталась, что в зоне наводила девкам марафет, завивала шестиме-сячную, стригла. Вот и пусть подровняет детишкам волосишки. Работёнка Руфе выпала небольшая — постригла ребятишек живо, ножницы да гребень в её руках и впрямь, как пташки, порхали. Зато возник повод для угоще-ния — хорошую, умелую работу грех ведь не отблагодарить.

Коля подливал всем поровну — и гостье, и себе, и жене, — но с таким расчётом, чтобы больше всех захмелела Руфа. Захмелев, гостья расслаби-лась, язык развязался и ну то слёзы ронять, то всохотывать, то заводить ис-торию своей гулеванистой жизни, а то про зону вспоминать... Вот тут-то и всплыла та история, которую Коля втайне ожидал услышать.

Лагерь состоял из двух зон — мужской и женской. Их разделяла запрет-ка, делившая овал лагерного острова примерно пополам, отчего в целом его звали “фэшкой” или “фишкой”. В женской зоне, как и в мужской, народ об-ретался разный — и воровайки, и бытовички, и по 58-й статье... И по возра-сту они, само собой, отличались: тут бедовали старухи, жёнки средних лет и совсем ещё юные девчонки. А уж по складу да по характеру и подавно — да и есть ли на свете две одинаковые женщины, даже если они родные сёстры!

Среди “фишкинских” сиделиц выделялась одна. Это была молодая осо-ба, с тонкой кожей и чертами лица, которую звали Ариадной. Поговарива-ли, что она — младшая дочь одного казачьего генерала, который попал в силки особистов после войны, и что, мол, сначала гэпэушники заманили в ловушку дочь, а потом на “приманку” поймали и отца. Так ли это было на самом деле, у Ады выведать не удавалось. Даже Доре, соседке по нарам, она не открывалась, хотя однажды и проговорила, что та напоминает ей кормилицу. Малоразговорчивая, замкнутая, на расспросы о прошлом Ада упорно отмалчивалась. Однако, судя по отношению к ней лагерного началь-ства, положение у Ады было и впрямь особое, не иначе на неё распространя-лась какая-то специальная инструкция. Её оберегали от насков задиристых блатных марух, её освободили от всех работ, но что самое удивительное — ей выдавали бумагу, и она без конца писала какие-то заявления и обращения.

Дора Дорман сочувствовала Аде и поддерживала в ней надежду на перемену участи, однако одновременно постоянно напоминала, что есть ещё один способ добиться свободы — амнистия. Вон сколько после смерти Сталина освободили жёнок — пачками из лагеря вылетали. Выпустили всех девчурок-малолеток, всех старух, всех матерей, у кого были малые дети, а главное — всех беременных. Последнее из этой череды и предлагала Дора своей юной соседке, не вдаваясь, правда, в подробности. Баба опытная, она щадила Аду. Ей ли, прошедшей не одну тюрягу, пересылку и зону, было не догадаться, что довелось испытать этой бедной девочке, когда она оказалась в неволе: кто только не лапал её пакостными руками, кто только юбочку не задирал. То-то от одного лишь намёка, от одного лишь подступа к этой теме у Ады расширялись от ужаса глаза, она бледнела и закрывала уши. Дора понимала её состояние, однако снова и снова возвращалась к своему предложению, полагая, что в положении Ады это единственно реальный шанс. “В пиисят третьем была амнистия, — нашёптывала Дора в ухо соседке, — к лету отпустили. Помнишь? В этом, пиисят четвёртом, в июле, хотя ждали зимой, к тридцатке, как гикнулся Володя Лысый... Будет и в следующем... Верные люди сказывают...” Это говорилось уже осенью, когда по июльской амнистии вышли на волю многие сидельцы “фэшки”. Вот тогда-то Дора и обмолвилась, как она может всё устроить.

Слышал бы откровения Доры опер по режиму — многое бы он, верно, дал за такую информацию. Но Дора не дура: кум знал многое, — в том числе и от неё, Доры, ведь в сексотах у него ползоны ходило, — многое, да не всё.

Запретка, 10-метровая полоса, которую с двух сторон окаймляла частая колючая проволока, преградой, разумеется, была. Однако нет таких преград, которые бы не одолел целеустремлённый человек. А уж у охочих мужиков целеустремлённости было выше крыши барака. Они и раньше находили способы, как проникнуть в женскую зону, а после той громадной — 53-го года — амнистии, как взбесились, потому что из женской зоны постоянно шёл манок.

Лагерное начальство хваталось за голову: что ни месяц — в “фэшке” объявляются беременные. По инструкции такую заключённую надо с определённого срока освобождать от работ, а когда родит — создавать условия и для матери, и для дитяти. И это бы ничего, бюджет зоны не похудел бы, если бы были единичные случаи. Но когда из строя выходят целые бригады...

Хозяин и кум рвали и металы. Если так будет продолжаться, не носить им головы. Кто будет ишачить? Кому выполнять народно-хозяйственные планы? Им, что ли, сам-друг вместе с ВОХРой?

По приказу кума запретку стали патрулировать наряды, вертухаи тыкали землю щупами. Один “кротовый ход” вскоре обнаружили. Думали, всё — теперь слётки закончатся. Но не тут-то было. Незаконные рейды в женскую зону не прекратились — о том свидетельствовали сводки лагерной больницы. Тогда кум пустил по запретке тяжёлые тракторы. ДТ-54 с санями, груженными бочками с соляркой, пробороzdили всю полосу. На утренней поверке не досчитали трёх эков — трупы их обнаружили в провалах кобуров. После этого наступило затишье. Месяца полтора лагерные лепилы не зафиксировали ни одного случая новой беременности. Хозяин с кумом ободрились. Однако вскоре всё началось опять. Запретку ширяли щупами, словно подмётку сапога шилом. Не по разу пускали бульдозеры и тракторы. Всё было тщетно. Кривая освобождений по беременности достигла какого-то уровня и больше уже не опускалась.

Кум запил, не в силах разгадать тайны чудесных зачатий. А потом и вовсе махнул на происходящее рукой, решив, что продвижения по службе ему теперь не видать, как собственной задницы. Меж тем, сам того не подозревая, он и создал обстановку для увеличения лагерной рождаемости. Дело в том, что уборку в кабинетах хозяина и кума проводила Дора Дорман. В молодости это была патентованная давалка, а потом — хозяйка тайного московского притона, за содержание которого она и попухла, получив в 50-м году полную десятку. От бывлой привлекательности Доры мало чего осталось, но у молодых вертухаев выбора не было, и она не отказывала, если выпадала оказия. Больше того, бывшая бандерша не забывала и о товарах. Сама

давно утратившая детородные функции, она, добрая душа, страстно стремилась осчастливить других. Приткнув где-нибудь в укромном углу молодого краснопогонника, Дора, как пчёлка, собирала с его цветка обильный взяток и умудрялась живо доставить добычу в женскую зону. Недаром её инициалы расшифровывали ещё как Дора-двести, имея в виду стахановский процент выработки. При этом не страдало и качество — ведь выбирала Дора ребят румяных, кровь с молоком, чтобы и потомство было соответствующее, а не абы какое.

В декабре Аду снова постигло разочарование: на очередной её запрос пришла очередная казённая отписка. Утирая ей слёзы, Дора снова принялась за уговоры. “Соглашайся, — настаивала она. — В мае — десять лет Победы. Амнистия железная. От верных людей знаю... Понесёшь — тебя и отпустят. А там видно будет. Может, и родных сыщешь”. Последний довод окончательно сломил Аду — она согласилась. И чудо не чудо — вскоре понесла, занялась в ней, как огонёк, новая жизнь. В больничке лагерной её поставили на учёт, даром что начальство кривило губы. Потекли дни ожидания, дни новых тревог и надежд. Но вот же судьба какая! Наступил май — об амнистии ни слуху ни духу, прошли июнь, июль — молчок. А в конце августа прошёл слухок, что в этом году амнистия не намечена, что беременных женщин вообще больше освобождать по амнистии не будут. При этом упоминалось какое-то закрытое постановление Верховного Совета, и по этому постановлению выходило, что дети Стране Советов, конечно, нужны (“И в караульщики, и в ээка”, — язвили лагерные остряки), и оно неплохо бы увеличить народонаселение, побитое войной... Но когда они ещё вырастут!.. А тут — государственные планы... Народное хозяйство постоянно лишается дармовой рабочей силы... Непорядок!

Бедная генеральская дочка, в нетерпении считавшая дни до свободы, от такого известия стала сама не своя. Ей, переведённой в лагерную больничку, предстояло рожать тут же, в зоне, и потом продолжать отбывать свой неведомо какой и непонятно за что полученный срок. Рассудок у бедолаги не выдержал и настолько помрачился, что однажды она бежала — забралась в больничную фуру, спряталась за тюками белья и в нескольких километрах от лагеря, когда машина пошла на подъём, из кузова вывалилась.

Амнистию объявили в октябре...

Вот так рассказанное гостьей Коля-Беса себе представил. А на концовке истории, не беря в память сопли и слёзы, которые сопровождали рассказ, облегчённо вздохнул. Труп беглянки нашли. Её задрал медведь, а народившегося младенца утащил и сожрал. Так объявили в зоне, так это Руфа и передала. Но вот же зараза какая! Как ни пьяна была, а глянув в угол, где спали-посапывали детишки, умилительно просюсюкала и опять хмыкнула, что мальчонка ну, ни капельки не похож ни на сестрицу, ни на них, родителей.

Какой вывод сделал Коля? Он понял, что эта стерва от своего не отступит, она станет раз за разом талдычить эту засевшую в её башку мыслишку — не улестить её ни магарычом, ни охотничьей добычей, — а потом, как сорока на хвосте, понесёт свой треск дальше. И тогда Коля решил принять упреждающие меры. Опытный разведчик, он не забыл в день той памятной охоты пробежать пару километров по ручью, предвидя, что на поиски беглянки сыскари пустят овчарок. А тут сделал так.

Зайдя на другой день в кочегарку, Коля закрыл на задвижку дверь и оклабавшись было бабёшку огорошил приказом:

— Ну, вот что, маруха, пиши объяснительную.

— Про что? — растерялась маявшаяся с похмелья Руфа.

— Про то, — процедил Коля. — Базлаешь много, языком метёшь...

Руфа видела Колю в домашнем да в рабочем, а тут полушубок, синие диагональные галифе, офицерские прохаря, а главное — кубанка с красным верхом, как у кума. Вот она-то, кубанка, и напугала бабёшку. Да и как тут было не струхнуть, коли он ногу на чурбан поставил, грозно блеснув офицерским сапогом, глаза пронзительные, стальные зубы во рту, и листок бумаги на фанере протягивает.

Под диктовку Коли Руфа написала про то, что наболтала: и про лагерные порядки, и про кобуры подземные, и про побеги... И выходило из

написанного, что она опорочила советскую пенитенциарную систему и всё её высшее руководство. Это такой вывод сделал Коля. Однако, учитывая её чистосердечное признание, он обещал ходу этому документу — именно так: документу! — не давать, ежели, разумеется, болтушка прикусит свой длинный язык. Напуганная Руфа, само собой, обещала, полупьяной слезой подтверждая раскаяние.

Однако Коле этого показалось мало. Сорока — она и есть сорока: будет трещать, чего бы ей это ни стоило, такова уж природа. И он задумал принять более радикальные меры. Нет, гробить балаболку он не собирался, такого у него и в мыслях не было. Решил послать её в буквальном смысле куда подальше. Для этой цели Коле понадобилось простейшее пиротехническое устройство, в котором использовались глицерин да кристаллики марганца. В результате кочегарка среди ночи однажды занялась. Руфы на ту пору там не было — она гужевалась в балке холостёжи. За халатность и разгильдяйство бабёшку хотели привлечь. Однако потом учли, что кочегарку удалось всё же отстоять, — тут мужество и находчивость проявил взрывник мехколонны Николай Алтухин, о чём сообщалось в приказе. Ограничились тем, что виновницу пожара наказали рублём, вычтя убытки. Ну, а чтобы более не рисковать, — кочегарка ведь сердце передвижного посёлочка — бабёшку уволили и спровадили на все четыре стороны.

3

Дальнейшая жизнь Коли и его семейства протекала уже спокойно, без особых осложнений, словно река, одолевшая крутые перекаты и, наконец, устоявшаяся в своих берегах. Семейство крепилось любовью да трудолюбием. Коля с Глашей по-прежнему работали в мехколонне и были там на хорошем счету: их портреты, висящие рядышком, с Доски почёта не снимались. Детишки росли-подрастали. От игрушек они перешли к книжкам, от учебников и тетрадей потянулись к магнитофонным записям да танцулькам, как и водится у сверстников. Однако не забывали и о своих нехитрых домашних обязанностях: наносить воды, наколоть дров, истопить печь, а то и обед состряпать. Стёша выдалась лицом в мать, а характером — в отца: горячая да непоседливая. А Миша-Артур ни в Колю, ни в Глашу, а, понятно, в свою несчастную мамашу да в неведомого отца-молодца, уроженца то ли Вятки, то ли Вологды, а может, и богатырской вотчины — Карачарова. Простодушный и покладистый, словно телок-сеголеток, которого поят обротом, он к пятнадцати годам перерос все зарубки в доме Евстолии Ниловны и стал уже на голову выше бати.

То были самые счастливые годы. Особенно летом, когда в каникулы-отпуска они собирались под кровом Евстолии Ниловны. Рыбалка, купания, грибы-ягоды — все те дивные радости, которыми оделяет мать-природа своих чад. А вечерами, сидя на крыльце или у костерка возле дома, пели песни. “Взвейтесь кострами...” — заводил отец, а дети подхватывали и пели серьёзно и проникновенно. А ещё “Шёл отряд по берегу...”, а ещё “Там, вдали, за рекой...”, “Гренаду”. С каким умилением поглядывала на них из окна Евстолия Ниловна, иной раз утирая невольную слезу, когда взгляд её касался фотографий своих сыновей да мужа!

Потом Евстолии Ниловны не стало, схоронили её тут же на кордоне, а дом заколотили. Потом из-под родительской руки выпорхнула Стёша: выскочила замуж за лейтенанта-железнодорожника. Вскоре призвали в армию Артура. Остались Коля с Глашей в своём передвижном балке одни. А тут и пенсия подоспела досрочно-сибирская. Что делать? Перебрались они в дом, который отписала им покойная Евстолия Ниловна. Прожили полгода. И лес, и река, и тепло, и сыто, а что-то не зажилось тут. Дочка — на Дальнем Востоке, сын — на западной границе, а они посреди Сибири одни-одинёшеньки. Ни света тут нет, ни людей, словечком не с кем перемолвиться. Только ветер в трубе каторжанскую песню выстывает. И задумал Коля податься в родные места. А чего? Квартиры они за таёжные годы так и не заимели, меняя балки на щитовые домики и снова на балки. Обзаведения особенного

не обрели. Так что собраться в путь-дорогу для двух уже не молодых, но не обременённых хозяйством людей было делом недолгим.

Областной центр, где Коля родился и где жил до былой семейной беды, заметно изменился: улицы спрямились, дома устремились ввысь. Однако окраина как была “шанхаем”, так и осталась “шанхаем”. На Руси ведь так всегда: что временно — стоит века, а что на века — до первой встряски, тем более что поводов для лозунга “Мир — хижинам, война — дворцам!” власти всегда дают предостаточно.

Барак, где в тридцатые годы обреталась его семья, Коля разыскал. В нём по-прежнему ютился народ, зимой конопатя щели, а по осени подставляя тапы. Однако ни родни, ни знакомых там уже не было.

В барак Коле не хотелось — помыкался, будя. Он облюбовал небольшой дом, на который вышел по объявлению, на левом, малозаселённом берегу реки. Дом был ветхий, зато отсюда открывался живописный вид на речной простор и городскую набережную. И Коля его купил.

Год ушёл на приведение дома в порядок. Работал Коля больше один. У Глаши стало пошаливать сердце. “Сердце? — искренне недоумевал Коля. — А я дак и не знаю, где оно”. Однако Глашу берёг, к тяжёлым работам не подпускал. На самую трудоёмкую операцию — замену сгнивших свай и нижних венцов — Коля поджидал сына. Артур, отслужив срочную, приехал в конце весны. В две пары крепких мужицких рук отец с сыном за лето и завершили обустройство жилья.

Венцом в переустройстве стала новая русская печь. Глаша не могла нарадоваться на красавицу, хотя подступила к ней с заметной робостью: а ну как зауросит, запыхает, сажей обдаст. Но опаска оказалась напрасной. Печь задалась, отозвавшись ровным отрадным жаром. К “дымовому” застолью хозяйка выкатила с противней пирогов, шанег, кулебяк. Под это дело — вышло как-то само собой — справили, наконец, новоселье. Ну, а заодно отметили и рождение нового чада. Стёша отписала, что родила дочку, уже третью, и теперь, чтобы муж быстрее получил звание капитана, четвёртую звёздочку, товарки — офицерские жёны — подбивают её на четвёртого ребёнка.

К концу застолья родители заговорили с Артуром о дальнейшем житье-бытье. Мать с отцом, дождавшись сына, хотели видеть его подле себя: место есть, женись-плодись, вон, как сестра. Но Артур, покивав да поулыбавшись, заговорил про трассу, про тайгу, где прошло детство, где завязалась юность, и заключил, что махнёт туда. Мать от этих слов — в слёзы, принялась корить, уговаривать. А отец, завлажнев глазами, только кричал. Коля-Беса хорошо понимал настроение сына: человек тянется туда, где был счастлив, его зовёт молодость — пора гулевать, а ещё, видать, манит парня неведомый, но настойчивый зов крови.

Артур-Миша улетел с первыми журавлями. Только журавли на юг потянулись, а он к востоку да на север. И опять родители остались одни. Пока боркались по дому, доводя до ума хозяйственные мелочи, да убирали огород, вроде бы некогда было кручиниться. Но вот ударили первые утренники, река присмирела в ожидании ледостава, городской силуэт подёрнулся туманной дымкой, и на душу пала хмарь. Глаша от окна переместилась к телевизору, где было больше красок. А Коле этого мало. Побродит по дому, пошебаршит рубанком, помастерит чего-нито. Да всё как-то мелко. Подумал он, покумекал, посоветовался с Глашей и пошёл искать работу. Что ни говори, а работа от душевной хмари — самое верное снадобье.

К той поре Коля уже знал, что жив тот, кто в 37-м посадил его отца, свёл в могилу мать, а его, мальчика, наладил в колонию, чтобы, значит, “свести вредительскую поросль под самый корень” — чумовой партиец Цыпляев. Был он давно на “заслуженном отдыхе”, получал пенсию областного значения, однако же угомону не знал — писал в партийную газету, подписываясь то раборком, то членом комитета городского народного контроля, и по-прежнему выводил всех и вся “на чистую воду”. Сын его Владилен, ровесник Коли, был секретарём горкома партии и курировал транспорт и коммунальное хозяйство. А отпрыск Владилена Кирилл, внук старпёра Цыпляева, рулил в городском комсомоле.

Избегая ненужных встреч, Коля-Беса устроился в организацию, которая к городским властям не имела никакого касательства. Это был спецстройтрест, возводивший военные объекты и проходивший по ведомству Министерства обороны. Работа в тресте у Коли задалась: навыков-то за свою жизнь он набрался того боле: и крушить, и строить, и бетон заливать, и опалубку ладить, и с топором, и с механизмом всяким — всё умел делать. Оценив Колину сноровку, рабочую основательность да рачительность, начальство вскоре назначило его бригадиром. А за один важный оборонный объект Колю даже отметили медалью “За трудовую доблесть”, и о нём написали в закрытой ведомственной газете, поместив на первой странице портрет, где он был снят в кубаночке.

* * *

Жизнь устоялась, шла ладно и правильно. Артур женился, прислал свадебные фото. Мать запричитала, заплакала. Отец оглядел невестку придирчивым взглядом, но по всему остался доволен: Маша фигурой оказалась крепенькая, а лицом добрая. А особенно она глянулась Коле и Глаше на том снимке, где, стоя на коленях, прибирала могилку Евстолии Ниловны.

Время от времени дети навещались в гости. То Стёша зайвится со своим выводком — тремя дочками и сынком, — то Артур с сибирской женой, которая принесла двойню — мальчика да девочку. А иногда нагрянут все скопом, полным составом, и тогда дом гудит, ровно пчелиный улей: двенадцать душ под одной крышей — шутка ли!

Летели годы. Стёша с семьёй оказалась в Москве — вот куда занесла военная судьба её мужа. Артур же решил вить гнездо близ родителей. Всякий свой приезд он завершал тем, что брал у бати свою сберкнижку, откладывал на неё оставшиеся отпускные и возвращал книжку обратно — так создавалась основа будущего дома.

Меж тем в державе начались непонятные перемены. Всё почему-то вспучилось, забурило, словно брюхо, в которое попал гнилой продукт. Брожение и несварение затянулись. Магазины опустели, увеличились очереди, опять, точно в войну, ввели продовольственные карточки.

Артур, который уже забил сваи, обустроил подвал будущего дома, чтобы к сорокалетию перейти на оседлый образ жизни, неожиданно остался у разбитого корыта: деньги, заработанные тяжёлым таёжным трудом, в одночасье сгорели, обратившись по воле новоявленных правителей в нули. Пришлось снова ехать на заработки. Однако к той поре и на трассе всё переменялось. Прекратилось снабжение, началось присваивание техники, которое называли приватизацией, месяцами не выплачивали зарплату. Что было делать? К середине 90-х Артур, уже сорокалетний мужик, вернулся с семейством обратно. Родители, само собой, потеснились. Батяка сам предложил срубить капитальную перегородку, чтобы обособить молодое семейство. А ещё вместе с сыном они соорудили флигелёк — это было место для Дашутки и Тёмы, внучат Колиных. На большее обустройство у семейства просто не осталось денег.

* * *

Перемены в стране потрясли всех. Цыпляев-старший, прозванный за глаза Кошеем Бесмертным, не вынеся капитуляции партии, незаметно свихнулся. Выломает, бывало, штaketник, заберётся по нему, как по лестнице, на пьедестал памятника Ленину и оттуда, стоя в одних подштаниках, примется клеймить позором всяких новоявленных ревизионистов и троцкистов. Дабы придать своей особе более воинственный вид и тем напугать врагов трудового народа, он поверх исподников нацеплял саблю, которую сохранил со времён чоновской юности. А иногда по ночам Кошей расклеивал рукописные листовки, писанные на каком-то понятном только ему языке.

Сын Кошей, названный в честь вождя пролетарской революции, незаметно ушёл в тень — то ли заболел, то ли запил. Зато младший, Кирька,

расцвёл буйным цветом, как чертополох возле заброшенного памятника борцам революции. Магазины, ломбарды, игорные дома под маркой ЦК, то есть Цыпляев Кирилл, заполонили в считанные годы весь город. Набережную облепили уродливые дебаркадеры, в которых новый Паратов разместил явные казино и тайные притоны. Но Колю-Бесу особенно возмутило то, что в собственности новоявленного магната оказалось здание армейского командного пункта. Ведь возводил этот КП не кто-нибудь, а именно он, Николай Павлович Алтухин, его доблестная бригада, за что и были отмечены государственными наградами. Режимный прежде объект находился на территории ликвидированной на скорую руку воинской части, а представлял он собой цепь подземных бункеров. Вот его-то и заняла, захватила, если не сказать оккупировала Кирыкина зондеркоманда. Вверху разместился банк, который назывался ни много ни мало “Бюро ЦК”, а в подвалах, поговаривали, — сеть развлекательных услуг, негласно именовавшихся “Старой площадью” или “ЦК КПСС”. Расшифровывали последнюю аббревиатуру кто во что горазд — казино, порнуха, сауна, стриптиз и т. д., и т. п. Но судя по всему, место это было значное — на его дух, как мухи на навозную кучу, слетались не только торгашеская шелупонь, местные шлюхи, но даже и залётные штуркари — столичные бандюганы, валютные путаны и околовластные тузы.

И всё же это были ещё цветочки. Ягодки для Коли-Бесы начались позже. То был день, когда Кирыка в очередной раз зарулил на набережную, где гуртовалась флотилия его доходных дебаркадеров (“дебилкадеров”, как с подачи внучат называл эти лохани Коля). Поднявшись на верхнюю палубу одного из плавающих уродцев, Цыпель-младший велел подать подозрительную трубу. С детства любивший играть в “войнушку”, а в комсомоле курировавший “Зарницу”, Кирыка не оставлял своих увлечений и теперь. На флотоводца “времен Очаковских и покорения Крыма” он, понятно дело, не походил. Ражая физиономия с неукротимым юношеским румянцем, брюхо-пивняк, вываливавшееся из широченных, ниже колен шортов — ну, какой из него флотоводец! Скорее уж пират времен адмирала Нельсона, какой-нибудь Билли Бонс, тем более что и повадки у Кирыки были соответствующие: вперёд и на абордаж!

В тот день Цыпель-младший поднялся на верхнюю палубу, чтобы произвести ревизию прибрежных окрестностей. На акватории ничего заслуживающего внимания не оказалось — катера, лодчонки и прочая москитная мелочь. Перевёл окуляры на противоположный берег, и тут взгляд Кирыки наткнулся на красивый, солнечного цвета домик. “Купить!” — ткнул он пальцем своему бухгалтеру и велел послать на переговоры братков.

Зачем ему это нужно, Кирыка в тот момент не задумывался: хочу — и всё! Так у него повелось с детства. Любая игрушка тотчас ложилась к его ногам, любая прихоть незамедлительно исполнялась. И попробуй только кто осадить или урезонить, в угол поставить или ремнём пригрозить. Начиналась такая истерика, такое продолжительное катание по полу, что и маманька — директор ЦУМа, — и партийно-чиновный папанька, и дедка, бывший чоновец, только руками разводили: мальчик впечатлительный, ему надо уступать. И уступали. Потом стал уступать директор школы, где Кирыка учился. На все выходки цыпляевского отпрыска он тоже разводил руками. А когда в очередной раз получил исходящие сверху чиновные порицания, что не надлежащим образом исполняет директорские обязанности, то, дабы не потерять место, согласился потерять лицо. Это было, когда одноклассник Кирыки, отстаивая честь своей сестры, набил Цыпелю морду и за это, с согласия руководства школы, загремел в колонию. Уступали Кирыке почти всегда и почти во всём. Причём капризы его, его истерический характер доброхоты и подхалимы оценивали как сильную волю, а все прочие, не желая связываться, делали вид, что считают так. И в институте, и в комсомоле Кирыка шёл напролом, достигая того, чего хотел. А уже когда наступили времена необузданной вольницы, что хочу — то и ворочу, тут его натура развернулась в полную силу: Кирыка в пределах своей территории, коей считал областной центр, ни в ком и ни в чём не знал отказа.

На сей раз, однако, Цыпляева-младшего ждал облом. Переговорщики вернулись ни с чем: Коля-Беса на предложение о купле-продаже сказал “нет”.

Когда братки по приказу Кирьки принесли за дом полкейса долларов, Коля-Беса молча помотал головой. А в третий раз он вообще отказался от переговорного процесса, даже не удостоив визитёров взглядом. Тут Кирька приздумался. Разделаться с неуступчивым пескоструем ему было, как два пальца об асфальт: устроить замыкание электропроводки, сочинить взрыв баллона с газом, а то просто пустить “красного петуха”, подсунув в ответчики какого-нибудь бродяжку. Опыт был, причём опыт немалый — и жёг, и топил, всякое было. Но братки ещё на первой “стрелке” разглядели у Бесы на руке жиганскую наколку: такие давно не делались, но о них в фартовой среде помнили и с ними считались. Вот эта татуировка и попридержала Кирьку: мало ли! Однако отступать от задуманного он не привык, даром что уже и забыл, чего ради всё это затеял: то ли смотровую площадку устроить на левом берегу, чтобы издалека, втихаря контролировать службу на казиношных дебаркадерах, то ли ещё одно доходное место открыть? Это было уже не важно. “Коли гора не идёт к Магомету — Магомет сам возводит гору”, — заключил Кирька и повелел начать в заречье стройку. Сказано — сделано. На берег были протянуты трубы и начался намыв песка. Всё это происходило перед окнами Алтухиных. В считанные недели тут возник полуостров, а потом стали забивать сваи. Городские экологи, отозвавшись на жалобы и сигналы жителей левобережья, выступили с осуждением самостроя — дескать, изменение береговой линии нарушит состояние водной среды, искривит стрежень реки, затормозит выход льда и в половодье усилит подтопление низменных участков города. Однако протест их длился недолго — вскоре они умолкли. “Зелёных” убедили неподкупные взоры американских президентов, вззирающих с зелёных кушор. Такие же метаморфозы произошли вскоре с прокуратурой и ментурой. Красный свет, загоревшийся было на пути Кирьки, чудесным образом окрасился в цвет баксов. И *стройка века* закипела с новой силой.

Через год на левом берегу, как раз против центральной пристани вздулся, как чирый, трёхэтажный особняк. По архитектуре это было нечто громадное и безвкусное, как и многое из того, что теперь строилось, зато называлось оно заковыристо и всякий раз по-разному — то ранчо, то вилла, то патио. Над окружающей местностью новодел царил. Возвышаясь, точно Монблан, он горделиво и надменно взирал на окрестное мелкоростье тонированными окнами, а башенки и шпили его, казалось, и впрямь уходили в небеса.

Больше всего от навязанного соседства пострадали Алтухины. Чудовищная громадина перекрыла весь вид, которым они прежде любовались. Не осталось ничего — ни речного простора, ни набережной, ни силуэта города. А что осталось? Зады Кирькиного поместья: гаражи, бани-сауны, дровяники, погреба, сараи... Но это было ещё полбеды. Подлинной бедой стали для Алтухиных всевозможные аттракционы. Новоявленный сосед завёл механический зоопарк — эдакий домашний парк юрского периода. Тут обитали чудовищные динозавры, птеродактили, саблезубые тигры, а ещё обезьяна Кинг-Конг, а ещё жирафы, которые головами достигали уровня третьего этажа. Все эти образины дёргались, скрипя железными суставами, визжали, ухали и урчали. Но срамней всего выглядела механическая, пегой масти лошадь. Из нутра кобылы, когда она поднимала хвост, бесконечно лилась жёлтая струя, под которую Кирькины дружбань подставляли жбаны, поскольку это было пиво, а вместо дерьма вываливалась закуска — упакованные в целлофан карбонад, заливная севрюга, сервелат и баварские сосиски.

Помимо функций бистро-бара, кобыла выполняла и прямые обязанности — она превращалась в скаковую лошадь, правда, скакала, не сходя с места. По повелению Кирьки, сидевшего на веранде, в седло забирался очередной наездник. Его пристёгивали жёсткими ремнями, которые не позволяли ему вывалиться. Скорость скачки регулировалась дистанционным управлением, находившимся в руках у Кирьки. Провинившегося или не очень исполнительного братка хозяин отправлял в бешеный галоп, который, как и положено, назывался “аллпор три креста”, пока тот не начинал орать благим матом, моля о пощаде.

По вечерам, велев запалить костры, Кирька усаживал в седло голых девиц — это у него называлось “доводить до кондиции”. Но самым зрелищным

в усадьбе Кирьки было шоу под названием “Культпоход на “Чапаева”. Причём Чапаева изображал не кто-нибудь, а собственный цыпляевский дед — на это ушлого внука, не иначе, натолкнули сабля деда и схожая фамилия.

Впавший в детство старпёр Цыпляев, видать, воображал себя юным чиновцем. Он охотно подчинялся Кирькиным приказам, тем более что Кирька для убедительности командирского образа облачался в чёрную кожанку и чёрные галифе с рыжими леями. Старика закрепляли в жёстком каркасе, который венчала железная рука с блестящей шашкой. А за спиной развевалась чёрная бурка — это была воздушная подушка, наполненная кислородом. Скоростей больших Кирька не задавал, остерегаясь, что дед их не выдержит, — тогда никакая кислородная подушка не поможет. Достаточно было лёгкой рыси, чтобы завести зрителей “народного кино” — Кирькиных дружанов, “тёллок” и “шестёрк”. Они ржали, как та самая механическая лошадь. А уж когда кобыла по команде Кирьки поднимала хвост и вываливала всё, что содержалось в её брюхе, зрители ложились впокатку. Гогот доносился, говорят, аж до правого берега. И чтобы глухой дед чего лишнего не услышал, Кирька врубал на всю катушку “Марш Будённого” или “Полюшко-поле”.

Глафира Алтухина, сидя у телевизора, глядела очередную “Изауру”.

— Смотрю в телевизор, где-ка, думаю, я — не иначе рай, а посмотрю в окно, там этот лихоимец. Нет, смекаю, — ад.

— Ад-ад-а-ад, — на мотив “Бесамомучо” бурчал Коля и время от времени косился на свою обтёрханную кубаночку, висевшую на почётном гвозде. В его седой голове что-то шаяло, но что — ему и самому пока было не ясно.

Как-то сидели Коля с Глафирой, играя в “подкидного дурака”, и вспоминали прошлое.

— Скоко робили — и всё зря, — подытожила Глаша, помянув потерянные в результате большого демократического грабежа сбережения. Стали считать. Коля потерял не одну тогдашнюю “Волгу”. В гараже Глаши машин было бы поменьше, но тоже не одна. Стали переводить свои потери на стоимость хлеба. Ржаного да пшеничного выходило столь много, просто ешь — не хочу, что они не смогли представить, сколько понадобилось бы для перевозки буханок хлебных фургонов — целая автоколонна выходила. Тут вернулся с работы Артур. Он трудился на судоремонтном заводике, а ещё подрабатывал грузчиком на рынке.

— Чего делим-считаем? — осведомился сын. Старики объяснили. Артур заинтересовался, приплюсовал к их потерям свои, да ещё сгоревшие накопления жены. Через посредство хлебной цены, старой и нынешней, перевели утраченные сбережения на новые деньги. Получилась умопомрачительная сумма. Особенно их зацепила цепь нулей позади первой цифры, они напоминали клубы дыма от счастливого мультяшного паровозика. Глаша от вида потери часто-часто заморгала. Артур ударил пудовым кулаком о ладонь. А Коля насупился и глянул за окно. Там нагло сверкал окнами цыпляевский особняк. Тень от него накрывала их маленький садик, где в беседочке сидели внучата. И до того Коле-Бесе стало горько от вида сидящих в тени внучат, что он аж застонал.

Тёма рос умницей. Задачи по физике и математике щёлкал, как семечки, трижды на областных олимпиадах побеждал, разбирался в микросхемах, знал толк в компьютере. Надо его учить, двигать после школы в институт, учитель физики советует — в столичный, а на что учить, коли средств нет?..

То же самое и Дашутка. У неё художественные наклонности, в студию ходит, альбом с красками есть, но как быть дальше? Глядя на внучку, Коля всякий раз вспоминал образ её бабушки, той несчастной, пропавшей в тайге. Дашутка пошла в неё, красота была древняя, видать, собранная многими поколениями. Подрастёт ещё немножко — бриллиантом засверкает. Одеть бы вот только...

* * *

Мысли о будущем внука и внучки не давали Коле покоя. Но подтолкнуло его к решительным действиям не это. Оказывается, красотой расцветавшей Дашутки любовались не только родители да дед с бабой. На неё

положил глаз вооружённый подозрительной трубой Кирька, который бездельно посиживал на веранде и озирали окрестности. Девочка при нём гуртовалась не мерено. Но его потянуло на свеженькое. Вот он и дал команду своим мордоворотам, чтобы они доставили Дашутку перед его линиями очей. Чувствуя свою безнаказанность (у них же всё схвачено — и ментовка, и прокуратура, и суд), эти абреки не стали даже ничего придумывать. Они решили перехватить Дашутку, которая возвращалась из студии, прямо возле дома. И быть бы, верно, неминуемой беде, да ангел-хранитель не допустил святотатства. В ту пору на перекрёстке как раз оказался Дашуткин отец. Бывший десантник, Артур разложил стервятников на многочлены, поломав кому руку, кому ногу, а кому и то, и другое разом.

Вот после этого Коля-Беса и понял, что более терять времени нельзя, ожидание неведомо чего — смерти подобно.

— Будя! — изрёк он, надевая свою линияющую, обтёрханную, но по-прежнему боевую кубаночку. Лицо его при этом напряглось, сам он подобрался, напряжился.

Есть такая порода людей. Кто ломал на передке войну, кто перемог-пересилил лагерь, одолев колымские морозы или пекло Туркестана, тот словно получил в дар ещё одну жизнь. Крепкие, калёные, сухие, со стороны кажется: кожа да кости, но тронь такого — с места не сдвинешь, скорее он своротит любого. Вот таким, черпанув полной мерой военного лиха да зёковской житухи, стал и Коля-Беса. К своим без малого восьмидесяти он был поджарый и подвижный, словно подросток, а глаза его из-под кубаночки сверкали неукротимым молодым огнём.

На “совет в Филях” собрались вдвоём: Алтухин-старший и Алтухин-средний. Третьим тут незримо присутствовал старший лейтенант Шелест, названный в честь Овода, борца за справедливость. Выдержав необходимую паузу, Коля-Беса бросил на стол рекламную газетёнку, где был запечатлён банк Кирьки и где находилось его подземное гадючье гнездо, и сказал так:

— Нельзя ждать милостей от уроды, взять у него награбленное — наша задача! — И показал, откуда лучше начать подкоп.

Артур в идею бати особо не верил, однако доверял ему всегда и ни на миг не усомнился, что затеянное справедливо.

Рекогносцировка показала следующее. Бетонный забор, некогда окружавший военный объект, после ликвидации воинской части растащили. Это было ещё до Кирьки. Охотники до дармовщинки всегда найдутся. В итоге главный коллектор, вынесенный на зады бывшего КП, а теперь “Бюро ЦК”, оказался доступен. Удачей было и то, что с одной стороны он изрядно зарос диким малинником. Дабы улучшить маскировку, Коля решил потратить несколько ночей и посадить вокруг колодца неприхотливого мелкого ивняка.

Под землю, вскрыв люк, отец с сыном спустились в ночь с воскресенья на понедельник. Опившаяся Кирькина клиентура к той поре впала в анабиоз, а охрана, уставшая пляться на пьянь-гулевань, тоже дремала. Подземный тоннель, как Коля и предполагал, вывел их под стены бункера. Главную трубу трогать было нельзя — могла произойти авария, а стало быть, всё дерьмо — Коля имел в виду не только фекалии — пойдёт наружу. Сверлить бетон решили подле. Коля осмотрел отгиски опалубки. Там, где отпечатались не доски, а короткомер, швырок, по его опыту, было самое уязвимое место. Так, наверное, оно и было. Однако попотеть им всё же пришлось.

— Сюда бы аммоналу! — мечтательно прохрипел однажды Коля, утирающая со лба пот, и сам же осёк себя: — Не время...

Артур, главная тягловая сила, работал старательно, а всё же без охотки. Затея казалась ему старческой причудой, блажью. Но он и слова не сказал поперёк, во всём привычно соглашаясь с батей.

Бетонную перемычку они пробуравивали за полтора месяца. Дальше пошла порода — глина да супесь. Штольно копали в разное время, в том числе и днём, но выработку выносили только ночью, топя её в недалёком прудке. По мере продвижения ставили стойки, чтобы — не дай Бог! — не произошло обрушения. К середине августа достигли капитальной стены. Но прежде чем приступать к штурму, камеру подле неё расширили настолько, что можно было вставать в полный рост даже Артуру.

И вот настал день “Ч” — буква в данном случае не имела ровно никакого значения, просто так понравилось Коле. В свете “летучей мыши” холдно и непреступно мерцал бетонный монолит. Угрюмо глядя на серый панцирь, Артур впервые не удержался:

— Это можно раздолбать только прямой наводкой, да и то не всяким снарядом.

— Кумулятивным, — с законной рабочей гордостью подтвердил батя, однако при этом не выразил ни тени сомнения. Больше того, он даже улыбнулся:

— Не бздэмо, сынок! Нет таких крепостей, чтобы их не взяли русские...

На эту реплику Артур не отозвался. А поведение бати его насторожило. Тот молча и долго глядел на стену, словно норовил пронизать её взглядом, и при этом как-то загадочно улыбался. Уж не повело ли его? — обеспокоился Артур.

Меж тем, Коля достал складной нож. Поцарапав лезвием бетон, он сделал небольшой сколыш, ощутил его, подержал на ладони и даже зачем-то пошохал.

— Аха! — наконец удовлетворённо сказал он. Затем не спеша поднял голову и, выразительно посмотрев на сына, опёрся о стену рукой. Рука была одета в брезентовую рабочую рукавицу. Она выделялась на сером свиновом фоне светлым пятном. Это пятно словно заворожило Артура, и всё же боковым зрением он кое-что заметил. Батя упёрся, напряжился и даже сделал всем корпусом толчок. От того, что произошло следом, у Артура аж челюсть отвисла — в монолите образовался пролом.

— Ну, батя, ты гига-ант! — вытаращил глаза Артур. — Ни фиги себе! — И от неожиданности даже сел.

Восхищение сына Коля-Беса принял благосклонно и с достоинством аристократа, хотя мысленно и усмехнулся.

Эта дыра была наследием советской эпохи. Комплекс КП ударно завершался в тот год, когда почил Леонид Ильич. Торопясь сдать объект к годовщине революции, что сулило премии и ордены, начальство решило отказаться от второстепенного, по его мнению, блока — автономного отсека дегазации и дезактивации. “А как же быть с отводкой?” — показали строители на специально оставленное круглое отверстие. “Забетонировать!” — последовала команда. Забетонировать — так забетонировать, дело привычное, был бы бетон да время. Но ни того, ни другого в резерве не имелось. И тогда про-раб, человек инициативный и решительный, вдвоём с бригадиром, то есть Колей-Бесой, заделали это отверстие на скорую руку и тем, что оказалось под рукой: куски арматуры, бетонная крошка, осколки плитняка и даже пенопласта. Размышлять было недосуг — приёмная комиссия уже по отсекам ходила. Едва успели замазать ту заплату да подсушить воздуходувкой. Потом, уже когда объект сдали, получив премиальные и награды, была мысль поправить халтуру, дабы не пострадала обороноспособность державы. А ну как хлынут льяльные или подземные воды? Но у вояк ведь как в те поры было: не успели обустроиться, обжиться, как уже поступил приказ сворачиваться, нужда в КП как возникла, так и отпала. Даром что на стройку были ухлопаны огромные деньги, сопоставимые с расходами на сооружение приличной ГЭС. Но когда это министерство обороны считалось с расходами! Деньги казённые, а значит, ничьи. Это же не из своего генеральского кошелька извлечённая сотня!

Вскрыв капитальную стену, взломщики Алтухины уверенно проникли в глубь бункера, благо Коля-Беса наизусть помнил все закоулки, которые самолично возводил. И...

ЭПИЛОГ

Замели отца и сына на следующий день. Взяли Алтухиных со всеми экспропрированными сокровищами ещё тёпленькими, отсыпавшимися после столь успешно проведённой операции. Ментовка, поставленная Кирькой на уши, нюхала и рыла не за страх, а за бабки, ибо самому сообразительному и находчивому тот посулил ни много ни мало, аж миллион. Самым сообразительным оказался, понятно, начальник горотдела, никуда не выходящий из своего кабинета, — что значит дедуктивный метод!

Всё, казалось бы, едва начавшись, вернулось на круги своя. Кирька мог быть доволен — подкоп под его империю провалился. Но не тут-то было! Он жаждал главного. Таким супер-призом должна была стать Даша, внучка Коли-Бесы, как дань за его, Кирькины, треволнения. А она куда-то исчезла. Исчезла бабка, пашенок и эта девчонка, которую Кирька уже считал своей.

Каждый день Кирька приходил в камеру к Коле-Бесе и методично избивал его, выколачивая признание, где прячется внучка. Перекуривал, менял перчатки, кастеты — и снова бил. А Коля молчал. За последние пятьдесят лет Бесу столько дупцевали, что шкура его задубела. О зубах он не думал — зубов у него давно не было. А душу он держал возле себя на мягком поводке, давно готовый отпустить на волю.

Застонал Коля-Беса уже тогда, когда в его камеру притащили сына. Большой и матерущий, как медведь, Артур походил теперь на тюк бесформенной ветоши. Руки и ноги его были переломаны в нескольких местах и белели костями. Он пытался ими закрываться, но от тщетных и судорожных усилий ещё больше кричал и скулил. Видеть и слышать такое было нестерпимо. Но докonal Колю-Бесу победный клич Кирьки: “Нашли, говоришь? — орал он в мобилу: — Ну, так не медля её в моё бунгало! Мухой, говорю!” Вот тогда душа Коли-Бесы и отлетела.

Как вам нравится такой финал? Не нравится? Мне тоже. Да и какой нормальный русский человек, для которого главная опора в жизни — справедливость, такое вытерпит! Справедливость у нас, русских, — превыше любых юридических крестиков-ноликов. Именно она — наш основной родовой закон. А потому...

НАСТОЯЩИЙ ЭПИЛОГ

Вскрыв капитальную стену бывшего КП, взломщики Алтухины уверенно проникли в глубь бункера, благо Коля-Беса наизусть помнил все закоулки, которые самолично возводил. К той поре у новых русских наступил бархатный сезон. Прикрыв доходную лавочку на месячный уик-энд, банковско-казиношная кодла во главе с Кирькой укатила на Багамы. Так что осваивать открывающийся лабиринт Алтухиным никто не мешал. Сигнализацию они нейтрализовали своими силами. А дорогу к главному сейфу им проложил Артёмка. Не вдаваясь в подробности, Артур приносил сынку сфотографированные блоки и узлы электроники, и юный Кулибин на своём компьютере прощёлкивал их, точно заурядные игры-стрелялки.

Главный сейф открылся, как пещера Али-бабы, даже заветного “Симсим” не понадобилось. Коля с сыном аж присмирели.

— Да, сынок, — сказал Коля, — был я по малолетке щипачом, на старости лет эти суки медвежатником стать заставили, — и, сняв кубаночку, огладил выгоревший верх.

Помимо денег, Алтухины забрали из сейфа налоговую документацию. Артур глянул — там система: рубль пишем, тыща себе — и запихал всё в мешок. Деньги они сложили у себя в подполье. А документацию направили по назначению, да не в областные органы, где всё схвачено и все со всеми повязаны, а в столицу — чести там тоже нет, так хотя бы за орденки да чины рыть будут.

Затянувшийся бархатный сезон позволил Алтухиным завершить операцию не спеша и с умом. Всё убрали за собой, подчистили и окончательно ушли, не оставив после себя никаких существенных улик.

Хищник, как оценил Коля-Беса атаку ОМОНа на доходное место, прошёл с фейерверком. От шумовых гранат, сирен и дымовухи дежурный охранник чуть дуба не дал. Через пару дней в СИЗО доставили из аэропорта всю Кирькину шоблу — загрузили под завязку аж пять “воронков”. А потом началось следствие.

Подкоп столичные сыскари, само собой, обнаружили. Однако как взломщикам удалось так аккуратно вспороть бетон — понять не могли. Это же как лобзиком по циркулю вырезано. Высказывались предположения о новых методах дробления молекулярной решётки; о том, что в бетоне, как и в стекле,

есть точка, на которую нажми — и всё рухнет; вспоминали про круги, которые оставляют на полях НЛО. Догадок было много, но ответа не находилось. Тогда из Москвы вызвали бывшего прораба, который теперь работал в строительном НИИ. Тот потоптался у круглого отверстия, с умным, соответствующим его положению, видом пожал плечами, поцокал языком (*тайна сия велика есть!*) и молча удалился. Да и то: не мог же он признаться, что эта дыра — его, бывшего прораба, и бригадира Николая Алтухина рук дело!

Во время следствия внезапно загорелся и сгорел дотла — так был грамотно подождён — Кирькин особняк. Коля-Беса к этому делу отношения не имел. Это либо мстили, либо подчищали следы Кирькины компаньоны-подельники. Дольше всего горели длинноногие жирафы, напоминающая какую-то картину. Ядовитый чад стлался по округе несколько дней.

— Над всей Испанией безоблачное небо! — загадочно воскликнул Коля, когда дым пожараща, наконец, рассеялся и отшаяли последние головешки. Из окон Алтухиных вновь открылся речной простор и живописная панорама города.

— А дебилкадеры-то где?

Дебаркадеры-уродцы куда-то исчезли, у главной пристани их не было. Оказалось, что их тоже пустили на распыл: часть сгорела, а часть затонула.

— Андели! — радовалась Глафира. — Хорошо-то как! — и не отходила от окна, любуясь вновь открывшимся видом и напрочь забыв про телевизор.

* * *

Когда разговоры вокруг крушения Кирькиной империи поутихли, прошло следствие, закончился суд, и все сёстры, а прежде всего, разумеется, братки, получили по серьгам, то бишь по железным браслетам, Коля с сыном спустились в подвал. До этого баулы с деньгами они не раскрывали.

— Однако, батя, кажется, перебор — лишку взяли, — заключил озабоченно Артур, окинув толстые пачки валюты и рублей.

— Да ты чё, сынок? — ласково укорил его Коля. — Разве мы одни такие, лохи кинутые? Почитай, весь честной люд ограблен! Выручать надо соотечественников, дух русский крепить...

— А что делать-то? — развёл свои ручищи Миша-Артур.

— Как что, сынок? Технику покупать будем, ходы подземные рыть... Фирма "Дети подземелья". Как тебе?

Артур перевёл глаза на баулы, потом снова уставился на батю. Но Коля не стал дожидаться ответа. Прихлопнув свою боевую кубаночку, как это делал лейтенант Шелест, названный в честь Овода, борца за справедливость, он внезапно запел:

Беса ме, бесамучо...

Голос Коли в подполье звенел. Стальные зубы пощёлкивали, как кастаньеты. А из глаз его рвалось озорство. И чтобы скрыть это не совсем уместное для своего возраста чувство, Коля сдвинул на самые глаза кубаночку, точно это было аргентинское сомбреро или шляпа Боливара:

Кому сэйфэр эстануци лаути ди маве.

Беса ме, бесамучо...

Кети гомеда тенет ипэрдэте дупсэ...

.....

*Поздравляем нашего постоянного автора
Михаила Константиновича Попова
с 70-летием!*

ЕВГЕНИЙ ГУСЕВ

БУДЕТ ВСЁ ХОРОШО, ДАСТ БОГ!..

СНЫ О ДЕТСТВЕ

Вижу прошлое всё яснее,
Слышу, лишь начну засыпать:
“Утро вечера мудренее,
Спи, сынок!” — говорит мне мать.

Деревенька мне снится часто...
Если дело зимой — бегу
В серых валенках я по насту,
Если летом — костёрчик жгу.

Снится дождик весёлый, тёплый,
Свист метели и стон пурги,
Чай с вареньем у бабки Фёклы,
Бабкинастины пироги.

Вижу в снах, как бегу я с речки
С парой пойманных окуньков,
Дед, слезая с высокой печки,

ГУСЕВ Евгений Павлович родился в 1948 году в деревне Перекладово Ярославской области. Окончил Ярославский пединститут. С 1976 года сотрудник органов внутренних дел, где прослужил более тридцати лет. Награждён орденами и медалями. Автор двух десятков книг. Лауреат литературных премий. Член Союза писателей России. Живёт в Ярославле.

Скучно хвалит меня за улов.

Вижу мать и отца во сне я,
Мама тихо мне: “Спи, сынок,
Утро вечера мудренее!...”
Будет всё хорошо, даст Бог!

ГОЛОС НЕБА

— Бросай бестолковое дело —
Устраивать рай в шалаше.
Чем больше ты пестуешь тело,
Тем меньше вниманья душе.

Тебе нипочём нынче слякоть,
Готов ты идти сквозь пургу,
Но скоро научишься плакать
И падать на каждом шагу.

Ты дерзкий сейчас и отважный,
Ты знаешь судьбы своей цель,
Но вскоре кораблик бумажный,
Что строишь ты, сядет на мель.

И чтобы душа не болела,
Не злобствуй и не мельтеши!..
Всё меньше становится тела,
Все больше — печальной души.

В ДОРОГЕ

В телеге, птица вольная,
Тащусь на край земли.
Когда сверкает молния,
Я вижу крест вдали.

Век хомутами, сбруями
Возница занят был.
Под дождевыми струями
Он поубавил пыл.

Ни конного, ни пешего
Вокруг, а дед не прочь
Съязвить: — Какого лешего
Тащиться было в ночь!

Вёрст пять ещё до Красина,
Молчу, себя виню.
— А ну, шагай, орясина! —
Кричит старик коню.

Когда сверкает молния,
Вдали я вижу крест.
Вот с этой колокольни я
Смотрел на мир окрест.

У моего “водителя”
Вопросец есть один:

— Не сын ли ты учителя?
Я отвечаю: — Сын.

Движенья мы ускорили.
Старик чему-то рад.
— Ну, а назад-то скоро ли?
— Приедем — и назад!

В ТОЙ СТРАНЕ

Стал всё чаще в тишине
Я сидеть, смеживши веки.
Я остался в той стране,
Где родился в прошлом веке.

Мысли лезут невпопад,
И от мыслей тех краснея,
Понимаю: очень рад,
Что родился в той стране я.

Не копеечный проезд,
Не футболы-волейболы
Вспоминаю, а подъезд,
Дом старинный возле школы.

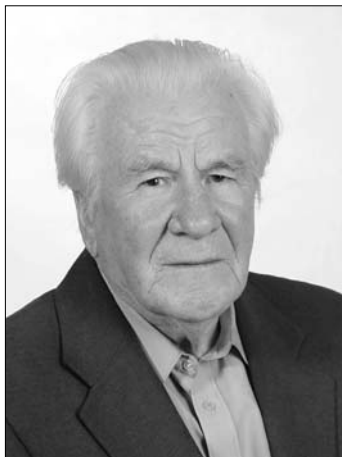
Дом мне был ужасно мил!
В тишине каких-то ночек
Здесь впервые сочинил
О любви я восемь строчек.

“Взяв на грудь” для куражу,
Но не чувствуя дурмана,
Вновь по улице брожу
Коммуниста Емельяна.

Рухнул строй и человек,
Прилетел орёл двуглавый.
Что ты сделал, грозный век,
С золотой моей державой?

Мне по нынешней цене
Не купить лекарств в аптеке...
Я остался в той стране,
Где родился в прошлом веке.

ВИКТОР ПОТАНИН

И ЧАС НАСТАЛ

РАССКАЗ

Светлой памяти Валентина Распутина

Стоял тихий майский вечер. А ещё вчера хлестал дождь, и деревья гнулись от ветра, а сегодня замерло всё и точно заснуло. Но эта тишина совершенно живая, тягучая, и потому кажется, что вот-вот оборвётся. “А что станет завтра... Да мало ли что, да и хватит гадать, ведь сегодня мой юбилей...” — усмехнулся Василий Петрович и был прав, потому что ровно шестьдесят лет назад в такой же весенний день и появился на свет Василий Петрович Морозов. И вот сейчас он возвращался домой со своего юбилея.

Время было ещё раннее, но на многих столбах уже зажглись фонари. От них шло ровное, успокаивающее сияние, но на душе всё равно сумрак и траур. И он даже приказал себе: “Не раскисай, юбиляр! Ты ведь теперь долгожитель, так что...” — Но эта мысль, едва вспыхнув, сразу погасла, а в груди ворохнулся тяжёлый комок, и сбилось дыханье. Он расстегнул ворот рубашки — не помогло, и тогда вспомнил про сигареты. Курил Василий Петрович всю жизнь, — дурная, конечно, привычка, но бросить не мог. Да и расстраивала работа, ведь служил он в районной газете, а это не сахар: постоянные авралы, командировки, к тому же всё время на людях, а от них только просьбы да жалобы, точно он прокурор... “Ну, хватит! Побереги нервишки!” — Он сказал это вслух и оглянулся. Но сзади — никого, и тогда

ПОТАНИН Виктор Фёдорович родился в 1937 году в селе Утятское Глядянского района Челябинской области. Окончил историко-филологический факультет Курганского педагогического института и Литературный институт имени А. М. Горького. В 1963 году вышел его первый сборник рассказов «Журавли прилетели». В 1966 году был принят в Союз писателей СССР. В. Ф. Потанин автор многих книг, член Правления Союза писателей России, лауреат премии Ленинского комсомола, премий им. И. Бунина, им. А. Грина и многих других. Живет в Кургане.

загурил. Табачный дым что-то успокоил в голове и перестало ломить в затылке. Он рассмеялся: “Значит, опять нервишки! Напоминают, чтоб не забыл...”

И снова прав Василий Петрович. Нервишки в последнее время на полном поле, а сегодня — особенно, ведь о его юбилее написала районная газета, и он с раннего утра ждал поздравлений. Даже сидел возле телефона. Но за весь день — только два звоночка: один — от директора местной школы, о котором когда-то вымучил очерк, а второй — от старого друга из родной деревни. И этот друг — Коленька, Николай Иванович, пожелал ему много всего, а самое главное — прожить ещё столько же, то есть ещё шестьдесят лет. И когда он это услышал, то даже развеселился, потому что сложил вместе две цифры и вышло очень забавно — целых сто двадцать лет! И всё-таки хорошо, что давний друг Коленька вспомнил о нём и поздравил. Василий Петрович тяжело вздохнул и прибавил шаг. А ноги не шагают, как ватные... Вот она голубушка — старость! И он стал сердиться на себя: зачем так рано ушёл с юбилея, там же были хорошие разговоры и даже вино. Правда, в редакции он уже не работал — год назад уволился из-за болезни, — но там всё равно сообразили банкет. Конечно, банкет — сильно сказано, ведь всё было почти по-студенчески: просто собрались вместе друзья-сослуживцы и выпили по рюмочке, ну, а потом по другой. А уж после третьей развеселились, запели песни — праздник так праздник! А он сидел сам не свой, так заболела душа — хоть бейся о стену! Ведь он-то ждал, что его поздравит районное начальство и даже вручит приветственный адрес. Он и о большем мечтал: вдруг, мол, кто-нибудь в областном центре вспомнит о нём и пришлёт телеграмму. Но, видно, никто не вспомнил, не догадался. И он совсем помрачнел и замкнулся. Его о чём-то спрашивали, но он точно оглох. Но друзья не отставали и ждали от него каких-то слов, откровений. И тогда он медленно, как-то обречённо поднялся со стула и произнёс чуть дрогнувшим голосом:

— Говорить мне нечего. Вся жизнь моя была перед вами. А теперь наступает финал — с моими болезнями долгожителей не бывает... — он ещё хотел что-то сказать, но перебил редактор:

— А повеселей что-нибудь можешь? А то заговорил не по теме... — И Василий Петрович сразу замолчал, потому что обиделся. Но обида жила недолго, и он продолжил:

— А на эту тему лучше всего у Пушкина. Помните:

*Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты...*

И тут его опять перебили:

— Зачем стихи? За окном нынче другая погода... — Так и сказал чей-то уверенный голос. И Василий Петрович вспылил:

— Про погоду не знаю. Но сам я, видно, тоже не нужен. И зачем вы это затеяли — какой-то юбилей сочинили, как курам на смех... — И он поднялся со стула и решил уходить. Но его стали отговаривать, а он не сдавался и даже надел свой плащик... И тогда редактор догадался о его состоянии и стал звонить главе района. Редактор, видимо, что-то задумал, но в телефоне — только короткие гудки. А минут через десять он опять позвонил, и девушка из приёмной раздражённо сказала, что Григорий Семёнович сейчас работает с документами и отвлекаться не может. И телефон замолчал, а лицо у редактора сразу как-то передёрнулось, побледнело, и Василий Петрович теперь окончательно понял, что на него просто махнули рукой. И с такими мыслями он пошёл домой. А на душе такая тяжесть, как будто схоронил самого близкого друга.

Конечно, за свою долгую жизнь он уже привык к печалям. Как говорят — пообвыкся. А самая главная печаль была в том, что детей у них с женой не случилось. Наверно, это Божья кара за что-то, ведь любой из нас —

в тяжких грехах. Но всё равно человек мечтает о радости, и потому они взяли на воспитание сиротку — родного племянника, родители которого погибли в автоаварии. И был этот мальш — одна жалость. Взглянешь на него, — и горло сожмётся: такой он худенький, крохотный, похожий на куколку. Тронешь за плечики, а там — одни косточки. Сожми посильней — и сломаются косточки, но зато по характеру — весёлый, как ручеёк. И звали его Ваней, Ванечкой, и в это имя они сразу влюбились. Но только не долго звенел ручеёк. Ванечка прожил с ними всего два года, а потом свалилась беда — приёмш утонул в Тоболе по весеннему льду. Горе какое — не пережить, да и они с Любушкой виноваты: отпустили Ваню к Нине Павловне, к тёще. Правда, он вначале был против, но жена настояла: пусть, мол, сынок побегает на воле, подышит. Ведь весна кругом, какой воздух! Так же, наверно, думала и мать её, потому что отпустила внука поиграть за ограду. А там сразу нашлись друзья, которые и сманили Ваню к реке. И на льду начались у них игры. И никто из них не подумал, что играют со смертью. И доигрались: лёд провалился. Стали кричать, но вблизи — никого. Правда, берег-то рядом, и те, кто покрепче, выбрались на сухое, а самый слабенький утонул. И это был Ванечка — отзвенел ручеёк...

Его долго искали, даже из города вызывали спасателей, но где же найдёшь... А вскоре пришла большая вода — половодье, и Ванечку, видно, унесло в океан. Унесло, схоронило, и теперь его худенькое тельце тает где-то в холодных глубинах, а может, уж ничего от этого худышки не осталось — только душа. И вот она-то и навещает всё время, напоминает: жива, мол, я, жива и жива, и ничего вам не простила и не забыла, вы же не сберегли меня, не сумели. И такие упрёки поджидали часто, когда и не ждёшь...

И вот сейчас он снова вспомнил о Ванечке и сразу замедлил шаг. А потом и вовсе остановился, потому что заньло в груди. И сразу отяжелели ноги, как будто увязли в песке. Такое и раньше бывало, но к этому не привыкнуть, потому что в такие минуты откуда-то вылезает страх. Особенно страшно за сердце, ведь оно, родимое, точно срывается с места и куда-то спешит и торопится, как будто сади погоня. И вот опять всё повторилось, но теперь по-другому. Но что толку, ведь всё равно тяжело дышать, и сердце ворочается где-то у горла. Теперь бы куда-то присесть, но куда? Глаза озираются и что-то мучительно ищут, и, наконец, находят. Совсем рядом с ним — заброшенный сквер, а там — скамеечка под кустами сирени. На неё-то и плюхнулся Василий Петрович и с трудом отдышался. И когда выровнялось дыханье, он даже повеселел, ведь в такие минуты как бы заново оживаешь. В честь этого даже достал сигарету. Помял её в ладони и близко-близко поднёс к глазам, точно впервые увидел, а потом бросил под ноги. Курить расхотелось, и он даже приказал себе: “Давай-ка, забудь эту гадость! Надо же когда-то забыть...” — Он пробормотал это вслух и сразу же огляделся — вдруг кто-то услышал. Но вокруг никого, только слышно, как шевелятся листья сирени. Ветра не было, но листочки всё равно шелестели, подрагивали, точно хотели что-то сказать. И какие запахи! Наверно, много здесь разной мяты, полыньки, и всё это дышит, волнуется, а самое главное — утешает. И он даже закрыл глаза. Можно подумать, что он задремал, но это не так: Василий Петрович всё слышал и чувствовал, да и мысли, как живые горошины, перекатывались в голове, принося печаль. Он попробовал переключить себя на другое, и стал думать о Любушке, о семье. Но как-то сразу, в то же мгновение мысли точно стукнулись о какой-то забор и замерли в ожидании. А чего ожидать-то, если Любушки уже нет на земле, да и дети были только в мечтах. И он рассмеялся: вот и сиди, мол, мечтай и не дёргайся, а лучше побереги свои нервы, ведь вокруг тебя пустота, голое поле, и пора бы привыкнуть. Но как к этому привыкнуть, как?... А потом поднялся и самый главный, самый тяжёлый вопрос... Но если вокруг тебя пустота, чёрная яма, то для чего ты вообще живёшь, точнее, доживаешь? А ведь это правда: день ко дню — и прошла неделя, а потом и другая неделя прошла, а впереди — никаких надежд, совсем никаких. Особенно после того, как побывал в больнице. И больница была серьёзная — областной онкодиспансер. Там ему сделали операцию на желудке, — “вырезали совсем пустячок...” —

объяснил хирург и сразу же успокоил: страшного, мол, пока ничего, это пока начальная стадия. Правда, мол, необходимо облучение, ведь болезнь с характером, и нужно подстраховаться. Но пока всё путём, да и организм, мол, ещё не изношен... И больше ничего не сказал хирург, но всё равно — точно опустил в яму. Да и виновато, наверно, это слово “пока”, повторённое трижды, ведь он-то ждал, что его успокоят, утешат, а ему всего лишь дали отсрочку. Да, отсрочку от последнего часа... И с того дня всё пошло кувырком, и он жил, как приговорённый. Так что какие теперь желанья — разве только заказывать гроб. А ведь совсем недавно он о многом мечтал, строил планы, великие планы. И даже книгу замыслил о своих земляках — какую-то добрую, светлую книгу, — и хотелось назвать её красивым и редким словом. Можно было даже использовать пушкинскую строку — “однозвучной жизни шум”... О, Господи, когда это было, да и было ли — может, только снилось, мечталось, может, только... “Но нет, нет, это неправда, — вдруг ожил в нём какой-то решительный голос. — Ведь лежат где-то даже черновики и наброски к книге. Вот найти бы их, оживить... Но только зачем, кому это нужно? Да и время сейчас другое. У всех в голове только деньги, да и книг никто не читает. Даже от личных библиотек избавляются, выбрасывают книги прямо в сугроб, на помойку. И не стыдно, не страшно. Ведь даже Пушкин не нужен — и его, родного, туда же, в большое мусорное ведро и за дверь. И никто не прекратит это зло, беспредел. И хоть бы какой-нибудь островок среди этого зла”. Ведь и в редакции — те же печали. А он-то вначале радовался этому месту. Ради газеты даже оставил родную школу, где ему предлагали вести уроки литературы. Это было сразу после института, но он променял своё учительство на газету. И даже переехал в райцентр. И там, в редакции, нашёл то, что искал. Ему поручали самые тяжёлые задания, и он выполнял их с честью, доводил до конца. И такое продолжалось из месяца в месяц, и он даже заработал прозвище Правдолюб. Но потом...

Да, потом что-то случилось: то ли надоели ему чиновники, то ли он понял, что его правда никому не нужна. Ведь всем в районе правила партийная власть, а спорить с ней — удел идиотов. А он и не спорил, а жил теперь по инерции: прошёл день — и ладно, а потом и второй день прошёл, и третий, а потом и месяц промелькнул, как не бывало. Ведь целый месяц — и как хорошо! Да просто чудесно, потому что ни с кем не поругался и не судился, и даже благодарность получил от редактора. И так бы дальше жить-поживать, но подкачала душа. В ней всё равно что-то распалось, разладилось, и начались вопросы, сомнения. Поднялся и самый главный вопрос: ну, почему ты так рано сдался, почему боишься начальства, почему... почему? А раз начались вопросы, то после них и подкралась болезнь. Но вначале он ничего не заметил — мало ли что у человека болит! А болезнь всё равно жила уже где-то рядом, за каким-то кустиком, бугорком. Она сидела там и ждала, выжидала. Так же охотник порой выслеживает зайчишку: спрячется где-то в засаде и караулит каждый шорох. Но вот показались серые ушки — и грянул выстрел. И часто пуля не убивает, а только ранит, и это хуже всего. Ведь теперь зайчишка — подранок и кандидат на тот свет. Вот и Василий Петрович теперь такой же подранок. Его, правда, всё ещё держали в редакции, но он понимал, что это из жалости, а это — беда. И он не выдержал и написал заявление, а там — всего несколько слов: “Прошу уволить по собственному желанию”... Его, конечно, сразу уволили, ведь зачем возиться с больным человеком, приговорённым. А вскоре и Любушка умерла, так что было одно горе, а стало два, и он ушёл в своё одиночество, стал сторониться людей. А те тоже о нём забыли. “Да, да, забыли и отвернулись, так что не удивляйся, что начальство не заметило твой юбилей... Не удивляйся”. — Последние слова он произнёс опять вслух и опасно оглянулся. Но вокруг — по-прежнему тихо, бесплодно, только мелькают какие-то блики, и это пугает. Но, может, просто устали глаза. Он поёжился и поднял воротник плаща. Со стороны можно было подумать, что он хочет от кого-то спрятаться, затаиться. И это — правда, ведь в последнее время, после больницы, ему постоянно кажется, что все на него смотрят как-то жалостливо, прощально, словно бы заранее хоронят и отпевают. Ну конечно же, это так, потому что

знают, что он уже не жилец, что все сроки его прошли и скоро-скоро наступит последний час. И это ожидание конца — мучительно, страшно... Так что лучше бы сразу, без промедленья. Конечно, это лучше, и меньше боли, это было бы, как подарок... “О, милые мои, чего это я? Какой подарок, чего ты несёшь?..” — Он опять сказал это вслух и закрыл глаза. А потом снова громко-громко что-то забормотал, но это уже были не слова, совсем не слова, а какие-то клочки и обрывки. И так продолжалось с минуту, не больше, а потом наступил провал — тишина, и он достал сигареты. Но прикурить долго не мог, спички почему-то ломались, не зажигались, наверно, потому, что дрожали пальцы. И он на себя разозлился: “Ну, чего ты расклеился! Постыдись!..” — И слова опять были резкие, как приказ, но вдруг всё изменилось, куда-то ушло, и он заговорил шёпотом, как заговорщик: “А что если... если... Ну, давай договаривай и только не трусь, не прячь голову, а сделай сразу... Да сразу, без промедленья. И можно даже сегодня, ну, конечно, сегодня... Но только не трусь, не откладывай. Вот придёшь домой и возьми горсть таблеток. Ну, тех самых, которые от бессонницы. И ты их целую горсть — в себя, ведь в этом спасение. И сразу — прощай все страхи, мучения, и ты заснёшь навсегда — вот и делов-то... Всё равно когда-нибудь умирать, так что лучше уж сразу”... — он скривил губы, наверно, хотел улыбнуться, но вместо улыбки получилась гримаска. А потом посмотрел на небо. А там начинался праздник. И он назывался — звёзды...

Эти звёзды стояли так низко, что можно было до них даже дотронуться, если позволят. Придя домой, он быстро подошёл к книжному шкафу. И вот уже в руках у него — толстый блокнот в кожаном переплёте. “Ну, здравствуй, Ванечка! Давненько мы с тобой не общались, не разговаривали...” На первой странице — крупный заголовок, выведенный густыми чернилами: “Жизнь нашего Ванечки, описанная отцовской рукой”. Он ещё пролистнул несколько страниц и начал читать: “Сегодня 20 мая 1998 года. Сегодня мне стукнуло пятьдесят. Старость я решительно отменил и прогнал за дверь. И это случилось тогда, когда у нас появился Ванечка — наш сыночек. А появился он недавно, всего месяц назад. Всего только месяц, но это были дни нашего счастья, которое всё ещё продолжается, и моллю Бога, чтоб никогда не кончилось. И теперь у нас всё по-другому: моя Любушка сразу помолодела, а сам я уже не хожу, а летаю, как будто мне двадцать лет. А вот наше Ванюше только четыре годика. Говорят, что это самый волнующий возраст, и потому я буду записывать всё самое главное из жизни нашего сына. Правда, мне трудно отличить, где главное, а где пустяки. Но пока я твёрдо знаю, что мы с Ванечкой поедem в Михайловское к Пушкину. И это случится, когда сыночек подрастёт. А сейчас я буду жить с этой мечтой. Ведь у всех православных есть такая мечта: одни хотят побывать у Гроба Господня, другие — поклониться могиле поэта, а он для них — такой же святой. И когда я побываю в Михайловском, то возьму горстку земли с этой могилы и вложу её в ладанку, которую носят у сердца. А потом подрастёт наш сыночек, и мы соберём его в первый класс. И вот тогда я вручу ему ладанку, и она будет у него рядом с нателным крестиком. Господи, дожить бы до этого дня...” — И в этот миг чтение остановилось, у него зарябило в глазах, наверно, очень устал. Ведь позади такой трудный день. И он тяжело вздохнул, расстегнул ворот рубашки, чтобы легче дышалось, потом подошёл к окну. Оно было закрыто, и он прислонился лбом к стеклу и стал рассматривать улицу, но там — никого. Только в доме напротив светятся окна. “А может, зайти сейчас к Ольге Ивановне? Посидеть, поговорить по-соседски... Но как зайти, ведь она даже его не поздравила”. Он усмехнулся, передёрнул плечами. “Ванечка с нами уже целый месяц. И за это время он только раз спросил, где его папа с мамой. А мы с Любушкой сказали, что они уехали в санаторий лечиться. Ничего лучшего мы не придумали, но Ваня отнёсся к нашему сообщению очень спокойно и даже улыбнулся. Он просто приподнял голову с подушки, а глаза весёлые, и на лице — улыбка. И какое счастье смотреть на него, даже описать невозможно, даже слова пропадают... А может, Ванечка уже любит нас?.. Может, может, а разве не так? Но если даже это мечты, всё равно хорошо, как будто жизнь ещё в самом начале. О, Господи,

прости меня грешного, недостойного, но я не знаю, что с собой делать. Такая во мне наивность, мальчишество, а ведь прожил уже целых полвека и жить ещё собираюсь. Но как жить, как сохранить душу свою на наших ветрах? Вот сейчас на каждом шагу клеймят коммунистов и то советское время, но ведь взамен ничего не предлагают. Зато сделали из денег какое-то божество. И все на него молятся, почитают, а ещё поголовно воруют. И куда ни придёшь — везде у тебя выворотят карманы. И не приведи Бог заболеть или решиться на операцию — потом до самой смерти будешь в долгах. Особенно жалко детей. Порой, включишь телевизор, а там объявляют сбор денег для какого-то Коли или Тани, Наташи. Им нужны деньги на лекарства, без которых они просто умрут. Тяжело это, страшно, и я сразу нажимаю на кнопку. Но голова-то уже раскалилась: ну, почему нет денег даже для самых маленьких? А может, разворовали уже всю казну? Зато под окнами у нас вереницы самых дорогих и шикарных машин. А кто в них сидит — не буду судить. Но Господь-то всё видит и знает, так что никто не уйдёт от суда Его. А сам я только об одном прошу Отца нашего, чтобы Он дал Ванечке побольше здоровья, чтобы не попал сынок к этим врачам-торгашам. Но не буду больше продолжать, — буду, потому что опять меня занесло не туда. Ведь я назвал нашего Ваню — сынком, а это — пока мечта. Правда, часто мечты сбываются, разве не так?..

А пока каждый день для нас — праздник, потому что наш Ванюша — очень живой, неуёмный. И за ним нужен глаз да глаз. Вот вчера к нам в створочку залетела бабочка, и такая красавица — прямо слов не найду. Но от красоты часто беда, и сынок потянулся к ней и выскользнул из кровати. А она у нас высокая, больше метра от пола. И он выпал из неё, а внизу — голый пол. Но сынок даже не всхлипнул. Но у меня-то сердце зашлось, а Ванечке — хоть бы что, значит, крепкий будет мужик, хоть пока и худышка. Но если честно, то мы к нему ещё не привыкли, и потому каждый день — чудеса. Но лучше сказать — кино. К примеру, нас удивляет, что он часто сосёт кулачок, как конфету. И в глазах столько радости, точно выиграл миллион. Но ой-ой, о чём это я? Ведь про деньги он ещё знать не знает, и слава Богу. А главное, что глазёнки играют, потому что каковы глаза — такова и душа. А они у него, как синие льдинки. И они горят, вспыхивают и не отпускают от себя. Я только раз в жизни видел такие глаза. А было это давно, ещё в детстве, когда я ходил в пятый класс. Тогда к нам в деревню приехали гастролёры — московские артисты, и мы пришли в клуб смотреть на этих циркачей. Пришли и увидели много чудес. А главное чудо — девчонка-гимнастка. Она порхала по сцене, как птичка, и вся была лёгонькая, беленькая, как голубок. И всё на ней трепетало, играло и тоже было готово взлететь. И всё поражало, особенно белизна. Она хлынула на нас от её белого платица, от белых чулочек, от белого платочка на голове, от лица. А на прекрасном лице — эти глаза. Я увидел тогда их совсем близко, так близко, что даже зажмурился. И меня можно понять, ведь я окунулся с головой в синеву... А потом случилось то, чего и не ждали: девочка выбежала в зал, чтоб собрать подарки, и кто-то стал бросать ей в сумочку конфеты, монетки, а кто-то просто благодарил словами. И вот она уже стоит передо мной и громко шепчет: “А ты, мальчик, чем нас порадуешь?” И я даже дышать перестал, а она снова: “Ну, чем?..” И мне стало стыдно, потому что в карманах у меня было пусто, и я продолжал молчать. А девочка, наверно, обиделась, потому что сердито блеснули её глаза. И опять синева обожгла меня, напугала. Вот такие же глаза и у нашего Ванечки. Такие же синие, как льдинки. Но лучше сказать, как искорки, и так же горят и мерцают...

И эти глаза постоянно следят за птичками. Очень их любит сынок, прямо сходит с ума. Увидит, к примеру, на клёне сороку и начинает махать руками, а сам весь на взводе и что-то кричит. И не понять ничего, а глазёнки сияют. Он у нас и курочек обожает. Но это легко сказано — ему надо с ними дружить. Да, да, это правда. Увидит где-нибудь соседскую курочку и сразу за ней, а сам волнуется и бормочет — ко-ко-ко. А курочка от него наутёк, а он за ней и ничего перед собой не видит, не чувствует — такой у него азарт...

А об игрушках скажу особо, их у него целый склад. И в основном — грузовички, самосвалы. Любушка покупает их каждый день, и её не остановить никак. Но новой машинки ему хватает ровно на час. Он их разбирает, ломает и постоянно стучит ими по стенам, по мебели и кричит на весь дом: “Авария, авария!!” А то начнёт игрушки подбрасывать кверху, а сам что-то бормочет и восклицает — вот какой у нас сын. Моя Любушка как-то сказала, что он у нас — Маугли, такой же вольный, природный. Она так сказала, и я обиделся: какой же он Маугли, если он наш сынок. И моя Любушка покраснела, словно бы виновата, но я сразу обнял её и прижал к себе, и мы быстренько помирились. Да и расстраивать её не нужно, ведь она у меня вся в чувствах, в терзаниях. Недавно её опять упростили вести литературу в старших классах, и она, как на грех, согласилась. И вот теперь перед нами вопрос: что будет с нашим Ванечкой и как нам жить? Потому что мне к восьми утра надо в редакцию, а Любушке — в школу, а как же сынок?.. Но, наверное, мы поступим так: будем отводить его на весь день к Нине Павловне — моей теще. Она живёт, правда, далеко от нас, но зато среди чудесной природы, и Тобол прямо под окнами, и в огороде у неё — оазис. Так что Ванюша целыми днями будет теперь у бабушки. И какое доброе это слово, какое-то даже родное, старинное — ба-буш-ка! Вот и я скоро начну стариться и сделаюсь дедушкой. А что поделаешь? Время ведь, как вода, и не удержишь её в ладонях, всё равно убежит меж пальцев”.

Василий Петрович поднялся со стула и прошёлся по комнате, потом включил настольную лампу. А для чего включил — сам не знает, ведь над головой уже горит большая люстра. И теперь стало ещё светлей. Но это хорошо, потому что глаза уже плохо видели, — он погубил их в редакции. И виноваты постоянные ночные дежурства и вечное нервное напряжение, ведь он пережил на своём веку двух редакторов, и каждый был по-своему деспот. А последний даже любил повторять: “Умри, но дай в номер сто строчек...” Вот и умирал на работе Василий Петрович, и часто по десять часов не поднимался из-за стола. Даже вспоминать тяжело, и порой шёл в редакцию, как на казнь. И это было тогда, когда начинались в районе сезонные работы — уборка хлеба, заготовка кормов — или приходило самое тяжёлое — выборы. А выбирали кого-нибудь постоянно — то депутатов в районную Думу, то в областную, а то самого губернатора. И в эти дни в редакции — сплошные авралы, командировки, какие-то срочные задания. И за всё надо платить, надо, надо... Платить своим здоровьем и бессонными ночами. Вот и сгубил тогда свои глаза и нажил гипертонию...

“Его уже нет с нами, но это неправда. Он никогда для нас не умрёт, никогда. Вчера было десятое мая, в этот день ему бы исполнилось шесть лет. И рано утром, когда все ещё спали, я сходил на то место, где погиб наш сынок. И сразу вышел на обрыв, огляделся, ведь Тобол нынче опять удивляет: вода в реке мутная, нехорошая и вся в воронках. Что поделаешь — наводнение, природе не запретишь. А я стою на обрыве, на самом высоком месте, и со всех сторон ветер, и начинается дождь. Но что мне этот дождь, если мои мысли далеко, далеко. И я вспоминаю, мучительно вспоминаю тот злополучный март. Ванечка всё равно живой, я даже слышу его дыханье. Ведь только глаза закрою, и снова он рядом, можно даже потрогать. И часто вижу его в кровати. Он лежит там и что-то лепечет, губы вытягивает, но слов не пойму. Да и что понимать, если чувствую, что ему возле нас хорошо, — глазёнки так и играют. А мы с Любушкой всё замечаем и стоим возле кровати. И даже дышать боимся, ведь там лежит наше чудо”.

Василий Петрович тяжело вздохнул и отложил дневничок. Он не смог дальше читать, не выдержал, потому что в глазах опять поднялись эти двое. Поднялись и никуда не уходят. Но ведь нет уже их и не будет. Постою с минуту в раздумчивости и стал открывать створочку. Но открывалось с трудом, и он дёрнул посильнее, и сразу из притвора выпала какая-то красненькая открытка. Он поднёс её близко-близко к лицу и глаза прочитали: “Дорогой Василий Петрович! Заходила к Вам и хотела поздравить, но Вас не застала. А зайти ещё раз не смогла — заболела серьёзно дочь. У Настеньки температура под сорок и заложило в груди. Я боюсь воспаления лёгких, ведь сырость

кругом, весна. Сейчас сижу возле Настеньки и чуть не плачу. Я же медик маленько и знаю, как это серьёзно. Но будем надеяться на лучшее, того же и Вам желаю. И потому — с юбилеем! Сердечно с Вами — Ольга Ивановна”.

Он прочитал всё это и вдруг почувствовал, как виноват перед соседкой. Ведь он-то думал, что она не зайдёт к нему, не поздравит, забудет. Нельзя так ошибаться, нельзя.

Улица была совершенно пустая. Стояла глубокая настороженная тишина, даже собаки не лаяли. И он рассмеялся: “Видно я один такой полуночник...” А ноги уже плохо слушались, и он с трудом переставлял их, но они всё равно шагали, шагали. Так прошло минут десять, а может, и побольше, и он остановился, чтоб отдохнуть, а потом посмотрел на небо. Там такое же безмолвие, тишина. Звёзды куда-то двигались, перемещались, но всё это тихо, беззвучно. Но смотреть на них — всё равно утешение.

Василию Петровичу хотелось побыстрее выйти к реке. Она где-то ещё таилась и укрывалась, хотя в воздухе стоял уже густой, сыроватый запах — так пахнут часто речные кувшинки или камыш. А вот и сама река. Берег был высокий, обрывистый, и Василию Петровичу захотелось постоять на обрыве — там больше воздуха и простора для глаз. Так и есть — дышалось здесь легче, свободнее, зато тело облепили какие-то мошки, но он догадался, что это усталость, и хорошо бы куда-то присесть. И тогда глаза отыскали сухой пригорочек — чем не сиденье! — к тому же совсем рядом, прямо у ног, плескалась река. Там что-то постоянно оживало и вздрагивало, как будто в воду бросали камни. Но это, конечно, играла рыба, и он скоро привык к этим звукам, и они даже успокаивали и умирляли нервы. Зато воздух, какой воздух! Не надыхаться! Так пахнут ранней весной луговые травы, но здесь запахи были ещё гуще, сильнее. И это потому, что на другой стороне Тобола разметнулась берёзовая роща. И эта роща сейчас, в середине мая, вся зеленела, благоухала, и чудесные запахи надвигались с того берега, и нельзя от них было никуда укрыться, да и зачем? Ведь душа уже радовалась и без конца повторяла: “Как хорошо здесь, чудесно...” А сверху как-то внимательно, по-матерински поглядывала луна. И Василий Петрович поднял глаза на неё и тихо-тихо сказал, даже не сказал, а прошептал: “Какая ты всё же красавица, не отрывал бы глаз...” И луна, наверное, поняла его, потому что засияла ещё сильнее, уверенней, и Василий Петрович разволновался. Он даже привстал с пригорочка и осторожно спустился к воде. Вдохнул полной грудью и огляделся. Вокруг — пусто, бело, и лунный свет над водой, как серебряный, даже больно глазам. Он постоял так с минуту, и вдруг в голову зашла странная, совсем не понятная мысль: “А что я здесь делаю? То ли кого-то жду, то ли встречаю...” Но эта мысль, едва возникнув, сразу оборвалась, потерялась, потому что её спугнули какие-то непонятные звуки. Василий Петрович даже затаил дыхание, и скоро все страхи его прошли, как не бывало. Да и какие тут страхи, если душа уже поняла, догадалась — это же соловьи! Но всё равно не было полной уверенности, понимания — ну, и пусть, ну, и что же! Ведь всё равно эти звуки были уже рядом, совсем рядом, где-то на расстоянии ладони. Василий Петрович вдохнул полной грудью и закрыл глаза, а звуки всё так же дробились и таяли, и вместо них поднимались другие, и всё это томило, укачивало, точно во сне. Но иногда они куда-то пропадали, проваливались, потом возникали снова и снова, и были ещё лучше, сильнее. И он не сдержался и как будто выдохнул из себя: “Будем жить, дорогие мои! Будем, будем, и я вместе с вами...”

В ногах откуда-то появилась сила, уверенность, и ему показалось, что он сбросил с десятков лет. Пахло сыростью, камышом, ведь он опять шёл вдоль берега, и где-то рядом жила река. Он тяжело вдохнул и поднял глаза на звёзды. Они почему-то не давали ему покоя. Они как будто хотели что-то сказать или что-то напомнить, но не пришла ещё та минута. Он передёрнул плечами и улыбнулся. Очень ехидно улыбнулся, прищурился, а в глазах поднялся упрёк, и это был упрёк самому себе, и опять заговорила душа: “Я ведь тебя вижу насквозь, дорогой Василий Петрович! И не надо тебе врать и оправдываться, ведь грехов у тебя — полный короб, можно даже кому-то отсыпать. Да, да, дорогой, и не спорь! А лучше помолись и покайся. Ведь где-то

рядом погиб твой сынок, и душа его, поди, рядом. А сейчас смотрит на тебя и надеется, ждёт. Так что покаяйся...” И Василий Петрович приподнял голову, огляделся: на воде мерцали светлые блики, и они то сбегались, то разбегались, и ему почудилось, что они живые и похожи на змеек. Конечно, похожи, ведь такие же юркие, быстрые, их не поймаешь и не поддержишь в руках. И Василий Петрович устало закрыл глаза. “Ты же сам во всём виноват, только сам... Да, да, виноват, и не спорь. Тебе же взятку подсунул Завьялов, и ты проглотил её, как наживку. И проглотил, не моргнув. А если б Ванечка вырос и спросил у отца, на чьи деньги их дом построен? И как бы ты ему ответил? Неужели стал бы обманывать сына, ловчить... Нет, конечно, не стал бы, но тогда — что бы ответил?..” Ему стало трудно дышать и заболело под левой лопаткой. И боль поднялась в плечо, потом в руку, и он стал перебирать в уме какие-то стихотворные строчки, — иногда это помогало, — помогло и сейчас. К тому же отвлекли голоса. Он огляделся и сразу заметил на другом берегу какое-то движение и даже услышал стук топора. А потом мелькнул огонёк, и Василий Петрович насторожился: что это, что? И вот уже огонёк превратился в костёр, и сразу от души отлегло, — значит, это туристы. Но всё равно ещё не было полной уверенности, и он снова прислушался, даже приподнял голову. Теперь голоса звучали громче, отчётливей, и среди голосов возник женский смех. Это почему-то совсем успокоило, и он закрыл глаза. И так прошло минут пять, а может, и больше, и голоса стали слабеть, истончаться, и скоро тишина окутала всё, как одеялом, и оно было тёплое, пуховое и принесло с собой чудо. Ну, конечно, чудо. Разве это не чудо, если он вдруг куда-то полетел, воспарил... А чудо не кончалось, а даже наоборот — его делалось больше, всё больше, и теперь он видел, отчётливо видел, как там, на земле, растут деревья и травы, как передвигаются взад-вперёд машины и люди, как летят куда-то молчаливые белые птицы. Но откуда они — эти птицы? Может, это какой-то мираж, наваждение, и он просто задремал и ушёл в себя, и сейчас всё пройдёт, и спадёт пелена.

Василий Петрович ещё раз взглянул на реку и застегнул плащ на все пуговицы. В воздухе стало прохладно, подул ветерок. И скоро падёт роса. “О, Господи, мне-то что до этого... А может, ты снова трусишь, убегаешь в кусты?... Хватит ныть! Прекращай! Жизнь ещё не закончилась. И не зарывай себя раньше времени...” Он сказал это вслух и огляделся. Улица по-прежнему была пустая и стояла вся в белом. Это цвела черёмуха. Её было так много, что она заполонила всю улицу. И какие запахи! Возле дома Ольги Ивановны он остановился. В окнах вспыхивали голубоватые огоньки, — наверное, работал телевизор. И он подумал: а может, зайти сейчас, навеситить? Но только почему в доме всё перепутали? Ведь скоро уже утро, а там, поди, не ложились. И вдруг дошло до него и сразу отнялось дыхание: а может, с Настенькой плохо, ведь в открытке сказано, что она заболела. Господи, но что же случилось? А может... Может... Может, Настенька уже умирает? Но нет, нет, так не будет! И ещё что-то пронеслось в голове, но его оглушила машина. Она загудела под окнами и остановилась напротив. Это была “скорая”, и Василий Петрович сразу бросился к двери. А вот и крыльцо, и он чуть не упал с него, но удержался. Сердце бешено колотилось, и он не помнил, как выбежал на улицу, как оказался у дома напротив. Ворота были закрыты, и он стал стучать в них изо всех сил.

.....

*Уважаемого Виктора Фёдоровича поздравляем с юбилеем!
Желаем крепкого здоровья, светлых дней и добрых читателей!*

Коллектив журнала “НС”

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ

ЦАРЮ ПРИРОДЫ

Человек обязан защищать права животных независимо от того, нужны они ему в хозяйстве или нет.

Академик Дмитрий Лихачёв

Тревогу за обострение отношений с “братьями меньшими” сегодня ощущают многие. Разговор о них необходим. Тем более что нынешний год объявлен Годом экологии, которая предполагает и сбережение животного мира, деятельную защиту его. Мы должны осознать, что он нуждается в этом. И вполне заслуживает истинно братского внимания к себе. Словам академика Лихачёва, вынесенным в эпиграф, предшествовали такие: “Дельфины, киты, слоны, собаки, как теперь уже неопровержимо доказано, мыслящие существа”. Думаю, многие согласятся с ними и назовут ещё дюжину “продвинутых” животных и птиц, у которых сами наблюдали проявления “смекалки”. Да и за века до нас люди знали и чувствовали это.

Вспомним хотя бы древний миф о льве и беглом рабе Андрокле. Скрываясь в пустыне Африки, он помог страдавшему льву извлечь из лапы огромную колючку. Позднее судьба их свела в римском цирке, куда хозяин отдал пойманного беглеца на съедение зверям. Но когда обречённого раба вывели на арену, грозный лев, выпущенный на него, вдруг замер перед ним и лизнул в лицо. Он оказался тем самым львом. Тронутая публика запросила пощады Андроклу. Император даровал ему жизнь и разрешил взять с собою льва. Примечательна концовка мудрой легенды. С той поры, завидев на улицах Рима странную пару, одни говорили: “Вот человек, который спас льва”, – а другие отвечали: “Вот лев, который спас человека”.

И сегодня в нашей жизни немало свидетельств “человечного” поведения животных. Многие слышали о дельфине, который спас пловца, тонувшего у берега Крыма, о кошке Машке из Обнинска, согрешившей в коробке младенца, “забытого” мамой на лестничной площадке, о чутких собаках, что помогают очищать от мин селения в Донбассе. В отношениях между собою “мыслящие существа” также подают удивительные примеры дружбы

и верности. Не знаю, права ли поговорка, что, мол, гусь свинье не товарищ, но вот в нашем сельском дворе телёнок с поросёнком дружили тесно. Утром я провожал их за огороды на полянку, где они вместе паслись, а к вечеру возвращались домой. Но однажды боровок явился без друга, нервный, беспокойный. Заметался между мной и воротами. Я выпустил его и пошёл за ним. Однако он повёл меня не на полянку, а в соседний двор брошенного дома и там подбежал, повизгивая, к раскрытому погребу. Из ямы донеслось мычание телёнка...

Недавно один православный батюшка писал в Рунете, что через подобные “сверхприродные” поступки животных Господь призывает нас к отказу от “зверства” и к покаянию. Возможно, и так. Тем более, что наши “зверства”, увы, множатся, как вольные, так и невольные. Всё ширятся промышленные города и посёлки, чадающие заводами и шахтами, прокладываются железные и асфальтовые дороги, перекрываются реки, вырубаются леса и осушаются болота... И всё урезается “жизненное пространство” для “братьев наших меньших”. Сужается ареал их обитания, сокращается численность. К тому же, не редуют, а пополняются ряды “любителей природы” — охотников и рыбаков, орудия убийства и лова у которых становятся всё изощрённее и губительнее.

Но самое страшное — ужесточаются нравы людские, в том числе и по отношению к живой природе. Всё чаще долетают до нас вести о варварских поступках иных дичающих соотечественников. То с острова Врангеля, где повар строительной бригады, подкормив белую медведицу, взял да угостил её взрывпакетом. То из Якутии, где вахтовики “наехали” мощными “Уралами” на бурого медведя, а потом добились его железным прутом. То из Хабаровска, где некие “озверевшие” школьницы (девчонки!) додумались ловить бездомных собак и кошек, забирать сбываемых “в хорошие руки” и затем казнить их мучительной смертью. “Хабаровскими живодёрками” они прозваны в народе, и поделом.

Этот уже запредельный случай встревожил многих. И недаром в прессе, в парламенте страны заговорили о необходимости защиты прав животных, о принятии специального кодекса, ибо “всё живое обладает естественными правами”. Пожалуй, особо нужен он в наших сибирских краях, где ещё, слава Богу, есть кого защищать в мире копытных, пушных и пернатых, диких и домашних. Все мы ответственны за сохранение этого наследства. О чём я и попытался напомнить в скромных строках, посвящённых живой природе.

ПРОЗРЕНИЕ

Ходил недавно по Амылу,
Реке порожистой, шальной,
Совсем один. И что-то было
Невыразимое со мной

Среди лесов и гор Саянских,
Среди зверей и птиц, и вод...
Был приступ нежности и ласки
Ко всем, кто дышит и живёт;

Ко всем, кто любит и страдает,
И знает слёз горючих соль,
И в голос плачет и рыдает,
Когда испытывает боль.

Паслась косуля на поляне,
Играл козлёнок на траве.
“Они такие же земляне”, —
Мысль промелькнула в голове.

Зачем свою гордыню тешим
Постыдной властью над зверьём?
Зачем мы “братьям нашим меньшим”
Житья на свете не даём?

Летел спеша и как-то косо
Журавль-монах по-над рекой.
“Вот вымирающая особь”, —
О нём подумал я с тоской

И вдруг прозрел, мне стало ясно:
Поскольку я безумно жил,
То, значит, тоже к книге Красной
Невольно руку приложил.

ПЕНОЧКА

Где наше, о люди, величье?
Большие сомнения в нём,
Коль пеночка, малая птичка,
И та нам — Ньютонов бином.

Представьте: от нас, с Енисея,
И к Нилу, за тысячи вёрст,
Полёт ей порою осенней
Посилен вполне, коль не прост.

Да что с Енисея — с Камчатки,
Не слышима и не видна,
Летает в Египет ли, в Чад ли
С таким же успехом она.

Погреется там, а весной
(Возможно, по компасу звёзд)
Она добирается снова
До нас, до родительских гнёзд.

Вернуться в родные пенаты
Душа её птичья зовёт...
Какой же ещё навигатор
В пернатом комочке живёт?

В СНЕГИРИНОМ КРАЮ

Мы живём в снегирином краю,
Где в снегах стынут сосны и ели,
Ну, а всё-таки птицы поют,
Несмотря на мороз и метели.

Улетают вьюрок и угод,
Злата иволга и иже с нею...
Но снегирь, как несорванный плод,
И зимою на ветке краснеет.

Наш воробушек — не соловей,
И сороки петь не мастерицы,
Но как дивно звенит меж ветвей
Эта малая алая птица.

Я подслушал на зимней заре,
На студёном багряном восходе,
Что и даже полёт снегирей
Полон тонких волшебных мелодий.

Нет, не зря нам при встречах снегирь
Каждый раз представляется чудом,
И поэты рифмуют Сибирь
С этой птахою пламенногрудой.

ЦАРЮ ПРИРОДЫ

Опомнись и раскрой глаза,
Разумный человече!
Какой дурак тебе сказал,
Что мир подлунный вечен?

Тут превратилась в пыль гора,
Там испарилось море,
Вверху — озонная дыра
Зияет всем на горе.

Не стоит выть по волосам,
Когда башки лишишься,
Но виноват во всём ты сам —
И в синяках, и в шишках.

Зачем был так жестокосерд:
Лес изрубил в капусту,
И нефть всю высосал из недр,
И уголь выгреб — пусто?

Перестрелял зверьё и птиц,
Поотравил все воды...
Не от стыда ль раскрыть зениц
Боишься, “царь природы”?

Бог дал тебе одни права —
Сберечь и приумножить.
Твоя недаром голова
На шар земной похожа.

ПЕГАШКА

Подо мною пегий мерин,
Копны к стогу я вожу,
Между “африк” и “америк”,
Как на глобусе, сию.

Стогоправы, кашевары,
Сеномётчики, косцы,
Волокушников орава —
Звон летит во все концы.

Сенокосный день погожий,
Каждый рад такому дню.
Я стихи о нём попозже
Непременно сочиню.

Будут там наш луг и пашня,
Лес — докуда видит глаз,
И мой конь, живой Пегашка,
Не какой-нибудь Пегас.

РАВНЕНИЕ НА ЛОШАДЕЙ

Я скажу вам, друзья, по секрету:
Не хотел бы обидеть людей,
Но среди населения планеты
Я всех больше люблю... лошадей.

И не столько за шеи лебяжьи
И за гривы шелковые их,
Не за этот стремительный даже
Бег летящий, похожий на вихрь,

Сколько за вековое терпенье,
Испытуемое хомутом.
Нам такое бы в нашем корпенье
Над листом — над целинным пластом.

И тогда бы читатель наш строгий,
Что добра не мешает со злом,
Не менял бы нас на полдороге,
Почитая достойным тяглом.

ПЁТР КРАСНОВ

“ЛИМИТЫ” РЕВОЛЮЦИИ

I

В связи с наступающим столетием Великой революции в стране у нас опять возникло некое “брожение умов”, весьма разноречивое и довольно бестолковое уже тем, что сталкиваются здесь большей частью именно крайние и потому, порой, примитивные до вздорности мнения и взгляды. И попытки объективного, взвешенного суждения встречаются крайними с обоих флангов “в штыки”. Помимо симптоматичной незрелости многих “умов”, объяснимой зачастую элементарным незнанием истории тех лет, а вдобавок и сбитых с панталыку тридцатилетней уже промывкой их бесстыдной официальной пропагандой россиянской (“российской” – рука не подымается написать), с одной стороны, это вызвано, с другой, и народным возмущением, сопротивлением социальному и нравственному беспределу правящей олигархии. И взвешенное отношение к событию, имевшему огромное геополитическое значение в судьбах мира, никак не выгодно, прежде всего, именно этой кучке беспринципных и продажных дельцов с их трёх-пятипроцентной от всего населения прикормленной обслугой, захвативших власть в нашей стране и до сих пор готовых, вопреки даже инстинкту самосохранения, сдать её Западу на окончательное колониальное, по сути, разорение и грабёж.

Потому-то и препятствуют всячески разумному осмыслению прошлого, потому и содержат армию всяческих сванидзей, венедиктовых, радиоактивных “дождей”, клеветников-киношников, да и всю предельно охамевшую псевдокультуру, возвращенную ими на антисоветчине и русоненавистничестве.

Революция же, как известно, прошла два этапа, на первом – типичном буржуазном в феврале-марте семнадцатого – состоялась при явной наводке англо-французских “союзников” ликвидация самодержавия, и обвинять большевиков в “свержении царя” не приходится. На втором, пролетарском в октябре, военным переворотом было отстранено от управления страной никуда не годное, как и царское, Временное правительство, за какие-то полгода окончательно развалившее всё, что могло: армию, промышленность и сельское хозяйство, снабжение, делопроизводство даже... Большевики, можно сказать, “подняли с земли” брошенную, для них нежданную-негаданную всего лишь год назад власть. И в большинстве губерний в первые месяцы власть Советов (а какой-либо другой практически ведь и не было) устанавливалась относительно мирным путём, а значит, была некая, пусть и небольшая, историческая возможность обойтись при этом “малой кровью”. Если попытаться с высоты нашего времени и опыта прямо взглянуть на суть “белой идеи”, то она в главной своей основе заключалась в возврате прежних в том или

ином виде (но не царских – царь уже “выбыл из игры”) порядков и, конечно, собственности. Но надеяться на это при том всеохватном и глубоком государственном кризисе, меж тем как народ в массе своей этого уже не хотел, было столь же недалёким и бесперспективным, как сейчас на возврат Советского Союза. Этим, в сущности, и объясняется объективная слабость белого движения и, скажем так, неохотная поддержка его со стороны населения, да и то лишь некоторой его части, что сполна проявилось в ходе гражданской войны.

И если бы не обложившая все стороны света интервенция – в который раз! – “дванадцати языков” (даже вчерашние враги, немцы с турками, в этой агрессии фактически объединились с Антантой, даже японцы) и не масштабные весьма, можно сказать, решающие поставки извне средств ведения войны белым армиям, то открытое гражданское противостояние в России могло бы довольно скоро загаснуть, не принеся столько человеческих жертв и разрушений. Современный вдумчивый историк пишет: “...Наша Гражданская война была неразрывно связана с войной за независимость России – войной против интервенции Запада” (С. Кара-Мурза. Гражданская война в России). И тут просто нельзя не видеть, что белое движение объективно и впрямую работало на достижение главной многовековой цели Запада – расчленения России сначала на оккупационные зоны, а следом, само собой, на лимитрофы, “страны СНГ”, где никакой нынешней Эрэфией уже бы, как говорится, и не пахло. Наивно думать, что официально (и тайно) поступивший на службу британской короне Колчак, известный германofil атаман Краснов, Деникин, подопечный французов Врангель воспротивились бы воле хозяев. Мы и сейчас видим, как умеют они управлять попавшими к ним в зависимость, да хоть по той же Украине; и с Россией как единой страной уже тогда было бы покончено.

Как бы теперь ни относиться к большевикам, но это именно они спасли единство и суверенитет страны. Обвинять их в зверствах гражданской Смуты можно и нужно в той же мере, как и противников их, учитывая при этом многовековое угнетение и унижение низовых народных масс. А это фактор объективный, заложенный в потомственной памяти десятков поколений, и проявляется он в любом народном волнении, бунте, тем более в революции – вместе с волей к справедливости, к свободе и социальному равенству. С другой же противоборствующей стороны, повторяю, движущей силой являлось преимущественно стремление к возврату материальных и всякого рода иных социально-политических привилегий (а также то, что С. Кара-Мурза назвал “социальным расизмом” дворянства), и жестокость “белой гвардии” имела свой специфический характер... Что здесь выше или ниже в ценностном, в том числе моральном, этическом отношении – оставляю судить читателям.

Конечно же, революция, гражданская война и последовавшее за ними пересоздание государства и общества принесли неисчислимые страдания народу. По-иному в таких социальных катаклизмах и быть не может. Неизбежны были в том ожесточении и огромные потери в нравственном измерении, особенно же в отношении нашей православной веры, поскольку духовенство, клир не без оснований воспринимались в революционных массах как часть свергнутого правящего класса, а новая государственная идеология нуждалась в незамедлительном переформатировании сознания этих самых масс. И официальная Церковь, в числе первых, кстати, сдавшая революции “помазанника Божия”, именно тогда воспрянула духом в испытаниях и “реабилитировала” себя новомученичеством тысяч и тысяч исповедников, как бы подготавливая тем сегодняшнее возрождение её; но это уже тема для отдельного рассмотрения. Отнюдь не сравнивая, можно лишь сказать, что у Советской власти своих героических исповедников было не меньше.

Вообще же, все большие, исторически значимые революции – события во многом закономерные, обусловленные объективными социальными, экономическими и прочими причинами, и искать в них особо зловредные силы и персоналии значило бы уходить от поиска истинных и весьма многосложных побудительных мотиваций этого, вдобавок, длительного процесса. В ходе уже развязанной Первой мировой войны революционер Ленин (впечатлившись, вероятно, высоким на первых порах патриотическим подъёмом верхних сословий российского общества – пустым, как потом оказалось; для крестьянства же мобилизация 14 миллионов мужчин стала настоящим бедствием) выразил вполне определённый пессимизм в возможности революции в ближайшие

десятилетия... Но как политэконом в своей работе 1899 года “Развитие капитализма в России” он был куда ближе к определению её сроков, описывая кризисное и неустойчивое экономическое и социальное состояние страны, острейшие противоречия в её социуме, и восстание 1905 года сполна подтвердило это.

Сегодня немало-таки развелось “ревнителй”-мажоров последнего царя и той “другой России”, уже ядовито прозванных “хрустобулочниками” (“и хруст французской булки”, “гимназистки румяные” и т. п.), представляющих жизнь страны начала XX века едва ли не идеальной, на самом, дескать, подъёме. И официозная либеральная пропаганда нынешняя им всячески и усердно в том подыгрывает, расписывая все блага российского капитализма. Сыграла тут свою роль, несомненно, и эмоционально сильная ностальгическая литература первой волны русской эмиграции о “потерянном рае”, об утраченных возможностях и привилегиях образованного класса. Заглянуть в документальные исторические, экономические, статистические и прочие первоисточники им, “хрустобулочникам”, как-то всё недосуг, да и, наверное, своеобразная ретро-мечта своя им куда дороже правды. Характерной же их чертой является вольная или невольная подмена-перемена местами причин со следствиями, причём эти самые следствия предъясняются как обвинительный вердикт никак не соразмерным, якобы, вызвавшим их причинам: какую Россию потеряли, мол, — и из-за чего и кого?! Из-за каких-то, дескать, злодеев и преступников — ну и т. п.

Между тем, крестьянство страны, составлявшее более 85% населения, уже в начале XX века пережило семь (!) массовых голодов, из них, по докладу Столыпина, в 1911 году “голодало 32 миллиона, потери 1 миллион 613 тысяч человек”, а вдобавок около 100 тысяч умерло от холеры... (Где вы, “ревнителй”, неужто забыли про “слезу ребёнка”?..) И это в мирное время, в пору восхваляемого “расцвета Империи” — почему, спросить? Статистика тут беспощадна: 31,6% крестьянских дворов были безлошадными, а это означало их крайнюю нищету. Ещё 32,1% дворов имели по одной лошади (много ли с ней напахать?) и, как правило, даже в урожайные годы не могли дожить до нового хлеба, пробавляясь тоже лебедой, толчёной корой и прочими “дарами природы”, а это ведь, считай, половина населения России!.. Что было хорошо поставлено, так это “царская продрозвёрстка”, мало в чём уступавшая по своей жестокости позднейшей революционной: ввиду финансового закабаления страны и провального внешнеторгового баланса (всё, особенно хлеб и прочее продовольствие, гналось за границу), недоимки и долги взымались с крестьян и выгребались из их закромов неукоснительно, и массовое их разорение создало огромную пятимиллионную армию наёмных сельхозрабочих, батраков, всегда готовых поддержать любой бунт, жечь ненавистные барские усадьбы и в девятьсот пятом, и в семнадцатом году. И жгли! Только в 1905–1907 годах “красный петух” посетил 16 тысяч помещичьих усадеб — шестую часть всех имеющихся, и как это можно назвать, если не “крестьянской войной”?..

Академик Тарханов в статье “Нужды народного питания” тогда же подсчитал в сопоставимых цифрах-ценах, что русский крестьянин потребляет растительной пищи в 2–4 раза, а животной в 4–6 раз меньше, чем европейские или американские селяне, тоже тогда жившие несладко (скорее всего, эти соотношения и сейчас остаются на том же уровне...). Дело тогда дошло до того, что число негодных от недокорма по физическому данным рекрутов удвоилось за десятилетие с 6% до 13%, пишет А. Д. Нечволодов (данные из его книги “От разорения к достатку”, изданной в 1906 году, я тоже использую здесь).

II

Похоже, что Беловежская пуща, в которой трое общепризнанных иуд в 1991 году расчленили историческую Россию, явно играет у нас некую мистическую роль. Именно в ней почти за век перед тем в августе 1897 года другой иуда (а был им министр финансов Империи, а по совместительству рьяный агент-ставленник западных банкирских домов Витте) подсунил на подпись императору, там охотившемуся, Именной Указ о введении золотого валютного рубля, и тот подмахнул его. Подмахнул без рассмотрения его на Государственном Совете, вопреки своему же предыдущему Указу о непременном

рассмотрении и обсуждении этого крайне проблемного, как оказалось потом, губительнейшего нововведения. . . Как раз в эти годы международная ростовщическая мафия провоцировала мирового масштаба аферу по втягиванию в “золотую кабалу” всех ведущих держав Европы и Америки, и Россия здесь была лишь частью их изуверского заговора.

С этого момента Николай Второй окончательно обрёл страну на безвыходную финансовую кабалу у западных банкиров, на полную зависимость от их кредитов, вдобавок сразу увеличив в полтора раза государственный долг демонетизацией, выводом из денежного оборота серебра (хотя и раньше Империя не обходилась без займов). . . Страна, потерявшая финансовую независимость, не может считаться суверенной и во всех других сферах своей деятельности; и без учёта этих весьма отягчающих обстоятельств нельзя верно судить о всех последовавших событиях.

А они разворачивались, в масштабе историческом, стремительно. Две совершенно ненужных, всячески противопоказанных России и позорных войны довели до внутреннего разгрома государства, ответно вызвав две революции. Особую роль тут сыграла, конечно же, Первая мировая, в которую западные заимодавцы искусно втянули царское правительство воевать за их, союзников Антанты, интересы, своих, фактически, не имея (разве что второстепенные, вроде символического “влияния на Балканах”) и неся на себе главную тяжесть войны. Английский историк В. В. Готлиб, объективно разбираясь в хитросплетениях той политики, однажды в досаде за Россию не выдерживает серьёзного тона и роняет: “. . . это было очень похоже на то, как заманивают осла, подвешивая морковку перед его носом. . .”

Русская армия воевала достойно, часто героически, но полная неготовность Империи к войне, поразительная бездарность военного командования, развал и разврат воевод и тыла и сама бессмысленность этой бойни не могли закончиться ничем иным, кроме революции. Незадолго до неё Великий князь Александр Михайлович писал царю: “Как это ни странно, но правительство сегодня тот орган, который подготавливает революцию. . . Правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных. . .” Под “правительством” подразумевался, конечно же, сам царь, изначально негодный к управлению страной. Изумляет само это “союзничество” с Антантой, невиданное в мировой истории: воюя исключительно за интересы союзников, своих не имея, Россия влезала в дополнительный огромный долг перед ними же, втридорога покупая за их кредиты у них же весьма многие виды вооружения и военного имущества. То есть вынужденная отдавать потом сам долг, ростовщические проценты на него, да ещё принося сказочный барыш их военной промышленности. И, в довершение всего, потеряв убитыми 1 миллион 670 тысяч русских солдат и около миллиона гражданских, 3,8 миллиона ранеными и 3,3 миллиона попавшими в плен, понеся при этом большие территориальные потери. . . И расценить это нельзя иначе, как прямое предательство высших национальных интересов России.

А начало революции было положено, как ни странно это покажется некоторым “хрустобулочникам”, освобождением в 1861 году крестьян от крепостной зависимости. Ещё накануне этого Ф. И. Тютчев вопрошал: “. . . всё будущее задуманной реформы сводится к одному вопросу: стоит ли власть, призванная её осуществить, — власть, которая. . . делается как бы верховным посредником между двумя классами, взаимоотношение коих её надлежит упорядочить, — стоит ли она выше двух классов в нравственном отношении?.. Отвечает ли власть в России всем этим требованиям?” И приходит к выводу, что власть “не признаёт и не допускает иного права, кроме своего. . . исходит не от Бога, а от материальной силы самой власти и что эта сила узаконена в её глазах уверенностью в превосходстве своей весьма спорной просвещённости. . .”

Так и случилось: возобладали закоренелый эгоизм правящей, немецкой, фактически, династии, чиновной верхушки и землевладельческого дворянства: крестьян “выкинули на свободу выживания” без земли, оставив в материальной зависимости, в засилье от всё того же барства, навязав им выкуп земли и даже своих построек на ней. . . Вполне предсказуемыми на эту вопиющую несправедливость стали повсеместные крестьянские возмущения и бунты, народные, “Земля и воля” — вплоть до террора “бомбистов”, покушений на чиновников и царей. А в ответ, как самое малое, казачьи плётки и расстрелы. . .

Вообще же, царское православное государство, в отличие от хищнических западных метрополий, по своей природе, по характеру русского народа не было склонно к внешнему “классическому” колониализму, оставляя вовлечённые в Империю народы в их, большей частью, естественном состоянии и правах, даже в меру своих средств помогая им. Но значительные государственные траты, на Западе восполняемые грабежом колоний и завоевательскими войнами, у России были никак не меньше, а потому основная тяжесть государственного тягла издавна легла на плечи русского, крестьянского преимущественно населения. И судя по ситуации в нём, описанной выше (а подобных фактов можно привести с преизбытком), это было, в сущности, тоже своего рода колониализмом, но только обращённым вовнутрь страны.

Пётр Первый, “подняв Россию на дыбы”, ставил перед собой практическую государственную задачу: попытаться рывком догнать, даже выиграть соревнование с западными странами, для чего прибегнул к сверхмобилизации народных сил и средств, – временной, наверное, думалось ему, – с привлечением большого числа “иностранных специалистов”. Но не надо здесь забывать другое – и важнейшее – обстоятельство в истории страны: быстрое и полное онемечивание династии Романовых, а по сути, ползучий захват ими, “немцами”, верховной власти. И этот мобилизационный, а на деле близкий к колониальному режим был оставлен ими на всё последовавшее двухзаклетие – в некоем соответствии с их европейским менталитетом завоевателей и для целей, далеко не совпадающих с целеполаганием и интересами самого русского народа, самой страны.

В самом деле, православная обрядность Двора никак не делала, считай, Романовых и наиболее близкое их правящее окружение русскими. Невозможно даже представить себе, скажем, любовь Николая Первого или Бенкендорфа к Пушкину как национальному гению (хоть как-то сравнимую, например, с отношением немцев к Гёте). Нет уж, скорее постоянное недоверие и подозрение, а то и явное, показательное унижение... Использовать в своих целях, холодно покровительствовать “камер-юнкеру” после двух ссылок, а потом и его вдове – да, пожалуй, но не больше того. И это отношение к русской культуре, как и к народу в целом, оставалось у династии до конца. Как, впрочем, и к настоящему обустройству нашей земли для жизни, пустив множество необходимых дел на самотёк и без всякого порой нужного обеспечения.

И только на небесах известно, должно быть, сколько и средств, и сил народных потрачено напрасно на вызывающую роскошь династии и прикормленной элиты из аборигенов, порою забывавших свой язык, сколько было трат на всестороннюю денежную, экономическую, политическую и военную помощь прозорливым родственным дворам и “союзникам” в Европе, какие в этом свете (а вернее уж, во тьме закулисья) важнейшие решения принимались и во что они обошлись России...

Но бывший всегда в самом центре политических событий Ф. И. Тютчев видел “непостижимое самодовольство официальной России, до такой степени утратившей смысл и чувство своей исторической традиции, что она не только не видела в Западе своего естественного и необходимого (в смысле, какого нельзя обойти – П. К.) противника, но старалась только служить ему подкладкой”. Его, профессионального дипломата, поражала и возмущала в Николае Первом “чудовищная тупость этого злосчастного человека, который в течение своего тридцатилетнего царствования, находясь постоянно в самых выгодных условиях, ничем не воспользовался и всё упустил”, под чьим правлением Россия “только и делала, что отрекалась от собственных интересов и предавала их ради пользы и охраны интересов чужих...”

Засилье “немцев” в России и, в частности, во внешней её политике “саксонского еврея” Нессельроде отмечал даже К. Маркс; а после неудавшегося, во многом “антинемецкого” восстания декабристов, писал историк В. О. Ключевский, из-за укрепившегося недоверия династии к русским “кончается политическая роль русского дворянства... В этом заключается, по моему мнению, самое важное последствие 14 декабря...”

Всё это вместе и стало основной причиной отсталости “России Романовых” во многих областях государственного, социального, научно-технического, вообще домостроительного творчества, глушило едва ли не все здоровые национальные инициативы, закрепляло архаичные, не дающие развиваться сословные отношения в обществе. И уже гораздо позднее, в самом начале

семидесятых, при Александре Втором, тайный советник Тютчев, изнутри и вблизи досконально знавший всю политику династии, отмечал всё ту же “черту, самую отличительную из всех – презрительную и тупую ненависть ко всему русскому, инстинктивное, так сказать, непонимание всего национального”... И потому вещей, пророческой стала его мысль: “...невозможно не предощутить переворота, который, как метлой, сметёт всю эту ветошь и всё бесчестие... Конечно, для этого потребуется не менее, чем дыхание Бога – дыхание бури...”

И она, в конце концов, грянула.

Последнее царствование Романовых показало все свои пороки и полнейшую историческую и государственную несостоятельность с исключительной наглядностью, с жесточайшими результатами и последствиями, и сетовать на некую “несправедливость” ответной, подчеркну, жестокости восставшего народа есть верх лицемерия, а пожалуй, что и цинизма. И какое-то тяжёлое недоумение вызывают все эти “ревнителю” и “хрустобулочники”, неучи истории: вы что же, тянет спросить, не на стороне интересов и нужд подавляющего большинства своего народа, того же крестьянства и пролетариев? Тех же солдат, в основном, тоже из крестьян, ставших в решающей мере главной военной силой революции, – после всего того, что они изведали в глине окопов Первой мировой войны, в кровавой бессмыслице её, в холоде и голоде, при феноменальной бездарности самсоновых, ренненкампов и самого “верховного главнокомандующего” царя?.. А вот около половины 150-тысячного офицерского корпуса Империи, в том числе из Генштаба, ещё в самой сумятице гражданского противостояния сумели осознать, за кем народная правда и кровные интересы родины и воевали за неё, тогда как во всех белых армиях состояло примерно 35 тысяч офицеров. И кто, спросите ещё, и кому подыгрывает ныне: либеральная, а потому по определению антисоветская (возмечтавшая даже посадить на будущий “россиянский” трон отпрыска Гогенцоллернов) и русоненавистническая пропаганда – вам или вы – ей?..

Это не значит, конечно же, что автор не сознаёт всей и личной человеческой, и социальной трагедии образованного (и эксплуататорского) класса, вынужденной эмиграции, миллионов разрозненных судеб. Да, история беспощадна к проигравшим; но и отвоевавшим власть плоды победы даются подчас непомерной ценой, что сполна испытали на себе и русский, и другие народы России в вынужденно жестоких преобразованиях революции. И относиться к ней, объективной, надо стараться объективно тоже, иначе неминуемо станешь жертвой-объектом и внутренних, и внешних идеологических махинаторов, будешь повторять зады их, надо признать, изощрённой пропаганды. Говорить же – якобы жалеючи народ – об исчерпанности неких “лимитов на революцию” в России, по меньшей мере, преждевременно, историю этим не ублажишь и не остановишь.

Надо пытаться понимать, какая историческая ситуация сложилась в мире к началу XX века. Везде безраздельно владычествовал колониализм западных стран в его самых жестоких и кровавых формах эксплуатации и геноцида, в предельном варварстве и расизме. Капитализм никого и ничего не стеснялся, не находил странным или, того более, негуманным, что какой-нибудь лорд, скажем, гордо позирует на фоне стенда с двумя десятками скальпов, снятых им то ли с индейцев, то ли индусов, – и в каких тайных коллекциях хранится сейчас тот стенд и другие, неизвестно какие тысячи артефактов европейского и американского “гуманизма”?.. Джентльмены, известные по книжкам писак и таким же киноподелкам своими тонкими манерами и вкусом, живьём сдирали шкуру со всего подвластного им мира, разжигали везде весьма нужные им войны (а впоследствии и две мировые), нещадно, до геноцида усмиряя непокорных, грабя дочиста, до выжженной или залитой нефтью пополам с кровью земли, что они продолжают творить и сегодня, только под прикритием своей глобальной теперь сети СМИ, тысяч информационных бандформирований, изобретателей “гуманитарных бомбардировок”.

Россия в полной мере ощутила на себе удушающую хватку “золотой анаконды” Витте и “периферийного капитализма” в его уже самом отвязанном варианте. Страну грабили все, кому не лень, иностранные дельцы десятками крупных концессий захватывали её богатства, и расстрел 1912 года на Ленском прииске (акционерами которого были, кроме чужеземцев, и Витте, и мать императора) с двумя с половиной сотнями убитых рабочих (не захотели есть чер-

живое мясо, как и на “Потёмкине”, и работать по 14–16 часов в сутки) был лишь знакомым беспределом в той череде принуждений, насилий и издевательств над рабочим людом, которые царили в стране. Да, два миллиона из 15 миллионов крестьянских дворов были кулацкими, а десяток-другой тысяч высококвалифицированных рабочих жили в достатке, и те же ижевские оружейники, как рассказывал мне Сергей Павлович Залыгин, составили самые боееспособные части в армии Колчака — лучше чисто офицерских даже... Но общая грозовая ситуация в ходе мировой войны и “перестройки” Керенского перевалила уже за всякую мыслимую “красную черту”, и народ — под чьим бы руководством это ни было — восстал. Сплочённее, оперативней и решительней в своих целях и средствах в этот исторический момент оказались большевики.

III

Человек равен человеку, утверждало первохристианство, и несёт он в себе единственную ценность — “душу живую”, а всё остальное, в жизни — сопровождающее, преходящее. И несмотря на все извращения этого Вышнего посылы, мечту об осуществлении великого равенства уже нельзя было изъять из самосознания человечества. История знает немало попыток добиться этого преудказанного равенства именно как Божьей справедливости, но все они заканчивались либо поражениями, либо всё теми же извращениями вроде пресловутых “свободы, равенства и братства”. Не находилось народа, даже из самых развитых наций, который сумел бы, смог решительно пойти до конца, чтобы взломать ненавистную мировую парадигму угнетения и насилия, унижения и обмана человека человеком, попытаться сменить кричащую неправедность социального мироустройства на человечность. И совсем не зря взгляды многих и иноземных, и наших мыслителей, заботников человечества, обращались в сторону русского народа, по ряду качеств нравственных, по самому характеру его связывая свои надежды именно с ним.

Можно привести немало свидетельств такой надежды, они достаточно известны в литературе, истории, философии. “Ибо жизнь народная, — писал Ф. И. Тютчев о русских, — жизнь историческая ещё не проснулась в массах населения. Она ожидает своего часа, и, когда этот час пробьёт, она откликнется на призыв и проявит себя вопреки всему и всем”... А вот убеждение западника П. Я. Чаадаева, весьма критически относившегося к современному ему состоянию своей родины: “России выпала величественная задача осуществить раньше других стран все обетования христианства, ибо христианство осталось в ней не затронутым людскими страстями и земными интересами...” Ему же принадлежит и никак не потерявшая своей актуальности формула: “Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что неправы его противники”...

Она, эта формула, может, — не оправдывая и не обвиняя, — объяснить наконец-то многим нашим оппонентам объективность свершившегося и, опять же, укрепить нашу надежду на то, что рано или поздно человечество всё-таки разорвёт порочный круг злостного неравенства и угнетения, найдёт справедливые социальные и моральные формы своего жизнеустройства, достойные разума и совести. Но пока это лишь мечты неистребимых оптимистов, какие, слава Богу, ещё водятся в политических джунглях нынешнего мира.

И, говоря о духовности русского народа, нужно понимать, что она состоит не только в православном мировосприятии, Вере, но и в связанной с нею приверженности к Христовой в её земном, человеческом понимании правды-справедливости. Потому-то и пошёл он первым на решительное преодоление гнусной — и антихристианской именно — парадигмы человеческой истории. Он открыл дорогу, дал надежду на иное, лучшее будущее и доказал всем осуществимость этих чаяний, собою пробивая, прокладывая для всех путь, на горчайший порою ошибках учился, строил, создавал совершенно новую социально-политическую реальность, формацию, общность — русский социализм с его вызревшими к шестидесятым годам высокими нравственными установками человеческого общежития, каких не было до сих пор и быть не могло ни в одном социуме, ни в одном самом что ни есть христианском государстве. Старшее поколение ещё помнит “Кодекс строителей коммунизма”... И в короткий исторический срок, несмотря на тяжелейшую войну, построил основы социализма и преопределил все главные события в мире. Совсем не зря XX век называют “Русским веком”...

Когда же речь заходит о жертвах революционных и прочих репрессий и гражданской войны, все эти обвинители почему-то, как один, молчат о том, что жертвы “русского социализма” не составляют и сотой, может, доли тех поистине чудовищных гекатомб и преступлений, какие совершил и продолжает на наших глазах творить в мире капитализм, для него-то каких-либо моральных запретов просто не существует. Или задайтесь вопросом, сколько крови пролило “христианство” в его католическом и протестантском вариантах-ересях... И все те трагические потери, какие понёс наш народ, говорят об огромной сложности его первопреходческого дела, о той толще задач и проблем, которые пришлось решать на ходу. Это, разумеется, не оправдание революционного насилия, а лишь невесёлая констатация того, что человечество не умеет, не научилось ещё (и научится ли когда?) по-другому вершить свои коренные преобразования...

Русский социализм выявил и востребовал невиданные доселе запасы народной энергии и воли, пробудил и вызвал к творческой жизни десятки и десятки миллионов из “простого народа”, из самых низов подняв их к высотам культуры, искусства, науки, прогресса вообще, из земледельческой создав индустриальную и самую образованную и читающую страну в мире. Это был, по сути, “пассионарный взрыв” русского и других народов страны, предсказанный и Тютчевым, и Чаадаевым и направленный на созидание, претворение в действительность лучших общечеловеческих замыслов и чаяний, на достижение и обретение социально-экономических, культурных и духовных ценностей, благ в том их понимании, конечно, какое диктовалось условиями времени.

Из всех прочитанных особенно впечатлили меня воспоминания маршала авиации А. Е. Голованова “Дальняя бомбардировочная...”, где благодарная память автора называет многие сотни имён-фамилий тех лётчиков, механиков, командиров, конструкторов и промышленников, всех, причастных к той организаторской, боевой и поистине героической работе, масштабы которой просто поражают, и это притом, что дальняя авиация составляла по численности лишь сравнительно небольшую часть всей нашей авиации в годы войны... Когда и как успели? Какими неимоверными усилиями сумели после разрухи гражданской войны за менее чем два десятка лет создать с нуля не только мощный, на высшем техническом уровне того времени воздушный флот, но и воспитать и обучить главное составляющее любого, тем более ратного дела – людей, сумевших переломить хребет зверю, прямому выкормышу капиталистического Запада, натравленному на нас? И такого же масштаба и глубины работа велась во всех областях нового государственного строительства и с такими же поразительными результатами. Но вот что мы можем вспомнить за последние четверть века, кроме мерзостей “первоначального накопления капитала” и провального регресса?.. Пожалуй, лишь второе (после сталинского) возрождение нашей Православной Церкви. И возвращение Православия в социалистический социум, в государственность как таковую, думается, рано или поздно состоялось бы, продлись социализм дольше в развитии, дальше, – по многим предпосылкам, в том числе вышеназванным.

Материальные плоды революции по известным причинам “созрели” только к началу 60-х годов, и никогда за всю свою историю русский и другие народы страны во всей массе своей даже и близко не жили так обеспеченно, с быстро растущими благами и уверенностью в лучшем будущем, как в последнее тридцатилетие советской власти. Это стало возможным ещё и потому, кстати, что сразу же была создана своя, совершенно независимая от кого-либо извне финансовая система, где каждый рубль работал на страну, в конечном счёте, на народ, и именно поэтому мы сравнительно скоро выбрали из послевоенных разрух, несмотря на вынужденные огромные траты на оборону.

За почти три столетия после Петра Первого только при советской власти, повторюсь, Россия была суверенной во всех отношениях и поэтому достигла невиданных, непредставимых для “России, которую мы потеряли” высот, стала сверхдержавой, создала мировую социалистическую систему.

Царской, буржуазной ли России, не случись Октября, Запад никогда бы не дал вызволиться из финансовой удавки, из уготованного ей заранее положения сырьевой полуколонии, вечно отсталого “периферийного капитализма”. Нынешняя же рьяно компрадорская “элита” в начале 90-х сама накинула себе и нам на шею всё ту же, считай, петлю “Вашингтонского консенсуса”,

ВТО и прочих финансовых кабальных соглашений, утратив суверенитет, по сути, и загнав самую богатую в мире по ресурсам страну в нищету и все-стороннюю деградацию, поставив под суровый вопрос всё наше будущее. И сегодня перед нами опять поставлена историей прежняя — и главнейшая — задача: обрести экономическую, а потому и национальную, государственную независимость.

Что ж, контрреволюция — это нередкая в истории спутница попыток вырваться из обветшалых, самим временем приговорённых к отмиранию форм социально-политической жизни. Она может надолго остановить движение вперёд; но, как правило, те причины и противоречия, какие вызвали начальную революцию, никуда не уходят, а наоборот, многократно усиливаются, нарастают и делают следующую неизбежной, если, разумеется, власть не предпринимает достаточно радикальных и действенных реформ, не идёт по эволюционному пути.

И вот уже четверть века после контрреволюционного переворота 1991 года и насильственного развала СССР как исторической России россиянская власть, ставленница правящего в стране олигархата и насквозь коррумпированной бюрократической системы, не хочет и не может идти на какие-либо серьёзные перемены в своей антинародной в той же мере, как и антидержавной по сути политике. И во внутренней, социально-экономической в особенности, где пренебрегаются или извращаются до противоположности основополагающие принципы и условия здоровой государственности, превращая существующий олигархический “конструкт” в своего рода Антисистему с прописной, в какой могут процветать только хищники и паразиты, русофобскую по самой своей природе. А во внешней держится пассивная оборона, без неё их, властвующую здесь и торгующих нашими интересами там, на Западе вообще не во что не будут ставить, как пьяного исполнителя “Калинки”. Но дело-то в том, что Антисистема, где-либо возникнув, не может не подрывать свои же шаткие “основы”, пожирает самоё себя, и перспективы подвластных ей крайне незавидны.

Но как Октябрьская революция привела к коренному переформатированию всей мировой ситуации, так и “геополитическая катастрофа” 1991 года радикально изменила глобальное соотношение капитализма и противостоящих ему сил — в худшую, это если мягко выразиться, сторону для всех, кто страдает от вековой несправедливости и угнетения, пытается завоевать или отстоять свободу свою и национальную независимость. Не стало выразителя, защитника и помощника всех “униженных и оскорблённых” — и совершенно разнузданся “новый мировой порядок” оставшейся единственной сверхдержавы и её евросателлитов, мало чем в принципе отличающийся от “нового порядка” нацистов или зверств британских, европейских вообще колонизаторов — преимущество здесь самая прямая. НеокOLONиальный разбой современных транснациональных корпораций имеет более изощрённый характер, давно принял уже политические формы мондиализма, мирового господства, и противостоять ему на идейном и мироустроительном уровне, по сути, теперь никому. Померкла и едва ли не сошла на нет сама вселенская альтернатива “закону джунглей” нынешнего миропорядка, и никакой, скажем, “социализм с китайской спецификой” (во многом схожий с госкапитализмом) не в состоянии заменить СССР, “русский социализм” с его конкретной человечностью и во внутренних, и в международных делах, с его — сравнительно с другими ведущими государствами — добропорядочностью, готовностью поддерживать все позитивные начинания на планете или дать отпор зарвавшимся хищникам. И без него “мировое сообщество” весьма явно деградировало, одичало, с утратой равновесия двух систем откатилось в новую, то и дело сотрясаемую всевозможными кризисами и насилиями нестабильность.

Но куда больше и всячески деградировал когда-то единый, теперь же разодранный на “страны СНГ” социум бывшей страны Советов, вплоть до полуфеодалных или “либеральных” диктатур, во всех случаях националистических, кроме Эрэфии, а в ней, наоборот, с откровенно русофобской правящей верхушкой, целенаправленно подавляющей всякое сопротивление народа. Не говоря уже о диком социальном расслоении, неравенстве, далеко перехлестнувшем все мировые мерки приличия, резко упали культура, сама цивилизованность нашего населения, нравственный (несмотря на распространившуюся вроде до самых верхов формальную веру) и вместе с тем интеллектуальный

уровень его, и невольно согласишься с тютчевскими словами: "...всякое ослабление и заметное умаление умственной жизни в обществе неизбежно влечёт за собой усиление материальных склонностей и гнусно-эгоистических инстинктов". И с ним перекликается выдающийся мыслитель уже нашего времени А. С. Панарин: "Новое либеральное учение легитимирует повальную коррупцию, гражданскую безответственность, стяжательские инстинкты и даже прямое предательство с помощью идеологии безграничного индивидуализма и морали успеха"... И это всё о нас, нынешних.

Православная церковь, переживающая ныне своё второе (после сталинского) возрождение, старается внести в расколотившее гражданское общество страны терпимость и милосердие, стремится помочь в преодолении глубокого кризиса социума и самой государственности, но что и, главное, как она может сделать при вызывающе антихристианском, социал-дарвинистском мышлении и попросту циничном, жлобском поведении нашей правящей "элиты" и её обслуги? Посредническая, а скорее уж — союзническая с верхами миссия её в отношениях с народными низами, определяемая как "Христос терпел и нам велел", отчасти срабатывает, конечно, но ничего не решает и в принципе решить не может. К ней самой обращены уже весомые претензии как верующих, так и во многом атеизированного общества в том, что она не отстаивает должным образом христианские ценности перед властью и даже срачивается с нею, неправедной... И в отношении этическом, как видим, в духовно-нравственном обществе наше тоже заведено в какой-то безысходный тупик, а другой, вызволяющей из него идеи или силы пока не находится. Официальный же "патриотизм" только дискредитирует, разоблачает сам себя в глазах честных и думающих граждан, какие при всём желании никак не могут угледеть любовь к родине и заботу о ней у "воров в законе РФ"...

И это поражение идей равенства и правды-справедливости в СССР-России воспринялось во всём мире и несомненно ощущается всеми людьми доброй воли, прежде всего, как поражение человека вообще как разумного социального существа с его стремлением к лучшему, основанному на нравственных началах будущему. Капитализм в его любых национальных формах напрочь отрицает это, он всегда был и остаётся хищником по своей природе, основой которой и является психофизиологический "низ", взявший ныне верх над человечностью. А в геополитике восторжествовала упоминавшаяся мною парадигма и то, что раньше обозначалось ёмким социополитическим термином-понятием "реакция" как откат от уже достигнутых человеком совершенно новых принципов и практик жизнеустройства, и, по всему судя, это надолго. Как, впрочем, и само гниение российской Антисистемы, обусловленное известным долготерпением народа. И неужели придётся снова "дойти до ручки", до разрухи всего и вся, чтобы понять, что "не туда идём"?.. Но русский народ ещё не сказал своего последнего слова, да и не будет оно "последним" у него, обладающего уникальным историческим опытом, нравственным разумом и волей в лучших своих представителях, способностью к сверхмобилизации в случае суровой необходимости.

Оправится от этого поражения вселенский человек нескоро, прорывы такого масштаба, как великий без всякого преувеличения Октябрь, приурочиваются в народах веками. Историки и философы разберутся, в какой мере считать это крушением (пусть и временным) идеального в мировом социуме; но в том, что эта мера весьма значительная, сомнения нет. И не приходится быть пророком, видя, что при всём пресловутом "ускорении прогресса" человечество ожидают, скорее всего, долгие серые будни-десятилетия международной грызни за гегемонию, рынки, территории, недра, даже за пресную воду, и что за всё это оно продолжит расплачиваться самой дорогой ценой — кровью невинных и невосполнимой пагубой душ.

И если мы "венец творения", то история испытывает нас, прежде всего, на способность быть человеком, жить по высшим человеческим законам, а не по законам животного мира. В это раз мы не выдержали экзамена, но сама задача перед нами, перед лучшим, что есть в нас, не снимается.

ЛИДИЯ ДОВЫДЕНКО

МОЙ СВЕТЛЫЙ ДОНБАСС

1. Там, где вьётся Лугань

Луганск – очень светлый город с просторными улицами и площадями. Я приезжаю сюда на автобусе из Ростова-на-Дону, преодолевая две границы: Российскую и ЛНР. Автобус на границах задерживается, медленно движется по убитым дорогам, прибывает на два часа позже, и всё это время мой коллега Андрей Чернов, секретарь правления Союза писателей ЛНР, ждал меня. Из России я дозвонилась до него, а в ЛНР в телефоне мне отвечал голос на украинском языке, что неверно “набран нумар”. Гостиница “Луганск” почти пустует, к сожалению, лишь немногие люди, склонные к путешествиям, знают о том, что это культурная столица Донбасса, здесь много достопримечательностей, и линия огня за тридцать километров. Мой номер за символическую сумму очень хороший, есть горячая вода, хотя я опасалась, что будут перебои со светом и водой. Луганск – это как Санкт-Петербург в России, очень интеллигентный, а Донецк – как Москва, деловитый. Но главное ощущение: люди живут, а не просто выживают.

Мы с Андреем идём по улице Советской, разделительная полоса по центру дороги – это до самого горизонта тянущиеся, ухоженные кусты роз. По дороге Андрей рассказывает о страшном дне 2 июня 2014 года, когда два украинских самолёта на бреющем полёте сбросили авиационные ракеты на здание администрации. Пролилась первая кровь невинных людей. Произошло беспрецедентное по своей жестокости преступление. Позже таксист Вячеслав, вёзший меня в церковь святых Петра и Павла, где я поклонилась иконе Луганской Божьей Матери, рассказал, как торопился он к месту бомбёжки, – ведь в администрации работала его дочь, чудом уцелевшая... И как ощущал он удушливый запах дуста, увидел, как всё больше прибывало жителей города с желанием оказать возможную помощь.

Я хотела сфотографировать это уже отремонтированное здание, но увидела, как ко мне торопится вооружённый солдат, предупреждая о запрете на

ДОВЫДЕНКО Лидия Владимировна — писатель, публицист, краевед, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, главный редактор художественно-публицистического журнала “Берега”, автор 19 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов. Победитель в конкурсе журналистского мастерства “Слава России”, лауреат литературной премии “Щит и меч Отечества”, победитель Международной литературной премии “Серебряное перо Руси” — за “Высокое художественное мастерство”. Живёт в Калининграде.

снимки. Я понимаю осторожность защитников Луганской народной республики, ведь к маленькому Донбассу официальная Украина испытывает такую же ненависть, как и к большой России.

Наш путь лежит в Правительство ЛНР, в Министерство культуры, где нас встречает первый заместитель министра Сергей Назаревич. Узнав от Андрея о восстановлении объектов культуры, которые подверглись обстрелу, я выражаю радость по поводу отремонтированной республиканской научной библиотеки. А Сергей Станиславович рассказывает: “Мы реально ощущаем атаку как в физическом плане, так и в моральном на русскую культуру, на нашу историю, а история такова, что в течение веков мы стояли на защите рубежей России. События 2014–2016 годов показали, что в Луганске пострадали больше всего объекты культуры. Украинская армия целенаправленно была по областной библиотеке, по цирку, по театру, историческому музею, по краеведческому музею. Культура – это основа смысла существования народа и отдельного человека, поэтому били по объектам культуры.

С августа 2015 года до праздника Нового года шло восстановление здания цирка. Глава республики Игорь Плотницкий поставил задачу – порадовать детей Луганска к новому 2016 году. И за менее чем полгода цирк был восстановлен. Россия помогала материалами, подрядными организациями, специалистами. В простых работах участвовали жители города, студенты. Люди подходили и спрашивали, чем они могут помочь.

И теперь уже восстановлены все объекты культуры в Луганске, но на территории республики находится 200 учреждений культуры, которые нуждаются в наполнении внутреннего пространства, а 67 объектов находится в аварийном состоянии и требуется их срочное восстановление, иначе они будут утеряны: это сельские клубы и библиотеки.

По программе “Интеграция” к нам приезжают многие коллективы культурных учреждений из России: из Брянска, из Ханты-Мансийска, из Свердловской области, и мы тоже выезжаем в Россию, получая возможность общения с народом России, несмотря на жёсткую экономию средств. У нас активная молодёжь. Мы еле успеваем рассматривать их предложения, которые идут постоянно. Мы построили памятник защитникам ЛНР, работаем над памятником погибшим детям Луганска, у нас есть их список из 33 человек.

Мы работаем по проекту “Большие просторы” с Министерством культуры России, которое совместно с Союзом писателей России помогло в сборе книг, и мы распределяем их по всей территории ЛНР.

Возвращаясь к тяжелейшему 2014 году, когда не было воды и электричества, хочу рассказать о нашей филармонии. Коллектив собирался, открывал окна, люди слышали звуки музыки и подтягивались, заполняя зал, укрепляя душу и дух, слушая произведения великих композиторов. Театр кукол выходил на ступеньки своего здания и начинал спектакли бесплатно, приглашая детей и взрослых, демонстрируя бессмертность искусства.

Мы очень надеемся, очень рассчитываем, что станем частью большого Русского Мира, частью родной культуры России. У нас достойный профессиональный уровень коллективов наших театров и музеев, стоящих на русских традициях”.

2. Забыть невозможно...

Единственный человек из Донбасса, кого я знала лично до поездки, – это поэт Елена Заславская, с которой мы познакомились в Москве в Центральном Доме журналиста во время презентации журнала “Берега”. Елена мне очень симпатична своим талантом, непринуждённостью общения, открытостью и искренностью. Она организовала встречу со студентами Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского. Елена родилась в Лисичанске, колыбели шахтёрского дела, где была открыта первая шахта. Окончив гимназию гуманитарно-эстетического профиля, литературную студию, в которой учили не только рифмовать строчки, но и равнодушно отзываться словом на проявления жизни, она поступила на математический факультет Луганского университета. Но всё же жажда творчества перевесила, она редактор газеты академии “Камертон”, и её стихи делают равнодушными её читателей:

*Эти русские мальчики не меняются:
Война, революция, “русская рулетка”.
Умереть, пока не успел состариться,
В девятнадцатом, двадцатом,
Двадцать первом веке.
Эти русские девочки не меняются:
Жена декабриста, сестра милосердия.
Любить и спасать,
Пока сердце в груди трепыхается,
В девятнадцатом, двадцатом,
Двадцать первом веке.
Ты же мой русский мальчик:
Война, ополчение, умереть за Отечество.
Ничего не меняется,
Ничего не меняется.
Бесы скачут,
А ангелы ждут на пороге вечности.
Я твоя русская девочка:
Красный крест, белый бинт, чистый спирт.
В мясорубке расчеловечивания
Будет щит тебе
Из моих молитв.
А весна наступает. Цветущие яблони
Поют о жизни, презревшей тлен,
Так, будто они — православные,
Русские и после молитвы встают с колен.*

Войдя в аудиторию, где ждали нас с Еленой студенты, я увидела прекрасные, озарённые улыбками, светлые лица молодых людей, в основном девушек. Восхищение читала в их глазах, но больше всего вдохновило ощущение родственности, духовной близости и взаимопонимания. И я откликаюсь, понимаю, что невозможно забыть эту доброту и душевность, которые создавали атмосферу встречи. Её расцветило появление Глеба Боброва, писателя, драматурга и журналиста, председателя писательской организации ЛНР, который охарактеризовал “Берега Новороссии” как живое наполнение Русского Мира*, и поделился радостной новостью – выходом уже второго сборника 60 авторов из Донбасса и из разных городов России под названием “Выбор Донбасса”. Это издание появилось на свет благодаря содействию писателя, ветерана войны в Афганистане, телеведущего Артёма Шейнина, Государственного информационного агентства “Луганский информационный центр”, сайта современной военной литературы *okorka.ru*

22 и 23 мая презентации этого сборника прошли в Луганске и Донецке. На эти литературные события приехали желанные гости: Николай Иванов, сопредседатель Правления Союза писателей России, автор сборника “Выбор Донбасса”, и Юрий Юрченко, журналист, который, как известно, прошёл все круги ада, оказавшись в украинском плену. С благодарностью и гордостью за причастность к событию приняла в подарок эту книгу. Как написал автор нашего журнала “Берега” Дмитрий Филиппов: “Время загоняет людей в тупик, и в поисках выхода из него рождается литература. Всё очень просто: это клей, который на нравственном, на трансцендентном уровне скрепляет отношения общества и государственных институтов. Не оправдывает, нет, но вычерчивает иную реальность, которую можно будет принять за образец. И в этой связи можно смело говорить о таком феномене, как “литература Донбасса”.

Было очень приятно познакомиться с Литвиненко Натальей Кимовной, кандидатом педагогических наук, доцентом Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского. Угощая меня чаем, она рассказала, что жизнь луганчан разделилась на две половины: до войны и теперь, о периоде, когда не было света, газа, воды, как жили семь месяцев без выплаты зарплат, как приходили в академию преподаватели, пренебрегая обстрелами, а некоторые поселились в академии. Многие уезжали из Луганска,

* Публикация авторов из Луганска и Донецка в журнале “Берега”.

особенно те, у кого были маленькие дети. Оказались брошенными породистые и обычные собаки и кошки. Оставшиеся в Луганске люди делились с ними последним куском хлеба и водой, за которой стояли в очереди у скважины или ходили к колодцу в частном секторе. Построили для них временные убежища и до сих пор продолжают их подкармливать. Нередко можно увидеть такую, например, надпись: “Помогите Кузе, он пережил войну”.

— Прошло время, — включается в беседу Елена Заславская, — город возвращается к мирной жизни. Но следы войны можно увидеть не только в виде разрушенных зданий, но и, например, в следах скотча на окнах, которые заклеивались крест на крест, чтобы стёкла не разлетались, а падали. Идешь через чистый двор среди пятиэтажек и видишь аккуратную горку веток. Кто не видел войны, тот не поймёт, что это запас на всякий случай, если снова не будет электричества. Очень многие дома с электрическими плитами, и люди объединялись, чтобы варить на общем костре общую еду из того, что удавалось собрать сообща. Эти так называемые полевые кухни у подъезда сплотили людей, подружили навсегда. Это невозможно забыть тем, кто смотрел в лицо смерти. Война проявляет человека очень ярко и в сжатые сроки. Если до войны бывал человек не замечен, то проведя, например, уроки под бомбёжками, не получая зарплаты, он всё же учил детей — это дорого стоит. А если взять врачей, которые шли на работу в больницу, находящуюся на окраине города, при отсутствии общественного транспорта, приходили и помогали раненым и больным, носили их на руках. Сейчас готовится памятная доска в честь тех, кто под огнём восстанавливал электричество ценой собственной жизни. Есть герои на передовой, а есть в гражданской жизни, поэтому в литературе, созданной под огнём, появилась глубина, Русский Мир получил конкретное содержание не для галочки, а по зову души.

В разговор включилась Лидия Глушенко: “Когда в городе не стало света, было очень тревожно на душе. И люди устремились в библиотеку, брали книги, начали читать, погружаясь в мир героев, переключаясь на светлые чувства, отвлекаясь и перенаправляя мысли, настраиваясь на победу, на оптимизм, на веру в новую, мирную жизнь”.

3. “Здесь наш берег, здесь наша Родина...”

Тепло простившись с моими замечательными собеседницами в академии культуры и искусства, в беседе с которыми мы не раз замолкали, чтобы взять себя в руки и не заплакать, я отправилась в республиканскую научную библиотеку имени М. Горького, где уже ждала меня яркая, прекрасная, большая умница директор библиотеки Наталья Антоновна Расторгуева.

Фотографии разрушения потрясли меня. Но обратимся к рассказу Натальи Антоновны.

— Все события 2014 и 2015 годов были для нас шоком, — рассказывает она. — Главная библиотека республики попала под обстрел артиллерии в 2014 году. Фотографии с дырой в стене библиотеки облетели весь мир. Они говорят о том, что в советские времена умели строить хорошо. Снаряд пробил стену, посыпались стекла, но само здание стояло как ни в чём ни бывало. Оно было построено в 1965 году, стены толщиной в четыре кирпича. Ничего не загорелось, нас хранит Господь. Библиотека стояла раскрытой, и никто ничего не взял, не вынес, не стащил, такое было уважение к библиотеке. Такой пиетет. Это одна из старейших библиотек республики, осенью нам будет 120 лет. Переведа дух, работники коллектива шли через весь город на работу, несли в бутылках воду, чтобы сохранить наш Зимний сад, цветы по разным залам. Это люди с луганским характером. Они сохранили библиотеку и дух стойкости перед преградами. Обстрел произошёл в конце июля. Но мы патриоты своей библиотеки, своего города, начали закрывать целлофаном окна, убирать грязь, надо было сохранить фонд редких книг, мы не могли допустить, чтобы он пострадал. Ведь наш берег здесь, это наша земля и эта наша боль. Семь месяцев без зарплаты. Люди проявили удивительное братство, приходили в библиотеку за книгами. Это был бум, всплеск читательского интереса, особенно была востребована классика. Люди читали и находили в ней что-то спасительное для себя. Остались здесь те, кто не мог бросить Родину. И мы проводили и сейчас проводим выставки, конференции, конкурсы, литературные состязания. Стену заделали, многие залы библиотеки отремон-

тировали, покрасили фасад. Вокруг библиотеки объединились люди, жаждущие духовного смысла жизни, священники, прихожане, многие люди приезжают из отдалённых районов республики. Буквально взорвались творчеством луганчане, появились очень хорошие поэты. Война идёт три года, никто не ожидал, что наши братья-украинцы устроят нам блокаду, сознательно отрежут воду и электричество. С этим примириться невозможно. И сейчас идёт мороз по коже, когда вспомнишь горящие хлебные поля под Луганском. Совсем как в фильмах о Великой Отечественной войне. Но люди объединялись, готовили совместно пищу на кострах, делились заготовками, тем, что хранили в подвалах. Работало много волонтеров. Ведь сколько в городе оставалось инвалидов, диабетиков, оказавшихся без инсулина, слабых стариков. Я не могу без содрогания вспомнить первую ракету, сброшенную украинским самолётом в центре города, вой сирен, свист снарядов и мин. Со временем по звуку мы научились различать, кто стреляет, наши или вражеская сторона. Война — это проверка на прочность, на человечность. Когда линия фронта откатилась, я пришла в ветлечебницу со своим котом и познакомилась с женщиной, державшей на руках бульдога. Собака приползла к ним, попав под обстрел. У неё перебиты задние лапы, нет одного глаза, и весь живот был стёрт до крови. Муж этой женщины сделал собаке возок, на котором лежат задние лапы, а передними она передвигается. Собака жалобно смотрит людям в глаза — только бы не бросили. Не бросили.

4. Встречи в республиканской библиотеке имени М. Горького

У входа в библиотеку происходит первая встреча — с памятником автору “Слова о полку Игореве”. В 15–25 километрах отсюда проходит линия фронта, что обостряет эмоциональное восприятие и исторических, и современных событий. Ведь автор “Слова...” был обеспокоен судьбой Русской земли, истинный герой его произведения — русский народ. Именно любовь к русским людям обострила его поэтический слух, зрение, воображение. Любовь к родине вдохновила и определила выбор художественных средств, усилил наблюдательность автора, вдохнув воодушевление. Как пишет Андрей Чернов, “сейчас Донбасс — болевая точка русской цивилизации. Не единственная, но, пожалуй, одна из самых близких к сердцу России — Москве. Может быть, именно поэтому всё происходящее здесь ощущается сильнее и глубже. И потому эстетическое, этическое и идеологическое осмысление всего здесь происходящего свидетельствуют о важном значении событий народно-освободительной войны в Донбассе для всей русской цивилизации”. Восстановление Луганска говорит о непреодолимой жажде жизни, о непобедимом чувстве единения с Россией. И не зря здесь говорят: “Будет Донбасс!” То есть: “Так победим!”

В Русском Центре собрались луганские и краснодонские авторы и читатели. Огромное спасибо Андрею Чернову, ведущему встречи, и Наталье Расторгуевой за то, что они подготовились к нашему литературному братанию, выпустили буклет с логотипом Союза писателей ЛНР, литературно-художественного альманаха “Крылья” и журнала “Берега” с выдержками из моего интервью порталу Луганск 1, с репликой писателя, поэта, критика Григория Блехмана о “нравственном шаге редакции — прописать на страницах “Берегов” “Берега Новороссии”. Наталья Антоновна выступила с приветственным словом, высоко оценив качество произведений авторов журнала “Берега”, публикацию луганских писателей и поэтов — “нашего национального достояния”. “Берега памяти, Берега любознательности, Берега Новороссии — такая хорошая ностальгия по созвучию душ, которое было у нас в советские времена. Чем ещё хорош журнал для меня как читателя, так это тем, что мы находим глубину в произведениях. Здесь то, что на генном уровне объединяет наши народы: несмотря на разделённость границами, мы одна большая цивилизация. Берега — это мостик между нами, русскими людьми. Произведения авторов журнала нам близки, мы узнаем наши общие чувства. Вот, например, стихи Анатолия Аврутина: “...я вас люблю родные старики, родные краснодонцы...” Это дорогого стоит. В последние годы нам повезло увидеть приехавших к нам лучших российских литераторов, прозаиков, поэтов, публицистов. Среди них Николай Иванов, новеллу которого “Свете тихий” мы видим в новом номере, интервью с ним Андрея Чернова в предыдущем журнале. Мы очень

благодарны этому замечательному человеку. Как много сделал он для нас, помогал нам во всех наших акциях, встречал, передавал наши документы в Москву, несколько раз сам ездил в фонд “Русский Мир”! Это потрясающая личность. Он участник событий в Афганистане, в Чечне, многое испытал в своей жизни, и мы высоко ценим и очень благодарны ему за участие в наших делах.

Глубоко каждый из нас завязан на каких-то вещах, которые нас объединяют, и это находит отражение на страницах журнала”.

Я встретила с талантами энергии и добра. Подарив библиотеке журнал и пакетик маленьких капелек солнечного камня, я вкладывала в этот маленький жест большую благодарность жителям Донбасса “за жертвенное стояние”, за мужество, достоинство и высокий дух благородства, желание поддержать и установить навсегда литературное братство, духовное единение с луганчанами. Я родилась в маленькой белорусской деревне и с детства слышала слово Луганск, потому что многие молодые люди уезжали “на шахты”, отправляясь в забой, а потом они приезжали в отпуск домой, рассказывая об увиденном. Мой неуёмный характер часто заставлял моих друзей давать мне определение “стахановка”. И снова мои мысли обращались к Луганской области, к стахановскому движению. И вот пути Господни привели меня к людям, о которых я бы сказала, что лучше не бывает.

5. Мои подарки из Луганской народной республики

На встрече в Республиканской библиотеке имени М. Горького Андрей Чернов подарил мне альманах “Крылья”, взмах десятый, издание Союза писателей ЛНР, куда вошли как “мирные” материалы, так и “опаленные войной”. Среди авторов – писатели Донбасса, Крыма, России, Сербии, Германии. В нём приятно было увидеть уже знакомые и родные имена: Людмила Гонтарева, Елена Настоящая, Елена Заславская, оба Александра Сигиды (старший и младший), Светлана Сеничкина, Ирина Горбань, Глеб Бобров, Николай Иванов, Лидия Сычёва, Андрей Чернов, Сергей Прасолов.

Андрей Чернов посвятил статью “Вне забвения” известному поэту Донбасса Павлу Беспощадному, автору легендарных строк:

*Донбасс никто не ставил на колени,
И никому поставить не дано.*

Павел Григорьевич Иванов ещё в советский период жизни страны взял себе псевдоним Беспощадный. Он был шахтёром, и, как пишет Андрей Чернов, “горняки (как в старом Донбассе называли шахтёров), как никто другой, тянулись к жизни и ценили её. Никто другой так не поспешит на помощь человеку, как шахтёр. А своеобразное шахтёрское братство сродни братству однополчан”. Павел Беспощадный, умерший в 1968 году, оставил после себя пронзительные строчки, которые так созвучны сегодняшнему времени:

*Я умру на донецкой земле,
Когда вечность сотрёт терриконы...*

Он сказал о себе и о тех, кто дерётся за Новороссию.

И как созвучна содержанию альманаха замечательная, завершающая статья Галины Чудиновой о сборнике прозы “Я дрался в Новороссии”. Лейтмотивом альманаха является мысль, что Донбасс в своей народно-освободительной войне встал на защиту не только своей независимости, но на защиту человеческого в человеке, православного образа мышления, чтобы выстоять и восторжествовать над новым врагом человечества – неофашизмом.

“Мы из Молодогвардейска” – так называется сборник авторов творческого объединения “Лугоречье”, живущих в Молодогвардейске. Среди них не только поэты, но и художники, фотографы. Им важно сказать: “Мы запомним героев Донбасса навечно” (Александра Бондаренко), человек, отстаивающий Донбасс – “светлый воин добра” (Алексей Грищенко), “Пречистым светом озарятся души, // ликуя, возвестят: “Конец войне!”” (Нина Дернович), ополченец – герой стихотворения Ивана Макану, “слышит плач страны” (Надежда Мотович), “Словом полнится душа” у Ивана Самойленко. “Тут бесконечное личное горе // и бесконечный смертельный оскал”, “Наступают русские

мальчики, // повзрослевшие на ходу” – замечает Александр И. Сигида. Здесь много замечательных авторов, любящих и отстаивающих свою землю словом: “Я – Донбасс. Я дочь степного ветра” (Светлана Сидорова), “Здесь умеют в полный рост стоять: // воином-защитником, поэтом!” (Олег Таран). Марина Юдакова на вопрос о мечте Донбасса отвечает: “о светлом мире на планете”; о горе матерей, потерявших сыновей, пишет Лидия Юшкевич. Планетарно мыслит Александр А. Сигида:

СОЛНЦЕВОРОТ-2014

*Отцы не взяли автоматы
В тот девяносто первый год,
Когда политики-кастраты
Пустили Родину в расход.
Те, кто не спился в девяностых,
Кто не сторчался в нулевых,
Не сгинул в наркохолокосте
От огнестрельных, ножевых —
Сегодня здесь. Их шеи тонки,
Они приходят прямоком
Из старых выпусков “Лимонки” —
Вам этот дискурс был знаком.
Сейчас лимонки — в дефиците,
Но есть четыре РГД...
Задумавшись о геноциде,
Не забывай о Сигиде.*

6. Остаться живыми

Встреча с луганскими писателями и поэтами в республиканской библиотеке имени М. Горького ещё длится в моей памяти. Я думаю о том, что Донбасс и Луганск – эта территория, которая веками принадлежала Донскому казачьему войску. После революции 1917 года к Украине отнесли русский город Харьков, основанный **царём Алексеем Михайловичем**; Донецк, основанный **императором Александром II**; Николаев, Днепропетровск и Одессу, которые были основаны **императрицей Екатериной II**. Жители этих областей до сих пор сохранили дух нации, православные традиции. И если Донецкая и Луганская народная республики выбрали путь дальнейшей своей жизни с Россией, а новые хозяева Украины – с Европой, так гордящейся своей толерантностью, то почему же нет толерантности, нет терпимости? Украина каждый день убивает тех, кто выбрал принадлежность к русской цивилизации. Это понимают тайные хозяева Украины – США, и они будут воевать с русской цивилизацией, руководствующейся не потребительством, а высшими, духовными смыслами, до последнего украинца.

Но на Донбассе очень много веры в Победу: “Будет Донбасс!” – говорят здесь, веря в то, что здесь их дом, их земля, их русские корни. Поэтому особенно проникновенно звучит стихотворение Светланы Сеничкиной:

*Нас гонят из дома —
Ракетами, минами,
Блокадой, разрухой,
Наветами, “сливами”.
Кричат, чтоб бежали,
Скорей, что есть силы:
“Хотели в Россию?
Валите в Россию!”
А уезжать не хочется — до слёз.
Умом-то понимаешь: всё всерьёз.
Умом-то понимаешь: всё надолго.
И, может быть, там лучше будет, только*

*Как, если корни вырвешь из земли,
Живым остаться?*

Здесь мои литературные собратья мечтают о конце войны, о мирной жизни, о любви, семье, как написала Елена Настоящая:

*Свой берег обрела родной,
Жизнь, полную любви и света.*

А Елена Заславская произнесла: “Через все трудные моменты жизни, преодолевая чувство, что все крылья перебиты, через все пропасти мы наводим культурные мосты, сохраняем надежду, подвижничество, оптимизм”.

Марк Некрасовский прочёл юмористические стихи, но в подаренном мне сборнике его стихов “Танго смерти” встают картины военного Луганска.

*А мне кричат: у вас не жизнь, а ад,
И нет ведь сил, чтоб помешать врагу.
Беги, твердят, куда глаза глядят,
А я вот никуда не побегу.*

“Краматорские тетради” Александра Сурнина. Читая их, погружаешься в трагические события в течение 2014 года в Краматорске. Автор избрал такое построение книги: публикация сообщения в СМИ, а затем его комментарии. Он благодарен своим коллегам-журналистам из Донецка и Краматорска, предоставившим ему свои ресурсы и архивы. Писатель настаивает на своей субъективности, это его собственная точка зрения, не претендующая на всеобъемлемость. Это рассказ о войне в одном городе, отразивший приметы своего времени.

Писатель уверенно заявляет от имени жителей независимых республик: “Неважно, с Россией или без оной, Донбасс победит, потому что не отдаст захватчикам свой дом, не простит невинно убиенных стариков и детей”. Александр Сурнин приводит слова поэта Владимира Скобцова: “Бывший друг, красноречиво утверждавший, что не всё так однозначно, ты молчал, когда украинские солдаты убивали наших женщин – они ведь вата, ты молчал, когда украинские солдаты убивали наших стариков – они ведь колорады, ты молчал, когда украинские солдаты убивали наших детей – они ведь не твои дети. И когда в твой дом придёт беда, постарайся встретить её с достоинством, как её встретили мы, и не спрашивай, по ком звонит колокол, – он звонит по тебе”.

Многие люди не только на Донбассе, но и в России разделяют уверенность писателей в победе Донбасса. И тогда откроются многим горизонты духовные и горизонты географические, откроются туристические маршруты Луганщины, её музеи и театры, филармония, не прекращавшие свою работу даже под бомбёжкой, памятники Карлу Гаскойну, основавшему литейный завод, А. И. Молойчому, командиру эскадрильи, бомбившей Берлин в 1945 году, памятник известному поэту-песеннику Михаилу Матусовскому. А сколько святынь Православия на земле луганской! Свято-Владимирский кафедральный собор, храм Святой Татианы, храм в честь иконы Божьей Матери “Умиление”, Свято-Николо-Преображенский собор, Свято-Петропавловский кафедральный собор, Свято-Вознесенский храм, храм в честь Всех Святых и часовня диакона Филиппа, которому дано было свыше трижды явление Божьей Матери, монастырский комплекс Прославление страстей Господних. За красоту природы Боково-Платово называют Донской Швейцарией, а если отправиться по маршруту “Королевские скалы Провальской степи”, вы побываете в природном заповеднике в Свердловском районе, узнаете историю Провальского войскового конного завода, побываете в храме во имя Святителя Николая Чудотворца.

Луганчане гордятся своим земляком Владимиром Ивановичем Далем. Здесь установлен ему памятник, создан музей, а университет носит его имя.

Книга о В. И. Дале – подарок от республиканской библиотеки имени М. Горького – “Дорогами судьбы В. И. Даля”. Авторы-составители: Соколова Л. П., Кульбацкая Л. И., Безуровная А. А., ответственная за выпуск – Приколота О. В. Издана в Луганске в 2016 году. Коллективный труд научных сотрудников Литературного музея В. И. Даля, музея, прошедшего долгий путь к становлению и открытию.

Выдающийся лингвист, учёный, В. И. Даль прожил в своей судьбе несколько жизней: морская служба, медицинская деятельность, государственная служба, создание словаря, литературная деятельность, которая сверкает особой гранью – дружбой с А. П. Пушкиным. И эта многогранность деятельности, огромный человеческий потенциал даны были ему Луганской землёй, где родился этот великий человек, подписывавшийся под своими первыми произведениями Казак Владимир Луганский. Луганчане, создав музей, заложили фундамент памяти о нём или построили мост между предшествующими поколениями и будущими, по крупицам собирая материалы об учёном, писателе, лексикографе, этнографе, фольклористе, лингвисте, хирурге, естествоиспытателе, философе и моряке, общественном деятеле и дважды академике.

Владимир Иванович Даль родился 10 ноября 1801 года в семье доктора Луганского литейного завода. Он прожил 71 год, и из этих лет работал над «Толковым Словарем живого великорусского языка» 53 года, параллельно с другими видами его занятий. Создание «Толкового словаря живого великорусского языка» и сборника «Пословицы русского народа» сделало его имя бессмертным. Скромность и деликатность великого человека не позволили ему оставить о себе подробных биографических сведений, но кропотливый труд коллектива музея бережно оформил собранную информацию, за что огромная благодарность этим поистине подвижникам, сотрудникам музея В. И. Дала: и за научно выверенные знания, и за уникальное собрание книг, документов, предметов той эпохи.

7. Птица Феникс

Продвигаясь в автобусе из Ростова-на-Дону к Луганску, преодолев границы, я внимательно рассматривала засеянные поля и неудобья, вглядывалась в далёкие горизонты, и нигде не было ни людей, ни деревень, ни встречного транспорта. Пассажиры сидели тихо, не разговаривали друг с другом, только одна женщина тихо крестилась, стараясь делать это незаметно. А потом автобус нырнул по просёлочной узкой дороге в туннель лесопосадки, и вдруг впереди с правой стороны от автобуса я увидела яркую большую птицу с золотым и оранжевым оперением, сидящую на низкой ветке дерева. Услышав приближение автобуса, чудесная птица мгновенно исчезла в густой зелени ветвей. «Кто это? Что за красавица?» – взволнованно спросила я у ехавшего рядом замкнутого мужчины с дочерью лет пятнадцати, очень красивой, но грустной девочкой. Мужчина не очень охотно, но ответил, что это фазан, что их теперь развелось очень много, потому что никто не охотится, не ходит по посадкам, боясь мины или встречи с недобрыми людьми.

Мне вспомнилось, что согласно мифологии, фазан – это же наша легендарная птица Феникс, сгорающая в огне и вновь воскресающая, что для христиан Феникс – это символ бессмертия духа, божественной любви и благоговения, Бога-Сына, воскресшего на третий день после распятия. Так вот что предвещает возникшая в пути птица: возрождение Донбасса, возрождение из огня, из страданий и мук!

И все мои встречи, особенно в республиканской библиотеке имени М. Горького, личность Натальи Расторгуевой, её рассказы, восстановление объектов культуры в Луганске, встреча с ополченцем с позывным Золотой, – всё мне напоминало о птице – символе Возрождения.

Человек с позывным Золотой сегодня седой. Ещё с 2012 года он осознал, что надо защищать Украину от Майдана, неоднократно участвовал в антимайданных мероприятиях, работал в Партии регионов, организовывал только мирные акции, а в ответ его единомышленников забрасывали коктейлями Молотова. Съезд в Харькове 21 февраля 2014 года был разгромлен зомбированными людьми с молотками в руках. Когда он вернулся в Луганск, уже стояли палатки ополченцев возле областного Дома Советов. Он был в Европе, он видел двойную мораль и вырождение в виде однополых браков, поэтому, когда Крым провёл референдум, сказав: «Мы идём к России», – на Донбассе тоже сделали свой выбор, приняв на себя удар всех русофобов, всех противников русской цивилизации, неонацистов. К ним поехали ополченцы из разных городов России, из славянских стран, потому что осознали угрозу для славянского мира. Сергей часто вспоминает этот рубеж, когда в Луганск ворвалась война, когда площадь около здания администрации в результате бомбарди-

ровки была залита кровью: “Я подъехал к зданию, а мне навстречу несут в одеялах куски тел”. А по телефону сестра из Киева говорила: “Это ваши боевики выстрелили”.

“Мы будем в ополчении, пока не победим”, — решил Сергей. Не все могут быть бойцами, для этого требуется физическая и психологическая выдержка, устойчивость. У Сергея они есть, и доказательством тому — три государственных награды на его груди: “За боевые заслуги”, “За мужество и доблесть”, “За верность долгу”.

После встречи с Сергеем мы идём с Марком Некрасовским и Андреем Черновым к памятнику защитникам ДНР, туда, где формировалась её будущая армия, где стояли палатки первых защитников Русского Мира.

“Говорили, что здесь находились плохие люди. Это неправда, я тут был и стоял, — рассказывает поэт Марк Некрасовский. — Было холодно, но горожане поддерживали и приносили горячий чай, картошку, бутерброды”. Напротив памятника, через дорогу, идёт восстановление девятиэтажного здания, которое спасло многих людей, участников ополчения, потому что принимало на себя удары украинских войск, бивших из Каменного брода. Летели мины и снаряды, и не всегда эта девятиэтажка могла защитить. Марк Некрасовский написал стихотворение о том, как один мужчина закрыл своим телом ребёнка:

*День был такой погожий...
Не умирать бы, а жить.
Телом своим прохожий
Младенца успел закрыть.*

*Плотью своей и кожей
Осколки сумел сдержать.
День был такой погожий —
Не хочется умирать.*

*Миной лежит убитый.
Рядом — убитая мать.
С властью теперь вы квиты —
Не будете “бунтовать”.*

*Нас не поймёт европеец:
Что же мы за страна?
Надрывно плачет младенец.
Жизнь его спасена.*

Стоя у памятника защитникам Луганска, мы смотрим на героев: ополченец, молодая мама с ребёнком, донской казак. Ненавистники ЛНР совершили теракт и подорвали памятник, казаку в бронзе оторвало ногу, но памятник вновь восстановлен, работают фонтаны.

Я достаю из сумочки маленькие кусочки янтаря, и мы с луганскими авторами молча опускаем их в воды фонтана в знак нашего литературного братания, духовного единства, общей судьбы, в знак торжества жизни, в знак того, что художественный мир луганских авторов оказался способным удерживать в себе живое, вписанное в мир и наивной красоты, и беззащитности, и доверчивости, и в нравственный выбор, за которым чистота и свет, мужество и Победа, возрождение из огня.

ЮРИЙ ШЕМЕЛИН

ДВЕ БОЛЬШИЕ РАЗНИЦЫ

Латиноамериканские заметки бывшего торгпреда

Случилось так, что на изломе 80-х я попал в группу сотрудников Министерства внешнеэкономических связей СССР, спешно отправляемых на работу в зарубежные представительства – торгпредства, подальше от предстоящей в центре работы по окончательному демонтажу системы монополии внешней торговли в стране.

В июле 1990 года меня отправили в долгосрочную командировку в качестве советника по торгово-экономическим вопросам нашего посольства в Коста-Рике с перспективой работы по совместительству в соседней Панаме. Эти перспективы вскоре стали явью, и, начиная с сентября 1990-го, панамериканское шоссе между столицами этих соседних стран стало мне знакомо до каждого придорожного ресторанчика на 900-километровом пути от Сан-Хосе-де Коста-Рика до Панама-сити, а потом, с 1994 года, – от Панама-сити. Продолжалось это 12 долгих лет, за которые многое поменялось и в этих странах, и вокруг в мире, да и во мне, и когда я вернулся на Родину, мне показалось важным не держать свой опыт и размышления втуне, а поделиться ими с возможно более широким кругом заинтересованных в этом людей.

О Латинской Америке, об этом уникальном конгломерате народов и культур, расположенном на сравнительно недавно открытом и освоенном континенте, где в 35 государствах живут чуть более 640 млн человек, написаны сотни исследований. Латиноамериканистика давно стала научным направлением во многих мировых научных школах, и мне хочется поблагодарить судьбу за то, что жизнь дала мне шанс узнать и полюбить эту Америку и её людей. Когда я узнал их языки, музыку, стихи и песни, романы, а самое главное – самих латиноамериканцев, мне, кажется, удалось понять и почувствовать это особое латиноамериканское ощущение мира и человека в нём и научиться прощать многое из того, что, как правило, кажется странным и непростительным, например, то самое знаменитое “hora latina”, которое может очень сильно отличаться от нашего понимания “прийти вовремя”: обижаться на опоздание даже на деловую встречу у латиноамериканцев считается дурным тоном.

Во встречах, разговорах и спорах с мужчинами и женщинами, и даже с детьми этой Америки постепенно пришло и ко мне то, что называется “полюбить Латинскую Америку”, её людей, этот “коктейль” трёх культур: западноевропейской и африкано-карибской культуры местных народов. Конгломерат народов с мягкой доверчивостью и стойкой обидчивостью на грубость, с готовностью поделиться всем и лежащим на поверхности плутовством в мелочах, да и по-крупному... А ещё – с демонстративным гостеприимством

и часто закрытостью в глубоко личном, уважением к авторитетам, склонностью к подчинению им и внешним фанфаронством, фатализмом и жертвенностью, трактуемой, как неизбежность, и вспыльчивостью, легко переходящей в ярость, склонностью к романтизму и вере — и всё это в форме “кабальеризма” и “мачизма” мужчин и изменчивости и непостоянства женских легковесных привязанностей, нежданно переходящих в ярость и готовность жёсткой мести за измену. Это как бы “смягчённая” мягкими тропиками и сладким воздухом испанская жёсткость и определённость чувств, сильно разбавленная радостной беспечностью бездумных, безнадежно бедных и непонятно почему счастливых обитателей райских Карибов.

Разумеется, все они, люди этой Америки, разные, но и в герое, и в негодяе, в обыкновенном человеке и в каждой выдающейся личности вы найдёте некие особые латиноамериканские черты. “Любить латиноамериканцев” вовсе не означает любить каждого из них, речь идёт о цивилизационном “отблеске”, как бы лежащем на каждом, придающем каждому свой *латиноамериканский* рисунок души. Конечно, социальная, классовая доминанта в этой цивилизации имеет тоже большое, часто ведущее значение, но и в бедняке, и в миллионере вы сможете прочесть этот особый латиноамериканский цивилизационный код.

И есть в этом коде ещё одна общая, исторически обусловленная черта. Народы Латинской Америки, как никто другой, в довольно короткий исторический срок хлебнули из горькой чаши зависимого экономического развития: от испанского и португальского рабского и затем феодально-латифундистского порабощения до империалистического неокOLONиального, а потом неоллиберального, получившего в последнее десятилетие штамп так называемой глобализации. И эти же народы в течение всего этого периода, как нигде больше, массово явили миру разные формы сопротивления зависимости, от колониального испанского владычества до героического антиимпериалистического: от парагвайского сопротивления 1864–1869 годов до кубинской, никарагуанской, чилийской, боливийской и венесуэльской социальных революций, национально-патриотических форм военных диктатур в Перу, Панаме, крестьянских восстаний в Гватемале и Сальвадоре, партизанской войны марксистов в Колумбии, формирования своеобразных “компромиссных” экономических моделей развития хустиалистской Аргентины, Коста-Рики и Уругвая и с неожиданно массовым “левым поворотом” почти всего континента в начале XXI века. Зависимость и её формы, формы подчинения и формы сопротивления этой зависимости — главный экономический и исторический фон, на котором живут и действуют народы континента, преломляя через себя, своё культурное наследие и эту зависимость, и завоёванные формы своей особой идентичности.

На мой взгляд, в наиболее общем виде охарактеризовал в своих исследованиях современную форму экономической зависимости стран, в том числе и в эпоху глобализации, бразильский экономист и политический деятель Ф. Кардозо. (1). Это так называемая “анклавная” форма или структура экономики, где наибольшее развитие и инвестиционную подпитку — в основном извне — получает какой-либо один вид или отрасль производства, например, добыча минеральных ресурсов (Венесуэла, Перу, Боливия, Чили) или с/х сырья (Эквадор, Аргентина), или экологически неблагоприятные производства и даже отрасли промышленности — цветная и чёрная металлургия, химические производства (Бразилия, Колумбия, Мексика) или предоставление специфических услуг (транспорт, международный туризм: Панама, Доминикана, в своё время — Куба). Социологическим следствием “анклавных” экономик, является неразвитость среднего и мелкого бизнеса, большая разница в доходах “элит” и большей части населения, а её политическим следствием — формирование властной надстройки, связанной с производством и экспортом главных “анклавных” продуктов страны, надстройки, чуждой задачам отстаивания национальных интересов и создающей для удержания своей власти далёкие от подлинной демократии институты и изощёренный бюрократический аппарат. Новой, ещё более сложной формой экономической зависимости этих стран от технологически более передовых стали образованные в последние десятилетия мощными ТНК международные производственные комплексы (МПК).

Так произошло, я думаю, и в России, где высокая доля в ВВП таких анклавных отраслей, как добыча нефти и газа и не работающая на внутренний

рынок “оборонка”, создаёт неблагоприятную экономическую “однобокость” и зависимость от мирового рынка, которая острейшим образом поставила в наши дни задачу коренной модернизации экономики России как условия сохранения нашей национальной идентичности и политической независимости. Причём это происходит на этапе формирования нового высокотехнологичного мирохозяйственного уклада экономики, когда отставание от участия в этом процессе грозит дальнейшим усилением зависимости. Латиноамериканские страны, как, возможно, никакие другие, накопили обширный экономический и политический опыт борьбы по преодолению и смягчению последствий “анклавных” форм зависимости от центров силы. Изучать и распространять этот опыт в России – одна из основных, как я думаю, задач нашего общества, а также центров принятия стратегических решений.

Коста-Рика и Панама, две соседние небольшие, но от этого только более удобные для исследования страны для меня стали своеобразными “лабораториями” применения двух разных экономических моделей развития: так называемой неолиберальной модели, применяемой со своими особенностями в Панаме в интересах национальной и международной торгово-финансовой элиты, модели, на применении которой в российской её версии так упорно настаивает В. В. Путин и его экономическая команда, и костариканской экономической модели так называемого “третьего пути” развития, ориентированной в значительной степени на внутренний рынок и интересы, прежде всего, национальных предпринимательских кругов, эффективно встроенных, тем не менее, в систему международной торговли.

К сожалению, в России до сих пор отсутствует сколько-нибудь серьёзная открытая общественности площадка для обсуждения альтернативных моделей развития, а многочисленные совещания и клубы представляют собой преимущественно парадные мероприятия, целью которых является пропагандистское продавливание позиции властных структур, соответствующей интересам узкой группы сырьевых олигархов, к которой в силу внешних факторов недавно присоединился и государственный военно-промышленный комплекс. Суть этой позиции такова: поиск выхода из создавшейся ситуации без смены основной парадигмы развития (а скорее либерального тупика), построенной на экономически зависимой от внешних факторов и давлений финансовой системе, на сужении роли государства и отказе его от непосредственной экономической деятельности, коммерциализации его социальных, идеологических, культурно-нравственных и других патерналистских функций. Между тем, известно, что во многих странах мира, в том числе и в Латинской Америке, “это уже проходили”, и в рамках так называемого “устойчивого” развития и в ряде других случаев “наработали” множество различных сочетаний участия государства и частного сектора в экономической жизни, что, как мне кажется, можно было бы учитывать нашим экономическим “гуру”. Тем более, что в России среди научно-технической интеллигенции, части культурного сообщества и в пока ещё немногочисленном слое национально ориентированных предпринимателей вызывает широкий протест против однобокой экономической политики российских либерально-олигархических кругов. Надеюсь, что нижеследующий сравнительный анализ ключевых элементов противоположных исторических, экономических и социальных реальностей двух соседних стран Центральной Америки может послужить материалом для серьёзных размышлений на эту тему.

Этот анализ не является, строго говоря, научным, с его непременными атрибутами – множеством цифр и графиков, а, скорее, обобщением наблюдений и опыта жизни и работы в этих странах, возможно, окрашенным собственным личным восприятием, основанным, однако, на фактах и исторических данных.

Созданная трудом “свободно собравшихся людей...”

Коста-Рика на 50 лет старше своей соседки Панамы, возникшей как современное государство в 1903 году, хотя населять территории, на которых сейчас находятся обе эти страны, испанские колонисты начали одновременно, в XVI веке. Костариканцы – потомки испанских колонистов, которые прибыли сюда в 1502 году на кораблях Христофора Колумба в его четвёртом и последнем плавании через Атлантику в поисках дороги к Вест-Индии. Ходят легенды, что это путешествие оплатили Колумбу бежавшие с юга Испании

от преследований правоверных католиков евреи-сефарды и морроны, иудеи-выкресты, тайно сохранявшие свою веру. Может быть, желая понравиться таким заказчикам, Колумб назвал этот край “Богатым берегом”, тем более, что приветливо встретившие его местные жители, женщины племени чоротеги, были украшены золотыми массивными литыми ожерельями. Такие ожерелья носят ещё и сейчас женщины народности куна, живущие на островах архипелага Сан-Блас Атлантического побережья Панамы. И как в своё время Колумбу, так и сейчас ни одному из туристов не удастся уговорить их расстаться с этими грубовато сделанными золотыми ожерельями. “Нет, это у меня от моей пра-пра...прабабушки, это не продаётся... Ни за какие деньги...” – чуть смущённо, но твёрдо отвечают они...

В отчаянных и жестоких по отношению к индейцам поисках золота приезжие колонисты уничтожили почти все населявшие эту страну немногочисленные племена и...остались один на один с миром душных прибрежных тропиков, высоких лесистых гор, увенчанных вулканами, проливными дождями, дающими жизнь стекающим с этих гор бурным и капризным рекам и ужасающей летней сушью местных саванн. Но им удалось всё же найти в центре страны, подальше от океанов, огромную, площадью 9 тыс. кв км долину, где климат круглый год походит на европейское лето, а земля плодородна, потому что насыщена минеральными солями – продуктами извержения вулканов. Именно здесь, в этой долине они начали создавать существующие и поныне поселения: Картаго, Сан-Хосе, Эредия, Алахуэла, Коронадо и другие. Сейчас это одноэтажные и малоэтажные города, окружённые плантациями кофе, зелёными пастбищами, нетронутыми зарослями субтропической растительности. Высокие здания здесь редки из-за частых землетрясений. Чтобы выжить без золота и рабов, без поддержки метрополии с минимумом рабочего скота и орудий именно они, белые люди начали упорно трудиться: заниматься земледелием, скотоводством, строить дома и дороги, выращивать кофе и сахарный тростник, пасти скот, создавать промышленность, так что созданные в центральной долине деревни постепенно сливались и создали нынешний полуторамиллионный город Сан-Хосе, ставший столицей одного из наиболее стабильных и в социальном, и в экономическом плане государств региона.

Первоосновой этой постепенно сложившейся социальной стабильности и относительного благоденствия и стал, на мой взгляд, тот самый “свободный труд свободно собравшихся людей”. Случай, уникальный и, пожалуй, единственный в Латинской Америке, когда совершился процесс зарождения и становления среднего класса собственников, создающих свои богатства преимущественно своим же трудом. И довольно справедливо распределяющих их. Когда испанский клир в лице епископа попытался обложить этих собственников церковной данью, этот трудовой люд взял в руки оружие и навсегда поставил католическую церковь на весьма скромное место в иерархии своих политических, культурных и общественных структур и ценностей. Хотя церковь в Коста-Рике не отделена от государства, и в государственной школе дают и религиозное образование, Сан-Хосе является единственной из латиноамериканских столиц, где на центральной площади города нет католического собора, но стоит здание Национального театра.

Страна стала самостоятельным государством впервые в 1823 году, когда торгово-ремесленный Сан-Хосе победил в столкновении с мексиканскими олигархами-монархистами и провозгласил на территории страны Республику, в 1824 году вошедшую в Конфедерацию из 5 самостоятельных центральноамериканских стран. Окончательную и полную независимость костариканцы обрели в 1850 году после распада конфедерации, а затем в 1856 году отстояли её еще раз в сражении против армии американского генерала-авантюриста “южанина-рабовладельца” Уильяма Уокера.

Крупные владельцы плодородных земель центральной долины – их потомки называют кофейными баронами, – правнуки и праправнуки первых переселенцев из Испании обнаружили, что климат и почвы благоприятствуют здесь выращиванию кофе, одного из самых востребованных тогда, особенно в Англии, экзотических продуктов. В отсутствие, однако, достатка в рабочей силе они будут вынуждены дробить и передавать часть участков другим семьям, готовым выращивать кофе. Те же “бароны” затем начали создавать коллективные, а затем государственные формы сбора, обработки и экспорта кофе. При президенте Томасе Гуардия в Конституцию страны были внесены статьи, закреп-

ляющие положение средних и мелких производителей кофе, а потом и других культур и их поддержку государством.

К концу XIX века Коста-Рика подошла как заметный на мировом рынке производитель высококачественного кофе, для чего государство взяло под свой контроль и вопросы его качества, сахара-сырца, позднее – бананов. При этом именно государство стало гарантированным скупщиком и агентом-экспортёром значительной части производимых классом земледельцев экспортных товаров. На этом фоне вторжение в те годы крупного иностранного капитала в экономику страны в лице производителя бананов американской “Юнайтед Фрут Компани” было контрастным, хотя и болезненным для истории страны исключением. А как отчаянно сопротивлялись такому вторжению национальные предприниматели! Будет время, найдите и прочитайте об этом в романе известного костариканского писателя Хоакина Гутьерреса “Умрём, Федерико?”.

Мировой экономический кризис 1929–1930 годов показал костариканцам ущербность однобокого “анклавного” характера экономики и уже тогда вызвал к жизни политику её развития “внутрь”, то есть внутреннего рынка. Такая политика стала возможной в значительной мере потому, что, в отличие от соседних Никарагуа и Панамы, крупное латифундистское земледелие не стало здесь основным элементом хозяйствования. Аналогичные факторы действовали и в ремесленно-промышленных отраслях. Так, постепенно преобладающей формой землевладения и собственности и в агрокомплексе, и в промышленности стали здесь мелкие и средние хозяйства, кооперативы и национальные компании и фирмы. Развитые капиталистические рыночные отношения выросли здесь, в основном, изнутри, на национальной почве.

Глубокие экономические и социальные реформы произошли в этой стране и после Второй мировой войны, когда на фоне победы СССР и советского социалистического строя авторитет и влияние здесь коммунистической партии возросли вплоть до её попытки прихода к власти. Последовавшие не без вмешательства США события привели к гражданской войне 1948 года, репрессиям в отношении коммунистов и физическому уничтожению многих активистов. В этой внутренней схватке победил хозяин джутовых плантаций и лидер партии “Национальное освобождение”, предприниматель Хосе Фигейрос Ферреро. Однако он сделал из этих событий и весьма позитивные для страны выводы: провёл на конституционном уровне серьёзные реформы социального характера – распустил армию и направил все освободившиеся государственные бюджетные средства на создание системы обязательного и всеобщего бесплатного среднего и высшего образования и системы государственного социального страхования и здравоохранения. Позднее, в период 1970–1978 годов, при правительствах Хосе Фигейроса Ферреро, а затем Даниэля Одубера Кироса была повышена роль и участие государства в экономике: национализирована часть банковской системы, система энергетики, связи, нефтепереработки, дорожной и портовой инфраструктуры страны. Так политика развития “внутрь”, провозглашённая после мирового экономического кризиса 1929–1930 годов и продолженная в 1948–1968 годах привела к концу XX века к значительной диверсификации производства и экспорта и фактически вырвала Коста-Рику из длинного ряда стран с чисто “анклавным” типом экономики.

Ветры так называемой глобализации, а на деле – вывоза капитала “Империей”, в том числе и на свой латиноамериканский “задний двор”, не обошли и эту страну. В 90-х годах прошлого века прямое давление на руководство Коста-Рики с целью навязывания стране проектов приватизации энергетической компании ICE, телефонной RACSA и других не раз оказывал сам президент США Б. Клинтон, не говоря уже о многочисленных эмиссарах МВФ. Не получилось. Хотя частичные изменения в системе социального страхования, в форме привлечения к этой системе и в госкомпании частных фондов и капитала были внесены. На рынке мобильной телефонной связи появились иностранные компании. Были приватизированы операции в порту Кальдера, оператором международного аэропорта Сан-Хосе стала одна из английских компаний. Появились, но при условии инвестиций только в возобновляемые источники энергии, небольшие частные энергетические компании. Эти “точечные” изменения не смогли качественно изменить основной идеологический рисунок экономики и не изменили сложившегося в стране политического и экономического доминирования, я бы даже сказал, союза национального капитала, средней и мелкой буржуазии и обслуживающих эти интересы технократов,

интеллигенции, работающих в государственных институтах управления, в системе образования и здравоохранения.

Приход к власти в Коста-Рике в 2014 году впервые в её истории новой партии “Гражданское действие” во главе с технократом левоцентристского толка Гильермо Солисом вместо сменявших друг друга на протяжении всей истории этой страны двух традиционных буржуазных партий политически закрепил победу национальных концепций развития над сторонниками глобалистских, неолиберальных моделей, нацеленных на исчезновение исторически обусловленной национальной идентичности костариканского общества. И весьма примечательно, что победа центриста Гильермо Солиса могла бы и не состояться без сознательной его поддержки левых – “Партии широкого фронта” во главе с “чавистом”, как его здесь называют, Хосе Мария Вильальта. В результате сегодня интересы государственной технократии, социальных институтов, научно-технической и культурной интеллигенции и национально ориентированного бизнеса прочно обеспечиваются в Законодательной Ассамблее, где левоцентристским силам принадлежит конституционное большинство: 40 из 57 мест.

“Сшитая” по заказу ...

Панама была создана фактически искусственным образом, по решению США, в 1903 году из-за своего уникального географического положения. Но вначале, и тоже из-за уникального географического положения, здесь хозяйничали испанцы-конкистадоры.

Центральноамериканский перешеек, там, где находится эта страна, изогнут таким образом, что Атлантический океан является его северным, а Тихий – южным побережьем. Здесь перешеек довольно узок (до 65 км в зоне нынешнего Панамского канала) и расширяется к западу, к границе с Коста-Рикой, одновременно вздымаясь до 3475 метров над уровнем моря.

Корабли Колумба, высадив 18 сентября 1502 года испанских сафардитов и морронов-переселенцев на атлантический берег вблизи нынешнего костариканского порта Лимон, отправились дальше на восток и два месяца плутали вдоль извилистого, полного опасных корраловых рифов северного побережья перешейка в поисках вождя пролива к Южному морю, но так его и не нашли. Встретив новый 1503 год в наконец-то найденной удобной бухте, где ныне начинается атлантический вход в Панамский канал, Христофор Колумб сдался и повернул сначала к Ямайке и Никарагуа, а затем на родину, в Испанию. Он так и не узнал, что встречал новый 1503 год всего лишь в 65 км от побережья Тихого океана. Через 9 лет через зелёный ад горной панамской сельвы пройдёт вместе с отрядом верных ему солдат его соотечественник, разорвавшийся на родине испанский дворянин и офицер Васко Нуньес де Бальбоа.

Этот офицер, отправленный в 1510 году в Колумбию для усиления “ограниченного контингента” испанских завоевателей Америки во главе с Алонсо де Охедо в группе с другими командирами-конкистадорами, среди которых был и будущий жестокий покоритель перуанских инков Франциско Писарро, оказался довольно честолюбивым, инициативным и к тому же способным к изучению чужих языков парнем. Он счёл бесперспективной и ненужной жизнь бок о бок с весьма агрессивными колумбийскими аборигенами и перебрался на север, в малонаселённую сельву нынешней панамской провинции Дариен. Там, вместе со своими сподвижниками, которых он сумел убедить покинуть Алонсо Охедо и его команду, он основал первый в Центральной Америке город Санта-Мария-де-Антигуа и вывел у дружелюбных местных индейцев эмбера кратчайший путь к Южному морю. “Много рыбы там”, – говорили они ему, указывая на юг. И он основал вскоре на тихоокеанском побережье свой второй город, которому будет суждено быть названным именно так – “Много рыбы” или – на языке индейцев – Панама (ударение надо делать на последнем слове).

С этого дня в 1511 году начинается история города, где Васко Нуньес Бальбоа, однако, проживёт недолго. Королевский двор вскоре жестоко обидел отважного первооткрывателя самой стратегической точки Нового Света, через которую очень скоро в метрополию тоннами потечёт золото и серебро из перуанских Анд, и назначил туда губернатором вместо амбициозного, но обедневшего офицера престарелого титулованного служаку Педро Давила, поднаторевшего в дворцовых интригах. Как говорят, начальству виднее... И очень

скоро коварный и хитрый царедворец обвинил Бальбоа в “антигосударственной измене”, арестовал его и его четырёх ближайших товарищей и отрубил им головы. Правда восторжествует только через сотни лет, когда Панама станет самостоятельным государством и профиль головы Бальбоа украсит панамские монеты, а в центральной зоне набережной города, недалеко от яхт-клуба, ему поставят памятник, где он в полном рыцарском облачении указывает своей шпагой на юг, в сторону Перу – южноамериканского Эльдorado. Жертва, как это часто бывает, увековечена и никто не помнит её палача... А адмирал Христофор Колумб (по-испански Кристобаль Колон) будет впоследствии увековечен костариканскими поселенцами в наименовании их денежной единицы колона.

Панама постепенно обретала всё новых и новых поселенцев, в основном корабелов, строивших здесь суда для продвижения и захвата новых земель на побережье, переселенцев, осваивавших земли на западе – скотоводов и земледельцев, – и на долгие годы стала провинцией Новой Гранады или Колумбии. Попытки её отделения от Колумбии предпринимались местными землевладельцами-олигархами трижды. Впервые в 1841 году одна из таких попыток ненадолго увенчалась успехом. Тогда Республика просуществовала всего лишь 13 месяцев. Более длительная попытка федеративного устройства в составе Республики Новая Гранада состоялась в 1856–1886 годах. В самом конце этого периода Франция, благодаря энтузиазму инженера Фердинандо Лессепса, успешно построившего в 1852 году Суэцкий канал, затеяла строительство первой версии Панамского Межокеанского канала. Это оказавшееся авантюрным строительство было прервано в 1889 году из-за нехватки капиталов, из-за косившей рабочих-строителей “желтой лихорадки” и нехватки адекватных проекту строительных механизмов и машин.

Но всё пошло по-другому, когда в 1902 году Сенат США 42 голосами против 34 рекомендовал правительству США построить межokeанский канал не в Никарагуа с использованием самых крупных на перешейке естественных озер Манагуа и Никарагуа (как это ранее было предложено сенатской комиссией во главе с сенатором Морганом и как это делают сейчас китайские компании), а по территории северной колумбийской провинции Панамы в зоне уже построенной здесь в 1855 году американскими предпринимателями межokeанской железной дороги. Чтобы осуществить проект, Сенат поручил приобрести за 40 млн долларов концессию на строительство у прогоревшей французской компании *La Compagnie Nouvelle*, созданной когда-то Ф. Лессепсом. Это решение Сената и тогдашнего президента США Теодора Рузвельта так же, как и последовавшее в ноябре 1903 года ради его реализации отделение провинции Панама от Колумбии с созданием Республики Панама было одним из первых практических применений правящей элитой США доктрины Монро: “Америка для американцев”.

Вслед за провозглашением независимости 22 ноября 1903 года между Панамой и США было подписано Соглашение о Панамском канале, по которому 5% территории Республики попадает под юрисдикцию США, где и началось вскоре, а точнее – продолжилось начатое французами строительство межokeанского водного пути, в 2,2 раза сократившего расстояние между Тихоокеанским и Атлантическим побережьем США в сравнении с маршрутом через Огненную Землю. После завершения его строительства с августа 1914 года канал стал важнейшим инструментом империализма США в борьбе за окончательное утверждение своих позиций на юге американского континента и до сих пор, несмотря на состоявшуюся его передачу Панаме в полдень 31 декабря 1999 года, служит глобальным интересам, прежде всего, американских ТНК. Через канал в 2015 году прошло 15% всех внешнеторговых грузов США. Панамский канал вместе с межokeанской железной дорогой стали первыми хозяйственными объектами, созданными здесь иностранными инвесторами, и первыми объектами, положившими начало формированию своеобразной панамской экономики почти исключительно сервисного характера. Канал породил транспортные портовые услуги, за которыми последовали услуги торговые и финансовые. По мере роста объёмов международного торгового обмена росло и значение этих услуг и соответственно доля и влияние компрадорского капитала в экономике страны. К концу XX века, к моменту передачи канала под панамскую юрисдикцию согласно панамо-американским соглашениям 1977 года доля сервисного сектора в экономике страны составляла рекордные для стран латиноамериканского континента 78%.

А главными экономическими структурами в Панаме, определявшими и политический, и социальный ландшафт этой страны и её современную историю стали структуры, являющиеся фактически наднациональными, с её портовыми контейнерными терминалами на Атлантическом и Тихоокеанском побережье, с обработкой до 50 млн т грузов в год, со Свободной торговой зоной Колон на Атлантике, с беспошлинным ввозом туда товаров на сумму порядка 15–17 млрд долларов в год, с международным банковским центром, с международными активами, достигшими 70 млрд долларов в 75 панамских и 15 филиалах иностранных банков, с возможностями открытия в них счетов оффшорных компаний со всего мира. И, наконец, “национальное достояние” – Панамский канал с грузооборотом, достигшим 220 млн т в 2015 году. Всё это в чистом виде настоящий экономический “анклав”.

Правящая панамская элита – это компрадорская крупная местная и съехавшая сюда со всего мира буржуазия и её обслуга в лице сотен адвокатских, финансовых контор, транспортно-логистических фирм. Её интересы связаны в основном с торговыми, финансовыми и транспортными операциями не внутреннего национального, а международного характера. Эта элита транснациональна и сосредоточена в столице страны Панама-сити. Этот город, в отличие от скромного малоэтажного Сан-Хосе-де-Коста-Рика, похож на маленький тропический Нью-Йорк. Он космополитичен, точнее – американизирован и изо всех сил скрывает на своих задворках трущобы и исторические сокровища Старого города; он тянется в небо небоскрёбами офисных и банковских центров, дорогого жилья, торговых центров. Именно эта глобализованная Панама, как “среднюю температуру по больнице”, вытягивает макроэкономические и социальные показатели этой страны на неплохой среднестатистический для латиноамериканских стран уровень. Правда, похоже, как под копирку, на столицы многих других государств с “анклавным” типом экономики?

А ведь всё могло бы пойти и по-другому, если бы в 1902 году та самая часть панамской буржуазии, интересы которой были связаны с идеями либерализма европейского пошиба, не сдала революционного крестьянского вождя В. Лоренцо, заманив его на американский крейсер “Висконсин” для подписания договора о мирном урегулировании конфликта, что закончилось репрессиями, высылками из Панамы панамских либералов и расстрелом 15 мая 1903 года крестьянского вождя. Это Вам что-либо напоминает? Правильно. Москву октября 1993-го, когда и в нашей с вами истории случилась похожая на эту роковая развилка.

Правда, в 1968–1981 годах патриотически настроенные военные во главе с крестьянским сыном генералом Омаром Торрихосом, а потом вплоть до конца 1989 года во главе с другим генералом – Мануэлем Норьега – предприняли попытку по-иному подойти к вопросам экономического и социального развития страны, занялись формированием государственного сектора в энергетике, промышленности, создавали крестьянские кооперативы, массово отправляли на учёбу, особенно в СССР, молодых панамцев. В 1977 году генерал Омар Торрихос выполнил главную поставленную им перед собой задачу: он и президент США Джимми Картер скрепили своими подписями Договор о передаче под юрисдикцию Панамы межокеанского Панамского канала с постепенным выводом из зоны канала американской военной базы и командования Южноамериканской группы войск США в Латинской Америке. Была и такая.

В своё время генерал О. Торрихос, отвечая на вопрос одного из американских корреспондентов, “кем он хотел бы войти в историю Панамы”, ответил: “Я не хочу войти в историю, я хочу войти в Зону Канала”. Но он по полному праву вошёл в историю страны и не только как руководитель, добившийся передачи канала, но и как вписавший в Конституцию уникальную статью о национализации этого межокеанского пути, приватизировать который теперь можно только путём общенационального референдума.

Но “Империя” о своих интересах не забыла. В панамо-американском соглашении о передаче канала, по которому сейчас из 214 млн т грузов половина имеют своим происхождением или назначением порты США, есть статья, где чёрным по белому записано, что “в случае возникновения угрозы её национальным интересам со стороны США могут быть предприняты адекватные меры, вплоть до вооружённого вмешательства”.

И такие вмешательства и “адекватные” меры были предприняты. 31 июля 1981 года в так до сих пор до конца не расследованной авиационной катастро-

фе погиб Омар Торрихос, а через 8 лет в рождественские дни 1989-го США совершили вооружённое вторжение в Панаму, сожгли напалмом целый квартал Чоррильос Старого города, где рядом с его жителями была сосредоточена группа защитников города, свергли правительство Панама во главе с Мануэлем Норьега, арестовали его, осудили за “нелегальную торговлю наркотиками и оружием” и посадили в американскую тюрьму. Разумеется, следующее демократическое правительство США вполне устраивало. А когда, согласно договору Торрихос-Картер, 31 декабря 1999 года канал стал панамским и войска США покинули свои панамские казармы, интересы американских монополий и надёжность перевозок американских внешнеторговых грузов уже была обеспечена. Это главное, а национальные интересы глобализованной таким образом Панама и Всемирного Торгового и Финансового сообщества должны попросту совпадать.

Вот так образовалось две сегодняшних Панама. Одна – глобализованная до “совершенства и блеска” в интересах международных ТНК и банков и вторая, как говорят сами панамцы, скромная и пыльная – за мостом. Эта другая Панама, начинается почти сразу за мостом Америк, построенным над тихоокеанским входом в канал и разделяющим на 2 части американский континент: на Северную и Южную Америку. Там – за мостом – реальный производительный сектор экономики: энергетическая и очень разная дорожная инфраструктура, аграрное и промышленное производство, рыболовство, арбузные, дынные, томатные и сахарные плантации, там её индейское население в забытых Богом горных деревнях, а на границе с Коста-Рикой – не слишком обширные кофейные, банановые и апельсиновые плантации. Всё это производство нацелено в основном на внутренний рынок с весьма ограниченными экспортными операциями (бананы). И если уж сравнивать экономически Коста-Рику с её соседкой, то именно с этой Панамой, страной “за мостом” и надо проводить сравнение.

“Погуглив” в сети, увидим, что эти страны-соседки с территориями каждая чуть больше Нижегородской (Панама) и Московской (Коста-Рика) области, с населением 4 (Панама) и 5 (Коста-Рика) миллионов человек, демонстрируют относительно близкие макроэкономические достижения: по ВВП (2015 года) – 52 и 54 млрд долларов соответственно, в том числе на душу населения 12 (Панама) и 14 (Коста-Рика) тысяч долларов в год. Близки и бюджетные расходы правительств: 19,5 млрд долларов в Панаме и 14,9 млрд долларов в Коста-Рике. Международные рейтинги этих стран, включающие в себя более подробные экономические, технологические и социальные показатели, такие, как степень технологической диверсификации хозяйства (economic complexity index), на который мы позже обратим особое внимание, восприимчивость к технологическому и бизнес-развитию, степень демократизации управления обществом, здоровья населения, свободы личности, индекс человеческого развития в целом, в среднем “отбрасывают” Панаму лишь на несколько ступеней ниже Коста-Рики, но при этом обе страны находятся всё же (так же, как РФ) среди первой трети оцениваемого ряда из 220 стран мира. Учтём все эти в значительной мере “лукавые” и часто политизировано искажаемые показатели и посмотрим на коренные особенности костариканского “третьего” пути развития и “глобализованной” до блеска Панама.

Идеологический гигант и глобализованная служанка

“Юрий Николаевич, – воскликнул назначенный в 1994 году в Коста-Рику наш посол Николай Михайлович Елизаров, прочитав мой годовой отчёт в министерство “Об экономике и внешнеэкономических связях Коста-Рики”, – да это же социализм, который мы не успели построить!”

Конечно, никакого социализма в его марксистском понимании в Коста-Рике не было, нет и, вероятно, не будет. Её Величество Частная Собственность на орудия труда и средства производства здесь так же священна и почти повсеместна, как в США, Норвегии или РФ, но... на то и существует национальная история и национальная идентичность, чтобы её роль и место в разных обстоятельствах могли быть разными. И не кто иной, как папа Иоанн Павел Второй в своём послании к латиноамериканцам в 1981 году, заявив о безусловном “приоритете труда над капиталом”, тут же добавил, что “нельзя исключать из общественной жизни и социализацию, то есть обобществления средств производства, и что с этой точки зрения является неприемлемой жёсткая позиция,

защищающая догматически абсолютное право частной собственности на средства производства”. Это заявление папы, прозвучавшее во время его визита в страны Латинской Америки осенью 1981 года, получило и получает сегодня своё воплощение повсюду в мире.

С первой для меня чёрточкой социализма в стране я познакомился сразу после нашего приезда. В посольском микроавтобусе вместе с новыми коллегами и их жёнами я в 8 утра приехал на *Mercado Agropecuario*. Меркадо (рынок) располагался вокруг спортивной арены, где потом мы, бывало, смотрели и футбольные матчи, и своеобразную, бескровную костариканскую корриду. Разнообразие и живописность товаров, обычные в тропических странах, нас, приехавших из ужасающе дефицитной Москвы, поразило. Но сразу бросилось в глаза и запомнилось какое-то особое, *наше* достоинство продавцов, какая-то уверенность их в своём с вами равенстве, в том, что всё у них, конечно, купят, потому, как свежее товара и лучше в городе точно не найдёшь. Места на рынке оплачивались в живую очередь и всякий раз по приезде, постоянных торговых точек не было. Хочешь торговать – приезжай и торгуй, хочешь место получше – приезжай пораньше. Это была, во-первых, торговля без посредников, а во-вторых – цены на ВСЕ привезённые продукты были **ОПУБЛИКОВАНЫ** в специальном выпуске муниципальной газеты, то есть установлены на ЭТУ СУББОТУ государством, и никто не имел возможности предлагать свой товар **ДОРОЖЕ**. Дешевле – пожалуйста!.. Рынок? Конечно, рынок... Но и длань государства к месту... Умная, конечно, должна быть эта длань в рыночной среде, иначе производство можно и загубить – никто не будет продавать свой товар ниже себестоимости. Заключаю цифрами: по данным ФАО, производство в Коста-Рике сельскохозяйственных товаров для внутреннего потребления и на экспорт росло в 1990–2010 годах со средними темпами 5,8% в год, а их номенклатура для продаж на внешних рынках расширилась с 14 до 36 видов агропродукции. Доля продовольствия в импорте Коста-Рики составляет 7% (2015 год), продовольственная безопасность страны обеспечена на 93%.

Очень скоро мы познакомились и с панамскими рынками: единственным в городе сельскохозяйственным и ещё рыбным. На еженедельном рыбном рынке уже в 5 утра бойкие перекупщики выкупали с приплывающих лодок оптом тушки рыб, корзины креветок и прочих морских чудищ и тут же продавали их полусонным торговцам, хозяевам ресторанов и ресторанчиков, да редким прямым покупателям, охочим до местного колорита, наваривая свои проценты. Сельскохозяйственный рынок запомнился только широким спектром специй, огромными, как поросята, тушками арбузов, а ещё – грязными бетонными полами, мухами и жарой. Дланью государства на панамских рынках не пахло.

Это сравнение не в пользу Панама потом возникало не раз. Конечно, для того чтобы делать из сравнений выводы, надо учитывать множество факторов, важнейшим из которых для сельскохозяйственного сектора экономики является качество исходного природного капитала, в этом случае – качество земельных ресурсов, климат. Тут природа распорядилась явно не в пользу Панама.

Почти 1/3 территории Коста-Рики расположена в широкой долине-распадке между тремя вулканами Ирасу, Поас и Барба, к вершинам которых плавно, а иногда и довольно круто поднимаются зелёные, усеянные и ухоженные плантации всяческой всячины и, прежде всего, конечно, кофе сорта арабика, выращиваемого здесь на оптимальных для него высотах: от 1000 до 1500 метров над уровнем моря. Влажность, температура, почвы, насыщенные минеральными солями вулканического происхождения, сделали долину уникальной площадкой для выращивания кофе, 100–110 тысяч т которого ежегодно поставляются на мировые рынки. В Панаме условия для выращивания кофе оказались похуже: только на крайнем западе у границы с Коста-Рикой на площади около 7 тысяч га на склонах вулкана Бару – аналогичные условия, где ежегодно удаётся собрать лишь около 2 тысяч т кофе сорта арабика – в 50 раз меньше, чем в Коста-Рике, и всё... .

Сопоставление по производству кофе наиболее разительно, но и по другим аналогичным культурам, и экспортным, и для внутреннего потребления, оно аналогично. Обрабатываемых для сельскохозяйственного производства земель в Панаме всего в 2 раза меньше, и только 265 тысяч панамцев занято с/х трудом в сравнении с 565 тысячами костариканцев. Костариканцы, однако, производят в 6 раз больше свежих бананов, в 20 раз больше ананасов,

выращивают в 2 раза больше сахарного тростника, вылавливают в 3 раза больше рыбы и морепродуктов. Сегодня доля агросектора в ВВП Коста-Рики – 11%, в Панаме – лишь 3,5 %. Но самым разительным является то, что он полностью покрывает потребности Коста-Рики в базовых продуктах питания, включая продукцию животноводства.

Но не одни природные факторы, и это признают эксперты Межамериканского банка развития, сделали сельскохозяйственное производство в Панаме в 2–3 раза менее производительным и эффективным, чем в Коста-Рике. Не перечисляя эти причины, среди которых и ограниченный доступ к кредитам (это в заваленной долларами Панаме!) и к новым технологиям, наличие нетитулованных (не поставленных на кадастр) земель, слабая механизация и химизация почв, нехватка бюджетных вливаний в отрасль и т. п. – все эти так называемые причины являются лишь следствием того, что зарабатываемые местной компрадорской и иностранной буржуазией в “анклавных” секторах экономики – торговле, транспортировке и финансовых услугах – капиталы естественно тяготеют либо к совершенствованию и модернизации своих объектов в тех же секторах или, что ещё чаще, утекают благополучно в оффшоры. Сама природа этих прибылей – яркий пример гипертрофии экономической зависимости от внешних факторов политически независимого государства. Быть может, теперь, когда Панамский канал, это “национальное достояние республики”, после пуска в эксплуатацию в июне 2016-го его 2-й линии шлюзов станет приносить в бюджет до 1,5 млрд долларов в год (8% расходов бюджета), найдутся капиталы для развития и других секторов экономики? Может быть, и в Панаме начнётся, наконец, “развитие внутрь” по-костарикански? Может быть... Но пока эти дополнительные доходы государства идут на выплату кредитов, полученных для расширения канала, и на социальные выплаты: недавняя панамская программа “100 за 70” – увеличение Указом президента на 100 долларов пенсий лицам, достигшим 70 лет, – весьма напоминает полученные российскими пенсионерами в минувшем январе 5 тысяч рублей от правительства Медведева. Правда, панамский президент Хуан Варела оказался более щедрым: стодолларовая прибавка – ежемесячная... Впрочем, в Панаме нет армии, как и в Коста-Рике, и страна не страдает от санкций.

В промышленном секторе сравнение в пользу Коста-Рики ещё более разительно. Панамскому “анклавному” сектору потребовалась адекватное развитие инфраструктурных объектов: дорог, портовых сооружений, энергетических мощностей. Избыток полученных в нём капиталов направлялся более всего туда, в том числе в строительство жилья, торговых и офисных центров. За годы реализации в Панаме неолиберальных экономических подходов были приватизированы производство и продажа электроэнергии, нефтепереработка, закрылось хотя и ограниченное текстильное производство, предприятия парфюмерной и химической промышленности, не создавались новые мощности в пищевой промышленности, в производстве металлопроката. В так называемых Свободных экономических зонах иностранными инвесторами не было создано ни одного предприятия с полным или хотя бы частичным производственным циклом. В итоге за период 1990–2014 годов доля промышленности в ВВП Панамы сократилась с 8 до 6%, а весь реальный производственный сектор “скукожился” до 10% стоимости ВВП. Остальное приходится на услуги: торговые (22%), транспортные и связь (16%), финансовые (12%), строительство (11%), гостиничный сервис – 6%, государственные услуги управления – 3%, образование и здравоохранение – 3%, производство электроэнергии, водоснабжение, дорожные службы – 12%, прочие – 5%. В секторе услуг работают 72% экономически активного занятого населения Панамы. По показателю доли услуг в ВВП Панама занимает первое место среди стран Латинской Америки!

Рост доли услуг в хозяйствах большинства стран мира является всеобщим, не миновал этот процесс и Коста-Рику. Но в её хозяйственной структуре на реальный сектор приходится 39%, в том числе на промышленность и строительство 21,7%, сельское хозяйство – 18%. Около трети костариканцев заняты производительным трудом, 40% работают в сфере услуг, остальные – сотрудники сферы управления в органах власти, работники системы здравоохранения и образования. Сохранение позиций реального сектора как основы занятости – это, безусловно, результат проводимой правительствами страны в течение ряда десятилетий политики привлечения иностранных инвестиций, прежде всего, в создание промышленных предприятий с высокой долей

добавленной стоимости в производимой продукции, а также использование различных форм протекционизма и поддержки сельскохозяйственных производителей, невзирая на членство в ВТО. Промышленный сектор экономики страны состоит из трёх групп предприятий: к первой относятся предприятия, созданные иностранцами, работающими в режиме свободных промышленных зон (СПЗ); ко второй – национальные предприятия, работающие как на внутренних, так и на внешних рынках (ядро костариканского крупного и среднего бизнеса); к третьей группе – предприятия с участием как национального, так и иностранного капитала, производящие товары традиционного костариканского экспорта: бананы, ананасы, кофе, сахар-сырец.

Разная степень зависимости этих групп предприятий от внешнего рынка и возрастающая включенность их в международные цепочки инновационных технологических производств является главным экономически стабилизирующим фактором, а разнообразие товарной номенклатуры промышленности – от микропроцессоров до удобрений, резинотехнических изделий, металлопродуката из стали и алюминия, строительных материалов, продуктов питания – сформировало и продолжает развивать экспортный потенциал страны.

Многолетняя нацеленность всех, почти без исключений, компаний, предприятий и организаций на производство товарной продукции и услуг, одинаково конкурентоспособных и на внутреннем, и на внешних рынках является главным стратегическим отличием от многих других стран региона, всё еще замкнутых на “анклавный” тип развития. Этот стратегический подход дал поразительный результат: если в конце 80-х годов прошлого века 65% суммарных объёмов костариканского экспорта по стоимости составляли всего лишь 2 продукта – бананы и кофе, то в начале нового века их доля снизилась до 18%, а перечень экспортируемых товаров так называемого нетрадиционного экспорта расширился с 24 до 238 наименований. Даже после спада в объёмах костариканского экспорта до 9,5 млрд долларов, последовавшего после ухода в 2014 году из Коста-Рики Intel Corporation, экспорт на душу населения составил здесь 1905 долларов (для России это 1820 долларов с учётом экспорта минерального сырья и всего 370 долларов без него, а для Панамы после вычета “анклавных” доходов – 215 долларов).

Внешнеторговая политика всех правительств Коста-Рики, начиная с середины 80-х годов, являлась главным инструментом влияния государства на экономику для обеспечения интересов её самого широкого социального слоя: национальных предпринимательских кругов от крупных компаний до предприятий среднего и мелкого бизнеса, в том числе 408 кооперативных объединений в сельском хозяйстве и рыболовстве. Поскольку в России сейчас где только не говорят о том, что нечто аналогичное должно стать теперь и нашей задачей, стоит посмотреть внимательнее, как это у них делается.

Являясь одной из стран-основателей ВТО, Коста-Рика воспользовалась преимуществами, предоставляемыми Генеральной системой преференций ЕС и Карибской инициативой США, подключилась к различным многосторонним в рамках ВТО соглашениям: Соглашению о правах на интеллектуальную собственность, Соглашению министров стран – членов ВТО по вопросам обмена информационными технологиями, по вопросам сельского хозяйства и другим.

Увеличение объёмов и доли внешней торговли в стоимости ВВП страны, естественно, происходило и за счёт роста импорта. В этой связи заслуживает анализа и изучения проводимая костариканскими специалистами политика постепенного и взвешенного открытия своего рынка для ввоза товаров из-за рубежа. Средний таможенный импортный тариф, снизившись с 28 до 12% к 1995 году и до 5,6% к 2005 году, стал одним из самых низких в регионе. Вместе с тем, для продукции животноводства он составляет 15%, применяется квотирование для молочных продуктов, мяса бройлеров. Продолжаются упорные переговоры в рамках ВТО о снижении костариканцами тарифов в пяти подгруппах товарной номенклатуры, относящейся к продукции растениеводства, где они сохраняются на фактически запретительном уровне в 45–53%. Помимо таможенных тарифов, импортируемые товары облагаются различными другими национальными налогами. В условиях абсолютной монополии государства на местное производство алкогольной продукции (с содержанием алкоголя 30% и более) тариф на импорт в страну таких напитков составляет 100%.

В 1999 году в Коста-Рике было вынужденно прекращено действие закона о частичном освобождении от налогов компаний-экспортёров нетрадиционных

экспортных наименований, служившем серьёзным стимулом для них. Однако механизмы государственного содействия экспорту и здесь не исчезли, но кажутся теперь только предприятий мелкого и среднего бизнеса. Последние получают помощь в виде государственных программ информационного и методического плана, а также льготные кредиты государственных банков и коммерческих – под гарантии государства. В бюджете правительства страны на 2015 год около 1,55 млрд долларов (11%) бюджета направляется на программы поддержки сельского хозяйства и агроэкспорта.

Заслуживает внимания и созданная в Коста-Рике система взаимодействия государственных органов при проведении политики содействия развитию экспорта. Эту работу министерство внешней торговли страны (МВТ) осуществляет в координации с МИД и Министерством экономики и финансов. При сохранении за МВТ исполнительных функций инициирования и ведения двусторонних и многосторонних переговоров, МВТ совместно с министерством экономики и финансов разрабатывают и реализуют таможенную политику, они совместно представляют страну в ВТО и других аналогичных международных организациях, совместно с МИД МВТ решает вопросы введения торговых санкций в отношении государств, наносящих ущерб внешнеторговым интересам Коста-Рики в нарушение имеющихся двусторонних и многосторонних договорённостей. Министерство принимает также участие в решении вопросов предоставления иностранному и национальным инвесторам прав функционирования в режиме свободных промышленных зон, экспортного контракта или режима производства на экспорт товаров с высокой добавленной стоимостью (в части определения их доли) или в вопросе лишения этих прав.

Министр внешней торговли председательствует на заседаниях созданного для координации внешнеторговой политики страны Консультативного совета по внешней торговле, в состав которого входят руководители министерства экономики и финансов, МИД, министерства сельского хозяйства, Союза ассоциаций экспортёров, Союза промышленников, Торговой палаты, Объединения представителей иностранных компаний в уже упоминавшейся выше CINDE.

Основную практическую работу по содействию национальным компаниям в осуществлении ими экспортных операций проводит созданная в 1996 году при МВТ отдельная хозрасчётная организация PROCOMER. Она руководит системой контроля качества и количества товарного экспорта и импорта в портах и других пунктах вывоза и ввоза внешнеторговых грузов, ведёт внешнеторговую статистику, разрабатывает программы поддержки и стимулирования экспорта для малых и средних предприятий, служит источником дополнительного внебюджетного финансирования МВТ Коста-Рики в части специальных программ развития экспорта.

Источниками финансирования PROCOMER являются экспортёры, уплачивающие 3 доллара с каждого экспортного контракта, и компании, использующие режим СПЗ, которые ежемесячно платят ей 0,5 доллара с каждого квадратного метра площади их промышленных зданий или 0,5% от объёма своих месячных продаж (на выбор), но в любом случае не менее 200 долларов в месяц. Кроме того, PROCOMER получает добровольно определяемые взносы отраслевых ассоциаций экспортёров и импортёров. Сайт PROCOMER www.procomer.com является главным источником информации о внешней торговле Коста-Рики.

Государственная система содействия внешнеторговой деятельности дополняется системой её заграничного обеспечения через посольства Коста-Рики. В каждое посольство МИД направляет сотрудника, отвечающего за работу по содействию внешней торговле с данной страной. Дипломаты, ведущие такую работу, в административном плане подчиняются МИДу, однако определение направлений их деятельности, составление планов работы и отчётность – совместная задача МИД и МВТ. Одним словом, внешняя торговля является и важнейшей частью государственного управления экономикой, и частью производства товаров и услуг. Нечто подобное сейчас предпринимается в Белоруссии, лишённой возможности использования “дармовых” природных ресурсов и вынужденной полагаться только на производительный труд и имеющиеся в стране производительные мощности.

Пишу об этом так подробно, пользуясь в том числе материалами, которые я направлял в Россию, будучи торговым советником посольства в период, когда монополии государства во внешней торговле уже не существовало

и велись переговоры о вступлении РФ в ВТО. “Процесс пошёл...” Центробанк стал автономной организацией. Ввоз и вывоз капиталов стал свободным. В 2002 году в рамках этого “процесса” были закрыты торговые отделы (представительства Минэкономразвития РФ) в десятках стран мира, в том числе в 7 странах Латинской Америки. Были закрыты и преобразованы отделы посольств, торговые представительства в Бразилии, Аргентине, на Кубе. Позднее функции реализации внешнеторговой политики были “размыты” и распределены между департаментами МИДа и Министерства промышленности. В итоге сегодня в России нет государственных органов, способных системно и эффективно в стране и за рубежом осуществлять естественную и так нужную сейчас в условиях внешнеторговых и финансовых санкций со стороны Запада политику содействия диверсификации и технологического насыщения нашего экспорта, повышения эффективности экспортных и импортных операций, контроля за использованием государственных внешних и получаемых из-за рубежа кредитов, наконец, использования в этих же целях нашего членства в ВТО. Так, как это делается в Коста-Рике.

Между прочим, костариканское правительство с учётом важной роли внешней торговли в экономике страны в 2008 году вынесло на общенародный референдум вопрос о заключении с США – основным торговым партнёром Коста-Рики – Соглашения о свободной торговле. “ДА” народа было получено правительством с перевесом всего в 1,3% голосов. В России же депутаты Государственной думы ратифицировали соглашение о вступлении России в ВТО, не имея под рукой даже текста этого соглашения и Устава ВТО на русском языке.

Сохранение, вопреки неолиберальным рецептам, стратегической роли государственного сектора в экономике страны является фактором, обеспечивающим относительно высокий уровень защиты экономики страны от внешних негативных воздействий. Государственное участие охватывает стратегически важные инфраструктурные отрасли: энергетику и связь – вертикально интегрированные технологические госкомпании Instituto Costarricense de Electricidad (ICE) и Radiografica Costarricense (RACSA), нефтепереработку (RECOPE), железнодорожный транспорт. Государству принадлежит монополия на производство алкоголя с градусом выше 30, асфальта, на внешнюю торговлю сахаром-сырцом (самый трудный товар для продаж на экспорт!), три крупнейших в стране банка – государственные. Государство в лице специальных скупочных контор приобретает у производителей излишки сахара-сырца, кукурузы, риса и кофе. Кофе принимается даже с приусадебных участков от граждан, но только в один определённый заранее день приёма. Это – традиция.

Неотрывна от экономической и социально стабилизирующая роль государства в системах социального страхования, образования, здравоохранения. Государство устанавливает оптовые и розничные цены на топливо и электроэнергию, товары, составляющие основу потребительской минимальной корзины, учебники, школьные принадлежности.

Среди костариканцев практически всеобщим является неприятие снятия с государства его обязанностей не только в социальной, но и в сфере трудовых отношений, в обеспечении базовых потребностей человека. В 1998 году мне довелось увидеть реакцию служащих государственной костариканской энергетической компании ICE на попытку правительства демохристиан Мигеля Анхеля Родригеса добиться одобрения Законодательной ассамблеей закона, разрешающего его частичную приватизацию. Как только появилась реальная угроза его одобрения, парламент, не без попустительства полицейских, был окружён сотнями служащих компании, возглавляемых профсоюзами ICE, которые заявили на языке лозунгов, что не выпустят живыми из стен парламента ни одного из законодателей, если закон будет принят. А до того профсоюз дошёл до сведения своих “сотоварищей” факты массовых увольнений панамцев после приватизации панамской государственной энергетической компании. Этого было достаточно, чтобы привести к стенам парламента почти всех служащих и членов их семей. Для пущей убедительности в руках демонстрантов были увесистые булжники. Закон был отклонён. Больше демохристианское и никакое другое правительство к теме приватизации ICE не обращалось.

Такая широкая и стабильная государственная экономическая и социальная поддержка была бы невозможна без контроля и управления правительством государственными банками и, прежде всего, Центральным банком –

Banco Central de Costa Rica. Расходная часть бюджета правительства Коста-Рики традиционно превышает, и довольно значительно, его доходную часть, инфляция в размере 11–15% и минидефляция местной валюты колона в Коста-Рике – привычное явление в стране. Финансирование дефицита за счёт выпуска государственных ценных бумаг, покупаемых в основном контролируемые государством компаниями, естественно, конечно, декапитализирует их. Это не может не сказываться на показателях экономической эффективности работы последних, старении их производственных фондов. Соответственно растут внутренний и внешний долг правительства страны. Такова цена этого социального сглаживания, позволяющего, тем не менее, сохранять платёжеспособность костариканцев, поддерживать национального производителя и обороты внутреннего рынка для основных и, главным образом, продовольственных товаров.

Однако для Коста-Рики роль государственной поддержки в социальной сфере выходит за рамки экономической эффективности и связана в большей мере с историческими традициями и особенностями становления хозяйственной жизни страны в эпоху первоначального накопления капитала с превалирующей ролью в этом мелких и средних хозяйств. Надо также иметь в виду наличие в стране традиций активных форм сопротивления антисоциальным мерам в лице профсоюзов и профессиональных объединений трудящихся, интеллигенции, препятствующих попыткам устранить из жизни костариканцев элементы социальной стабильности, в том числе и завоёванные ими в итоге сложных событий 1946–1948 годов. Эти меры включают, например, такие необычные формы, как публичные прайс-листы частных медицинских услуг, утверждаемые профессиональными ассоциациями. Например, дантистов. Попытки недобросовестного стоматолога перешагнуть ценовой порог, установленный Ассоциацией стоматологов для какой-либо конкретной услуги, может обернуться в Коста-Рике жалобой пациента в Ассоциацию и наказанием нарушителя вплоть до лишения его лицензии.

Пожалуй, есть ещё один фактор, способствующий экономической и социальной стабильности в этой стране. Речь идёт о тщательно поддерживаемом и пропагандируемом имидже Коста-Рики как места, где заботливо охраняются её природа, животный и растительный мир. Треть площади страны объявлена территориями национальных парков, включая многокилометровую линию пляжей, в основном, на Тихоокеанском побережье. Специализируясь на так называемом экологическом туризме, Коста-Рика ежегодно привлекает не менее 2 млн туристов, больше, чем все другие страны Центральной Америки, включая Панаму, где туризм на 80% носит чисто деловой характер. Приток поступлений от туризма в два раза превышает объёмы прямых инвестиций из-за рубежа в экономику, часть которых также связана с туристической деятельностью. Практически благодаря доходам от туризма, составляющим около 2 млрд долларов ежегодно, правительству и Центробанку удаётся компенсировать и дефицит госбюджета, и отток из страны прибылей работающих здесь иностранных компаний, обеспечить наличие на экономически безопасном уровне объёмов валютных резервов (1,4–1,5 млрд долларов), выплаты по внешнему долгу.

Для подтверждения этого имиджа и реального обеспечения любимого лозунга костариканцев: *COSTA RICA – PURA VIDA!* (КОСТА-РИКА – ЧИСТАЯ ЖИЗНЬ!), порой используемого костариканцами и в форме заздравного тоста, вроде нашего “Будем здоровы”, опять-таки никто другой, а именно государственные институты и правительство страны прикладывают немало усилий и вкладывают значительные средства в реализацию разнообразных программ экологической направленности.

Давно являясь лидером среди стран региона в доле использования возобновляемых источников энергии в экономике, 15 января 2017 года Коста-Рика объявила, что закончила программу полного перехода на использование возобновляемых природных ресурсов для производства электроэнергии. 82% из выработанных ИСЕ в 2016 году 10 876 млрд квт/ч получено от ГЭС, 11% – от ветровых электростанций, 7% – от использования геотермальных источников. Этот объём не включает в себя частные источники потребления солнечной энергии. Коста-Рика вошла, таким образом, в мировую энергетическую элиту, раньше неё в этот элитарный клуб вошли Исландия, Норвегия и всего лишь ещё 5 стран мира.

Подписав в 1998 году в рамках Киотского протокола обязательства по сокращению выбросов в атмосферу двуокси углерода, костариканское прави-

тельство, с учётом того, что на территории страны с созданием национальных природных парков происходит естественное производство кислорода и озона, объёмы которого можно рассчитать математически, предложило правительствам промышленно развитых стран – производителям двуокиси углерода – и, в первую очередь, США заключать с Коста-Рикой двусторонние межправительственные соглашения. Такие соглашения, по замыслу костариканцев, могли бы предусматривать продажу на международных биржах костариканского кислорода и озона в виде костариканских государственных бумаг-акций, компании-покупатели которых могли бы получать от правительств стран – загрязнителей воздуха налоговые льготы в случае проведения ими технологических мероприятий или осуществления затрат на очистные сооружения. С США такое соглашение было подписано в 2001 году.

В Коста-Рике с 2006 года запущена программа оказания содействия правительством страны через муниципальные образования сбора и промышленной переработки (с прицелом на экспорт!) промышленных и бытовых отходов. Недавно мне удалось найти в сети видеоматериал о работе одного такого костариканского предприятия, перерабатывающего в год 11 тысяч т полиэтиленовых бутылок в цилиндрики для производства и экспорта из Коста-Рики медицинских шприцев, пользующихся постоянным и растущим спросом на мировых рынках.

В итоге по показателю объёмов выбросов в атмосферу двуокиси углерода, где США занимает “почётное” 1-е место (16,4 тысячи т в год), РФ – 23-е место (12,5 тысячи т), Панама – 111-е (2,7 тысячи т), костариканская PURA VIDA характеризуется цифрой 1,6 тысячи т в год (128-е место). Меньше только в африканских и азиатских странах, не перегруженных производственными мощностями...

Социальный срез

Итак, костариканцы, в отличие от их панамских соседей, в силу комплекса исторических, природных и экономических особенностей, в эпоху тотальной глобализации сумели отстоять свою идентичность, сохранили и преумножили, в том числе за счёт иностранных капиталовложений, производственные мощности, защитили национальных сельскохозяйственных производителей, диверсифицировали экспорт, а в политической области впервые в истории страны привели к власти представителей национальных технократических кругов, научной, культурной и технической интеллигенции в лице Широкого левого фронта в союзе с мелкой и частью средней буржуазии реального сектора экономики.

В социальной области за счёт отказа от навязываемых стране рецептов МВФ – борьбы с дефицитом госбюджета и инфляцией, свято соблюдаемых в том числе и у нас в России путинской экономической командой, сохранили практику финансового насыщения и подпитки потребностей внутреннего рынка, а также финансового стимулирования экспорта путём минидевальвации местной валюты. Дефицит бюджета постоянно находится на уровне 10–12% от ВВП, валютные резервы сохраняются на уровне 1–1,5 млрд долларов в основном за счёт доходов от туризма. Сохранены стратегически важные позиции государства в экономике и в социальной области. Остаются на закреплённом в законе уровне 6% ВВП расходы в области образования и здравоохранения. Для поддержания на приемлемом уровне платёжного баланса страны своевременно задействованы природные ресурсы в целях развития международного туризма и притока валюты.

“Идеологическим гигантом” назвал маленькую Коста-Рику профессор экономики Калифорнийского университета (США) Кармело Меса Лаго на состоявшейся в Панаме в 2003 году конференции Фонда Фридриха Эберта, посвящённой социально-экономическим последствиям применения нелиберальных рецептов развития в эпоху глобализации в странах Центральной Америки. Согласимся с этим, а чуть ниже поделимся своими соображениями, почему именно “идеологическим” гигантом назвал эту страну американский профессор.

В Панаме же в условиях фактического отказа от концепций развития “страны за мостом”, ставка местной космополитической буржуазии полностью связана с потребностями развития “анклавного” сектора экономики, с поддержанием экономической стабильности за счёт иностранных инвести-

ций в инфраструктуру, в том числе и принадлежащую государству. По мне, все это очень напоминает, несмотря на все произносимые с экранов лозунги, российскую стратегию развития или, если угодно, “застоя”.

А теперь о социальном срезе. Познакомившись поближе с Коста-Рикой, мы видим, что основную часть её многочисленного среднего класса, которому принадлежит не менее половины получаемых в обществе доходов, составляют средние и мелкие предприниматели, которые, во-первых, являются классом производителей, во-вторых – национальным и в-третьих – всячески поддерживаемым государством. Это и есть “идеология” развития костариканского общества, которой упорно придерживаются правящие элиты страны. Да и само костариканское государство является сейчас государством в наибольшей степени, может быть, как никогда ранее, выражающим интересы именно этого класса.

А нам-то что?

В самом деле, а нам то что от всего этого сравнения Коста-Рики с Панамой? Мы давно знаем, что стабильность в капиталистических странах обеспечивается тем надёжнее, чем шире и обеспеченнее там средний класс. Примеры этого известны. Скандинавский “социализм”, например. Теперь вот “костариканский”. Понятно, что левоцентристские повороты, случающиеся в странах Латинской Америки, тем более стабильны, чем больше там среднего класса, согласного с такими поворотами. Этим объясняется относительно длительная стабильность в Уругвае, Аргентине и ненадёжность и зыбкость правительства Мадуро в Венесуэле после смерти её харизматического лидера Уго Чавеса. Незавершённая формирование бразильского класса национально ориентированных собственников, которые могли бы поддержать правительства Игнасио Лулы и Дильмы Русефф, привела к недавнему повороту страны назад, к консервативной экономической и социальной модели. И наконец, как должна формироваться новая экономическая модель на Кубе для сохранения её социалистических завоеваний с учётом начавшегося там процесса формирования класса мелких и средних собственников?

Думаю, что для нас с вами важно, что описанный костариканский и панамский примеры развития, современная латиноамериканская и наша история, примеры других стран указывают на необходимость внимательного рассмотрения положения и структуры ожиданий класса российских средних и мелких собственников как ключевой социальной группы для развития экономики, высокотехнологичного экспорта и союза с трудящимся классом. Как его развивать? Какие из его интересов на данном этапе являются для нас общими? Каким образом можно было бы повлиять на его электоральную позицию на предстоящих выборах? А быть может, убедить его проголосовать за лозунги и предложения патриотической оппозиции в его же интересах и интересах широких народных масс? Ответить на эти вопросы кратко, очевидно, невозможно. Для целей же заключения моего сравнительного анализа осмелюсь предложить следующее.

1. Этого и десятков других примеров эффективности альтернативных неолиберальных модели развития, на которые неоднократно указывали в своих работах многие российские экономисты, аналитики и советники исполнительной власти – С. Ю. Глазьев, М. И. Делягин и другие, – должно быть уже достаточно, чтобы, наконец, развенчать, во всяком случае, в ходе предстоящих предвыборных дебатов позицию властвующей, но доживающей последние дни перед лицом возрастающих угроз, односторонней, консервативной и нерешительной финансово-экономической политики правительства России, начисто лишённой социально взвешенной идеологии и адекватной оценки складывающейся ситуации.

2. Тем не менее, очевидно, что реально нынешняя власть не пойдёт на коренное разрушение созданной ею экономической модели “анклавного типа” и сырьевого прироста Запада. Для превращения этой модели в отвечающую требованиям времени модель мобилизационного типа, сочетающую в себе курс на новую высокотехнологичную индустриализацию, диверсификацию экспорта с одновременной ориентацией на внутренний рынок и на национальные трудовые ресурсы, модель, обеспечивающую экономическую, продовольственную и военную безопасность страны, необходимо использовать

незадействованную до настоящего времени в обществе новую социальную силу.

3. Социальной силой, которая могла бы выполнить эту задачу, может быть в нынешних условиях союз научной, инженерно-технической и патриотической части культурной интеллигенции страны с классом средних и мелких предпринимателей, отодвинутых от власти олигархами, и не связанных ни экономически, ни идеологически с олигархическими кланами и присутствующим в России иностранным капиталом. Это союз должен быть как можно быстрее оформлен политически в качестве ядра для сплочения вокруг него как можно более многочисленного слоя сторонников.

4. Положение среднего класса и класса мелких собственников, к которым у нас, в силу его ограниченности и слабости, можно отнести не только предпринимателей, хозяев ООО и ИП, но и “свободно занятых” физических лиц, а также собственников земельных участков, квартир, гаражей и т. д., в последние годы серьёзно ухудшилось и продолжает ухудшаться. Именно эта социальная группа, сконцентрированная в больших городах, проголосовала “ногами” на прошлых выборах в Госдуму. Именно эту социальную группу, которая включает в себя и значительную часть “думающей” интеллигенции, не заметила, проигнорировав её интересы в своей прошлой предвыборной агитационной компании, КПРФ. Лозунги и митинги “против взносов на капремонт” и платных парковок хороши для бедных слоёв, которые, кстати, отнюдь не всегда голосуют за оппозицию, если вообще голосуют. Эти лозунги “не про класс средних и мелких собственников”. Требования этого класса экономически более остры, но и выигрышны, и могли бы касаться налоговой политики и практики властей, коррупции и “басманного” правосудия, отношения власти к кооперативной, некоммерческой деятельности (ЖСК, ГСК, ТСЖ, СНТ), чинимых властями препятствий для развития других кооперативных форм бизнеса, снижения для мелкого и среднего бизнеса налоговой нагрузки, цен на ресурсы и ставок на кредиты и т. д. Реальный протест можно было развернуть летом прошлого года против массового сноса торговых сооружений, киосков и палаток в Москве, процесса, который продолжается и сейчас в угоду крупным торговым сетям, на 90% принадлежащим иностранным торговым ТНК.

5. Необходимо, наконец, и в тактических соображениях в том числе, искать и находить формы взаимодействия с политическими структурами, стоящими на патриотической платформе, но до сих пор считавшимися в КПРФ идеологически неприемлемыми. Надо признать, что всю эту работу надо вести для формирования широкой коалиции патриотических сил с целью смены власти и экономической модели развития страны.

Литература

1. Ф. Кардозо, Э. Фалетта. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М., 2002.
2. Энциклопедия “Латинская Америка”. Авторский коллектив ИЛА РАН. М., издательство “Экономика”, 2013.
3. С. Mesa-Lago. Desarrollo socio-económico en Costa Rica: una tercera vía del desarrollo? Fundación Friedrich Ebert. Materiales de la conferencia“. Resultados de la aplicación política neoliberal en Centroamérica, años 1990–2002, Panamá, marzo 2003.
4. www.comex.go.cr Web-страница министерства внешней торговли Коста-Рики.
5. Compendio de Leyes sobre Comercio Exterior, San Jose, Costa Rica, 2000.
6. www.procomer.com Web-страница организации PROCOMER при МВТ Коста-Рики.
7. Panama en cifras, Contraloría General de la República? 2011–2015.
8. www.worldbank.org, www.pancanal.com, www.hacienda.gov.cr и другие.

СТАНИСЛАВ ЗОТОВ

БОНАПАРТЫ, НЕ ПОДЕЛИВШИЕ РОССИЮ

Александр Керенский и Лавр Корнилов в борьбе за власть

В конце августа 1917 года Россия пережила глубокое политическое потрясение, во многом определившее дальнейшую её судьбу, потрясение, которое впоследствии назовут Корниловским мятежом. Страну потряс второй за два последних месяца мятеж, причём мятеж генерала Корнилова стал гораздо более масштабным и судьбоносным событием, чем анархистско-большевистский бунт в июле, подавленный войсками генерала Половцева, тогда командующего Петроградским военным округом. Стоит немного напомнить о предшествующих событиях. Это необходимо, чтобы понять политическую картину, сложившуюся в стране накануне трагических происшествий августа.

Уже к июлю 1917 года в верхах России явно присутствовала патовая ситуация. Временное правительство (второго состава, где пост военного министра занял бывший адвокат Александр Фёдорович Керенский) уже не управляло страной, министры его один за другим подавали в отставку. Июньское наступление русских армий на Юго-Западном фронте захлебнулось, несмотря на присутствие в войсках (правда, не на передовой) самого военного министра Керенского. Русские части шли в наступление на германские позиции, но так как немцы обладали подавляющим преимуществом в тяжёлой артиллерии, то наступление обычно заканчивалось поголовным «выкашиванием под гребёнку», как говорили тогда, целых полков нашей армии. Но Керенский был доволен – угроза наступления немцев на Западном фронте в Европе, где войска Германии уже стояли в пригородах Парижа, была снята. Россия ещё раз жертвовала своими сынами ради спасения «европейской цивилизации». Как тут не вспомнить, что там, в Европе, защищая «прекрасную Францию» сражался русский 400-тысячный корпус и не оставлял своих позиций, как это сделали, к примеру, два взбунтовавшихся корпуса французской армии весной 1917 года, фактически, открыв немцам дорогу на Париж. Потому-то представители союзников России по Антанте, буквально, и «не слезали» с Керенского, постоянно требуя от него наступления и наступления, а Керенский метался по фронтам и не жалел красноречия, уговаривая солдат идти в бой, за что и получил от них прозвище «главноуговаривающего».

Сам Александр Фёдорович Керенский (земляк Владимира Ульянова-Ленина из Симбирска, кстати говоря, их родители дружили семьями) известный депутат Государственной Думы, был деятелем неясной политической ориентации. В годы первой русской революции он примыкал к эсерам, даже, судя

по его собственным воспоминаниям, в 1905 году намеревался вступить в террористическую организацию эсеров под крыло зловещего Азефа. Но террористы не захотели с ним иметь дело, сочтя его человеком легкомысленным, хотя он успел за хранение нелегальной литературы отсидеть несколько месяцев в “Крестах” в Петербурге. Выйдя на свободу, занялся адвокатской деятельностью, где заработал славу непревзойдённого оратора, выступал и в политических процессах. Вскоре он стал членом Государственной Думы, входя во фракцию трудовиков. Настоящее его время пришло вместе с волнами Февральской революции. Эти волны подняли его на гребень истории. Представляясь “левым”, едва ли не самым левым в широком спектре думских деятелей, он в судьбоносные февральские и мартовские дни метался между разными крыльями Таврического дворца в Петрограде – между Временным комитетом членов Государственной Думы, преобразованным вскоре во “Временное правительство” и Советом рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (Совдепом) – органом победивших революционных масс. И там и тут он был к месту, умея завоевать своими пылкими речами о свободе внимание как простых рабочих и солдат, так и представителей буржуазии. Он считался, не примыкая конкретно ни к какой партии, так сказать, демократом широкого спектра, “заложником свободы”, как сам себя позиционировал. Носил полувоенный мундир без знаков различия, усвоил наполеоновские жесты и позы, произнося страстные речи, входил в раж, впадал в “истеричку”, как отмечали тогдашние газеты, как плохой трагический актёр то возывал до крика, то понижал до шёпота свой ораторский голос, но производил впечатление на возбуждённую невероятными делами революции публику. Потерявшие дисциплину солдаты вальяжно аплодировали ему, дамы засыпали цветами, члены Временного правительства, солидные господа, посмеивались, но и побаивались отчасти ретивого своего коллегу.

После отставки Гучкова он занял во втором составе Временного правительства пост военного министра, был инициатором наступления войск Юго-Западного фронта, где судьба свела его с генералом от инфантерии Лавром Георгиевичем Корниловым, невысоким крепким казаком с ярко выраженными монгольскими чертами лица.

Рассказывая о корниловском мятеже, нельзя прежде не остановиться на необычной личности самого генерала, поскольку Лавр Георгиевич для истории гражданской войны в России – фигура ключевая, он, собственно, и стал зачинателем, инициатором этой войны. Он и Ленин, конечно, два антипода, два столпа гражданской смуты.

Удивительно, но у обоих этих наших вождей была одна общая черта – в жилах и у того, и у другого текла калмыцкая кровь. Бабушкой Ленина, матерью его отца, была астраханская калмычка, а родословная Корнилова туманна и разными историками освещается по-разному, но есть свидетельство, что он был по происхождению калмыком и в детстве носил калмыцкое имя Лавга, но был усыновлён урядником Сибирского казачьего войска Георгием Николаевичем Корниловым, крещён с именем Лавр, воспитан в русской казачьей семье в городе Зайсане, а в 13-летнем возрасте отправлен на учёбу в Омск, в кадетский корпус. Есть и другие версии происхождения Лавра Георгиевича, но его откровенно восточные черты лица не оставляют сомнений, что в роду прославленного генерала были представители монголоидных народов.

Лавр Корнилов ещё в кадетском корпусе поражал всех своими природными способностями и, хотя не отличался большой физической силой, был небольшого роста, но снискал всеобщее уважение своей способностью к наукам и безупречной честностью, а также обострённым чувством собственного достоинства. Никаких насмешек по отношению к себе, а также высокомерного тона он не допускал, мог осадить даже старшего по званию, за что имел низкие оценки по поведению. Но всё перекрывалось его талантами в точных науках, особенно в математике, что обеспечило ему поступление в престижное Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. Окончив его с отличием, получив сразу чин подпоручика, он имел право выбрать себе место службы и выбрал... пустыни Средней Азии, Восточный Туркестан – наиболее неисследованную часть азиатских владений России. Всё же влекла его Монголия, родина его предков! Он служит офицером в артиллерийской бригаде,

а затем подаёт документы в Академию Генерального штаба – самое престижное военное учебное заведение России. Как сложно туда было поступить, как тяжело учиться – читайте у Куприна, у Пикуля, но зато и выходили из стен Академии офицеры высочайшей квалификации, что составили славу русской армии. Вот и Корнилов был в их ряду. Окончив Академию, он вновь отправляется в Восточный Туркестан, но уже как офицер разведки Генерального штаба и возглавляет несколько труднейших экспедиций в пустыни и неизвестные горы Уйгурии и Западного Китая, а также в безводные степи Восточного Ирана, вдоль опасных границ Афганистана. Он первый открывает миру и России эти загадочные земли в глубинах Центральной Азии. Возможно, он бы и остался в памяти потомков как смелый путешественник и исследователь, как Семёнов Тянь-Шанский или Пржевальский, но Лавр Георгиевич Корнилов был прежде всего воин, солдат, и грозные события начала XX века не оставили ему выбора – его ждали поля сражений.

Воевал в Манчжурии, сражался под Мукденом, прикрывая отход наших сил, прорывался штыковой атакой сквозь позиции японцев – везде он был в гуще боя со своими солдатами, полностью на равных с ними, в передних рядах. Вероятно, этим он был похож на Суворова – беспримерной храбростью, самоотвержением, умелым тактическим маневрированием на поле боя. Но новым Суворовым он не стал, ему не хватало стратегического таланта, умения предвидеть события на два, на три хода вперёд, но отличается вообще военных гениев, таких как Суворов, Кутузов, Наполеон или Брусилов, который, кстати говоря, Корнилова не любил (хотя и ценил его храбрость) именно за отсутствие дальнего расчёта, часто приводившего этого полководца к досадным поражениям после, казалось бы, первых блестящих побед.

Так, в ноябре 1914 года 48-я дивизия под командованием Корнилова смелой атакой прорвала укрепления австрийцев на неприступных склонах Карпат и прорвалась на венгерскую равнину. Однако заходить туда не следовало бы, ведь там, на равнине, потрёпанную дивизию Корнилова окружили многочисленные венгерские войска, так что остаткам корниловской дивизии пришлось с тяжёлыми потерями пробиваться назад, через Карпаты, бросить все свои орудия, всё снаряжение и плоды геройской победы оказались утраченными. За этот недальновидный манёвр Брусилов, командующий армией, даже хотел отдать Корнилова под суд, но не стал этого делать, учитывая беспримерную личную храбрость генерала Лавра Корнилова и необычную любовь простых солдат к своему командиру. Однако и в дальнейшем Лавр Георгиевич совершенно не считался с потерями в своих частях ради достижения быстрого успеха, оттого этот успех иногда оказывался пирровым... Этот недостаток стратегического таланта у Корнилова роковым образом отразится и на его политической судьбе.

В апреле 1915 года, прикрывая отход брусиловской армии из Карпат, дивизия Корнилова (прозванная к тому времени “Стальной”) погибла практически вся, сам Корнилов возглавил один из батальонов и сражался на поле боя, как лев, но был взят в плен австрийцами. Возможно, это и было его предназначением – командовать батальоном, полком – не более. Уже дивизия была для него слишком обременительной заботой. Он мог послать свою дивизию на смерть, но ведь не в этом заключается талант стратега, стратег должен не только погибнуть со славой, но и найти выход из ситуации, если надо – обмануть противника, добиться победы не только своей личной храбростью, но и силой предвидения и анализа сложившейся ситуации. С этим у Корнилова было туго, что доказывает бесславное его командование всеми вооружёнными силами России на посту Верховного главнокомандующего. Путь к этой высшей должности у Корнилова шёл через австрийский плен, из которого он бежал в июле 1916 года и сразу же был принят императором в Ставке. Орден Святого Георгия 3-й степени, всероссийская слава, пост командующего армейским корпусом на Юго-Западном фронте – всё сразу обрушивается на недавнего австрийского узника. Император делает на него ставку. В планах царя назначить Корнилова командующим Петроградским военным округом, явно для того, чтобы подавить начинающуюся революцию. Поразительно то, что, получив этот пост и прибыв в Петроград на место растерявшегося генерала Хабалова, Корнилов первым делом... арестует в Царском Селе всю императорскую семью, не дав возможность ей выехать

подальше от мятежного Петрограда. А ведь отречение императора Николая II свершилось во многом ещё и потому, что царь опасался за жизнь своих близких – жены и детей, попавших в руки так преданного ему, как казалось, генерала. Итак, путь царской семьи на Голгофу начался с подачи неистового врага большевиков генерала Корнилова, а закончен был рукой отпетого большевика Юровского в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге... В истории не бывает ничего случайного.

Революция рождает иллюзии быстрого успеха, достижения недостижимого. Какой политический деятель не мнил себя немного Наполеоном в это время. Керенский ходил, заложив руку за борт френча, как Бонапарт. Революционный генерал Корнилов посматривал на него с усмешкой, но тоже готовил для себя эту роль. Его время пришло, когда подал в отставку Верховный главнокомандующий Алексей Алексеевич Брусилов, после неудачного июньского 1917 года наступления на Юго-Западном фронте.

Надо отдать должное генералу Корнилову, в условиях нарастающего развала он сумел жёсткими мерами восстановить боеспособность своих войск и армия, руководимая им, нанесла сильный удар по фронту австрийцев. К сожалению, небольшое продвижение русских войск на австрийском фронте на Ломницу тут же нивелировалось разгромом нашей 11-й армии и прорывом противника на Тернополь. Корнилов слал страшные телеграммы в Ставку: “Армия обезумевших тёмных людей бежит...” Под этим предлогом он требовал введения смертной казни и на фронте, и в тылу. Керенский позже в своих воспоминаниях утверждал, что положение в нашей армии было не столь катастрофическим, как преподносил Корнилов, что армия сохраняла боеспособность, но тогда, в июне 1917 года Керенский добивается назначения Лавра Георгиевича командующим Юго-Западным фронтом и производства его в чин генерала от инфантерии. Брусилов как Верховный главнокомандующий противился этому назначению, зная отрицательные черты характера Корнилова, но ничего сделать не мог – он сходил со сцены.

19 июля (по старому стилю), после окончательной отставки Брусилова, Корнилов был назначен Керенским, к тому времени Председателем правительства, Верховным главнокомандующим русской армии. Лавр Георгиевич занял пост, который до него занимал сам император, затем, после Февральской революции, такие прославленные генералы, как Алексеев и Брусилов. Но если Брусилов не вникал в политику и не имел никаких политических амбиций, то Корнилов сразу же поставил себя не только как военачальник, он заявил о своих государственных претензиях, явно позиционируя себя как “спасителя России”. Особенно это стало ясно всем после известного Государственного совещания.

Государственное совещание в Москве в августе 1917 года было собрано Керенским на волне своей славы и власти. Чувствуя силу, этот ловкий политик пытался предстать перед всей Россией как объединитель нации, но так уж получилось, что большая часть левого спектра российских политических сил на этом совещании представлена не была. В Москве, в Большом театре не было большевиков, там почти не было рабочих и представителей беднейшего крестьянства, а эти два класса и были основной средой работы большевиков, и здесь большевики достигли больших успехов, так, в момент открытия Государственного совещания, в Москве бастовали до 400 тысяч рабочих. Забастовали трамвайщики и даже извозчики, так что многим делегатам этого совещания пришлось добираться до Большого театра пешком. В этом было какое-то грозное предзнаменование: “Смотрите, господа, пешочком найдётся!” Совершенно очевидно, что большевики и союзные им левые эсеры в это время имели подавляющее влияние на мнения и настроения народных масс, и недопущение их Керенским на Государственное совещание в Москве, делало это совещание недееспособным, оно не могло сплотить нацию, так как воспринималось народом как совещание только имущих классов, чуждых интересам бедных слоёв населения, а таковых было большинство в разорённой войной России.

Но зато трибуну Московского совещания очень активно использовал новый Верховный главнокомандующий генерал Корнилов. Он покинул Ставку в Могилёве и прибыл в Москву в сопровождении генералов Крымова и Каледина для того, чтобы выступить в Большом театре. Офицерство и московская

буржуазия устроили ему пышную встречу на вокзале. Верховного вынесли из вагона на руках. Корнилов сразу же с вокзала отправился к Иверской, так делал только император, прибывая в Москву. В Большом театре Корнилов появился лишь на следующий день с эскортом автомобилей, с охраной, вооружённой пулемётами. Выступление его на совещании было трагическим. С кровавой слезой возопил Верховный о состоянии армии. Потребовал ввести смертную казнь не только на фронте, но и в тылу, ликвидировать солдатские комитеты, но самое главное — фактически передать ему всю власть, не только военную, но и гражданскую. Иначе, утверждал Корнилов, будет полный развал фронта и первое, что должно случиться, — это будет сдача Риги.

Слова его оказались пророческими, вскоре после закрытия Московского совещания Рига была сдана. Германские войска без больших усилий заняли этот важный и сильно укреплённый узел обороны. Решение о сдаче Риги немцам принял сам Верховный главнокомандующий Корнилов. Это было странное и непонятное решение. Ригу можно и нужно было бы удерживать, ведь после сдачи этой ключевой позиции немцам открывалась прямая дорога на Петроград. Что Корнилов сдал Ригу по своей воле — подтверждает следующий документ:

“Генерал прибавил, что войска оставили Ригу по его приказанию и отступили потому, что он предпочитал потерю территории потере армии. Генерал Корнилов рассчитывает также на впечатление, которое взятие Риги произведёт в общественном мнении в целях немедленного восстановления дисциплины в русской армии”. — Это из донесения посла Румынии Дамианди главе своего правительства Братиану.

Но неужели Верховный главнокомандующий и славный боевой генерал Корнилов оказался предателем? Нет, всё обстояло гораздо сложнее — Корнилову не хватило стратегического ума, он не понял, что сдача без боя сильной крепости врагу не поднимет боевой дух солдат и “восстановит дисциплину”, а наоборот, разрушит её. Что после этого войска уже не так ретиво будут исполнять его приказы, и значит грядущая попытка Верховного захватить высшую власть в России будет неизбежно обречена на провал. Ведь нежелание войск выполнять приказы будет сковывать инициативу и самого главнокомандующего.

Действительно, все действия Корнилова по овладению Петроградом и смещению Керенского с самого начала носили характер какой-то странной нерешительности и нервозности. Началось всё с того, что Корнилов направил к Керенскому в Петроград своего представителя — обер-прокурора Священного Синода Владимира Львова — человека гражданского, далёкого от военных дел, чтобы тот уговорил Керенского оставить пост Председателя кабинета министров Временного правительства и передать всю власть в стране в руки Корнилова, то есть военным, так как это было единственным средством спасти страну от грядущего “большевистского переворота”. Керенский в своих воспоминаниях пишет, что угроза эта была реальной, так как Корнилов, по соглашению с Союзом офицеров, направил в Петроград несколько боевых групп, которые должны были спровоцировать конфликт с большевиками на улицах Петрограда, создав предлог для ввода в столицу казачьих подразделений и объявления военной диктатуры для “спасения отечества”.

Но тут интуиция опять подвела генерала Корнилова. Он-то считал, что Керенский легко сдаст ему власть, а за это получит должность министра в будущем правительстве военного диктатора. Но Керенский был вовсе не так прост, он сам метил в Наполеоны. Его считали “молодым диктатором”, несущимся как “жаркий вихрь”, как утверждала в своих стихах Марина Цветаева. Корнилов же позиционировал себя “сыном казака-крестьянина”, суровым солдатом. Итак, два потенциальных диктатора в России, два Бонапарта. Могли ли они ужиться вместе в одном правительстве? Разумеется, нет. И решительная схватка между ними началась сразу же после Московского совещания.

Генерал Крымов, командующий 3-м казачьим корпусом, расквартированным в районе Великих Лук, получил приказ Главковерха Корнилова наступать на Петроград “с целью предотвращения большевистского мятежа”. В это время (26 августа) Владимир Львов из ставки и прибыл к главе Временного правительства Керенскому с устным “ультиматумом”, но Керенский попросил

его занести этот ультиматум Корнилова на бумагу, а потом тут же арестовал неудачливого генеральского посланца.

Вот текст ультиматума в записи Львова:

“1. Объявить г. Петроград на военном положении.

2. Передать всю власть, военную и гражданскую, в руки Верховного главнокомандующего.

3. Отставка всех министров, не исключая и министра-председателя, и передача временного управления министерств товарищам министров, впредь до образования кабинета Верховным главнокомандующим”.

В дальнейшем Корнилов будет уверять, что никакого ультиматума он Керенскому не предъявлял, что это были только “пожелания”, сформулированные Львовым в произвольной форме, но ведь выдвижение войск генерала Крымова на Петроград реально началось, а после опубликования приказа Керенского, разосланного по телеграфу, о смещении Корнилова с должности Верховного главнокомандующего и передачи военной власти генералу Лукомскому, вышел известный приказ Главковерха Корнилова, в котором декларировалось:

“Телеграмма министра-председателя за № 4163, во всей своей первой части, является сплошной ложью: не я послал члена Государственной думы В. Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне, как посланец министра-председателя. Тому свидетель член Государственной Думы Алексей Аладын. Таким образом, свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу Отечества. Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час её кончины. Вынужденный выступить открыто — я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство, под давлением большевистского большинства советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри. Я, генерал Корнилов, — сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ — путём победы над врагом — до Учредительного Собрания, на котором он сам решит свои судьбы, и выберет уклад новой государственной жизни. Предать же Россию в руки её исконного врага, — германского племени, — и сделать русский народ рабами немцев, — я не в силах. И предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли. Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!”

Прошу прощения у приверженцев генерала Корнилова, которых, как я знаю, немало и в современном российском обществе, идеализирующих этого политического деятеля, но ничего кроме крикливого лукавства в этом тексте усмотреть нельзя, ведь известны же распоряжения Корнилова Крымову от 28 августа:

“Выступить открыто и, произведя давление на Временное правительство, заставить его:

1. Исключить из своего состава тех министров, которые по имеющимся сведениям были явными предателями Родины.

2. Перестроиться так, чтобы стране была гарантирована сильная и твердая власть”.

Корнилов всё продолжает мечтать о “твёрдой власти”, а ведь реально никаких сил у него для осуществления этих планов не было. Казаки конного корпуса Крымова и горцы “Дикой” дивизии вовсе не стремились выступать в роли карателей и убивать петроградских рабочих. В советской литературе преувеличивалась роль большевистских агитаторов, посланных партией в войска Крымова, которые “распропагандировали” казаков не слушать своих офицеров. На самом деле, сами казаки и горцы саботировали распоряжения командования. Корпус Крымова дошёл только до Луги и остановил своё движение. Казаки начали митинговать, воевать никому не хотелось. Но, напуганный действиями Корнилова и особенно его страшными словами о “гибнущей родине”, о желании “умереть на поле чести” Председатель Совета министров, недавний “победитель большевиков” во время июльских событий, кинулся, что называется, в объятия этих самых большевиков. Керенскому, видимо, представилось, что другой защиты у него нет. Лидеры большевиков были выпущены из тюрем, начались перевыборы Советов, в результате которых везде состав Советов кардинально поменялся — в них верх стали брать

представители партии Ленина. Но самое главное – Керенский разрешил большевикам начать формировать отряды Красной гвардии – реальной ударной силы большевистской партии.

Так, пугая самих себя страшными словами и постоянно клянясь в верности Отечеству, два Бонапарта, два потенциальных “спасителя Отечества” фактически уничтожили сами себя и своё Отечество. К власти неминуемо шла “третья сила” – большевики. После провала мятежа генерала Корнилова препятствий для них больше не было.

Немного надо рассказать о дальнейшей участи несостоявшихся “бонапартов”. Александр Фёдорович Керенский, после смещения Корнилова с поста Верховного главнокомандующего, сам займёт этот пост, сохраняя при этом и должность главы правительства. Но перед самым захватом Зимнего дворца в Петрограде большевиками в конце октября 1917 года, бросит своё правительство и бежит из столицы на Северо-Западный фронт в расположение кавалерийского корпуса, которым командовал в то время казачий генерал Краснов. По иронии судьбы это был тот самый корпус генерала Крымова, который Корнилов посылал на Петроград свергать того же Керенского. Вот только преданного своим командованием Крымова уже не было на свете – он застрелился после провала неудачной авантюры. А у казака Краснова были свои планы – он намеревался стать атаманом “Всеволокого войска Донского” и фактически создать своё казачье государство на Дону. Менять власть в России и свергать большевиков – это были не его интересы.

В октябре 17-го войска Краснова дошли до Гатчины и после недолго боя с революционными матросами Ленина прекратили своё движение на Петроград. К Краснову прибыли делегаты из Смольного и пригласили его к Ленину. И, что же вы думаете? Казачий генерал тут же и отправился туда, и, как он вспоминал в своих мемуарах, получил от Ленина предложение занять пост Верховного главнокомандующего! Попросил несколько дней на раздумье, но после отказался от этой идеи, видя нарастающий в Петрограде революционный хаос. Позже он отправится на Дон, расправится там с местными большевиками, будет избран атаманом всего донского казачества, будет сотрудничать с германскими оккупационными войсками и после немецкой революции в ноябре 1918 года уедет в Германию, передав власть на Дону денкинцам.

А Александр Фёдорович Керенский еле спасётся в Гатчине от рук взбунтовавшихся казаков, намеревавшихся сдать его большевикам, сбежит с несколькими спутниками в ближайший лес и там укроется у сочувствующих ему людей на какой-то лесной даче. Просидит там, как мышь в подполе, до весны, а весной вновь объявится в большевистском Петрограде, спокойно расхаживая везде, не опасаясь быть узнанным, так как отрастит огромную бороду. Читайте его воспоминания, и вы найдёте там много интересного, ведь как уверяет нас сам Александр Фёдорович, он в таком виде съездит и в Москву, и в Финляндию, и нигде (можно ли себе это представить?) он, ещё недавно Верховный главнокомандующий, не будет узнан агентами ВЧК. Потом спокойно сядет в поезд на Финляндском вокзале в Петрограде и отбудет в Мурманск, где на английском корабле отплывёт на Запад. Навсегда. Можно ли всему этому верить?.. Александр Фёдорович никогда не забывал, что он герой, вот только русский народ его не понял и не дал спасти “несчастную Россию”. Увы.

А вот судьба генерала Корнилова сложится куда как трагичнее. Смещённый с поста Верховного после неудачного похода на Петроград, заключённый в военную тюрьму в городе Быхове вместе с группой преданных ему офицеров, он покинет эту тюрьму, освобождённый распоряжением генерала Духонина, начальника штаба Ставки. Генерал Духонин поплатится за это своей жизнью – его поднимут на штыки революционные матросы, когда захватят Ставку... Корнилов, сопровождаемый преданными ему кавалеристами-текинцами из числа его Дикой дивизии, пробьётся на Дон, где к тому времени генерал Алексеев начнёт формирование Добровольческой армии. Корнилов встанет во главе этой армии, которая напоминала, скорее, не армию, а партизанский отряд, сплошь составленный из офицеров ударных частей, что начал создавать Корнилов ещё на Юго-Западном фронте летом 1917 года. Части эти были малочисленны и погоды на фронте не делали, но теперь они после развала фронта и заключения Брестского мира почти в полном составе отошли на Дон. Эти части и составили ядро будущей Белой армии. Однако

в начале холодной весны 1918 года к этому формированию ещё не присоединились казаки, и малочисленная (до 4 тысяч бойцов) "армия" (фактически, лишь дивизия) Корнилова уйдёт по ледяным дорогам от Дона на Кубань. Страшные лишения претерпят офицеры-добровольцы во время этого "Ледяного" похода на пути к Екатеринодару. Крайне ожесточённый всеми бедствиями, обрушившимися на него и на русское офицерство, Корнилов выпускает приказ: *"Я даю вам приказ, очень жестокий: пленных не брать! Ответственность за этот приказ перед Богом и русским народом я беру на себя!"*

Бессудные расстрелы и расправы с пленными красноармейцами устлали весь путь добровольцев на Кубань. Разумеется, и красные отвечали им такой же жестокостью. Так началась страшная война на истребление русских русскими... Сам Лавр Георгиевич, начавший эту бойню, так и не смог взять Екатеринодар. Он посылал на смерть полки своей армии, которые теряли до половины личного состава, не задумываясь о потерях. Накануне своей гибели, он собирался лично повести офицерский полк на пулемёты красных. Это был уже отчаявшийся, готовый к смерти человек...

Новоявленные Бонапарты и несостоявшиеся диктаторы довели Россию до братоубийственной войны.

ГЕОРГИЙ ЦАГОЛОВ

ЛИКИ 17-ГО ГОДА. РЕВОЛЮЦИЯ В ЛИЦАХ

Каким был Ленин

Он весь, как выпад на рапире...

Борис Пастернак

*Снесите все памятники и запретите
упоминать его имя,
история и география сами снова гене-
рируют “ленина”.*

Лев Данилкин

СМИ пестрят материалами о событиях вековой давности и их авторах. Но почему так мало говорится о главном из них – Владимире Ильиче Ульянове-Ленине? Хотя в дни Февраля он находился в эмиграции, именно его социал-демократическая деятельность в немалой мере раскачала лодку самодержавия так, что она пошла ко дну. Ну, а с тем, что Октябрь, главным образом, на его счету, никто не спорит. Да и вся последующая судьба нашей страны, по крайней мере, на протяжении семи десятилетий, прочно связана с этим именем.

На фигуру умолчания есть, конечно, свои причины. Более четверти века назад страна отвернулась от ленинского курса на 180 градусов. Получается, что восхвалять его – вроде как плевать против ветра. Критиковать же было бы куда убедительнее, если бы последовавшие перемены привели общество к гармонии и прогрессу, а не к вопиющим социальным контрастам, экономическим кризисам и стагнации.

Разные мнения

Что слышим нынче о Ленине на посвящённых юбилею Великой русской революции научных конференциях? На одной из них, прошедшей в стенах столичного университета, докладчик начал с упражнений на тему “Россия, которую мы потеряли”. Утверждал, что всё началось из-за нерасторопности верхов. А так, мол, дела шли неплохо. Капитализм развивался довольно быстро, производительность труда повышалась, промышленность показывала неплохие темпы роста, страна экспортировала зерно. Будь царь и его министры твёрже, сплочённое и расторопнее, империя бы устояла. Октябрьский же переворот, де, – вообще случайный зигзаг истории: воспользовавшиеся стече-

нием обстоятельств большевики захватили власть. Их вожак не был глубоким мыслителем, оставившим за собой сколь-нибудь значительный след в науке, а всего лишь изворотливым политиком, одержимость которого объяснима желанием отомстить царской семье за казнь брата.

Спрашивается: если в России при Романовых было всё так хорошо, то почему после отречения Николая II на улицах и площадях Петербурга и других городов все так дружно ликовали? Разве обременённый феодальными пережитками российский капитализм по экономическим показателям не плёлся позади главных государств Европы и Америки? И не сочетался ли экспорт зерна с его нехваткой внутри страны и голодом крестьян, не практиковался ли девиз “Не доедим, но вывезем”? Разве рабочие на заводах и фабриках не трудились по 11 с половиной часов и не эксплуатировались нещадно хозяевами, получая мизерные зарплаты?

В советские времена Ленина канонизировали, превратили в идола. Километровые очереди тянулись к мавзолею на Красной площади, чтобы поклониться его праху. Всю страну усеивали его портреты, статуи и бюсты стояли в красных уголках. Переиздавались собрания сочинений, не вмещавшиеся на полки стандартных книжных шкафов. Именем Ленина назывались города, улицы и площади. Диссертации по общественным наукам не обходилась без его обильного цитирования. Лучшие поэты страны посвящали ему восторженные строки. О нём создавались десятки фильмов и художественных произведений. А во время праздников Октябрьской революции шествовавшие по центральным проспектам демонстранты высоко поднимали гигантские транспаранты с портретом главного революционера всех времён и народов, пророка и вождя мирового пролетариата, *самого человеческого человека*, воплощения гениального ума, доброты и необыкновенных достоинств.

Однако в 1990-е годы внезапно наступило “прозрение”, и на смену богоподобного мессии появился демонический образ жестокого и изворотливого Антихриста, положившего начало красному террору и вымостившего дорогу к тоталитаризму. Идеологи нового времени (среди которых оказалось немало и прежних ленинских почитателей) соревновались в очернении бывшего кумира, развязавшего гражданскую войну, замахнувшегося на священный институт частной собственности и трёхсотлетнюю монархию.

Теперь же в теме о Ленине противостоят самые разные мнения. Так, в передаче из цикла “Красный проект” Дмитрия Куликова на ТВЦ стороны никак не могли найти общего языка. Кинорежиссёр Карен Шахназаров и писатель Александр Проханов считают Ленина солью земли русской и призывают вернуть его на заслуженное место в истории. Их оппоненты – историк Юрий Пивоваров, философ Игорь Чубайс и режиссер Григорий Амнуэль – с пеной у рта нарекают его неподобающими словами и предадут анафеме.

К столетию русской революции о Ленине появились новые книги, среди которых – монография наиболее известного из биографов Ленина Владлена Логина “Заветы Ильича. Сим победиши” и объёмистая работа писателя Льва Данилкина “Ленин: пантократор солнечных пылинок”, изданная “Молодой гвардией”. Их тональность явно тяготеет в положительную сторону.

Несмотря на горы написанного и сказанного о Ленине, без ответа остаются некоторые важные вопросы, в том числе – какие его идеи подтвердила и какие опровергла мировая практика?

Счастливый человек?

Говорят, что счастье – это когда в старости достигаешь того, о чём мечтал в молодости.

Ленин не дожил и до 54 лет, но главные чаяния его юности сбылись при его жизни. А хотел он положить конец деспотизму и несправедливостям царского режима и осуществить революцию, освобождающую народ от гнёта и эксплуатации как со стороны помещиков, так и со стороны капиталистов. Многие умы человечества задумывались над подобными вопросами, пытались решить их, но неудачно. У Ленина получилось. Предварительно он овладел самой передовой на тот момент социальной теорией – марксизмом. Она гласила, что вся история человечества представляет собой последовательную смену общественно-экономических формаций, что за феодализмом неминуемо следует капитализм, а он, в свою очередь, в силу присущих ему внутренних

противоречий и антагонизмов, должен уступить место коммунизму, первой фазой которого является социализм.

Ленин страстно боролся как с противниками марксизма, так и с теми, кто, по его мнению, его извращал. Он также пытался развить марксизм и найти способы применения общей теории к специфическим условиям России. Долгий путь к намеченной цели оказался тернист, прерывался тюрьмами, ссылкой в Сибирь, вынужденной и длительной эмиграцией, скитаниями в подполье, каторжным трудом, нервами и болезнями. На его жизнь не раз покушались. После выстрелов эсерки Ф. Каплан в конце лета 1918 года он висел на волоске от гибели. Не исключено, что оставшийся в предплечье свинец от пули сократил его годы. А ведь будь он другим, такой природный талант и способности можно было бы без особых проблем обменять на комфорт и завидные блага. Но он избрал стезю, соответствующую его представлению о достойной жизни, и не изменял этому до конца своих дней.

Во времена революций вождей не выбирают, ими становятся. В России всегда хватало мятежных умов и талантов. Но среди современников Ленин выделился особой мудростью, трудоспособностью, гибкостью, терпением и непреклонной волей. И появился в нужное время, в нужном месте. Терпел ли он неудачи? Конечно, но почти никогда не отчаивался, а шёл дальше, подмечая, что разбитые армии хорошо учатся. В 30 лет с небольшим он стал уже общепризнанным лидером большевистской фракции в российской социал-демократической партии, которая затем стала наиболее эффективной и результативной революционной силой. Перефразируя Архимеда, он говорил: “Дайте мне организацию профессиональных революционеров, и я переверну Россию!” Так и случилось.

Он вёл борьбу, в первую очередь, оттачивавшимся с годами пером. Его работы по политической экономии, философии и теории революции снискали ему славу великого мыслителя своего времени. Самые сложные материи он излагал простым языком, и они становились понятны миллионам. За рубежом он учредил и редактировал газеты и журналы, оказывающие просветительское и цементирующее влияние на рабочее и крестьянское движение в России. Благодаря его титанической организаторской деятельности они нелегально доставлялись в Россию. Он говорил так, что им заслушивались. Сперва – в кружках, где он вёл агитацию и пропаганду марксистских идей, затем – на многотысячных митингах во время трёх русских революций. И ничто человеческое не было ему чуждо. Он шутил и заразительно смеялся, быстро ездил на велосипеде и хорошо играл в шахматы, любил прогулки и путешествия, охоту и рыбалку, умел находить общий язык и играть с детьми, люблялся, хотя и не терял головы.

Применял ли Ленин насилие и террор, прибегал ли к антидемократическим мерам? Многие, в том числе и хорошо относящиеся к нему люди, критиковали его и большевиков за это. И с ними, отчасти, трудно не согласиться. Но революции не делаются в белых перчатках, а в гражданских войнах всегда хватает ужасов с обеих сторон. И Ленин подчас был действительно безжалостен к тем, кто угрожал победе дела. Но он смотрел на эти меры как на необходимость сохранения завоеваний Октября и удержания власти, отражающей интересы рабочих и крестьян, то есть подавляющего большинства народа.

После Октября 1917 года он подвергся самой трудной проверке – проверке властью.

Выдержал ли он её? Безусловно. Ленин выступал против культа личности и довольствовался скромным достатком. Когда ему исполнилось пятьдесят и руководство партии и правительства праздновало его юбилей, он отсутствовал на торжественном собрании до тех пор, пока не закончились восхваляющие его речи. А появившись после перерыва, встреченный бурными аплодисментами, он сдержанно поблагодарил присутствующих, во-первых, как он выразился, за приветствия, а во-вторых, за то, что его избавили от выслушивания их. Затем Ленин выразил надежду, что со временем будут созданы более “подходящие способы” отмечать юбилейные даты, и закончил свою речь обсуждением будничных партийных проблем. В этой же короткой речи он предупредил партию об опасности головокружения от успехов и превращения в “зазнавшуюся партию”.

Глава России жил в скромной квартире, не желал новой мебели и ездил без охраны, в связи с чем как-то бандиты отняли у него машину. Партийная

демократия продолжалась и при его власти. И он не мстил тем, с кем расходился во взглядах. Произведения ушедшего из жизни в 1918 году Плеханова — его прежнего кумира, а затем яркого политического оппонента — по указанию Ленина печатались массовыми тиражами. Расхождения с Ю. Мартовым, А. Богдановым или М. Горьким не приводили к их преследованиям.

Не все его планы сбывались. Не победили революции в других странах, на что он так рассчитывал. Мир с Германией, на который он пошёл в 1918 году, являлся, по его же словам, “похабным”. От военного коммунизма пришлось перейти к НЭПу — отступить к капитализму в экономике. Он не успел создать демократическую систему власти, преграждающую возможность перерождения её в бюрократическую и тоталитарную. Он был гибок и не боялся менять точки зрения, признавал ошибки, хотя и не очень любил делать это, был выдающимся стратегом и тактиком. Уверенность в себе, как правило, не мешала, а помогала ему и его делу.

“Когда был Ленин маленьким...”

Он родился в 1870 году в Симбирске (ныне Ульяновск) в семье инспектора народных училищ Ильи Николаевича Ульянова, который дослужился до чина действительного статского советника, что в табели о рангах соответствовало военному чину генерал-майора и давало право на потомственное дворянство. Из дворянского рода была и его мать — Мария Александровна, девичья фамилия которой была Бланк. В её генеалогическом древе много кровей, в том числе еврейской, немецкой, шведской. Она получила прекрасное образование и звание домашней учительницы. Владела тремя языками. Во многом благодаря её стараниям дети быстро и хорошо интеллектуально развивались.

В 1879—1887 годах Владимир учился в гимназии, где всегда был первым учеником. Его одноклассник Александр Наумов, будущий министр царского правительства, позже писавший свои мемуары в эмиграции и никак не имевший оснований для благосклонной характеристики Ленина, вспоминал: “Способности он имел совершенно исключительные, обладал огромной памятью, отличался ненасытной научной любознательностью и необычайной работоспособностью... Воистину это была ходячая энциклопедия... Он пользовался среди товарищей большим уважением и деловым авторитетом, но... нельзя сказать, чтобы его любили, скорее — ценили... В классе ощущалось его умственное и трудовое превосходство... хотя... сам Ульянов никогда его не высказывал и не подчёркивал” (Наумов А. Н. Мои воспоминания. В 2-х томах. Т. 1. Париж, Нью-Йорк, 1954. С. 42—43).

Мятежное поколение

Хотя в роду Ульяновых не было революционеров, их дети ими становились. И Владимир не был первым. В 15 лет он пережил кончину 54-летнего отца, а через год из Петербурга пришло известие об аресте его старшего брата Александра, участника народофильского заговора с целью покушения на жизнь императора Александра III. В мае 1887 года его приговорили к казни и повесили. Оказала ли трагедия влияние на судьбу Владимира Ильича? У Тилля Уленшпигеля пепел Клааса всегда стучал в его сердце. Наверное, нечто подобное происходило и с Лениным. Вопрос лишь — стал ли этот фактор единственным и решающим? Думается, что нет.

Той же осенью он поступил на юридический факультет Казанского университета, но учёба длилась недолго. В декабре волна студенческих протестов поднялась по всей России, и Владимир принял в них активное участие. Его арестовали и отчислили. Пришлось самообразовываться. Он заповсем читает художественную литературу и передовые для того времени труды политической, исторической и экономической направленности. Любимыми авторами его становятся Чернышевский и Маркс, которых так чтит его брат. Позже Ленин скажет своим соратникам, что он стал формироваться как марксист после первого тома “Капитала” и “Наших разногласий” Плеханова.

Одновременно Владимир готовится к сдаче экстерном экзаменов и после немалых мятарств получает на это разрешение. В конце 1891 года он уже имеет диплом первой степени юридического факультета Петербургского университета, после чего становится адвокатом. Проработав некоторое время

в Самаре помощником присяжного поверенного, он перебирается в Петербург, где включается в социал-демократическую деятельность.

Осенью 1894 года из-под его пера выходит работа “Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов”. Направленная против народников книга выявила не только глубокий аналитический ум, но и публицистический дар автора. Последовали приглашения выступать в наиболее престижных столичных салонах. Там происходили жаркие споры с такими ключевыми фигурами легальных марксистов, как П. Струве и М. Туган-Барановский. Вскоре лидерство В. Ульянова среди социал-демократов становится всё более очевидным. Когда в 1895 году было решено направить делегата в Европу для ознакомления с международным рабочим движением и установления связей с группой “Освобождения труда”, вопрос – кого послать – дискуссий не вызвал.

В Женеве состоялась его встреча с основоположником российского марксизма Г. В. Плехановым, разносторонним корифеем и обладателем золотого пера. Между ними была разница в тринадцать с половиной лет. Георгий Валентинович являлся для В. Ульянова духовным пастырем, личностью в немалой мере определившей выбор жизненного пути. В письме жене после его визита Плеханов заметил: “Приехал сюда молодой товарищ, очень умный, образованный, даром слова одарённый. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди” (Исторический архив. 1958. № 6. С. 209).

От Плеханова он направился в Цюрих к другому члену группы – П. Б. Аксельроду. Если почтение, испытываемое к Георгию Валентиновичу, сковывало Ульянова, то с Павлом Борисовичем сразу же сложились самые дружеские отношения. Длительные беседы шли о содержании и формах социал-демократической работы и сводились к необходимости создания партии. Было договорено об установлении прочных и постоянных отношений, об издании за границей сборника “Работник”.

С их помощью Ульянов познакомился и с такими видными деятелями европейской социал-демократии, как проживающий в Париже зять Маркса Поль Лафарг, который был первым депутатом-социалистом во французском парламенте; с одним из лидеров Германской социал-демократической партии Карлом Либкнехтом, с которым они обсуждали возможность издания в Германии нелегальной литературы и транспортировки её в Россию. В. Ульянов работает в публичной библиотеке Берлина, знакомится с заграничной марксистской литературой, посещает рабочие собрания. Он намеревался направиться в Англию для встречи с Энгельсом, но не получилось: состояние здоровья патриарха марксизма резко ухудшилось и вскоре его не стало. Ульянов тотчас же написал проникновенную статью-некролог “Фридрих Энгельс”, завершавшуюся словами: “Русские революционеры потеряли в нём своего лучшего друга”.

Осенью 1895 года он возвращается в Петербург и предпринимает шаги к объединению столичной социал-демократии. Первой становится группа Юлия Мартова, недавно вернувшегося из ссылки. В ноябре был образован “Союз борьбы за освобождение рабочего класса”. В его составе – представители прежде разрозненных марксистских кружков, молодые левые интеллектуалы. “Союз” развёртывает агитацию и пропаганду среди рабочих, выпускает листовки и брошюру В. Ульянова “Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах”, готовит выпуск газеты “Рабочее дело”. Социал-демократия соединилась с пролетарским движением, близилось создание партии.

Тюрьма, Сибирь, эмиграция

Однако царская охранка не дремала: в ночь с 8 на 9 декабря Ульянова с десятками других “союзников” бросают в тюрьму, где в одиночной камере он проводит более года. Затем следует ссылка в Енисейскую губернию ещё на три года. Ветер задувает свечу, но раздувает костёр. Другие, попав в такую же ситуацию, ломались, прекращали борьбу, некоторые ушли из жизни. Он же не только выдержал, но и закалился. Продолжал не только писать, но и охотился, рыбачил и даже женился. С Надеждой Константиновной Крупской он был хорошо знаком по работе в марксистских кружках, где она вела просветительскую деятельность. Её так же, как и его, арестовали и выслали

в Уфимскую губернию. В начале 1998 года В. Ульянов сделал ей предложение, и, получив разрешение, она переехала к нему в Шушенское, где они вскоре обвенчались.

Мать, родственники и друзья снабжали его литературой, и он умудрился создать фундаментальную работу “Развитие капитализма в России”, за которую, если бы он защищался, по всем канонам стоило бы присудить степень доктора экономических наук. А ведь ему тогда не было и 30. Кроме того, В. Ульянову нелегальными способами удаётся передалать ряд других трудов и десятки статей для столичных журналов и социал-демократических изданий.

В феврале 1900 года, вернувшись из ссылки, он вновь активно окунается в революционную деятельность, хотя понимает, что находится в стране – значит обрекать себя на новые гонения со стороны властей. Получив разрешение на выезд, В. Ульянов через несколько месяцев вновь встречается с Плехановым в Швейцарии.

Они договариваются об издании газеты “Искра” и журнала “Заря”, которые бы сплачивали и идейно вооружали российскую социал-демократию. Но между самими редакторами – “старой гвардией” (Плеханов, Аксельрод, Засулич) и молодой порослью (Ульянов, Мартов, Потресов) – зреют противоречия. Срабатывало несколько факторов, в том числе конфликт поколений. Зная себе цену и не лишённый ревности, патриарх русского марксизма никому не желал уступать лидерства. В сентябре 1900 года в статье “Как чуть не потухла “Искра”” В. Ульянов писал: “Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением, veneration, ни перед кем я не держал себя с таким “смирением” – и никогда не испытывал такого грубого “пинка” (Ленин В. И. Собр. соч. Т. 4. С. 344).

В декабре был напечатан первый номер газеты. Попытка переправить его в Россию оказалась неудачной: 3 тысячи экземпляров были задержаны на границе. В “Искре” и журнале “Заря” печаталось множество материалов Ульянова, посвящённых важнейшим событиям внутренней жизни России, созданию партии и вопросам классовой борьбы. Его уход из редакции “Искры” в ноябре 1903 года был связан с расколом уже внутри “молодой тройки”.

Это произошло на состоявшемся летом того же года II съезде РСДРП. Он выступал за создание сплочённой, централизованной и активной партийной организации с жёсткой дисциплиной. В написанной раньше под псевдонимом Ленин работе “Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения” эпиграфом были взяты слова из письма Лассаля Марксу: “... Партийная борьба придаёт партии силу и жизненность, величайшим доказательством слабости партии является её расплывчатость и притупление резко обозначенных границ, партия укрепляется тем, что очищает себя...” Мартов ратовал за более широкую коалицию. Эти расхождения привели к расколу социал-демократического движения на большевиков и меньшевиков.

Лидер большевиков

Покинув “Искру”, Ленин создаёт газету “Вперёд” и начинает подготовку к созыву III съезда РСДРП, в котором должны были принимать участие только большевики. Он состоялся в Лондоне в апреле 1905 года. В России к тому времени уже произошёл революционный взрыв. После издания императорского манифеста 17 октября, гарантировавшего гражданские права и созыв парламента, Ленин нелегально, под чужой фамилией, возвращается в страну и возглавляет работу избранного съездом Центрального и Петербургского комитетов большевиков. Он пишет книгу “Две тактики социал-демократии в демократической революции”, в которой указывает на необходимость гегемонии пролетариата и вооружённого восстания против самодержавия. В борьбе за привлечение на свою сторону крестьянства, которая активно велась и эсерами, он издаёт брошюру “К деревенской бедноте”. К этому моменту относится и его знакомство с “чудесным грузином” – Иосифом Джугашвили-Сталиным. Ради победы революции Ленин готов был пойти на компромисс с меньшевиками и организовал “Объединительный съезд”. Он выступает перед многотысячными аудиториями, но силы сторон неравны, и царское правительство постепенно возвращает контроль над ситуацией.

Ещё в опубликованной в 1901 году в “Искре” статье “С чего начать?” Ленин поднимает вопрос о применении насилия в революционной и политической деятельности.

“Принципиально, — пишет он, — мы никогда не отказывались и не можем отказаться от террора. Это одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях”. “Но, — продолжает Ленин, — суть дела именно в том, что террор выдвигается в настоящее время отнюдь не как одна из операций действующей армии, тесно связанная и сообразованная со всей системой борьбы, а как самостоятельное и независимое от всякой армии средство единичного нападения... мы решительно объявляем такое средство борьбы при данных обстоятельствах несвоевременным, нецелесообразным, отвлекающим наиболее активных борцов от их настоящей, наиболее важной в интересах всего движения задачи, дезорганизуя не правительственные, а революционные силы”. Как видим, Ленин не исключает применения насилия в революционной борьбе, но вовсе не освящает его.

“История, — позже замечает Ленин, — знает превращения всяких сортов; полагаться на убежденность, преданность и прочие превосходные качества — это вещь в политике совсем не серьезная. Превосходные душевные качества бывают у небольшого числа людей, решают же исторический исход гигантские массы, которые, если небольшое число людей не подходит им, иногда с этим небольшим числом людей обращаются не слишком вежливо” (Ленин В. И. Собр. соч. Т. 45. С. 94).

В начале 1908 года он вынужден вернуться в Женеву. Поражение революции 1905–1907 годов не заставило его сложить руки. Ленин считал неизбежным повторение революционного подъема. Он напряженно работает над книгой “Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии”, в которой развѣртывает всестороннюю критику антимарксистских взглядов русских махистов и их иностранных философских учителей. Под критическое перо в ней попадает и его бывший приятель Александр Богданов, чей “Краткий курс экономической науки” он когда-то так хвалил и с кем он не раз играл в шахматы, находясь в гостях у их общего друга писателя Горького на Капри.

В конце 1909 года Ленин с руководством большевиков перебирается в Париж. Здесь он знакомится с очаровательной и образованной Инессой Арманд, давней участницей революционного движения, приехавшей из России. Их роман продолжался несколько лет, но, не желая разрыва с женой, Ленин прекращает его, хотя они и после этого всегда оставались друзьями.

5 мая 1912 года в Петербурге вышел первый номер легальной большевистской газеты “Правда”, в которой Ленин за два следующих года опубликовал 270 статей и заметок. Находясь за рубежом, Ленин руководил деятельностью большевиков в IV Государственной думе, являлся представителем РСДРП во II Интернационале.

Когда началась Первая мировая война, Ленин жил на территории Австро-Венгрии, куда он переехал в конце 1912 года. Из-за подозрения в шпионаже в пользу российского правительства его сразу же арестовали. Для освобождения потребовалась помощь депутата-социалиста австрийского парламента В. Адлера. В конце августа 1914 года на собрании группы большевиков-эмигрантов Ленин огласил свои соображения о войне. По его мнению, начавшаяся война являлась империалистической, несправедливой с обеих сторон, чуждой интересам трудящихся воюющих государств. После получения информации о единогласном голосовании немецких социал-демократов за военный бюджет немецкого правительства, Ленин заявил, что перестал быть социал-демократом и превратился в коммуниста.

На международных конференциях в Швейцарии — в Циммервальде (1915) и Кинтале (1916) — Ленин отстаивал необходимость превращения империалистической войны в войну гражданскую и выступал с лозунгом “революционного пораженчества”. Он исходил из разработанной им концепции возможного прорыва капиталистической цепи в наиболее слабом её звене и полагал, что Россия в силу сложившихся обстоятельств является именно таким звеном. Он считал, что и в случае победы любой из сторон результат будет бессмыслен для народа, который останется в таком же угнетѣнном положении. Война, по Ленину, являлась братоубийственной, её цель — прибыли монополий и передел рынков сбыта. Между тем, крах буржуазной власти создал бы революционную ситуацию и открыл возможности трудящимся создать более справед-

ливый общественный строй как в своей стране, так и в стране-противнике. И тогда, и после многие расценивали такую позицию как “государственную измену”. Глубокое теоретическое обоснование своих взглядов по этим вопросам Ленин дал в 1916 году в работе “Империализм как высшая стадия капитализма”. Она писалась как популярный очерк и “проклятым эзоповским языком”, так как предназначалась для легальной российской печати.

В 1917-м

О Февральской революции Ленин узнал из газет. Можно ли делать из этого вывод, что она оказалась неожиданной для него? Те, кто так утверждает, обычно приводят в подтверждение публичное заявление, сделанное им накануне на встрече со швейцарской социалистической молодёжью: “Мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв этой грядущей революции”. Но ведь Ленин давно считал, что Россия беременна ей и роды могут наступить в любой момент. Вместе с тем, зная слабость подпольных революционных сил в столице, Ленин расценивал событие и как результат “заговора англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К⁰ к власти в интересах продолжения империалистической войны”, а стало быть, и как дворцовый переворот. Позже многочисленные источники подтвердили верность этих суждений.

И тогда уже Ленин был убеждён, что Февраль был лишь первым этапом революции. “Я не могу судить отсюда, из моего проклятого далека, насколько близка эта вторая революция”, — писал он 11 марта 1917 года. Им прочно владела мысль о возвращении. Как замечал Григорий Зиновьев, в те дни он “напоминал льва, запертого в клетке”. Ленин выдвигал самые безумные планы, например, перелететь в Россию на аэроплане. “Ильич, — вспоминала Надежда Крупская, — не спал ночи напролёт. Раз ночью говорит: “Знаешь, я могу поехать с паспортом немого шведа”. Я посмеялась. “Не выйдет, можно во сне проговориться. Приснятся ночью кадеты, будешь сквозь сон говорить: “Сволочь, сволочь”. Вот и узнают, что не швед” (Слово, № 10, 19 мая — 1 июня 2017 года).

Вариант с возвращением через Францию и Англию отпадал, так как страны Антанты были готовы пропустить через свои территории только тех эмигрантов, которые выступали за продолжение войны. К тому же из Англии пришлось бы добираться морем, которое на тот момент кишело минами и немецкими подводными лодками. В итоге был выбран самый неожиданный вариант, предложенный лидером меньшевиков Юлием Мартовым: ехать через Германию, с которой Россия находилась в состоянии войны.

Знакомые швейцарские социалисты стали бомбардировать германское посольство в Берне телеграммами, убеждавшими, что, поскольку большинство русских эмигрантов в Швейцарии желают прекращения войны, они могли бы сыграть на руку Германии, если бы им был разрешён проезд в Россию через немецкую территорию. Так и случилось: в марте германские власти позволили Ленину вместе с 35 соратниками по партии выехать на поезде в plombированном вагоне из Швейцарии через территорию Германии в Россию.

3 апреля 1917 года Ленин прибывает в Россию. Петроградский совет, большинство в котором составляли меньшевики и эсеры, организовал ему торжественную встречу на Финляндском вокзале. Председатель исполкома Петросовета меньшевик Н. Чхеидзе выразил надежду на “сплочение рядов всей демократии”. Однако последовавшее выступление Ленина завершилось призывом к “социальной революции” и вызвало смущение даже среди его сторонников.

В это время в городе на Неве царил революционный эйфория. Но Ленин понимал, в чьи руки перешла власть и к чему это ведёт страну. На следующий день, 4 апреля, Ленин выступил перед большевиками с докладом, идеи которого показались чрезмерно радикальными даже близким соратникам. Это были знаменитые “Апрельские тезисы”. Ленин подверг резкой критике настроения, господствовавшие в России среди социал-демократии вообще и большевиков в частности, и сводившиеся к идее расширения буржуазно-демократической революции, поддержке Временного правительства и защите революционного отечества в войне, изменившей якобы свой характер с падением самодержавия. Объявив лозунги “Никакой поддержки Временному

правительству” и “Вся власть – Советам”, Ленин провозгласил курс на переработку революции в пролетарскую, выдвинув целью свержение буржуазии и переход власти к Советам и пролетариату. Наконец, он потребовал широкой антивоенной пропаганды, поскольку, согласно его мнению, война со стороны Временного правительства продолжала носить империалистический и грабительский характер.

В марте 1917 года, вплоть до приезда Ленина из эмиграции, в РСДРП(б) господствовали умеренные настроения. Сталин придерживался мнения, что “объединение с меньшевиками возможно”. 6 апреля ЦК вынес по “Тезисам” отрицательную резолюцию. Редакционный совет “Правды” первоначально отказался печатать их якобы из-за механической поломки. 7 апреля “Тезисы” всё же появились в газете с комментарием Л. Каменева, гласившим, что “схема Ленина” является “неприемлемой”.

Тем не менее, буквально в течение трёх недель Ленину удалось добиться своего. В числе первых заявивших о поддержке был Сталин. По выражению Троцкого, “партия оказалась застигнута врасплох Лениным не менее, чем Февральским переворотом. . . прений не было, все были ошеломлены, никому не хотелось подставлять себя под удары этого неистового вождя”. Точку на колебаниях большевиков поставила окончательно принявшая “Тезисы” апрельская партконференция (22–29). На ней Ленин также предложил переименовать партию в “коммунистическую”, но оно было отклонено. С апреля по июль 1917 года Ленин написал более 170 статей, брошюр, воззваний, проектов резолюций большевистских конференций и ЦК партии.

3 июня в Петрограде начался I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Выступая на нём, Ленин заявил, что Советы готовы немедленно взять всю власть в стране мирным путём и использовать её для решения основных вопросов революции: дать народу мир, хлеб, землю и побороть хозяйственную разруху. Но, трезво оценивая ситуацию, он предостерег от насильственных действий. Через месяц (3–4 июля) в столице стихийно начались антиправительственные акции, и большевики вынуждены были принять в них участие. События переросли в перестрелку с войсками, и сторонников Ленина обвинили в организации “вооружённого выступления против государственной власти”. Временное правительство распространило информацию о “связях большевиков с Германией” и отдало приказ об аресте Ленина и его соратников. Ему пришлось вновь уйти в подполье. Он сменил семнадцать конспиративных квартир, после чего скрывался в шалаше у озера Разлив. В августе перебрался на территорию Финляндии.

Между тем, ситуация в стране и на фронтах ухудшалась. Кризис политики Временного правительства был очевиден. Со стороны правых сил была предпринята попытка к установлению военной диктатуры. В ходе подавления мятежа Корнилова Керенский был вынужден обратиться за помощью и к левым силам. Авторитет большевиков в Советах неуклонно возрастал.

Ленин не смог присутствовать на VI съезде РСДРП(б), полулегально прошедшем в августе в Петрограде. В этот период Ленин создаёт одну из своих фундаментальных работ по революционной тематике – “Государство и революция”. Во второй половине сентября он перебирается в Выборг, затем 7 октября – в Питер. 10 октября на заседании Центрального комитета партии десятью голосами против двух (Каменев и Зиновьев) решается вопрос о подготовке вооружённого восстания. Оно приурочивается к открытию II Всероссийского съезда Советов. Цель – взятие политической власти и свержение Временного правительства.

24 октября 1917 года после 6 часов вечера Ленин покинул конспиративную квартиру, оставив её хозяйке записку: “. . . Ушёл туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич”. Он сбривает бороду и усы, надевает старое пальто и кепку, повязывает щёку платком и в сопровождении одного человека направляется в Смольный. По дороге их дважды останавливают юнкера, что грозило расстрелом на месте.

Прибыв в Смольный, Ленин приступает к руководству восстанием. Организационные функции исполнялись председателем Петроградского Совета Л. Троцким. Предлагается действовать жёстко и быстро: взять Зимний и арестовать министров, не оставляя власти в руках Керенского. 25 октября Ленин подготовил обращение о низложении Временного правительства. Им произносятся знаменитые слова: “Рабоче-крестьянская революция, о которой так

долго говорили большевики, свершилась”. Наступает новая эра российской, да и мировой истории.

На открывшемся II Всероссийском съезде Советов были приняты написанные предыдущей ночью Лениным Декреты о мире и о земле, образовано во главе с ним правительство – Совет Народных Комиссаров. Все воюющие стороны немедленно призывались сесть за стол переговоров “о справедливом демократическом мире”. Земля передавалась в пользу тех, кто её обрабатывал.

После победы вооружённого восстания в Петербурге и Москве революция стала быстро распространяться по всей территории страны по принципу домино. Это время – по март 1918 года – Ленин назвал периодом “триумфального шествия диктатуры пролетариата и Советской власти”.

Почему Ленин победил? Ответ ясен: его идеи отражали чаяния подавляющего большинства российского общества. Солдаты жаждали вернуться с опостылевших им фронтов домой. Крестьяне мечтали получить в свои руки главное средство производства. Рабочие хотели освободиться от жестокой эксплуатации со стороны капиталистов-миroeдов. Немалая часть интеллигенции устала от царящего хаоса и опасалась сползания страны в полную анархию. Национальным меньшинствам предлагались различные виды культурно-национальных автономий и даже государственная независимость.

Но дело было и в другом: сработал заложенный Лениным в основу построения партии принцип твёрдой, сплочённой и хорошо управляемой организации. Её влияние определялось не числом, а умением. В огромном государстве власть перешла в руки коммунистов, поставивших своей целью покончить с эксплуатацией человека человеком, реально обеспечить справедливость в обществе, изжить в нём классовые антагонизмы. Такого в истории ещё не случилось. Россию Ленин убедил и завоевал. Но что дальше?

Во главе государства

Надо строить социализм. Именно строить. Ведь социализм, как начертано в скрижалях Маркса, прямо противоположен капитализму и стихийно не возникает в его недрах. Правда, развитой капитализм, согласно тому же писанию, вплотную подводит общество к социализму, делает переход возможным. Но в России такового не было. Основное население в ней составляло крестьянство, имевшее раздробленную мелкую частную собственность на землю и другие средства производства. До социализма ему весьма далеко. Да и с промышленностью, финансами, и торговлей не всё было так просто. Можно национализировать те или иные предприятия и учреждения. А что потом? Надо же продавать продукцию, закупать необходимые материалы, расплачиваться с работниками, эффективно управлять. Для этого нужны квалифицированные кадры. А где их взять?

26 октября Ленин сказал Троцкому: “Знаете, сразу после преследований и подполья к власти... Голова кругом идёт”. Ни у кого из большевиков не имелось опыта хозяйствования в небольшой деревне, не говоря уже о гигантской стране. Когда молодой В. Ульянов по просьбе матери занялся управлением имением Алакаевка в Самарской области, ничего хорошего из этого не вышло. Окрестные крестьяне, пользуясь неопытностью новых хозяев, похитили у них лошадей и две коровы. В итоге, землю с домом пришлось продать.

Ленину приписывают утверждение, что “каждая кухарка может управлять государством”. Нет, он так отнюдь не считал. Но полагал, что надо порвать с тем предрассудком, будто такую работу в состоянии вести “только богатые или из богатых семей взятые чиновники”. Переходной формой к взятию дела в свои руки мыслился рабочий контроль: многие предприятия продолжали оставаться в частной собственности, но туда направлялись представители комиссаров, и возникало двойное подчинение.

5 января 1918 года открылось Учредительное собрание, где большинство получили эсеры, которые представляли интересы крестьян, составлявших 80% населения страны. При поддержке левых эсеров Ленин поставил делегатов перед выбором: ратифицировать власть Советов и декреты большевистского правительства или разойтись. Не согласившись с такой постановкой вопроса, Учредительное собрание потеряло кворум, и было принудительно распущено. “Караул устал”, – сказал оставшийся благодаря этим словам в истории матрос Железняк (Анатолий Железняков).

Воплощение в жизнь “Декрета о мире” требовало согласия с другой стороны. Германия и Австро-Венгрия выдвинули тяжёлые условия – Россия должна была расстаться со значительной частью своей территории на западе. Надежды на мировую революцию ослабевали, и 3 марта в Брест-Литовске по настоянию Ленина был подписан мир – решение, повлекшее за собой бурную критику. Но будущее показало, что оно оказалось верным: после последовавшей осенью 1918 года в Германии революции советские власти отказались от его условий. В связи с этим авторитет Ленина в партии и стране ещё более возрос.

Наступление на капитал, экспроприация крупной частной собственности в промышленности, финансах и земледелии не могли не вызывать сопротивления имущих классов. Уполномоченных от большевиков встречал саботаж, делались попытки быстро распродать предприятия, чтобы получить кэш и эмигрировать. Но этим не ограничилось.

Началась гражданская война и интервенция со стороны капиталистических государств. Для обеспечения средств на борьбу пришлось изымать их у крестьян посредством продразвёрстки, что вызывало протест и негодование. Голод и разруха угрожали новой власти, но и поддержка её была значительной.

Ополчившийся против новой России идеологический фронт на Западе был весьма широк – от непрестанно раздающихся воинствующих призывов к свержению “красных” до социал-демократической критики “поспешности” революции, основную мысль которой кто-то выразил словами: “Капитализм – словно свинья: чтобы зарезать её и извлечь из неё пользу, надо выждать, пока она станет достаточно жирной”.

Вопрос – кто кого? – решался с переменным успехом. И всё же новая власть выстояла, хотя и пролилось немало крови с обеих сторон. Однако проводимая политика “военного коммунизма” усугубляла кризис в экономике. Не готовые к обобществлению производительные силы упрямылись. От большевиков требовалось пойти на уступки капитализму. Спустя три года – с окончанием гражданской войны – это стало возможным.

НЭП

В мае 1921 года на X съезде партии Ленин объявил курс на НЭП. Командные высоты в экономике оставались за государством, но продразвёрстка заменялась продналогом, допускалась торговля и частная собственность. Встречавшийся тогда с руководителями страны американский миллионер А. Хаммер писал: “Только сам Ленин мог стать инициатором этой политики, обозначившей одну из наиболее драматических и решительных перемен в истории нашего века; и Ленину пришлось опереться на колоссальные резервы доверия к нему, на всю свою магическую силу убеждения товарищей. Если бы НЭП был предложен кем-либо ещё, этого человека, наверное, расстреляли как предателя революции” (“Коммунист”. 1988. № 2. С. 65). В том же году стране пришлось пережить тяжелейшую засуху и последовавший вслед за ней голод, охвативший Поволжье, часть Предуралья, а затем и юг Украины.

В своё время, штудирова Гегеля, Ленин записал: “Не голое отрицание, не скептическое отрицание... характерно и существенно в диалектике, которая, несомненно, содержит в себе элементы отрицания и притом как важнейший свой элемент, – нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного” (Ленин В. И. Собр. соч. Т. 29. С. 207). Отсюда вытекала напрашивающаяся теперь мысль: а надо ли отбрасывать всё положительное, что было создано прежде, в том числе при капитализме? Не надо ли включить и его в новое общественное устройство? Однако эта идея не была унаследована Марксом, прокламировавшим антикапиталистический характер следующей общественной формации и возвеличивавшим классовую борьбу.

В опубликованной в “Правде” статье “К четырёхлетней годовщине октябрьской революции” Ленин писал: “Мы предполагали без достаточного расчёта – непосредственными велениями пролетарского государства – наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкобуржуазной стране. Жизнь показала нашу ошибку. Потребовался ряд переходных ступеней: государственный капитализм и социализм... Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рождённого великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчёте потрудитесь построить сначала

прочные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму”.

Начавшаяся эпоха империализма и, в особенности, мировая война убедительно показали, какими гигантскими возможностями обладает “государственный капитализм”, то есть сознательное регулирование экономической жизни страны из одного центра. К аналогичному выводу пришёл и британский экономист Дж. М. Кейнс. Не случайно он искал встречи с Лениным и предлагал ему выступить со статьёй на страницах редактируемой им газеты “Нация”. Но если Кейнс надеялся с помощью экономического регулирования укрепить капиталистическую систему, то для Ленина этот вывод открывал перспективу использования его “на пользу рабочего класса, с целью устоять против всё ещё сильной буржуазии и бороться против неё” (Ленин В. И. Собр. соч. Т. 44. С. 48–50).

Ленин считал, что всякий, кто участвует в развитии производительных сил страны, “больше пользы принесёт делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет “думать” о чистоте коммунизма... Это может показаться парадоксом: частнохозяйственный капитализм в роли пособника социализму? Но это несколько не парадокс, а экономически совершенно неоспоримый факт”. Ленин призывает “зарубить себе на носу” и запомнить, что НЭП – это “всерьёз и надолго”. Он призывает “быть культурным торгашом”. И даже высказывает загадочную фразу: “Надо поменять коренным образом всю точку зрения на социализм” (Ленин В. И. Собр. соч. Т. 45. С. 369–377).

НЭП придал импульс экономическому развитию, способствовал пополнению казны, но обострил идеологическую борьбу. В связи с появившимися возможностями возникло множество частных газет и журналов, в том числе и ведущих борьбу с советской властью, что угрожало судьбе революции. Осенью 1922 года по инициативе Ленина на “философском пароходе” из страны было выслано 160 наиболее активных противников Советской власти, в числе которых оказалось и несколько ставших затем всемирно известными учёных.

Гидра бюрократии

По мере углубления НЭП ещё одна проблема выходила на передний план. Стратегический план Ленина состоял в том, чтобы с помощью передовой надстройки, прежде всего, большевистской партии и нового госаппарата подтянуть отсталую Россию к высотам материального производства и культуры. Но и в самой партии и госаппарате не всё обстояло благополучно. Уже в первые годы Советской власти появилась опасность того, что к партии примажутся элементы случайные, ищущие в ней те или иные личные выгоды. “Соблазн вступления в правительственную партию... гигантский”, – предупреждал Ленин. Он не скрывает, что “наш аппарат” “из рук вон плох”, он нам “насквозь ещё чужд”, “он у нас, в сущности, унаследован от старого режима, ибо переделать его в такой короткий срок, особенно при войне, при голоде и т. п., было совершенно невозможно...” Отсюда и возникала постоянная необходимость прибегать к “ручному управлению” со стороны верхов, в том числе и самого Ленина. Десятки его писем направлялись в различные организации, чтобы решить вопросы об отправке семян для сева, ликвидации задержки зарплаты рабочим, поставке машин и механизмов для строящихся электростанций и т. д.

Среди бюрократов и саботажников было немало старых чиновников, делавших, по выражению Ленина, “нам гадости”. Но во многих случаях во главе замеченных в волоките учреждений и ведомств находились известные коммунисты, герои гражданской войны “с пышным советским титулом, ни черта не понимающие, не знающие дела, лишь подписывающие бумажки...” (Ленин В. И. Собр. соч. Т. 53. С. 301).

В системе центральных советских учреждений существовал наркомат Рабоче-крестьянской инспекции. Образованный в 1920 году и руководимый Сталиным, этот орган как раз и создавался для того, чтобы осуществлять надзор и помощь работе госаппарата. Но, по мнению Ленина, он явно не справлялся с поставленной задачей, ибо сконцентрировал усилия на сугубо репрессивных мерах, а необходимо было учить тому, как устранить недостатки и как наладить работу.

Проблемы адаптации к новым условиям были и у многих других новых институтов, в том числе у возглавляемой Ф. Дзержинским Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. В ноябре 1922 года Ленин подписывает постановление СНК о суровом наказании за ложные доносы, а в декабре Политбюро

принимает предложенную им резолюцию, включающую директивы сузить право ареста, назначить ограниченный месяцем срок для общего проведения дела и прочие смягчающие моменты.

Ещё одна из важнейших, по Ленину, задач – повышение культуры. “То обстоятельство, что пришлось создать чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности, доказывает, что мы – люди (как бы полудикие), потому что в стране, где не полудикие люди, там стыдно было бы создавать чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности, – там в школах ликвидируют безграмотность” (Ленин В. И. Собр. соч. Т. 44. С. 170).

По вопросам национального строительства Ленин выступал за право наций на самоопределение и свободного выхода из состава Советского Союза, образованного в конце 1922 года. “Ни к чему так не чутки “обиженные” националы, – писал он, – как к чувству равенства и нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями. Вот почему в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить”. И тот, кто “пренебрежительно относится к этой стороне дела... сам является настоящим и истинным не только “социал-националом”, но и грубым великорусским держимордой”...” (Ленин В. И. Собр. соч. Т. 45. С. 360).

Содержится ли в этих словах принижение русских? Думается, нет. Есть мнение, что решение о праве наций на самоопределение заложило под здание СССР бомбу, сработавшую через семь десятилетий. И оно представляется спорным. Но если бы было и так, стоит ли возлагать вину за развал державы главным образом на ленинскую концепцию?

Центр тяжести

“Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем”, – писал через три месяца после Октября в знаменитой поэме “Двенадцать” Александр Блок, выражавший революционный порыв, охвативший тогда не только большевиков, но и миллионы других сочувствующих социализму как в России, так и за рубежом. Однако после революционной волны, прокатившейся по Европе в 1917–1920 годах, наступила полоса относительной стабилизации. Не отказываясь от поддержки коммунистического и национально-освободительного движения в других странах, Ленин переносит центр тяжести политики в иную плоскость. “В настоящее время международное положение таково, что какое-то временное, неустойчивое, но всё-таки равновесие установилось... Сейчас главное своё воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой... на это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу – и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно...”, – говорил он в мае 1921 года (Ленин В. И. Собр. соч. Т. 43. С. 340, 341). Ему приходилось умерять “революционный” пыл левых.

Такая позиция предполагала, среди прочего, возможность мирного сосуществования Советской России с капиталистическим окружением на основе экономического сотрудничества. Для этой цели Ленин предложил созвать международную конференцию, которая могла бы рассмотреть “взаимные претензии держав друг к другу”, а также “положить конец всяким действиям, угрожающим безопасности Советских республик”, признать Советское правительство и заключить с ним “всеобщий мир”.

В начале 1922 года Верховный совет стран Антанты принимает решение о созыве такой конференции в Генуе и приглашает на неё Советскую делегацию. Её возглавляет Ленин, а его заместителем назначается Чичерин “со всеми правами председателя на случай, если обстоятельства исключат возможность поездки тов. Ленина на конференцию”. Оговорка не была случайной. В Италии активно действовали эсеры во главе с Б. Савинковым, врангелевцы и фашисты, что ставило под вопрос выезд туда первого лица.

На открывшейся в апреле того же года Генуэзской конференции были представлены 29 европейских стран. Ленин внимательно следил за разворачивающимися на ней событиями и направлял работу нашей делегации, не давая Западу прогнуть нас. В ходе конференции советскому правительству удалось заключить с Германией Рапалльский договор – о восстановлении между двумя странами дипломатических отношений и регулировании всех спорных вопросов. Такое непредвиденное Западом решение внесло раскол в его ряды и интерпретировалось как “очередные ленинские козни”.

Не решённые на Генуэзской конференции вопросы были перенесены на Гаагскую конференцию, состоявшуюся в середине лета того же года. Но 25 мая 1922 года у Ленина случился первый инсульт.

Завещание

Болезнь временами отпускала его, но затем бралась с новой силой. Предвидя скорый уход, прикованный к постели Ленин в ряде продиктованных им статей дал общую оценку ситуации в стране и возможных его наследников. Они получили название “Политического завещания”.

Главным звеном в цепи сложнейших проблем, вставших в те годы перед страной, стал переход от гражданской войны к гражданскому миру. Требовалось не только укрепление союза с крестьянством, но и налаживание отношений с интеллигенцией, церковью, лояльными нэпманами. Без этого нельзя было рассчитывать на подъём производительных сил, культуры, “цивизованности” страны. (Логоinov В. Т. Заветы Ильича. М., “Алгоритм”, 2017. С. 592). От руководства страны и государственного аппарата требовалось улучшение работы, поскольку в изменившихся условиях “ничего нельзя поделаться нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще” (Ленин В. И. Собр. соч. Т. 45. С. 391). В связи с этим Ленин предлагал усилить роль Госплана, ибо он “как совокупность сведущих людей, экспертов, представителей науки и техники обладает, в сущности, наибольшими данными для правильного суждения о делах”.

В высших эшелонах власти зрели противоречия, коренящиеся, прежде всего, в личных качествах Сталина и Троцкого. “Отношения между ними, — подмечал Ленин, — составляют большую половину того раскола, который мог бы быть избегнут... Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС (имеется в виду развязанная Троцким в партии в конце 1920 года дискуссия о профсоюзах. — Г. Ц.), отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела. Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно” (Ленин В. И. Собр. соч. Т. 45. С. 344–345).

Этим характеристика не ограничивалась. “Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека... это не мелочь, или такая мелочь, которая может получить решающее значение... я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.” (Ленин В. И. Собр. соч. Т. 45. С. 346). Данные письма, адресованные XII съезду партии, проходили через руки Сталина. Утверждая, что “это говорит не Ленин, а болезнь”, генсек делал всё возможное, чтобы не придать их огласке. Их опубликовали лишь в 1956 году после XX съезда партии.

Между тем, Ленин как в воду смотрел. Через несколько месяцев после резкого ухудшения его состояния разлад среди большевистских бонз вырвался наружу. Сталин со своими союзниками развернул кампанию против Троцкого и отжал его на обочину политической власти. Но это было лишь началом последовавшей череды интриг, достойных пера Шекспира, и в очередной раз подтверждавших то, что *всякая революция пожирает своих детей*.

Ленин очертил достоинства и изъяны также других видных деятелей: Зиновьева, Каменева, Бухарина и Пятакова. Владимир Ильич советовал устранить те недостатки в системе аппарата, которые могут дать возможность проявиться тем или иным отрицательным чертам партийно-государственных чинов. Он всячески стремился обеспечить коллегиальное, а не единоличное руководство страной. Но претворить в жизнь задуманное уже не успел.

Влияние и актуальность

С тем, что руководимая Лениным Октябрьская революция оказала огромное влияние на весь последующий ход мировой истории, не спорят. Мнения расходятся по вопросу о том – какое. “Большое видится на расстоянии...” Спустя сто лет благотворность её воздействия не вызывает сомнений у многих аналитиков. Опасаясь за дальнейшую судьбу своего строя, капитализм социализировался, ограничил рабочий день, пошёл на другие уступки трудящемуся люду, словом, обрёл более или менее человеческое лицо. Так, по крайней мере, произошло во многих странах. Распалась колониальная система империализма.

Многие идеи Ленина не утрачивают своей значимости, в частности, теория империализма. Правда, он не был её пионером. Фундаментальные работы о перерастании капитализма в свою высшую стадию до него написали английский экономист Джон Гобсон и австрийский социал-демократ Рудольф Гильфердинг. Но Ленин не только подытожил их мысли, но и развил их, показав механику и особенности международного и российского империализма. Выявленные им пять его признаков изучались многими поколениями советских учащихся в школах и университетах. И надо сказать, что они верно выражали суть экономики и политики Запада. Часть из них сохраняет актуальность и для понимания нынешнего российского общества.

Так, очерченная Лениным финансово-олигархическая система вскоре после 1991 года была воспроизведена в нашей стране с удивительной точностью. Первый и наиболее талантливый глава русскоязычного издания журнала “Форбс” Павел Хлебников незадолго до его убийства в Москве в 2004 году отмечал: “Горькая ирония судьбы: Россия... выстраивает капиталистическую систему по образцу... основоположника коммунизма... для большинства бизнес-магнатов ельцинской эпохи, как и для многих политиков-реформаторов, такая искажённая версия капитализма казалась вполне нормальной. Ведь все они учили ленинскую теорию в школах и институтах...” (Forbes. 2004, июль. С. 54).

В написанной в 1915 году статье “Банки и министры” Ленин высветил личную унию с правительством, характерную для эпохи господства финансового капитала: “Сегодня министр – завтра банкир, сегодня банкир – завтра министр”. Как удивительно применима эта формула и для сегодняшней России, где горстка придворных миллионеров непрестанно кочует между крупнейшими банковскими структурами и министерскими креслами! Взять, к примеру, Германа Грефа или Эльвиру Набиуллину. Бюрократическо-олигархический капитализм ныне правит бал. В нём доминируют спекулятивность и отношения “по понятиям”, а созидательные тенденции подмяты монополизмом и чиновничьим произволом, что торпедирует экономический рост и ведёт к всё более частым кризисам и стагнации.

В плену у Маркса

Учителем и кумиром Ленина до конца его дней оставался Маркс. С ним всегда сверял Ленин свои дела и мысли. Но во всём ли был прав Маркс? И стоит ли обожествлять кого-либо? Разве и гений не может в чём-то ошибаться или чего-то не предугадать? Если практика – критерий истины, то разве не ею надо руководствоваться в первую очередь? И чему надо поклоняться пеплу или духу учителя? И достоин ли своего мэтра ученик, если он в чём-то не превзошёл его, а стало быть, и не пересмотрел какие-то прежние взгляды?

Нет, Ленин не был догматиком. Наоборот, многие предъявляли ему упреки в ревизионизме, чего он также не заслуживал. Но, оставаясь марксистом, он не выходил за “красные флажки” и потому продолжал стоять за антикапиталистическое понимание социализма, составляющее сердцевину марксистского учения. Диалектическую мысль Гегеля об “отрицании с удержанием положительного” он широко применял на практике, но не развил в новую теорию, поскольку марксизм для него всегда оставался не только наукой, но и верованием. А это рано или поздно не могло не вступить в конфликт с истиной.

Маркс мечтал об обществе, где свободное развитие каждого должно быть условием свободного развития всех. Он объяснил, почему товарное производство и рынок никак не могут быть проводниками к этой цели. Деньги превращаются в капитал, который раскалывает общество на противоположные классы – эксплуататоров и эксплуатируемых. Внутренне присущие капитализму

законы концентрации и централизации капитала в перспективе делают несоместимой частнособственническую форму с общественным содержанием производства. Революции – повивальные бабки истории – рвут оболочку и приводят в соответствие отношения собственности с содержанием экономики. На смену капиталистическим законам и регуляторам, по мнению Маркса, неминуемо придут коммунистические принципы, несущие сознательное регулирование хозяйства из одного центра (плановое развитие), что устраним кризисы и безработицу. Распределение продуктов будет производиться по труду, а позже и по потребностям. Наступит всеобщее благополучие и изобилие. Такова вкратце концепция Маркса, наиболее обстоятельно изложенная в “Капитале”, впервые изданном ровно 150 лет назад – в 1867 году.

Но что показал мировой опыт? Общественная собственность на средства производства и всеобъемлющие планы тоже не решают задачу создания рая на Земле. Творческие, инновационные и соревновательные моменты при таких обстоятельствах весьма ограничиваются и сковываются приходящей на смену рынку командно-административной системой. Преимущества и достоинства абсолютизированной общественной собственности на средства производства нивелируются пыльным цветом произвола, субъективизма и бюрократизма. Это неминуемо ведёт к тоталитаризму, что показала практика всех без исключения стран, пошедших по такому пути.

Но жизнь показала и иное: в выигрыше оказываются те, кто умудряется сочетать лучшее в капитализме и социализме. То, что это возможно, особо наглядно демонстрирует современный опыт Китая, Вьетнама, скандинавских и ряда других стран. Не является ли такой синтез самостоятельной и оптимальной формой общественного устройства? Похоже, что да.

Ленин с помощью НЭПа вроде как нащупал эту золотую середину, но, не желая расходиться с Марксом, назвал это “отступлением от социализма”. Правда, он тут же говорил о “коренной перемене всей точки зрения на социализм”, о том, что НЭП – это “всерьёз и надолго”. Не просматривается ли в этих заявлениях скрытое признание Лениным правоты Гегеля и утопичности представления Маркса о коммунизме как полном антиподе капитализма?

Нет. И Ленин мыслил об обществе, идущем на смену капитализму, как о нерыночной системе, где сотрутся классовые различия и отомрёт государство. Теоретически он разделял взгляды Маркса, но практика показывала их утопичность. Возможно, это и мучило его под конец дней. Но, не отрекаясь от Маркса, он всегда оставался у него в плену.

Достойное место

Прошедшее со времени революции столетие показало, что капитал живуч, а призыв коммунизма перестал бродить по каким-либо континентам. Мир действительно изменился к лучшему. Он социализировался. Вот в чём указанная Марксом тенденция действительно просматривается. Но если рынок, деньги и капитал не только прочно пребывают в настоящем, но и вписываются в грядущее, то оно будет представлять собой не что иное, как новое интегральное, но никак не коммунистическое общество. Факты свидетельствуют, что именно такая конвергентная формация оптимальна с точки зрения комплексного решения важнейших и тесно взаимосвязанных проблем – экономического роста, социальной справедливости, развития личности и свобод человека.

И надо сказать, что этот комбинированный вариант в значительно большей мере соответствует природе человека, чем капитализм или коммунизм. Ибо он даёт раскрыться и эгоистическому, и социальному началу, заложенным в нём. Какие трансформации произойдут в дальнейшем, мы знать не можем, но то, что действительно и наиболее эффективно сейчас именно это жизнеустройство, более или менее очевидно. План и рынок не непримиримые антиподы, а разные способы экономического регулирования. Коллизии как раз возникают там и тогда, когда действует лишь один из них.

Нам надо вернуть Ленина на достойное место в истории нашего государства, не обожествляя, но и не принижая его. Нам не хватает сегодня глубины ленинской мысли, его решительности и воли в преодолении глубочайших противоречий, в которых оказалось наше общество из-за опрометчиво совершённых четверть века назад столь же скоропалительных, сколь и ошибочных “реформ”. Слова поэта о том, что “Ленин и сегодня живее всех живых”, отнюдь не теряют своего смысла.

ВЛАДИМИР РУТА, АНДРЕЙ КОКОРЕВ

МОСКВА ПРАЗДНИЧНАЯ

КИНЕМАТОГРАФ

*Сто кризисов, и каждый без просвета,
Зачахли музы, жизнь — водоворот.
То падает, то лезет вверх монета,
Народ в кино лавиной прёт и прёт.*

С. Чёрный

Стоит отметить, что 100 лет назад “жертвы общественного темперамента” играли немалую роль в становлении московских синемаграфов или, по выражению того времени, “иллюзион-театров”. Среди представителей “Тёмной Москвы” существовали особого рода комиссионеры, которые могли за короткое время создать популярность только что открытому кинозалу. Специалисту-“иллюзионщику” нужно было создать у москвичей впечатление, что новый “театр” посещает много зрителей. Газета “Голос Москвы” объясняла сущность этого требования: “...по глубокому, несокрушимо убедительному рядового москвича, там, где много народа, непременно хорошо, хотя программа во всех иллюзионах до тошноты одинакова”. Чтобы добиться постоянного заполнения зала, комиссионеры раздавали бесплатные билеты “этим дамам”, а “скучающим господам” указывали адрес кинотеатра.

Как это выглядело на практике, описал очеркист газеты “Раннее утро”:

“...в одном из “иллюзион-театров” на этой улице публика сильно разнится от публики других синемаграфов... Тут вы можете встретить очень много молодых девушек и очень много мужчин всех возрастов, но преимущественно пожилых. Этот синемаграф уже давно сделался излюбленным местом не невинных часто свиданий, а торгом любви. Кто они, эти молодые девушки, наполняющие ежедневно залы этого заведения, летящие, как бабочки на огонь, к его ярко освещённому подъезду?... Тут вы найдёте, главным образом, скромных тружениц: портних, модисток, белешвеек, продавщиц, заработка которых очень часто не хватает на удовлетворение самых первых необходимых потребностей — на стол и квартиру. Здесь вы встретите и увязающих в омуте столичной жизни девушек из семей мелкого мещанского уклада жизни... Здесь вы встретите и содержанку, малообеспеченную своим содержанием и вынужденную искать заработка на стороне... но не встретит ваш взор здесь настоящих жриц любви, профессионалок, у которых “на лбу роковые слова”... Здесь формируются, здесь выходят на дорогу те, кто, торгуя телом, являются “клапаном общественного темперамента”...”

---

* Главы из книги. Продолжение, начало в №7 за 2017 год.

За тем, чтобы этот синематограф не сделался местом сброда “профессионалок”, следят сами хозяева его. Пустить к себе опытных жриц любви — значит набросить тень на своё заведение, подорвать доходы... Но быть честными посредниками между гибнущими мотыльками и “приличными господами”, предоставить для этого не только помещение своего театра, но служить и советом, и делом — это и “приличнее”, и, пожалуй, безопаснее... Вовремя предложенная молодой девушке контрамарка на постоянное бесплатное посещение иллюзиона, несколько указаний “приличному господину” — разве это предосудительно и разве бездоходно? И делают своё гнусное дело содержатели “иллюзиона” с интересной программой, с постоянно свежим товаром, торг которым достоин виселицы...

Ровно в полночь гаснут электрические лампочки у подъезда иллюзиона. Швейцар “заведения” в каких-то фантастических аксельбантах, в фуражке капитана английского корабля и с усами настоящего русского унтера выпускает последних посетителей. И многие из них, пришедшие в иллюзион в одиночку, разъезжаются парочками... Проворные лихачи, знающие, что у дверей этого театра всегда можно найти хороших седоков, знают также, куда надо везти такодо, что познакомившихся при добром содействии хозяев синематографа... Наступает ночь мимолётной любви с её тяжёлым пробуждением...

Чтобы понять, почему в начале XX века фойе кинотеатров служили привычным местом свиданий, следует учитывать одно обстоятельство. На него обратил внимание историк московского синематографа В. П. Михайлов:

“В то время вход в синематографы был бесплатным, билеты нужны были лишь для того, чтобы пройти в кинозал. Свободный вход в фойе кинотеатра был рассчитан на то, что общая атмосфера ожидания зрителей, предвкушавших удовольствие от предстоящего просмотра боевика, шум голосов, доносившийся из-за дверей зрительного зала, лежащие повсюду в фойе программки с перечнем сюжетов картин — всё это должно было пробудить даже у случайно зашедшего в иллюзион прохожего желание увидеть фильм, а для этого надо было сделать лишь несколько шагов к кассе и купить билет.

Однако далеко не каждый из оказавшихся в фойе кинотеатра спешил посмотреть картину. Фойе синематографов довольно скоро стало в Москве одним из излюбленных мест встреч: здесь знакомились и назначали свидания, спасались от летней духоты улиц и обогревались в зимние морозы, сюда забегали на минуту отдохнуть уличные продавцы, проститутки поджидали своих клиентов... В фойе всегда было шумно, играли музыкальные автоматы, на маленькой эстраде актёры исполняли скабрзные куплеты, рассказывали популярные тогда еврейские анекдоты (потом эти музыкальные аттракционы градоначальник запретил). Возможно, поэтому у многих москвичей, как у А. Цветаевой, надолго сохранилось в памяти от раннего синематографа “ненавистное фойе, где столько людей и столько пошлости”.

Возможно, именно такого рода атмосфера подвигла художника Аристарха Лентулова на довольно безнравственный поступок. Иначе чем можно было объяснить его поведение в синематографе “Люкс” весной 1914 года? Когда погасло электричество, Лентулов начал перемещаться из кресла в кресло, пока не оказался рядом с двумя зрительницами — почтенная дама пришла смотреть фильм вместе с дочерью-гимназисткой. Неожиданно девочка ощутила, что мужская рука гладит её колени. Истошный крик перепуганной гимназистки прервал сеанс. Зажёгся свет, и художника задержали. Он стал просить прощения, но мать девочки твёрдо сказала:

— Сначала получите от меня пощёчину.

Лентулов гордо отказался. Однако, когда приступили к составлению протокола, ссылаясь на своё “общественное положение”, стал просить окончить дело миром. Натолкнувшись на отказ, он, в конце концов, заявил с бравадой:

— Ну, что ж, не приговорят же меня за это в каторжные работы.

Организатор “Бубнового валета” оказался прав — “бубнового туза” (знака каторжника) ему носить не пришлось, но полтора месяца ареста по приговору мирового судьи он всё же получил.

Конечно же, скандалы такого рода в синематографах были нечасты. В крайнем случае зрители могли поспорить из-за места — они в то время были не нумерованы. Большинство же москвичей наслаждались новым видом

искусства вполне безбоязненно, хотя многие не подозревали, что “демонстраторы” (так называли киномехаников) в буквальном смысле играют с огнём.

Связано это было с техническими особенностями кинопоказа. Вот что рассказывал ветеран отечественного кинематографа Н. Д. Анощенко о происходившей у него на глазах демонстрации фильма:

“Войдя с Володей за интриговавшие меня таинственные ширмочки, стоявшие в сараеподобном “зрительном зале” этого кинотеатра, я увидел на железном столе какой-то аппарат (потом узнал, что это — “головка проектора”), на котором красовалось изображение поющего галльского петуха, что явно говорило о том, что этот аппарат выпущен фирмой “Патэ” и что его родина — “Ля бель Франс”... Ведь именно оттуда к нам в Россию пришёл “Синематограф” и его первые дельцы, поставлявшие нам и фильмы, и аппаратуру для их показа, так как в России ни тех, ни других не делали.

Сзади “головки” проектора Володя показал мне источник света. Это был так называемый Друммондов свет, то есть эфирокислородная лампа, в которой центральной частью являлся... кусочек мела. Да-да, мела! На него направлялась пламя струй эфира и кислорода, подававшихся к нему из стальных баллонов, стоявших тут же, рядом со “столом” проектора. Пламя эфира и кислорода нагревало кусочек мела до белого каления, и он превращался в яркий источник света, годный для проекции кинофильмов.

Заряженная в проектор плёнка с изображением фильма после её показа не наматывалась, как в современных проекторах, на приёмную бобину в противопожарной коробке, а просто свободно падала в подвешенный пустой куль из-под муки. Закончив показ каждого ролика, демонстратор вытаскивал из мешка конец плёнки и снова наматывал фильм на ту же самую бобину, с которой её только что показывали.

Так как все механизмы “головки” проектора приводились в движение ручкой, которую равномерно и со строго определённой скоростью (двух оборотов в секунду, что соответствовало тогдашнему стандарту съёмки и показа фильмов — 16 кадров в секунду) должен был крутить киномеханик, то соблюдение этого условия было обязательным для нормального показа фильма на экране. Но показ фильмов на Елоховской, с современной точки зрения, был безобразным. Молодой “демонстратор”, ещё не имевший достаточного опыта, крутил ручку проектора весьма неравномерно, в результате чего на экране всё время изменялась и видимая зрителям скорость движения актёров и всех движущихся объектов: то они начинали беспричинно “торопиться”, то, наоборот, двигались неестественно медленно и вяло. Желая дать мне возможность получить рассмотреть некоторые кадры, Володя иногда настолько замедлял вращение ручки проектора, так что изображение на экране начинало нестерпимо “мигать”, а все движения и мимика актёров превращались на экране в какие-то конвульсии, что, между прочим, даже понравилось некоторой части публики.

Кроме того, всё изображение на экране “плясало” во все стороны и при длительном взгляде на него могло кое у кого вызвать даже приступ “морской болезни”... А тут ещё и всевозможные неполадки со светом — то тут, то там на экране появляются тёмные пятна, где почти ничего не было видно...

Ко всему этому нужно ещё добавить и ту реальную пожарную опасность, которую представляли иногда взрывающиеся от нагрева баллоны с эфиром и кислородом. Да и раскалённые кусочки мела, отскакивавшие от источника света во все стороны, в случае их попадания на киноленту могли её воспламенить (ведь фильмы тогда печатались только на плёнке с легковоспламеняющейся и бурно-горящей целлулоидной основой)...

Действительно, пожары в синематографах случались довольно часто, а в феврале 1911 года вся Россия содрогнулась, узнав о трагедии на станции Бологое. В местном “кинотеатре” (большом деревянном сарае), куда на сеанс набилось около трёхсот зрителей, внезапно вспыхнул пожар. Из-за возникшей паники несколько десятков человек — в основном дети и старики — так и не смогли выбраться из пылающего здания.

После этого было издано “специальное постановление”, согласно которому место “демонстратора” должно было отделяться от зрительного зала либо капитальной каменной стеной, либо помещаться в специальную железную будку. С того времени и вошло в обиход выражение “будка киномеханика”. “Синематографы”, которые не удалось оборудовать по новым правилам,

были безжалостно закрыты. Так исчезло популярное заведение “Гранд-Электро” К. Я. Абрамовича, находившееся на Тверской улице и именовавшееся в обиходе “Театром против Глазной больницы”.

К чести московских властей, следует отметить, что они и до бологовской трагедии старались не допускать переполнения “электротеатров” сверх меры. Градоначальник Адрианов неоднократно отдавал приказы полиции строго следить за тем, чтобы на местах не сидели по двое даже дети, и уж тем более никто не смел занимать проходы.

Согласно справочнику “Вся кинематография”, в 1916 году в Москве насчитывалось 67 “электротеатров”. У И. И. Шнейдера сохранились воспоминания о некоторых из них:

“...на углу Тверской и Газетного переулка, где теперь возвышается здание Главного телеграфа, на крышу убогого крыльца была водружена неуклюжая мельница с медленно вращавшимися крыльями, на которых вечерами горели редкие красные лампочки. Театр носил название “Красная мельница”, заимствованное у известного парижского кафешантана “Мулен-Руж”. На Петровке, почти напротив “Петровского пассажа”, во втором этаже дома помещался маленький синематограф “Мефистофель”, принадлежавший какому-то немцу с толстой супругой, восседавшей в крошечной кассе, из которой она с трудом вылезала перед началом сеанса, чтобы проверить билеты у публики на местах. Киномеханик громко объявлял в окошечко своей киноподки название картины и род её — “драма”, “видовая” или “сильно комическая”, а в заключение возглашал:

— Сеанс окончен!

На Тверской, в большом доме Саввинского подворья, выстроенном в русском стиле и ныне покорно переехавшем в глубь двора, уступив своё место новым зданиям улицы Горького, помещался синематограф с итало-греческим названием “Вивантограф”. В этом же доме было представительство фирмы “Гомон”, выпускавшей на экраны приключенческие “боевики” (“Фантомас” и другие), а впоследствии и кинохронику из русской и иностранной жизни. В этом же доме позднее разместилась и крупная русская кинофирма Ханжонкова”.

Описание типичного для окраин Москвы маленького кинотеатрика на Еловской оставил Н. Д. Анощенко:

“Снаружи ничего примечательного — дом как дом; грязноват и невзрачен, как и его соседи. Над одностворчатой стеклянной дверью висит яркая электрическая лампочка, освещающая цветастую матерчатую вывеску — “Электро-синематограф”. На двери — рукописная афиша с перечислением названий показываемых фильмов, с указанием времени начала сеанса и цен на билеты: сидеть — 20 коп., стоять — 10 коп. (в центре города билеты стоили 30—50 коп. — **Авт.**). В те годы кинематографы так же, как и театры, давали ежедневно только один сеанс, начинавшийся обычно около 7—8 часов вечера, а по праздникам два сеанса: утром в 12 и вечером в 7 часов. Только кинематографы, расположенные на бойких улицах, давали ежедневно по несколько сеансов. Программу каждого сеанса, обычно продолжавшегося около часа, составляло пять-шесть фильмов. Тут были и видовые, и комические, и “Пате-журнал”, который “всё знает, всё видит...”, и феерии, и драмы.

* * *

Прочитал афишку и вхожу в этот “храм киноискусства”. За дверью — загородка; слева — дощатая будочка “кассы”, где я вижу нашу знакомую. Она с важным видом “хозяйки” сидит за столиком; на нём — две тетрадки билетов и зелёная плетёная проволочная корзиночка для денег, которых в ней совсем немного, — несколько мелких серебряных монеток да россыпь медяков.

Прямо против входа — небольшая, завешанная портьерой дверь, ведущая в отгороженную часть бывшего магазинчика. Там — “зрительный зал”. У двери стоит юный “контролёр” — сын владелицы кино, студент-первокурсник “Технички” Володя, выполняющий здесь кучу должностей. Он и контролёр, и киномеханик, и электромонтёр, и ещё кто-то. Я с ним уже знаком, и поэтому он пропускает меня в “зрительный зал”, хотя то убогое помещение, в котором я очутился, миновав портьеру, никак не могло претендовать на такое

пышное название. Просто это была пустая сараеобразная комната с голыми грязноватыми стенами, на одной из которых был натянут кусок белой материи – экран. Перед ним на небольшом удалении от него (комнатка была небольшая, далеко не отойдешь...) стояло три или четыре ряда простых деревянных скамеек для “сидячих мест”. Сзади ещё оставалось небольшое пространство для владельцев более дешёвых билетов, которые должны были смотреть фильм стоя. Ещё дальше, почти у противоположной стены находилось ещё что-то, скрытое от взоров посетителей двумя дешёвенькими ширмочками, затянутыми цветастым ситцем.

Слева от экрана стояло старенькое пианино, повернутое так, чтобы сидевший за ним тапёр мог смотреть на экран, хотя в те годы это и не вызывалось особой необходимостью, так как во всех кинематографах по какому-то неписаному правилу тапёры обычно при показе видовых кинокартин и феерий играли вальсы; комические фильмы с их обязательными погонями, драками и нелепицами они “иллюстрировали” весёлыми галопами и полечками, а вот под всякие сердцещипательные драмы тапёры играли всё, что им приходило на ум, причём очень часто показываемое на экране действие ни по настроению, ни по ритму и темпу никак не увязывалось с его музыкальным сопровождением. Но публика не обращала на это никакого внимания. Только в дальнейшем, да и то только в крупных и дорогих кинематографах в центре города, посещавшихся наиболее культурной публикой, начавшей интересоваться кинематографом, хозяева стали приглашать для “музыкальной иллюстрации” фильмов не безграмотных тапёров, а культурных пианистов, способных музыкальным “манком” и своими импровизациями действительно “иллюстрировать” музыкой показываемый на экране фильм и придавать ему большую силу воздействия на зрителей.

Но здесь, на Елоховской, этим делом пока занималась сама владелица кино, по-дилетантски умевшая что-то бренчать на рояле. Продав достаточное количество билетов, она запирала входную дверь, убирала кассу и приступала к исполнению обязанностей “музыкального иллюстратора”, а её сын покидал пост контролёра и шёл к проектору, стоявшему тут же, в зрительном зале и закрытому таинственными ширмочками”.

В начале 1910-х годов в Москве для демонстрации кинофильмов стали строить специальные здания “электротeatров”, как тогда называли такие заведения. Одним из крупнейших в России стал возведённый на Арбатской площади “театр” “Художественный”. Перед войной были открыты дошедшие до наших дней “Форум” (много лет назад был отдан А. Пугачёвой под “театр песни”, но так и стоит заколоченный в ожидании ремонта) и “Колизей” (сейчас в нём размещается театр “Современник”).

С размахом было обставлено открытие фирмой А. А. Ханжонкова собственного кинотеатра на Триумфальной площади. Среди журналистов, приглашённых на торжество, был И. И. Шнейдер, который описал это событие в мемуарах:

“Съезд был назначен к двенадцати часам дня. В ожидании киносеанса, который должен был отобразить всю производственную эволюцию фирмы Ханжонкова, публика прохаживалась по залам, спускалась в нижнее фойе и поглядывала на столы, накрытые для банкета, который был организован на широкую ногу – со жбанами зернистой икры и т. д.

Сеанс начался мутно-зелёной исторической кинокартиной (в которой ничего нельзя было разобрать), являвшейся давним первенцем Ханжонкова. Потом показали отрывки из позднейших фильмов и, наконец, новый “боевик” – слезливую мелодраму с участием Лисенко и Мозжухина, уже ничем не уступавшую по технике съёмки продукции заграничных фирм. И вдруг после “боевика” на экране появилась Старо-Триумфальная площадь, здание нового Ханжонковского кинотеатра и вереница подкатывающих к подъезду театра извозчиков с седоками, в которых мы узнали... самих себя! Это был рекорд молодой русской кинематографии... Пока мы смотрели “эволюцию”, незаметно заснятый фильм съезда гостей был проявлен, высушен, отпечатан и завершил сеанс”.

Чтобы привлечь зрителей, хозяева кинотеатров шли на разного рода ухищрения. Так, в январе 1911 года в “Гранд-Электро” Абрамовича ежедневно демонстрировали “дикарей-папуасов, привезённых с острова Новая Гвинея”. Реклама утверждала, что москвичи могут увидеть самых настоящих “людей

каменного века” – представителей “племени Кая-Кая (самое дикое племя на земном шаре)”.

Появление в заснеженной Москве трёх полуголых папуасов, возглавляемых “вождём Лакки”, вызвало настоящий ажиотаж. Естественно, фельетонист “Раннего утра” не смог пройти мимо такого события:

“Дамы покупали Лакки бананы и приводили его в восторг своими модными шляпами вышиной с Эйфелеву башню и с полями в 7 десятин. Дикарь видел в этом уборе родное и детски радовался, когда ему дарили огромное перо или шпильку, на которую можно нанизать кабана.

Эти модные шляпы оказали громадную услугу антропологии. Выяснилось, что понятие о красоте у племени Кая-Кая и у наших дам – тождественны”.

Закончились “гастроли” представителей “дикого племени” совсем не весело. Любимец дам Лакки внезапно умер от скоротечной чахотки. В гостинице “Бостон”, где они жили, и в синематографе папуасы пребывали в своих “первобытных костюмах”, а по городу их возили, накинув шубы. Видимо, простуда и явилась причиной болезни Лакки.

По сообщениям газет, обнаружив смерть вождя, его соплеменники заперлись в номере и подняли дикий вой, переполошивший всех жильцов. Дверь номера папуасы открыли только утром, после чего выкрасили лица и совершили дикую пляску вокруг трупа. Затем потребовали курицу, позавтракали, после чего жестами дали понять, что собираются так же съесть ушедшего товарища. Но прежде чем приступить к тризне, они поделили костюм, вооружение Лакки и подаренные ему игрушки.

Под предлогом необходимости ехать “на работу” в синематограф папуасов удалось выманить из номера, а когда они вернулись, тело Лакки уже было унесено. Исчезновение вождя было воспринято ими спокойно.

После прекращения гастролей представителей племени Кая-Кая хозяин “Гранд-Электро” предложил зрителям другую диковину – кинодекламацию. Озвучивая изображение на экране, актёр В. С. Ниглов читал “Записки сумасшедшего” Гоголя. “Поразительное совпадение!” – утверждала реклама.

Примерно в то же время кинодекламацией могли насладиться посетители “иллюзиона” “Модерн”. Здесь гастролировал “любимец публики” исполнитель сатирических куплетов С. А. Сокольский, причём подчёркивалось, что демонстрация происходит “при личном участии автора, а не граммофона”.

Последнее замечание, думаем, требует некоторого пояснения. В те годы, несмотря на то, что они назывались “эпохой немого кино”, постоянно шёл поиск путей озвучивания фильмов. Одним из способов было соединение показов ленты со звучанием установленного возле экрана граммофона. Его пуск в нужное время производился с помощью шнурка, протянутого в будку “демонстратора”. Зрители, побывавшие на таких сеансах, отмечали, что главным недостатком являлось несоответствие изображения на экране и звукового сопровождения.

Первая по-настоящему удачная демонстрация “звукового” кино состоялась в марте 1914 года в “электротeatре” “Художественный”. Здесь показали несколько сценок продолжительностью по 10–12 минут с выступлениями английских эксцентриков. Согласно газетным отчетам, на сеансе присутствовала “вся Москва” и разочарованных не было:

“Аппарат почти совершенен: все звуки совпадают с движениями в непрекаемой точности. Нет даже на секунду впечатления, что говорят где-то в другом месте, кто-то другой, а не лицо, изображённое на экране. Звуки различных музыкальных инструментов, человеческих голосов, разбитой тарелки, лая собак – всё точно, как в действительности. Только несколько приглушённые, что относится к несовершенству граммофона. [...]

Любопытно, что наибольший восторг вызвали не пение, не оркестр, а лай собак, топот ног, звук разбитой тарелки. И что всего удивительнее: уже через минуту стало казаться, что немой кинематограф скучен, неприемлем. Уже казалось странным, что мы до сих пор могли часами смотреть драмы жестов без слов”.

Будучи в восторге от нового достижения кинематографа, писатель Леонид Андреев поспешил объявить, что приход звука в кино означает скорую “кончину” театра. Мол, зачем публике ломиться на спектакль с участием Шаляпина или Неждановой, когда за двугривенный игру любого великого артиста можно будет увидеть на экране в самом захолустном “иллюзионе”.

Против преждевременных похорон театра выступил В. А. Гиляровский:

“Доктора уверяют, что кинематограф портит зрение и разбивает нервы. Очень может быть. Но, тем не менее, кинематографу предсказывают огромную будущность, а Леонид Андреев дошёл до того, что предсказывает победу кинематографа над театром.

И теперь, когда кинематограф соединится с граммофоном, когда можно будет на экране видеть действие и в граммофон слышать слова действующих лиц, — театр будет заменён

— Кинематограммофотеатром!..

Но это будет не настоящий театр, тот самый, на котором мы воспитались, которым мы наслаждаемся теперь. Деревянно, скучно будет! Идёшь отдыхать душой, и пред тобой — мёртвый экран, движущиеся тени-портреты вместо живых людей, металлические голоса вместо голосов человеческих. [...] Мёртвые фигуры. Мёртвые звуки. [...] Нет, господа! Никогда машина не вытеснит живого человека, никогда кине-мато-фото не заменит певца и актёра. Начинаящие Райские-Доедаевы и Кокет-Эдамские, играющие по 3–4 новых пьесы в неделю, — это живые.

Тени на экране и голоса в трубе — мёртвые.

А по московской пословице:

— Лучше живой городской, чем мёртвый околоточный!”

Тем не менее, немое кино продолжало главенствовать, и огромное значение при показе имело музыкальное сопровождение. “Одним из важных элементов в демонстрировании кинокартин, — отмечал И. И. Шнейдер, — было их фортепьянное “сопровождение”. Появились даже ставшие знаменитыми киноиллюстраторы, фамилии которых печатались в афишах и объявлениях. Но и самые знаменитые не избегали шаблонов: стоило на экране появиться луне, как пианист тотчас перескакивал на такты “Лунной сонаты” Бетховена, бушующее море немедленно сопровождалось раскатами “Революционного этюда” Шопена, а любое свадебное шествие открывалось под звуки “Свадебного марша” Мендельсона. Но действие музыки при восприятии немого фильма было поразительно: достаточно было самому плохому пианисту, “наяривающему” на разрёпанном пианино затасканный вальс, умолкнуть на минуту, чтобы закурить папиросу, как картина становилась действительно немой, персонажи проваливались в какое-то, казалось, безвоздушное пространство, начинали действовать как бы за приглушающей всё пеленой и двигаться манекенами под сухой и громкий треск аппарата, сразу становившийся слышимым. Но вот вновь начинала звучать музыка, и всё мгновенно входило в свои рамки. Позднее в первоклассных кинотеатрах фильмы стали идти в сопровождении небольших симфонических оркестров”.

Полагаем, современному читателю будет интересно познакомиться с некоторыми подробностями труда музыкальных “иллюстраторов”. Вот заметка, появившаяся в 1910 году на страницах газеты “Раннее утро”. Поводом к её написанию послужила случившаяся в одном из кинотеатров Петербурга прямо во время киносеанса внезапная смерть девушки-тапёра.

“Оказывается, что пианисты в кинематографах несут поистине каторжный труд. В будние дни пианист “иллюстрирует” с 5 час. веч. до 12 ч. ночи. А в праздники с 2 ч. дня до 12 ч. ночи. 10 часов без передышки! Если не считать пятиминутных антрактов, когда одна волна публики схлынула, а другая заняла места.

В очень немногих театрах пианист находится по ту сторону экрана, отделённый от публики. А в большинстве кинематографов он сидит тут же, впереди публики, в душной атмосфере, бегая утомлёнными пальцами по клавиатуре в совершенном мраке.

Состояние всё время — самое напряжённое. Ведь “иллюстратору” надо не только играть, но всё время следить за картиной, “подгонять темп” под движение действующих на экране лиц, стараться “делать настроение”. Ни один тапёр на свадьбе или вечеринке не устаёт так, как “иллюстратор картин” в кинематографе.

Один из них в праздничный день, около 11 часов ночи, говорил пишущему эти строки:

— Верите! Я не знаю сейчас: пальцы у меня или деревяшки? Впечатление такое, будто мне вывернули кисти рук! Болит голова и слезятся глаза от этой вечной смены света и тьмы!..

Много ли получают “иллюстраторы” за свой тяжёлый, выматывающий все нервы труд? В большинстве случаев вознаграждение самое мизерное: 60–75 руб. в месяц. В “богатых” кинематографах, – а их очень немного, – сумма вознаграждения доходит и до 150 рублей.

Немудрено, что “иллюстраторы” так переутомляются”.

Другой аккомпаниатор в 1913 году поведал журналистам ещё об одной профессиональной болезни: “По службе нам всё время приходится внимательно следить за картинками. Насколько это влияет на глаза, я говорить не буду. Но интересно то, что это зрелище очень сильно расшатывает нервную систему. Я уже три года играю в синематографах и, наконец, довёл свои нервы до такого состояния, что принуждён был обратиться к врачебной помощи. Мою болезнь врачи объясняют исключительно влиянием картин на мою психику. Дело, по словам врачей, заключается в следующем: захватывая внимание зрителя своим содержанием, “немая” картина заставляет всё время дополнять воображением слова, и это-то напряжённо действующее воображение и влияет вредно на нервную систему”.

Медицинские светила того времени рассуждали на страницах газет о вреде, наносимом кинематографом здоровью посетителей “иллюзионов”. По воспоминаниям Н. Д. Анощенко, его мама, прочитав в “Русском слове” рассуждения какого-то профессора о пагубном воздействии фильмов на зрение и психику зрителей, особенно молодёжи, крайне неохотно стала отпускать его в “электротئاتр”. Сама же она не смогла досидеть до конца даже одного сеанса, поскольку от мельтешения изображения на экране очень скоро получила головную боль и резь в глазах.

Единственное, что разрешалось ребёнку, – это в просветительных целях смотреть исторические картины, тем более что молодой русский кинематограф принялся спешно выпускать на рынок фильмы подобного рода. “Мазепа”, “Жизнь и смерть Петра Великого”, “Смерть Иоанна Грозного”, “Дмитрий Донской”, “Оборона Севастополя” – перечислять можно бесконечно.

“Вспомнилось мне, – писал в мемуарах Н. Д. Анощенко, – с какой рекламой и помпой был организован показ этого “первого русского исторического фильма” в городском Манеже во время традиционных рождественских народных гуляний. Фильм “Стенька Разин – Понизовая вольница” демонстрировался на огромном экране-великане, натянутом поперёк Манежа. [...]

Показ фильма сопровождался мощным исполнением популярной народной песни “Стенька Разин”, которую пел большой синодальный хор в сопровождении специально написанной для этого случая музыки композитора Михаила Михайловича Ипполитова-Иванова, который сам дирижировал и хором, и оркестром во время этого запомнившегося мне киносеанса в Манеже, когда впервые в Москве, да вероятно и в России, кинокартину могли одновременно смотреть несколько сот человек.

Успех был потрясающим. Вероятно, именно поэтому память об этом фильме, воздействие которого на зрителей было чрезвычайно усилено пением большого хора и музыкой, и сохранилась у меня на всю жизнь”.

Огромной популярностью у публики пользовались так называемые видовые картины, рассказывавшие о разных странах, демонстрировавшие новые научные открытия и достижения в области техники. Уже в те далёкие годы произошло соединение игрового и документального кино. Так, по мнению авторов книги “Великий Киному”, в фильме “Уход великого старца” актёр Владимир Шатерников был настолько удачно загримирован под Л. Н. Толстого, что кадры хроники и игровые сцены прекрасно монтировались между собой. В картину “Трёхсотлетие царствования Дома Романовых”, где М. А. Чехов сыграл роль царя Михаила Фёдоровича, была включена хроника, снятая во время коронации Николая II.

Стоит заметить, что столетие назад кинематограф потчевал зрителей не только историческими фильмами. Некоторое представление о вкусах публики того времени мы находим в описании киносеанса, сделанном Владимиром Королевичем в книге “Студенты столицы”:

“В тысячный раз кинематографические завсегдатаи смотрели добродетельную драму аристократической девушки, ставшей проституткой, которую спас, женившись на ней, добродетельный адвокат. Четыре убийства, два самоубийства, пожар, спасение утопающей и гибель злодея.

Мария Антоновна иногда всхлипывала и жадно следила за картиной. [...]

Сидели в пальто, изнывая от сырой духоты. Мальчик с галунами прыскал из склянки чем-то пахучим”.

Названия “драм из современной жизни” – “Снохач”, “Тайна дома № 5”, “В омуте Москвы”, “Жертва Тверского бульвара” – говорят сами за себя. В то время произведения подобного рода именовались “парижским жанром”. Интересно, что в 1910 году именно представители французской колонии обратились к московским властям с требованием обуздать распространение порнографии.

Сейчас довольно трудно установить, насколько успешно полиции удавалось бороться с этим злом. И всё же некоторые победы, несомненно, были одержаны. Так, “кинематограф “Мефистофель” на Петровке в доме Михалкова” по распоряжению градоначальника был закрыт “за демонстрацию картин непристойного содержания”.

Кинематограф породил такое бытовое явление, как “обожание” актёров кино. Всё тот же Н. Д. Анощенко описывал в мемуарах своё преклонение перед актрисой Верой Холодной: молодой офицер коллекционировал её портреты, а также статьи из газет и журналов, в которых писалось об игре звезды экрана. Другим кумиром русской публики был Иван Мозжухин.

Из иностранных артистов просто бешеной популярностью пользовался комик Макс Линдер (на Елоховской улице даже был открыт одноимённый кинотеатр). Настоящий фурор вызвал его приезд в Москву. Актёра поселили в гостинице “Метрополь”, а фирма “Патэ” в его честь дала банкет в ресторане “Эрмитаж”.

О том, каким ему запомнился М. Линдер, вспоминал И. И. Шнейдер:

“В то время не было ещё Чарли Чаплина, Гарольда Ллойда, Пата и Паташона и Бестера Китона, и на экране царил Макс Линдер. Популярность его была огромна.

В эти дни я увидел Макса Линдера среди публики; на сеансе в кинотеатре “Континенталь”, в дальнейшем называвшемся “Востоккино”, а ещё позднее – “Стереokino”. Макс Линдер сидел в ложе, возвышавшейся над партером, только что наполнившимся публикой, общее внимание которой было приковано к знаменитому киноартисту. Линдер, чрезвычайно этим довольный, вёл себя, как одержимый. Он быстро вертелся то в одну, то в другую сторону, как будто сидел не на обыкновенном стуле, а на табурете перед пианино, гримасничал, широко улыбался, блистая знакомыми всем по экрану крупными зубами, смеялся непрерывно бегающими глазами, снимал и вновь надевал свой чёрный котелок. И, наконец, добившись приветственных аплодисментов, вскочил, раскланялся, шлёпнулся обратно на стул и, будто обжегшись об него, вновь взлетел кверху и, сняв котелок, пустил его ребром по вытянутой руке. Быстро согнув её, он заставил котелок покатиться обратно к плечу и молниеносно “взбежать” ему на голову... Публика изумлённо рывкнула и восторженно взвыла... Линдер клоунски раскланялся, сияя зубами и прижимая то к левой, то к правой стороне груди скрещенные ладони”.

Встреча Макса Линдера на вокзале, когда он был подхвачен на руки восторженной молодёжью, его прогулки по Москве были запечатлены кинооператорами. Буквально на следующий день в большинстве “иллюзионов” демонстрировали документальный фильм о пребывании комика в Первопрестольной.

Несколько вечеров, в течение которых он давал представления, театр “Зон” ломился от публики. Впрочем, выступления актёра “вживую”, по отзывам современников, вызвали среди части публики разочарование. То, что на киноэкране выглядело органично, при демонстрации на сцене производило тягостное впечатление. Репортёр газеты “Раннее утро” написал достаточно обтекаемо:

“В общем, мнение о короле экрана сводится к тому, что это – изящный мим, обладающий необычайным специфически-кинематографическим юмором.

В заключение Линдер мило протанцевал гопак”.

По-разному откликнулась пресса и на выпуски хроники вроде ленты “Макс Линдер в Кремле”. Газета “Новое время” обрушилась с нападками на “выходки еврейского гаера” на фоне православных святых. Влас Дорошевич, напротив, на страницах “Русского слова” приветствовал Линдера, назвав его поистине “народным артистом”. Попутно известный публицист воздал должное кинематографу как самому демократичному виду искусства. У него в статье прозвучал и такой аргумент бытового уровня: посещение театра

требует особого нарядного костюма, а в “иллюзион” можно ходить по-домашнему, в затрапезной одежде.

Отношение к знаменитому киноартисту со стороны поклонников театра наглядно характеризует диалог между издателем журнала “Рампа и жизнь” Л. Г. Мунштейном (литературный псевдоним “Lolo”) и молодым журналистом И. И. Шнейдером:

“Фотокорреспондент принёс только что отпечатанные им фотографии, на которых был заснят приезд в Москву знаменитого кинокомика Макса Линдера. [...]

Lolo брезгливо просматривал фотографии и, выбрав одну, где был запечатлен момент, когда студенты выносят Макса Линдера на руках из подъезда вокзала, протянул её мне, исполнявшему в то время обязанности секретаря редакции, ещё не узаконенному в этой должности:

– Сдайте в цинкографию. Размер клише в одну колонку, и заверстать по-дальше, на одну из последних полос номера...

Я сделал синим карандашом пометку на обороте фото.

– Запишите надпись наверху, над клише: “Апофеоз пошлости”, – про-диктовал он.

– Какая подпись будет внизу? – спросил я.

Lolo задумался. Вдруг я неожиданно для себя рискнул предложить:

– Может быть, так: “Живые студенты несут на руках живого Макса Линдера”?

Lolo сбоку серьёзно взглянул на меня и, помолчав, буркнул:

– Вы делаете успехи...”

КЛУБЫ

*И только клуб да преферанс остался,
да после клуба дома — “Отче наш...”,
да целый день мотив усталый вальса,
да скука, да стихи, да карандаш...*

В. И. Нарбут

Вместе с посещением театров, ресторанов и кинематографа для многих москвичей привычным было проведение вечернего досуга в клубах. Сразу оговоримся – клубы предназначались для людей со средствами, потому что их члены вносили определённых размеров взносы, а для гостей устанавливалась входная плата.

До революции 1905 года в Москве насчитывалось не так уж много клубов. Условно их можно разделить на те, которые объединяли представителей различных сословий или профессий, – Английский, Купеческий, Врачей – и “по интересам” – Охотничий, велосипедистов, речной яхт-клуб. Воспоминания о некоторых из них В. А. Гиляровский поместил в книге “Москва и москвичи”.

Самым аристократическим, а значит, и самым закрытым для посторонней публики был Английский клуб. Правда, в начале XX века он переживал не лучшие времена. Из-за финансовых проблем в 1909 году руководству клуба в очередной раз пришлось поднять плату за входные билеты. За приглашение на знаменитые клубные обеды гостям приходилось выкладывать уже 100 рублей. По той же причине три года спустя в аренду торговцам была сдана земля на Тверской улице, и вскоре, по сообщению историка В. А. Бессонова, загородив вид на историческое здание, перед клубом были возведены павильоны и палатки, прозванные москвичами “Английскими рядами”.

А вот самым посещаемым, пожалуй, был Немецкий клуб, располагавшийся на Софийке (ныне Пушечная ул., 9). Он был основан иностранцами, проживавшими в Москве, но с 1870 года в него стали принимать всех желающих.

Публика – семьи купцов и приказчиков – ходила сюда на спектакли (в основном любительские), концерты и танцевальные вечера. Правда, по свидетельству И. И. Мясницкого, чтобы принять участие в танцах, следовало обзавестись смокингом, как это сделал герой его рассказа конторщик Настилкин.

Тот специально “сшил себе смокинг с шёлковыми лацканами, и хоть портной испортил ему этот смокинг, очень окоротив, но всё же это смокинг,

а не какой-нибудь пиджак, в котором являются некоторые кавалеры Немецкого клуба, нахально выдавая пиджак за смокинг и доказывая это целыми часами дежурному старшине, который не позволяет принимать участия в танцах одетому “не по правилам”.

– Разве это смокинг, Давид Абрамыч? – спрашивал старшина.

– Смокинг, – уверял его член клуба. – Я уж знаю, что смокинг, что пиджак, вы уж мне-то поверьте, Пал Палыч!..

– Я верю вам, Давид Абрамыч, но разве смокинги такие бывают?..

– Бывают и такие, Пал Палыч... Не всегда, но бывают, вы уж мне поверьте...

– Гм!.. Хорошо, верю, пусть будет смокинг!..

И Настилкин танцевал в этом смокинге уже несколько раз... ”

Из-за массового наплыва публики и её специфического характера в Немецком клубе не раз случались происшествия, заканчивавшиеся вмешательством полиции. Некоторые купцы, выпив, специально отправлялись в этот клуб затевать ссоры с “немцами”.

Скандалами сопровождалась и внутренняя жизнь клуба. В 1910 году за растрату капиталов Немецкого клуба члены его правления были лишены своих постов и оказались под следствием. Новым старшином стоило немалых усилий поправить дела клуба. Вот что они докладывали своим товарищам:

“На вчерашнем общем собрании старшина Я. И. Невяжский поведал о том, что достигнуто правлением в этом отношении. Когда вступило новое правление, шесть месяцев назад, в кассе было 742 руб. и на текущем счёту – 3236 руб., а неоплаченных счетов на 15 000 руб.; теперь 4000 руб. в кассе, 9000 руб. – в банке и погашено долгов – на 11 000 руб.; полугодовой оборот выразился в 156 600 руб.

Интересно, что в числе других бумаг в кассе от прежнего правления остались тысячные облигации тифлисского городского кредитного общества, похищенные при экспроприации в Тифлисе.

Далее г. Невяжский докладывал, что репутация клуба скомпрометирована допущением с улицы.

– Быть дежурным старшиной – просто мука: в одном месте оказывается фальшивый рубль, в другом – расчёты из-за копеек, за третьим столом – один игрок упрекает другого, что тот сидел два года в Каменщиках... (Имеется в виду Таганская тюрьма, стоявшая на улице Большие Каменщики. – **Авт.**)

– Однажды вечером так затаскали – даже захромал. Один гость подал жалобу, что его обыграли на 12000 руб., а деньги – полковые... Далее выяснилось, что некоторые члены записывали “гостей” для входа в клуб, взимая по полтиннику...

Правление просило дать ему полномочие фильтровать кандидатов в члены. Противников такого нововведения было немного, но собрание высказалось, чтобы в фильтрации принимали также участие члены ревизионного комитета.

Много смеха вызвало дело члена Есипова, предъявившего счёт правлению в 500 руб. в возмещение его расходов по агитации против прежнего правления. Счёт подробный: рестораны, извозчики, телефоны, печатание повесток. Предъявляя счёт, г. Есипов ворвался в правление во время заседания, кричал, обвиняя членов в растрате 8000 руб., так что пришлось его вывести.

– Шесть швейцаров вывели, – жаловался г. Есипов. – А я не скандалил бы, если бы не был пьян.

Целый ряд членов аттестовал г. Есипова как назойливого и придиричивого человека, которому давали деньги, чтобы только он отвязался”.

Забавно, что отставкой проштрафившегося руководства попробовали воспользоваться игроки “с подмоченной репутацией”. Один из них пытался даже через суд отменить запрет на вход в клуб, установленный ему прежним директором. Но поскольку свидетели дружно показали, что искатель справедливости был не раз уличён в нечестной игре, двери Немецкого клуба так и остались для него закрыты.

Бурно проходило собрание членов Немецкого клуба, на котором решался вопрос: брать или нет с игроков 1 руб. 25 коп. за право занять место за игорным столом. Сбор этот возник в 1907 году при градоначальнике генерале Рейнботе, когда клубу пришлось срочно изыскивать наличные средства, чтобы делать “пожертвования” полиции.

Почти до утра под непрерывный звон председательского колокольчика триста членов правления спорили до хрипоты.

– Придите на помощь игрокам, – взывал очередной оратор, – отмените рубли. Когда начнёшь игру с уплаты рубля, всегда не везёт.

– Верно! – звучали в его поддержку десятки голосов. – Отмените рубли!

– Не отменяйте рублей! – тут же раздавалось возражение. – Если отмените, всё равно игроки будут продавать свои места по рублю.

– Правильно! Не отменяйте!

Свои аргументы привело и правление: сохранение рублёвого сбора явилось бы символом доверия к новым старшинам. Хотя Рейнбота давно нет, но деньги на экстраординарные расходы необходимы всегда.

В конце концов, было принято компромиссное решение: четвертаки отменили, а рубль оставили.

О том, как нелегко было угодить вкусам всех членов клуба, свидетельствует раскол, произошедший в 1913 году в “Юридическом собрании” (“Адвокатском клубе”). Он распологался на Малой Никитской улице в барском особняке, где было множество комнат, соединённых коридорами и имевших вид уютных закутков, сад с тропическими растениями. Желая ещё больше благоустроить старинный дом, руководство клуба решило расчистить подвалы. В результате появилось два новых помещения.

Первое – сводчатый зал – получило название “немецкая пивная”. Второе тут же прозвали “гаремом султана”. Это была уютная комната, в которой из мебели были только низкие диваны, расставленные вдоль стен. Через искусственный колодец с потолка лился слабый красный свет. По отзывам членов клуба: “Гарем” так и манил к томной лени и... флирту”.

Один из директоров – почтенный адвокат – тут же подал в отставку. Он заявил: такого рода комната недопустима в “Юридическом собрании”, поскольку наводит на “грешные мысли”. Члены клуба тут же разделились на партии сторонников и противников нарушения седьмой заповеди.

Конечно же, такие перипетии возникали из-за разницы взглядов на назначение клубов. Например, актёр Н. Ф. Монахов по-своему воспринимал клуб, завсегдаем которого он был, – “Литературно-художественный кружок”:

“Там узнавались все театральные новости. Там можно было очень скромно и недорого поужинать. Можно было почитать все журналы и газеты, какие только существовали. Кроме того, в кружке была прекрасная библиотека. Здесь происходили иногда литературные споры, импровизированные диспуты за столом по поводу той или иной пьесы, того или иного актёра. Это был, в сущности, центр театральной общественности, в котором было оживлённо, уютно, тепло и приятно”.

А вот для преподавателя Московской духовной семинарии Н. П. Розанова, любителя поиграть в карты, клубы являлись, в первую очередь, местом, где можно было предаваться любимому занятию. Этим он занимался, посещая Педагогическое собрание, где “в “железку” (карточная игра под названием “Железная дорога”. – **Авт.**) играли обыкновенно часов до 4-х утра”. Немало в его воспоминаниях говорится о карточных играх, проходивших в “Литературно-художественном кружке”:

“Развернулся кружок “вовсю” уже только в последнем его помещении, в доме Вострякова (ныне Б. Дмитровка, д. 15А). Здесь он занимал целых три этажа старинного востряковского дома, принадлежавшего сто лет тому назад московскому генерал-губернатору кн<язю> Д. В. Голицыну, да, кроме того, Востряковым был пристроен для кружка огромный двухсветный зал, где тогда устраивались даже картинные выставки. Помещение кружка, можно сказать, вполне удовлетворяло всем нуждам кружка: тут были и удобные, уютные карточные комнаты, и хорошая, состоявшая из трёх зал столовая, и комнаты для отдыха и небольших собраний литераторов, большой театрально-концертный зал, в котором после окончания концертов расставлялись огромные круглые столы для игры в “железку”, составлявшей главный источник финансовых средств кружка. При доме был небольшой сад, в котором летом проходила вся жизнь кружка, – конечно, без концертов, а в сад выходила большая крытая терраса, на которой были расставлены карточные столы и столики для ужина. Одним словом, кружок, по моему мнению, был лучшим клубным помещением в Москве... [...]

Приятно было бывать в кружке по окончании театральных представлений и концертов, когда в большой зале раскрывались огромные столы для “железки”, вокруг которых собирались “присяжные заседатели” этих столов – артисты и другие члены и посетители кружка. Яркое освещение, нарядные костюмы дам – “железнодорожниц”, которых было немалое количество, расставленные около карточных столов столики для ужинов и чая, суетящиеся официанты, толпы зрителей, а отчасти и участников игры, стоящие вокруг карточных столов, – всё это представляло довольно оживлённую живописную картину. И кого-кого я не видел за этими притягательными очагами азарта! Вот рисуется красивый грузинский профиль плотного бритого человека в чёрном сюрте – это сам директор и председатель дирекции А. И. Южин, отдающий дань увлечению “железкой” и в переносном, и в собственном смысле этого слова, потому что на самом деле он, как любящий в игре риск, отдавал нередко большую дань за этой игрой. Рассказывали о нём, что он в день своего юбилея, который блистательно был отпразднован в кружке, после юбилейного ужина отдал в “железку” всю, очень большую, сумму, полученную им от своего юбилейного бенефиса. Вот русская открытая физиономия Вл. И. Немировича-Данченко, которого я вижу загребавшим массу бумажек после удачно законченной им “метки” банка; он, видимо, сияет, а партнёры его сидят, повесивши носы”.

Стоит отметить, что основателю Художественного театра не всегда везло в игре. В таких случаях ему приходилось прибегать к займам на грабительских условиях. Этот факт был обнародован в феврале 1914 года во время суда над ростовщиком Я. Ш. Израилевичем, которого “вся деловая и веселящаяся Москва” звала “другом человечества”. Ещё выяснилось, что “московский Гобсек” был желанным игроком в “Литературно-художественном кружке” (пока его не уличили в шулерстве), и, благодаря другому своему клиенту – руководителю популярного кабаре “Летучая мышь” Н. Ф. Балиеву, почётным гостем на капутниках Художественного театра.

Столы, за которыми велась игра в “Кружке”, различались по величине ставок. За “серебряным” столом играли на рубли. Отдельно садились богатые игроки, метавшие на зелёное сукно золотые монеты. Карточные игры делились на “азартные”, в которых выигрыш зависел только от удачи, и коммерческие, требовавшие определённого рода умения вести игру.

“В маленьких комнатах внизу шла так называемая коммерческая игра, – вспоминал Н. П. Розанов, – в винт и преферанс по разным ставкам, от 200 до 20-ти в винт и от $\frac{1}{4}$ коп. до 2-х коп. за фишку в преферанс. Я, конечно, избирал себе партнёров, игравших по 200-ти, причём у нас проигрыш и выигрыш не превышал 10 руб. Но другие игроки, как А. И. Южин, С. А. Иванцов и ещё некоторые, играли по крупной, и проигрыш, а равно и выигрыш, доходил у них до 100 руб. в вечер”.

Игроки были нужны клубам, как воздух. Кроме поступавшей от них входной платы, клубные кассы в значительной мере пополнялись за счёт немалых штрафов, которые платили картёжники за продолжение игры после официального закрытия клуба. Чем дольше шла игра после официального часа закрытия, тем крупнее был штраф.

Посетители “Литературно-художественного кружка”, как это было принято в большинстве клубов, делились на действительных членов, кандидатов и членов-соревнователей. Все они имели право привести в клуб кого-то со стороны, внося соответствующее имя в гостевую книгу. По воспоминаниям Н. П. Розанова, ему не раз приходилось по просьбам знакомых записывать людей, ему совершенно не известных. Как оказалось на деле, среди таких гостей частенько оказывались так называемые “арапы”: они, “забыв” расплатиться за игорным столом или в буфете, бесследно исчезали. В результате долг записывали за членом клуба, имевшим несчастье поручиться за гостя.

По поводу наглости “арапов” прошёл как-то в одной из газетных заметок В. А. Гиляровский:

“Место действия – храм искусства, название коему “Литературно-художественный кружок”. Главным жрецом при храме состоит Валерий Брюсов. Народ – дантисты и фармацевты. Идёт священнодействие.

Круглые столы. Ездит кругом, останавливаясь у каждого банкомёта, ящик с 12 колодами. Кругом публика “понтует” стоя. Груды денег переходят из рук в руки.

– Продаётся банк за 400 рублей.
– Покупаю! – и бритый брюнет покупает. Ему покрывают сполна. Он даёт карту и проигрывает.

Вынимает бумажник... Чековую книжку...

– Потрудитесь заплатить за меня – я вам дам чек... – обращается к соседу, ставившему половину. – Вам всё равно чек? Завтра в банке получите...

– Пожалуйста!..

Расплачивается... Берёт чек.

И на другой день заявляет старшинам литературно-художественного клуба, что чек был “холостой”: в банке сказали, что текущий счёт... был, да весь вышел!

Совет кружка запретил вход артисту. Чековый автограф остался на память владельцу”.

Судя по тону публикации, с большой долей вероятности можно предположить, что жертвой обмана стал сам “дядя Гиляй”. О нём Н. П. Розанов упоминает как о постоянном игроке в “железку”. Видимо, обида на правление, не защитившее в полной мере его денежные интересы, заставила “короля репортёров” продёрнуть в печати порядки, царившие в “Литературно-художественном кружке”.

Впрочем, ухудшение нравственной атмосферы “в самом интеллигентном клубе Москвы” отмечали и другие журналисты. Так, М. Любимов с искренним негодованием писал:

“В игровых комнатах кружка теснится теперь такой народ, что только диву даёшься, как мог он проникнуть в клуб, вход в который обставлен довольно строгими формальностями.

Большинство аборигенов закрытых игорных притонов прочно обосновалось в кружке. Среди играющих дам много таких, которых выдает “беспокойная ласковость взгляда”. Как ни странно, но дамы эти записываются некоторыми членами в книгу “дам моего семейства”.

Что же касается карточной игры, то она процветала во всех клубах. Законы Российской империи по этому поводу гласили:

“Клубы предназначены для препровождения свободного времени и с удобством, приятностью и пользой; с этой целью уставами сих учреждений разрешаются в них для развлечения членов и гостей разные игры и, между прочим, игра в карты”.

Как и полагалось в бюрократическом государстве, разрешение на карточную игру было обусловлено рядом строгих ограничений. Прежде всего, монопольное право на изготовление и продажу игральных карт принадлежало ведомству Императрицы Марии – государственному органу, занимавшемуся благотворительностью. По сути, порок был поставлен на службу добродетели: деньги, вырученные от продажи карт, шли на содержание детских приютов.

Чтобы денежный поток не иссякал и не уходил на сторону, царским указом от 1868 года на территории России была запрещена продажа “карт иностранных, сделанных на тайной фабрике, имеющей поддельные штемпели, с разорванными бандеролями и наклейками”, а также “продажа игранных карт членам клубов без наклейки специальной марки”. Последнее означало, что колоду, побывавшую в игре, можно было опять пустить в дело. Надо было лишь запечатать её обёртку маркой стоимостью в 30 коп., купленной в магазине Опекунского совета. Поскольку Опекунские советы действовали в каждой губернии, в клубах запрещалось пускать в игру карты со штампами из других регионов.

Любое лицо, частное или должностное, сообщившее о нарушениях “карточного” законодательства, получало премию – 15 руб. за каждую выявленную дюжину нелегальных колод. В свою очередь, владельцы клубов поощрялись тем, что, представив в магазин игранные колоды, получали 10%-ную скидку при покупке такого же числа новых.

Приказами обер-полицейстера в 1880–1890-е годы для московских клубов были установлены запреты на азартные игры: “макао”, “баккара”, “стрекоза”, “ухра”, “железная дорога”, “коробочка” (“двадцатка”). В начале XX века эти приказы сохраняли силу, поэтому руководство клубов могло лишь надеяться, что полиция будет смотреть сквозь пальцы на то, что в клубе процветает объявленная вне закона “железка”.

Иногда игрок, спустивший все деньги, шёл напрямик в полицию, мотивируя своё обращение тем, что в клубе его втянули в запрещённую игру. Так, в августе 1910 года надворный советник Зверев явился в участок и заявил, что в Немецком клубе идёт азартная игра в “двадцатку”.

– А вы сами играли? – спросил его дежурный пристав.

– Играл.

– Выиграли или проиграли?

– Проиграл около тысячи рублей, – со слезой в голосе ответил Зверев.

– Всё ясно, – вздохнул офицер и приступил к составлению протокола.

Если жалоб на тот или иной клуб накапливалось слишком много, полиция могла его закрыть “за допущение азартных игр”. Такая судьба, например, постигла клубы “Театральный” и велосипедистов. Правда, они относились к так называемым антрепренёрским клубам, множество которых открылось в Москве во время послаблений со стороны правительства, вызванных революцией 1905 года. В действительности, за их громкими названиями скрывались самые обычные игорные притоны. Вот что писал в то время об истинной сущности этих заведений и их влиянии на общественные нравы В. А. Гиляровский:

“В первые годы текущего столетия преступность возрастала пропорционально росту игры и в 1906–1907 годах достигла апогея. Правительство, думая удержать публику от увлечения революцией, допустило открытие антрепренёрских клубов, куда шли безвозвратно “воин, купец и пастух”! Хлынула улица.

Артельщик, которому даны деньги уплатить по векселю, околоточный, собравший казённые недоимки, лавочник с дённой выручкой, актёр, офицер – вся Москва хлынула в филипповский и другие притоны, где за десятками круглых столов лилось рекой золото. . .

Экспроприаторы, сахалинские каторжники, какие-то восточные люди, ограбившие почту под Ташкентом, и другие, которые потом были казнены, – были в этих клубах самыми почётными гостями, потому что они проигрывали награбленные тысячи. Какова там была публика, можно заключить из следующей сценки с натуры:

– Рубль у меня украли! – раздаётся голос из-за круглого стола.

– Рубль! Рубль... Отдай... Украли! – кричат. Подходит солидный директор клуба и обращается к заявителю:

– Кто украл? У вас украл или вы украли?

Но это, сравнительно, была ещё публика чистая. . .

Игорные дома, “мельницы” расплодились по всей Москве и даже в дачных местностях. Держали их шулера.

Играющая публика вербовалась на ипподромах и по бильярдным, где держатели бильярдных – маркёры – имели связь с “мельницами” и доставляли тоже клиентов. Разбойники, воры, громилы, беглые каторжники наполнили Москву, ютятся только около тех мест, где идёт открытая игра.

Разбой, кражи и разгромы усилились. Проигравшись на ипподроме и на “мельницах”, разбойники и громилы шли на самые смелые дела, чтобы только добыть денег для игры – единственной их страсти.

Число преступлений росло и, вместе с тем, росло число новых преступников из проигравших москвичей, которые сталкивались с преступным миром в тех или других игорных притонах и постепенно делались сами преступниками.

Позакрывали антрепренёрские клубы. . .

Но многие успели пробраться в Немецкий клуб, где шулерство свило себе прочное гнездо, и для баккара даже были приглашены из-за границы крупье, помогавшие шулерам и с необычайной ловкостью умевшие воровать деньги со стола посредством своей лопатки, предназначавшейся для сбора ставок.

Здесь, между прочим, был наверняка обыгран богатый помещик с Волги, молодой человек А-в, который, проиграв последнее, вернулся из клуба в свой номер и застрелился. Тогда громко называли имена шулеров, обыгравших его в баккара посредством подмены колод и подбора карт. . .

Много разорилось москвичей в Немецком клубе, куда доступ был всем, вплоть до лиц, не имеющих права жительства в Москве, проводивших ночи за карточными столами до утра. Закрыли, а потом упорядочили Немецкий клуб, насколько это возможно”.

Борясь с последствиями, вызванными широким распространением азартных игр, власти стали вводить всяческие ограничения. Так, в апреле 1908 года московский градоначальник издал приказ, который запрещал руко-

водителям клубов допускать женщин в помещения, где велась игра. Кроме того, предписывалось вести строгий учёт всех гостей – дежурные распорядители должны были обязательно вносить их фамилии в книги. Сама же игра могла происходить лишь с 8 часов вечера до 6 утра. Играть в дневное время было категорически запрещено.

Но осенью 1910 года по карточным играм, а следовательно, и по благосостоянию клубов был нанесён настоящий удар. Тогда всех владельцев и руководителей обязали дать подписку, что у них в клубах никаких “азартных” игр не будет – только разрешённые “коммерческие”.

“Клубы должны служить местом интеллигентных развлечений и собрания для бесед, – мотивировало начальство свою позицию. – А отнюдь не для притонов профессиональных игроков и шулеров. Наконец, может быть, некоторые семьи теперь вздохнут свободнее, успокоившись за судьбу своих отцов и братьев. Паллиативы в деле борьбы с азартом, мы убедились, не приносят никакой пользы. Сегодня мы запретим “железку” – завтра появится “двадцатка”. Её затем сменяют “онёры”, потом – “дуплет”. И т. д. и т. д. – без конца. И вот, мы решили положить конец этой вакханалии. Слишком много горя и слёз стоят “очки” девяток и восьмёрок...”

Правда, отмечался и положительный эффект – театры ломались от публики.

Исполнение драконовского закона поставило клубы в тяжёлое положение. Два новых готовились к открытию, но оно не состоялось. Для одного из них на Б. Дмитровке было снято громадное помещение, приобретена полная обстановка и нанят большой штат служителей. По сообщениям газет, количество игроков сразу уменьшилось на три четверти. В Купеческом собрании оказалось занято столов 25, в остальных залах даже было погашено освещение.

“Нам теперь – мат! – передавал мнение членов Купеческого собрания корреспондент “Раннего утра”. – Начать с того, что категорическое запрещение азартных игр сильно понизит продажу карт – главного источника доходов всех клубов. Ведь для “винта”, например, по уставу можно пользоваться всего двумя колодами на 6 робберов. Ещё “безик” – туда-сюда. Для этой игры необходимы 20 колод. Параллельно с этим совершенно аннулируется доход от штрафов. Ведь никому не станет охоты платить крупную “контрибуцию” за удовольствие сыграть лишний роббер, могущий окончиться 2–3 рублями. Тяжело придётся и клубным буфетам. Число игроков, конечно, сразу страшно уменьшится. Некому будет уже справлять свой выигрыш или заливать горе проигрыша. Ещё у нас туда-сюда.

У нас и коммерческие игры в большом ходу. Есть даже страстные любители игры в “дурачка”. Двое давнишних членов из вечера в вечер приходят и режутся в эту детскую игру. Правда, по 25 рублей сдача. Но зато Немецкому клубу, Кружку – теперь прямо зарез”.

“В московских клубах уныние, – описывал другой репортёр. – Сиротливо стоят круглые столы. Не блещит на них золото, не шелестят кредитки...”

По поводу Английского клуба было сказано: “Он и так давно уже захирел, и играют здесь всего два-три стола”. Однако в новых обстоятельствах этот клуб становился вне конкуренции. В книге “Москва и москвичи” В. А. Гиляровский упомянул о том, что азартные игры процветали в Английском клубе, несмотря на любые запреты: генерал-губернатор был в нём почётным старшиной, а обер-полицеймейстер – почётным членом. Для полиции в старинный особняк ходу не было.

В свете этого стоит отметить итоги состоявшегося тогда же распределения городского сбора на клубные буфеты. В газетах отмечали, что заседание по этому вопросу происходило “оживлённо” и постоянно звучали жалобы на плохие дела, просьбы о скидке. Тем не менее “раскладка” на буфет Английского клуба вместо прошлогодней 1300 рублей была увеличена вдвое – до 2600.

Руководители клубов лихорадочно искали выход из сложившейся ситуации. В частности, они заявляли, что постараются привлечь публику устройством различных концертов и спектаклей. По Москве прошёл слух, что будет объявлен конкурс на изобретение новой карточной игры – без признаков азарта, но интересной публике и с простыми правилами, чтобы любой человек мог сразу принять в ней участие.

Попыткам властей искоренить административными мерами азарт от имени гонимого порока поэт-сатирик Р. Меч (Р. А. Менделевич) вынес свой вердикт:

*Пускай меня изгнали
Из клубных сфер —
Пугаюсь я едва ли
Подобных мер!
Признать сию “победу”
Могу с трудом:
Из клуба перееду
В игорный дом!
Ведь не поддамся “мере”
Я всё равно:
Меня прогнали в двери —
Влечу в окно!
Мои дела не шатки,
Душа я карт:
Ну, как не быть “двадцатке”,
Раз есть азарт?..*

Предвидение поэта сбылось весьма скоро. Уже в январе 1911 года за содержание тайного игорного притона судили отставного подполковника Кривицкого-Тимченко. В своё оправдание заслуженный воин только и сумел сказать, что не мыслит свою жизнь без карт, поэтому и организовал на своей квартире игру в “железку”.

В дальнейшем в хронике городской жизни постоянно стали попадаться сообщения о налётах полиции на игорные притоны. Каждый раз сыщики заставляли одну и ту же картину: переполненная игроками частная квартира, люди в панике мечутся, пытаются забиться под кровати, на полу валяются карты и деньги. Задержанных переписывали и отпускали, а хозяева квартир-притонов шли под суд.

ИППОДРОМ

*Я проходил вдоль скачек по шоссе.
День золотой дремал на грудах щебня,
А за глухим забором — ипподром
Под солнцем зеленел. Там стебли злаков
И одуванчики, раздутые весной,
В ласкающих лучах дремали. А вдали
Трибуна придавила плоской крышей
Толпу зевак и модниц. Маленькие флаги
Пестрели там и здесь. А на заборе
Прохожие сидели и глазели.*

А. А. Блок

После запрета азартных карточных игр в Москве ещё оставалось место, где можно было рискнуть деньгами, не боясь вмешательства полиции. Это был ипподром на Ходынском поле. Его завсегдатай В. А. Гиляровский писал об игре, которая там происходила:

“Она началась с конца восьмидесятих годов, когда тотализатор забрал силу на скачках, а потом на бегах ввели общую дорожку и в девяностых годах бега по обороту уже пересилили скачки.

Москва заиграла.

Сначала по охоте, по любви к лошади, на прогулку по свежему воздуху стали ездить москвичи, а потом вся эта масса стала играющей, у которой номер афиши был главнее лошади. Проигравшиеся на бегах и скачках стали искать отыгрыша. [...]

Но в настоящее время пышно, как никогда, расцвёл тотализатор, делающий обороты по 500 000 руб. в день... или, лучше сказать, в день и ночь — так как игра уже идёт при электрических фонарях.

Обнаглевший азарт ради проблематического улучшения коннозаводства!

После дня с полумиллионным оборотом, от которого в тотализаторе остаётся ровно 50 000 р., идут пешком тысячи москвичей, из которых большая часть проиграла чужие деньги!..

- Остриженные бараны!
- Пятьдесят тысяч! Где взять деньги на следующий бег?

“Игра игру родит!” – говорит справедливо пословица. И действительно, перед добычей денег на игру запутавшиеся игроки не брезгают никакими средствами, только в надежде на единственную возможность отыгрываем пополнить растрату. . . Но отыгаться невозможно: 50 000 остаётся в день в тотализаторе.

И преступления растут!

Даже сами каторжане, шулера проигрывают всё, что добывают картами, в тотализаторе!

С настоящей зимы количество разорений и преступлений ещё увеличится, благодаря ночной игре в тотализатор! Это уже крайняя грань, за которую нагло шагнул азарт, а не мера для поощрения коннозаводства.

Это – ужас! Чиновники, конторщики, служащие в торговых конторах и обществах, в правлениях и других учреждениях, где занятия обычно кончаются в 4 часа дня, прямо со службы мчатся на бега и проигрываются в тотализаторе со всеми последствиями, то есть до заканчивания вечера в клубах и в игорных притонах.

Плодятся в Москве жертвы азарта, растут не по дням, а по часам, образуя преступные кадры, разливающиеся по столице.

Присмотритесь к делам в окружном суде. Спросите судебных следователей, и они вам скажут, что преступлений, в которых корень – игра, более 70%. Этого никогда не бывало – и это будет расти с каждым днём”.

В действительности, ипподром привлекал столько зрителей, что в дни таких крупных соревнований, как, например, “Всероссийское Дерби”, экипажи возвращавшейся публики катили сплошным потоком от Ходынского поля до Тверской. Царившую на скачках атмосферу азарта описал А. Н. Емельянов-Коханский в романе “Московская Нана”:

“Громадная толпа зрителей гудела, и звук этого стихийного общего говора был похож на жужжание какого-то гигантского шмеля, пойманного и удерживаемого насильно на платке. . . Огромный “стадный” шмель был также пойман на скачках ещё меньшим по размеру и пропорции платком – тотализатором. На всех лицах без исключения, юных, старых и молодых, были написаны один “идеал”, одно “желание”: стяжать что-нибудь при взаимном закладе денег, пользоваться чужим промахом или несчастьем и обогатиться на счёт своего ближнего при любезном содействии “бесчуждственного” тотализатора. [. . .]

Все были заняты одной мыслью: какая придёт лошадь и сколько за неё дадут?! На всех устах теперь было одно божество – выигрыш! Вся публика жила вне времени и пространства. . . Все произносили одни только “клички” скакунов. . . Они были – первые кумиры, и клички их так и носились в воздухе, и, кажется, вся великая Москва была наполнена ими. Если свежий и незнакомый человек попал бы на это “мытарство” людей и животных, он обязательно подумал бы, что он находится или среди сумасшедших, выкрикивающих членораздельные звуки: “Ле-Сорсье”, “Ля-бель-о-буа”, “Гьюфа”, “Пучинелла”, – или среди каких-то неведомых иностранцев. Недаром “Дерби” считается одним из выдающихся празднеств столицы. Посмотреть на него, на “сливки общества” съезжаются из далёких городов. Многие портнихи носят специальное название “дербисток” за исключительное шитьё нарядов для дам света и полусвета к торжественному дню “Дерби”. Газеты переполнены стихами и статьями, посвящёнными “громадному” призу. Всякая газетная тля строит в этот день о скачках, рассуждает с видом знатока о шансах лошадей, принимая в них не больше, чем известное “вкусное” животное в апельсинах. [. . .]

При гробовом молчании толпы красивой группой двинулись “дербисты” от столба; костюмы жокеев были всех цветов радуги, и много “тотошинских радужных” (имеются в виду сторублевые купюры в кассе тотализатора, называвшегося в просторечье “тотошкой”. – Авт.), поставленных на них в тотализаторе, вёз на себе каждый из наездников. Когда лошади скученной толпой были за несколько сот метров до выигрышного пункта, вся “масса”, как один человек, зарычала: каждый “призывал” свою лошадь. . .”

Не только специальные журналы по коневодству, но и практически все газеты публиковали на своих страницах отчёты о бегах и скачках, а также “рейтинги” лошадей. Судя по свидетельствам современников, в Москве существовало целое сообщество так называемых “играющих”. Все их помыслы были сосредоточены на том, чтобы угадать, какая из лошадей придёт первой. В газетах они читали

только о том, что “снялся “Фрахт”, “Прогресс” выиграл уверенно; вторым хорошо проведённый “Террор”, а “в начале прямой “Гайдар” кончился”.

В силу того, что на ипподром приезжали люди с деньгами, сами его окрестности становились притягательными для разного рода криминальных элементов. Группы шулеров специально отправлялись туда, чтобы “пощипать” извозчиков и лихачей, поджидавших возвращения седоков. А несколько ловкачей наладили возле ипподрома подпольную, а точнее, “подземную”, продажу водки. Они прямо в чистом поле выкопали “схрон”. Один из них сидел в “магазине” и подавал вверх бутылки, а его товарищи брали у извозчиков деньги и доставляли заказанную “монопольку”.

Вплоть до 1917 года Городская дума и общественность Москвы вели борьбу с тотализатором как источником разорительного для обывателей азарта. Однако заправили “тотошки” имели в Петербурге очень сильных покровителей. Князь А. Г. Щербатов в 1914 году указывал, что “деньги, получаемые от тотализатора, частью идут на подкрепление средств главного управления государственного коннозаводства, частью на призы беговым и скаковым обществам и на содержание их управлений”. Только официальная доля этих учреждений составляла 4–6 миллионов рублей в год, а всего оборот тотализатора по России составлял 40–60 миллионов рублей.

Максимум, на что пошли чиновники в попытке обуздать разорительную для населения игру, это отмена ставок ниже десяти рублей. Тем самым подразумевалось, что от игры будут отсечены беднейшие слои населения. На практике, по наблюдениям В. А. Гиляровского, получилось следующее:

“На бегах устроен уже много лет 10-рублевый тотализатор для того, чтобы не играла беднота. Этим цель достигнута не вполне. Разве только уж копеечная беднота не играет, а у кого есть рубль в кармане, тот играть может вскладчину. Для этого по всем местам, главное – по дешёвым шныряют “жучки”, собирающие рубли вскладчину, и сообща покупают билет.

Играющий вскладчину рвёт свои нервы вдвое больше. Ему мало одного – следить за бегом лошади. У него есть ещё более важная задача: следить за тем, чтобы “жучок” не убежал. Повторяется часто, что “жучки” исчезают бесследно с выигрышным билетом – и за это их редко преследуют.

По крайней мере, беговое общество, так как “жучки” для бегового общества весьма желательны, они делают игру, и весьма крупную. Без “жучков” беднота не могла бы играть, а с каждого рубля общество получает 10 коп. за каждый заезд.

За последние годы появились букмекеры. Они перед бегом назначают сумму выдачи на каждую лошадь или просто-напросто уплачивают выигравшему такую же сумму, которая даётся тотализатором. Они принимают риск на себя и ничего не платят обществу, обходясь без тотализатора.

Конкуренты тотализатора!”

С ипподромом на Ходынском поле было связано ещё одно зрелище, привлекавшее массу зрителей. Речь идёт о показательных полётах аэропланов. Первый раз москвичи увидели здесь техническое чудо XX века осенью 1909 года, когда в небо поднял свой аппарат французский авиатор Гийо.

Однако настоящий триумф вызвали состоявшиеся в мае 1910 года полёты С. И. Уточкина. Москвичи особенно гордились тем, что аэропланом управлял их соотечественник. Полёты русского авиатора произвели на В. А. Гиляровского огромное впечатление, и он не замедлил поделиться ими с читателями “Голоса Москвы”:

“Посредине скакового круга стоял большой балаган на колесах, с несколькими навесами из парусины. Просто-напросто балаган, какие стоят по воскресеньям на Сухаревке. Так казалось издали.

Это я видел вчера с трибуны скакового ипподрома.

До начала полёта Уточкина было ещё долго, и я поехал в парк и вернулся к 7 часам.

Кругом ипподрома толпы народа – даровых зрителей.

– Поднимается! Сейчас полетит... Вот-вот! – слышны крики.

Входя в членскую беседку, я услышал над собой шум и остановился в изумлении: тот самый балаган, который я видел стоящим на скаковом кругу, мчится по воздуху прямо на нас...

– Как живой!

Конечно, я шёл сюда смотреть полёт Уточкина на аэроплане, конечно, я прочёл и пересмотрел в иллюстрациях всё об аэропланах, но видеть перед

собой несущийся с шумом по воздуху на высоте нескольких саженей над землёй громадный балаган – производит ошеломляющее впечатление. И посередине этого балагана сидит человек.

Значит – помещение жилое.

Несущееся по воздуху!

Что-то сказочное!

Оно миновало трибуны, сделало поворот и помчалось над забором, отделяющим скаковой круг от Брестской железной дороги. И ярко обрисовалось на фоне высокого здания. В профиль это казалось громадной стрелой с прорезающим воздух остриём...

Ещё поворот, ещё яркий профиль на фоне водокачки – и летящее чудо снова мчится к трибунам... Снова начинается шум, напоминающий шум стрекозы, увеличенной в миллионы раз... И под этот шум начинает казаться, что, действительно, летит необычайная стрекоза...

Но знаешь, что этим необычайным летящим предметом управляет человек – и не видишь, как управляет, и кажется:

– Оно само летит!..

Но Уточкин показывает, что это “нечто, летящее в воздухе”, – ничто без него.

Всё время приходится бороться с ветром, и наконец, кажется, на шестом круге ветер осиливает, и быстро мчащийся аэроплан бросает на высокий столб, против середины трибун. Многие из публики заметили опасность: ещё несколько секунд – полёт кончен, аппарат – вдребезги.

– Наносит на столб!..

– Сейчас разобьётся!

И тут исчезает у зрителей летящее чудо и вырастает душа этого чуда: человек, управляющий полётом. И в самый опасный момент Уточкин делает движение рукой. Прекращается шум. Летящий предмет на секунду останавливается в воздухе:

– Сейчас упадёт!

Но ещё движение рукой, снова шумит мотор, который на секунду остановил Уточкин на полном полёте, и направление меняется.

Аэроплан делает движение влево, мимо столба, и поднимается вверх.

Уточкин смотрит на публику.

– Ничего! Летим дальше...

И снова взмывает выше, и снова делает круг. И впечатление ещё сильнее: он прямо летит над зрителями на высоте крыши трибуны, и от членской беседки снова несётся влево... Он, наверно, слышит несмолкаемые аплодисменты и крики одобрения и удивления...

Ещё два круга – всего 9 – описывает аэроплан и опускается плавно и тихо на траву ипподрома.

Уточкин выходит под гром аплодисментов перед трибуной.

Чествуют победителя над воздухом. Русского, московского спортсмена – что ещё дороже Москве.

* * *

На зелёной траве круга стоит большой балаган на колёсах с несколькими навесами из парусины. И будет стоять до тех пор, пока не придёт человек и не заставит его полететь по воздуху”.

Благодаря тому обстоятельству, что развитие авиации в России было принято под Высочайшее покровительство, в конце того же мая 1910 года в Москве было создано Общество воздухоплавания. Его учредительное собрание состоялось в Английском клубе и было открыто речью профессора Н. Е. Жуковского. Председателем общества был избран генерал П. А. Плева, а его помощниками Н. К. фон Мекк и В. П. Рябушинский.

Летом 1910 года на Ходынском поле началось создание первого московского аэродрома. В августе неутомимый пропагандист авиации С. И. Уточкин организовал строительство трибун на три тысячи зрителей для “воздушного митинга”.

В московских газетах появилась постоянная рубрика “На аэродроме”. Из неё можно было узнать новости о самых последних достижениях московских авиаторов, например, такие:

“Закончен ремонт аэропланов “Блерио” и “Дукс № 1”. Вскоре придут “Блерио”, заказанные для Российского и Телье, а также купленный полк. Колонтаевым. На фабрике “Дукс” идёт сборка второго аэроплана. Любители заказали себе “Блерио” и “Фарман””.

Подъёмом флага, состоявшимся 3 октября 1910 года, Общество воздухоплавания известило мир, что в Москве появился аэродром. В том же месяце на нём с не меньшим успехом, чем Уточкин, продемонстрировал полёты первый в России дипломированный военный лётчик М. Н. Ефимов. В последний день гастролей он продал свой “Блерио” московскому миллионеру В. В. Прохорову.

Посчитав, что управлять аэропланом дело нехитрое, Прохоров решил немедленно подняться в воздух. Но едва он поднялся метров на десять, порывы сильного ветра заставили его тут же приземлиться, причём произошла поломка винта. На следующий день миллионер снова ринулся покорять небо, однако уже через минуту врезался в землю. Он отделался ушибами, а вот машина превратилась в груды обломков. Тем не менее энтузиазм его не угас, и Прохоров заявил, что всё равно будет летать, а для обучения отправится во Францию.

Надо признать, что слово своё он сдержал. Впоследствии его успехи в полётах послужили даже источником первоапрельской мистификации: одна из газет сообщила, что “спортсмен-миллионер П. из своей подмосковной прилетел в театр на аэроплане”.

Следом за Ефимовым демонстрировал публике свой “Фарман” И. М. Заикин – в прошлом популярный борец. Правда, в первый день очевидцами его пилотажа были только “даровые” зрители, а вот трибуны оказались пусты. По какому-то недосмотру чиновников, на Театральной и Страстной площадях, а также возле Красных Ворот были вывешены синие флаги, предупреждавшие публику об отмене полётов.

Авиаторы сделались всеобщими кумирами. Газеты с восторгом описывали их достижения, обыватели с завистью обсуждали огромные призовые деньги и гонорары за выступления, получаемые лётчиками. Фельетонисты шутили, что некоторые шустрые мамы уже решили отдать своих чад в авиаторы – несколько минут полёта, и у человека в кармане десятки тысяч рублей. Пример Заикина открыл публике глаза на истинное положение дел.

Вездесущие газетчики раскопали, что из рекламных соображений организаторы полётов завышают суммы призов – в реальности лётчикам платили в десять раз меньше. Что же касается Ивана Заикина, то он за выступления не получал ничего, поскольку все его заработки уходили на погашение долгов.

Страстно желая летать, он принял предложение “меценатов” – одесских купцов братьев Пташниковых. На их деньги Заикин учился во Франции (вызвав, кстати, у французов восхищение смелостью своего пилотирования) и приобрёл аэроплан. “Для присмотра” Пташниковы приставили к авиатору своего приказчика, который фактически обирал Заикина до последней копейки. Даже выбор модели аэроплана ухудшал экономическое положение Заикина – больших средств требовала транспортировка аэроплана. Чтобы перевезти “Блерио” в разобранном виде, хватало одного железнодорожного вагона, а “Фарман”, больше подходивший для его массивной фигуры, вместе с разборным ангаром требовал четырёх вагонов. И это при постоянных разъездах для выступлений в различных городах.

Конечно, такие обстоятельства не имели значения для людей богатых, вроде В. В. Прохорова. Для них в 1911 году итальянский авиатор граф М. де Кампо Сципио открыл на Ходынском аэродроме авиашколу. А спустя два года газеты сообщали, что “золотая молодёжь” Москвы помешалась – вся она ринулась на аэродром, чтобы научиться летать.

Летом 1913 года экзамен на звание пилота-лётчика успешно сдала Е. П. Самсонова. Она стала первой женщиной, получившей лётный диплом на Московском аэродроме (и пятая – в России).

Возможно, этот факт можно расценивать как доказательство, что интерес москвичей к авиации не угас. Однако известно и другое: в 1914 году авиаконструктор И. И. Сикорский не нашёл в Москве желающих дать денег на организацию испытательного перелёта его нового самолёта “Русский витязь” (пробораз легендарного “Ильи Муромца”). Конечным пунктом рекордного полёта, когда на практике была доказана возможность летать “вслепую” (по показаниям приборов), стал Киев.

Не исключено, что главной причиной отказа послужило то обстоятельство, что Сикорский был “питерским”. А может, московским толстосумам было просто недосуг – они спешили продолжить веселье.

АЛЕКСАНДР БЕЛОНЕНКО
директор Свиридовского института

ШОСТАКОВИЧ И СВИРИДОВ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

1

Свиридов знал и высоко ценил цикл “Из еврейской поэзии” Шостаковича. Познакомившись с ним в том же 1948 году, Свиридов начинает писать поэму “Моя Родина” (“Страна отцов”). Избрав слово великого армянского поэта, создавая эпические картины природы и портреты людей Армении, передавая их чувства, их страдания и волю к свободе, он думал о судьбе своего родного народа. И только в конце того же 1955 года, когда Шостакович решил публично исполнить свой цикл “Из еврейской народной поэзии”, Свиридов приступил к своему первому большому произведению на русскую тему – к “Поэме памяти Сергея Есенина”.

К этому времени в общественной мысли в СССР постепенно, исподволь вновь вызревал “русский вопрос”, робко подымалось русское самосознание.

Свиридов не написал ни одного крупного сочинения, посвящённого войне 1941–1945 годов. У него было сложное отношение к ней. Он считал, что эта война была инспирирована извне, что нас с немцами столкнули лбами другие народы, которые в конечном итоге выиграли эту войну, воспользовались результатами нашей победы. Как он писал в одной из тетрадей рубежа 1989–1990 годов, “вторая мировая война явилась ударом по двум странам, по двум народам – по немцам и русским. В интересах Америки, Англии и связанных с ними наций и народностей”¹. Он прекрасно осознавал разницу между понятиями “победить в войне” и “выиграть войну” и считал, что мы в войне победили, а результатами нашей победы воспользовались другие. Те, кто реально выиграл ту войну. Прав ли был композитор, а не историк Свиридов или неправ, но конечным результатом Второй мировой войны стала нынешняя ситуация в России. Сидим у разбитого корыта. В границах почти что Московии XVII века...

В личной библиотеке Г. В. Свиридова сохранились два тома его романсов и песен, изданных в 1981 году издательством “Музыка”, с его правкой. Во втором томе на полях песни “Солдатская шинель” на слова А. Т. Твардовского стоит надпись рукой композитора: “Лирика поколений, отправленных на “пушечное мясо”. У Свиридова были тёплые дружеские отношения с А. Т. Твардовским. В конце 1950-х – начале 1960-х годов они сблизились, писали вместе свой проект нового гимна СССР – Никита Хрущёв хотел заменить сталинский гимн ещё до XX съезда КПСС, в декабре 1955 года, и объявил

---

* Продолжение. Начало в №№ 1, 5, 6 за 2016 год и № 6 за 2017 год.

конкурс, который не окончился ничем. Точнее возвратом в 1977 году к старому гимну с вариантом текста, созданным С. В. Михалковым, который был записан на радио в очень хорошей оркестровке Яна Френкеля, между прочим, не в пример нынешней какой-то безликой оркестровке. Как-то никому в голову не приходило, что двадцать два года страна жила без поэтического текста гимна.

Осталась переписка между поэтом и композитором. Свиридов с большой симпатией относился к автору “Василия Тёркина”, высоко ценил поэму, считал её гениальным произведением, часто ссылаясь на лестную оценку, данную ей И. Буниным. “Солдатская шинель” — это памятка о дружбе поэта и композитора. Когда поэт, впавший в немилость у власти, ушёл из жизни, Свиридов написал “Весеннюю кантату” на слова Н. А. Некрасова и посвятил её памяти А. Т. Твардовского.

В том же втором томе песен и романсов на полях и прямо в нотах песни “В Нижнем Новгороде” на слова Б. Корнилова Свиридов зафиксировал следующую мысль: “Молодые А. Прокофьев, Б. Корнилов, П. Васильев. Русское дыхание. Влияние Клюева. Стихи А. Прокофьева послевоенного времени не содержали свежих нот. Государственность окончательно съела национальное мироощущение. Слово “Россия” за собой уже не имело ничего живого, разве что военный успех, доставшийся слишком дорогой ценой и обернувшийся страшным поражением и уничтожением страны². Всё это заливалось неимоверным количеством водки, которая стала поистине государственно-народным напитком”.

Вместе с тем Свиридов понимал, что новый этап русского самосознания родился в годы войны, на фронте, в окопах. Как композитор напишет в 1989 году, “идея национального братства зародилась на полях сражений (но не в тылу, где террор ложного партинтернационализма господствовал над всей жизнью). Эта идея зародилась вопреки идее ложного партинтернационализма”³.

Русский вопрос начинался после войны с крестьянского вопроса. Обескровленная во время войны русская деревня, не успевшая в первые послевоенные годы прийти в себя, обжиться на пепелище, обложенная непомерными налогами, лишённая техники, электричества, тянувшая лямку за счёт в основном непосильного женского труда, не была в состоянии прокормить огромную страну, армию, городское население. Начался затяжной кризис. Маленькая передышка, данная крестьянам Маленковым в 1953 году, дала возможность немного залечить раны войны, даже дать прирост сельскохозяйственной продукции. Но Хрущёв вновь стал закручивать гайки, стал прижимать крестьян налогами, начал реорганизацию управления колхозами, заставлял повсеместно сажать кукурузу, затеял эпопею с целиной, а в 1961 году в своей утопической программе построения коммунизма поставил задачу окончательно лишить крестьянина личного приусадебного участка как “пережитка капитализма”.

Общественная мысль (публицистика, литература) откликнулась на беды крестьянства. На смену фантазийному парадному изображению колхозной жизни вроде романов С. Бабаевского приходят очерковые хроники, появляются “Деревенский дневник” Ефима Дороша, “Районные будни” Валентина Овечкина, рассказы Гавриила Троепольского, стихи и проза Александра Яшина, повести Владимира Тендрякова, очерки и роман Анатолия Калинина, наконец, роман “Братья и сёстры” Фёдора Абрамова, обозначивший появление зрелой “деревенской прозы”.

Крутой разворот событий в послесталинской России неумолимо наталкивал “всенародное раздумье” (Л. Леонов) на неудобные для советской власти вопросы. Простые люди, учёные, военные стали задумываться, к чему, ради чего были принесены такие неисчислимы жертвы? И что ожидает впереди русский народ-победитель, на которого пали основные тяготы, уготованные бурной историей страны в XX веке, на костях и крови которого была выстроена гигантская империя, который понёс неисчислимы жертвы в войнах, перестройках, раскулачивании, индустриализации? Постепенно, робко рождалась новая русская мысль, начался пересмотр народом самого себя, своей истории, стали искать смысл событий, дошли до корней, до истоков современной истории — революции.

“Не хлебом единым” В. Дудинцева, “Доктор Живаго” Б. Пастернака, наконец, первые повести А. Солженицына в “Новом мире” — всё это вехи на пути растущего самосознания России. “Я уже не говорю о Солженицыне, — запишет

в 1989 году Свиридов в одной из своих тетрадей “Разных записей”, — чьи первые же сочинения были подобны ударам в болевые точки Русской жизни: государственный деспотизм, разорение Русской деревни”⁴.

Конечно, было и общедемократическое движение, объединявшее в антисталинском порыве людей разных национальностей. Зрела и тема общей жизни и общей судьбы, переживших вместе годы первых пятилеток и войну.

“Русский вопрос” вставал не менее остро, чем “еврейский вопрос”. В 1964 году выходит в прокат фильм “Русский лес” по роману Леонида Леонова. Музыка к нему написал Георгий Свиридов. В работе над фильмом писатель и композитор познакомились. Они прекрасно понимали друг друга. Для этих выдающихся людей России было ясно до боли, что русский лес нещадно рубили и бесчисленные щепки-судьбы летели вразнос. Для обоих “русский лес”, над которым был занесён топор человеком, “воспламененным великой идеей” (Л. Леонов), был символом русского народа. Изводились не только природные богатства — рубилась под корень культура, из памяти народной изымались имена народных вождей, полководцев, великих учёных, писателей, художников.

Ради чего всё это?

2

“Ради вселенского братства людей // радуюсь песней смерти твоей...”

Свиридов пришёл к Есенину не сразу. Его кумиром в юности, да и позднее, в зрелые годы был Александр Блок. Но было одно стихотворение Сергея Есенина, с которым он познакомился в школе и сохранил в своей невероятной памяти надолго, на всю жизнь. В 1989 году в тетради “Разных записей”, вспоминая своих учителей в курской школе, в том числе и учительницу русского языка и литературы “смольнянку” А. А. Моисееву, он опишет один эпизод: “Однажды она дала мне, по моей просьбе, маленький сборничек стихов Есенина и попросила бережно отнестись, не потерять книжечку. Это были стихи 20–23-го годов (даты были в стихах)⁵, в том числе “Я — последний поэт деревни...”. Эта новая для меня поэзия (до той поры я знал лишь классику: Жуковского, Державина, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Майкова, Тютчева; хрестоматия по Русской литературе была моей настольной книгой) поразила меня...”⁶

Прошло почти тридцать лет, когда это стихотворение всплыло в памяти и мгновенно облеклось в музыку. С него началась работа над “Поэмой памяти Сергея Есенина”.

История обращения к есенинской поэзии, осмысление её Свиридовым, осознание композитором места и значения великого русского поэта, отбор и работа над поэтическим словом, редактирование текстов — всё это подлежит отдельному изучению и об этом ещё будет написано немало статей и книг. На страницах “Разных записей” рассыпано большое количество разнообразных мыслей о поэте, оценок его творчества, здесь же можно найти представление Свиридова о творческом пути Есенина. Освоение поэтического слова Есенина, осознание его творческой эволюции занимало композитора всю его зрелую жизнь. Есенинская поэзия была для Свиридова живой, постоянно меняющейся материей — к разным стихам у Свиридова было различное отношение в разные годы его жизни. За отношением к Есенину можно проследить траекторию духовного пути самого композитора. Причём Свиридов не только шёл к Есенину, он защищал поэта, всё время спорил, буквально дрался за него со всеми его живыми и давно ушедшими из жизни критиками.

Главным для Свиридова в Есенине было высшее, по мнению композитора, предназначение искусства — народность. Есенин для Свиридова был не просто выдающимся, волшебным мастером слова, мыслителем, творцом, он наделял его высшим званием — народного поэта. У Свиридова была своя, достаточно чёткая градация величин в художественном ареопаге. Например, он считал Сергея Прокофьева композитором национальным, но не народным. А вот Твардовский по свиридовской классификации был и национальным, и народным поэтом⁷. Точно так же он относился к Есенину. Кроме того, он видел в судьбе Есенина отражение судьбы своего народа. Отсюда особенность его суждений о Есенине. Вот для примера подборка разных лет высказываний Свиридова о Есенине.

Из тетради 1989–1990 годов: “Метания Есенина – это метания России, попавшей в капкан <...> Большевизма”⁸.

Из Записей 1989–1990 годов: “Перелом в творчестве Есенина – 1922 год. Поэма “Пугачёв”, гибель Революции, гибель России. С этого времени в стихах Есенина лишь одна тема, чисто лирическая – “Гибель самого Поэта”. Как бы спешил выговориться, уезжая в дальнюю дорогу...”⁹

А вот запись из тетради 1981–1982 годов:

“Есенин – постоянно оплёвываемый, до сих пор третируемый “интеллектуальной” литературной средой (говнюк Мандельштам, презренный и бездарный книжный человек Тынянов, не говоря о множестве других – Олеша, Катаев и прочие), удушенный верёвкой в номере гостиницы, после смерти извергнутый из жизненного обихода, запрещённый к изданию и упоминанию, ошельмованный в статьях негодяев Сосновского и Бухарина, униженный в стихах поддела и убийцы Маяковского, остался жив в сознании народа, любим им и неотделим от народной души. Это поэт народа, гибнущего в окопах, в лагерных бараках, в тюрьмах, казармах и кабаках – всюду, где судьба уготовила жить и быть русскому человеку. О, судьба! И народа, и его поэта”¹⁰.

В последнем высказывании важно не то, прав ли Свиридов или неправ в своём убеждении, что Есенин был убит, справедлив ли он в оценке тех или иных писателей, литературоведов или политических деятелей. Главное тут – небывалой силы эмоциональный накал мысли, страстный тон и проступающая в словах оглушающая горечь. И за поэта, и за свою родную Россию.

Свиридов обратился к Есенину на самом пике своего мастерства, духовной зрелости. Середина 1950-х годов была порой расцвета его творчества. Именно в это десятилетие и в начале 1960-х годов сформировался его поздний, русский стиль, окончательно определилась его главная форма (песня) и жанры (вокальные), главные темы его творчества, выбран основной круг поэтических источников.

В конце 1955 года он встречается с ленинградским поэтом Леонидом Хастовым, который знал и любил Есенина. Поэт весь вечер читал, не переставая, его стихи. Это произвело сильнейшее впечатление на Свиридова. Через несколько дней жена Георгия Васильевича по его просьбе раздобыла четвёртый том Собрания сочинений Есенина 1926 года. Композитор буквально запоем читает стихи Есенина, пишет одну песню за другой. Невероятно быстро, в две недели он складывает из написанного большую ораторию – “Поэму памяти Сергея Есенина”, из не вошедших в неё песен он составляет цикл “У меня отец – крестьянин”.

Тут ещё необходимо иметь в виду, что в это время поэзия Есенина, само имя поэта только-только стали возвращаться из небытия, из забвения, ещё только начинался процесс робкой, однобокой реабилитации путём “советизации” его поэзии, нарочитого подчёркивания его лояльности советской власти. Между прочим, “Поэма памяти Сергея Есенина” сыграла свою немалую роль в осознании Есенина как великого русского поэта, в чьей судьбе отразилась трагическая судьба русского крестьянства, всего русского народа. Ничего подобного до сих пор в русской музыке советского периода со времён 6-й симфонии Н. Я. Мясковского (1928) не было. Особенно ярко выделялась “Поэма” на фоне ораторий и кантат сталинской эпохи.

Чтобы читателю, незнакомому с музыкой, можно было бы ясно понять эту разницу, привожу поэтические тексты финалов двух ораторий: “Песнь о лесах” Д. Д. Шостаковича на слова Е. Долматовского и редакцию есенинского текста, сделанную самим автором в своей “Поэме памяти Сергея Есенина”.

Вот слова последней части “Слава” из оратории “Песнь о лесах” в редакции 1949 года¹¹:

*Восходит заря коммунизма!
Правда с нами и счастье у нас.
Если б нашу святую Отчизну
Мог Ленин увидеть сейчас!
Ведёт окрыляющий гений
Бессчётных и верных сынов
Наш учитель, наш вождь, наш отец,*

*Полководец великих сражений,
Садовник грядущих садов.
Деревья встают величаво
Возле русских торжественных рек.
Ленинской партии слава!
Слава народу навек!
Сталину мудрому слава! Слава!*

А вот текст последней части “Небо — как колокол” Свиридовской оратории¹²:

*Небо — как колокол.
Месяц — язык.
Мать моя Родина,
Я — большевик.
Ради вселенского
Братства людей
Радуюсь песней
Смерти твоей.
Крепкий и сильный
На гибель твою,
В колокол синий
Месяцем бью.*

Как может заметить знающий читатель, Свиридов взял второй стих из поэмы “Иорданская голубица” (1918), сделал свою редакцию, изъяв местоимение “я” из третьей строки второго четверостишия (“Радуюсь песней я”) и купировав последнее четверостишие:

*Братья-миряне,
Вам моя песнь.
Слышу в тумане я
Светлую весть.*

Таким образом, Свиридов придал всему стихотворению иной, более трагичный, а в музыке к тому же (хор и оркестр) ещё и надличностный смысл. Впервые в советское время было создано музыкальное произведение крупной формы, в котором речь открыто шла (благодаря слову, конечно) о катастрофе России. Весьма знаменательно, что Поэма появилась одновременно с романом Б. Пастернака “Доктор Живаго”¹³.

Не думаю, что необходимо останавливаться на сравнении финалов ораторий Шостаковича и Свиридова. И дело здесь не в том, что невозможно сравнивать поэтические достоинства, за явным отсутствием такового у текста Долматовского, который трудно назвать произведением искусства. Но дело не в качестве поэтического слова. Просто оратории принадлежат разным эпохам, и если с чуть подправленным текстом оратория “Песнь о лесах” могла исполняться в послесталинскую эпоху (и исполнялась примерно до перестройки), то появление “Поэмы памяти Сергея Есенина” в сталинскую эпоху было просто немислимо. Одно произведение в духе своего времени славало вождя, в другом речь шла, вспоминая название памятника древнерусской литературы, “о гибели русской земли”.

Появление “Поэмы памяти Сергея Есенина” обозначило рождение новой эпохи в истории жанра оратории и кантаты в советской музыке. После долгих лет своей чисто “славильной” функции государственной окказиональной музыки, оратория обрела значение vox populi — “гласа народа”. Встреченная положительно широкой общественностью, несомненно, “Поэма” явилась одним из символов подымающегося общественного самосознания, судьбы народа.

Судьба самой “Поэмы памяти Сергея Есенина” не менее драматична, чем судьба поэмы “Страна отцов”.

Первые показы “Поэмы” прошли в Московском и Ленинградском союзах композиторов весной 1956 года. После прослушивания “Поэмы” в авторском исполнении в Ленинграде в марте 1956 года композитор В. Салманов отме-

тил: “Многие из нас, здесь присутствующих, давно не слышали такого подлинного вдохновения, которое породило это сочинение! Есть худшие и лучшие сочинения, но такого сочинения, напоенного вдохновением от первой до последней ноты, мы давно не слышали! Это удача не только Юрия Васильевича или той или иной организации, а это новый этап русской советской музыки именно в русском национальном жанре, и с этой точки зрения – это огромное достижение нашего советского художника и нашей советской музыки!”¹⁴

Не менее сильное впечатление произвела “Поэма” и на показе её в Москве. Композитор С. М. Слонимский отметил в своих воспоминаниях: “Виссарион Яковлевич Шебалин, мой любимый учитель и наставник, сообщил мне о совершенно замечательном впечатлении, которое произвела эта поэма в московском Союзе композиторов. Виссарион Яковлевич редко говорил в восторженных тонах, но здесь он отзывался очень горячо”¹⁵.

Премьера “Поэмы” с большим успехом прошла 31 мая 1956 года. В том же году она неоднократно исполнялась, и довольно быстро получила широкое общественное признание. Как отметил в своём выступлении в декабре 1958 года композитор Н. Пейко на Секретариате Союза композиторов СССР, это произведение “получило очень большое признание, не говорю о том, что это удивительно яркая музыка, самобытная, и в то же время простая музыка. Удивительным образом найдено сочетание предельной простоты, огромной глубины и самобытности. К тому же это произведение большого, широкого общественного смысла. И это довольно редкое явление в ораториальном жанре: оратория получила очень большую популярность”¹⁶.

Поэму хорошо знал Д. Д. Шостакович с момента её рождения. Свиридов делился с Дмитрием Дмитриевичем и самим замыслом, и уже во время работы над “Поэмой”; Шостакович присутствовал не только на самой премьере, но и на репетициях перед премьерой, порекомендовал Свиридову пригласить в качестве солиста певца Алексея Масленникова. Кстати, на репетициях был и Арам Ильич Хачатурян и, как мне говорил Свиридов, посоветовал ему к партии ударных добавить тамтам.

О том, как сложилась в дальнейшем судьба “Поэмы”, – чуть позже.

3

Премьера “Поэмы памяти Сергея Есенина” состоялась в тот день, когда должен был открыться Второй съезд советских композиторов. Но съезд так и не открылся в тот день...

Прошли все мыслимые и немыслимые сроки. Весь 1955-й год прошёл в ожидании и в кипучей подготовке съезда. Дата его проведения в апреле 1956 года была официально объявлена ещё 18 марта 1955 года в Постановлении Совета Министров СССР № 510 “О проведении Всесоюзного съезда советских композиторов”¹⁷. На девятом пленуме правления СК СССР были обсуждены вопросы о его организации, решён вопрос о главных докладчиках, 20 сентября 1955 года газетой “Советская культура” в передовице, озаглавленной “Навстречу Второму Всесоюзному съезду композиторов” уже был обнародован план подготовки к нему, определено, что с ноября 1955-го по март 1956 года пройдут съезды на местах, о предсъездовской дискуссии, что перед съездом пройдёт концерт, на который будут отобраны лучшие произведения. Между прочим, акцент в передовице делался на оперу и симфонию. О том, почему именно на эти жанры, – пойдёт разговор позднее. В конце передовицы – обычный “духоподъёмный” официоз. Цель будущего съезда – “встретить знаменательные дни подготовки и проведения XX съезда КПСС и сорокалетия Советского государства произведениями, достойными нашего великого народа – строителя коммунизма”¹⁸.

Конец 1955 года был насыщен культурными событиями. В сентябре отметили десятилетие со дня смерти Белы Бартока. Посмертно ему была присуждена Премия мира Всемирным Советом мира. Ещё сравнительно недавно он числился среди композиторов буржуазных “формалистов”.

29 октября в Большом зале Ленинградской филармонии оркестр под управлением Е. А. Мравинского исполнил скрипичный концерт Д. Д. Шостаковича. Бесподобно играл Давид Ойстрах. В Москву приезжает Жан Поль Сартр в гости к Театру Сатиры. С успехом проходят гастроли артистов Большого театра в Дании. В МАЛЕГОТе Б. Покровский осуществляет новую постановку

оперы “Война и мир” С. Прокофьева. Дирижирует Э. Грикуров, поют Т. Лаврова, С. Шапошников, М. Довенман, молодая Кира Изотова¹⁹.

14 ноября 1955 года в музее имени А. С. Пушкина открылась выставка французского искусства XVI—XX веков. Французы привозят картину Пабло Пикассо “Девочка на шаре”. Выставка дала пищу для оживлённых дискуссий в среде художников и искусствоведов. Спорили о творчестве Сезанна и Пикассо, но в уме держали свою художественную действительность и организационные проблемы. Впереди ожидался первый съезд художников, и стоял острый вопрос, кто возглавит Союз художников СССР — любимый живописец вождя, глава Академии художеств А. М. Герасимов или кто-то иной.

В ноябре в Ленинграде проходит очередной смотр новых произведений ленинградских композиторов. Критик Ин. Попов рецензирует первые концерты декады, отмечает симфонию покойного Л. Ходжа-Эйнатова, “Детскую сюиту” Г. Уствольской, сюиту из балета “Ивовая веточка” О. Евлахова, романсы Ю. Кочурова²⁰. До конца года о смотре было написано ещё несколько статей, смотру придавалось большое значение как крупной акции опять-таки перед съездом. Всё же ленинградская композиторская организация была второй по значимости после московской. Ставка делалась на молодёжь. Небезызвестная по биографии Е. А. Мравинского Инна Серикова разрабатывала статьи по окончании смотра, отметив Г. Уствольскую, Ю. Балкашину, В. Чистякова, В. Баснера, Л. Пригожина, И. Шварца, Н. Агафонникова и др.²¹.

Итогом завершившегося 3 декабря ленинградского смотра посвящена передовая в “Советской культуре” от 4 декабря. Было отмечено, что за декаду было исполнено 150 произведений 70 композиторов города. Упоминалось об обычной после смотра творческой дискуссии, в которой приняли участие музыковеды и композиторы Москвы, Ленинграда, Таллина. Статья была уравновешенной, не выделялась какая-то группа композиторов ни по направлению своего творчества, ни по возрастному принципу. Как писал автор передовой, “музыкальная общественность высоко оценила многие новые сочинения ленинградских мастеров старшего поколения и молодых авторов. Среди произведений, заслуживших большое одобрение, — балет “Тарас Бульба” В. Соловьёва-Седого, “Детская сюита” Г. Уствольской, симфонии Л. Ходжа-Эйнатова и И. Шварца, вокальные циклы В. Волошинова и А. Животова на слова советских авторов, песни Г. Свиридова на стихи Р. Бёрнса и другие”²².

30 ноября в Париже и Бордо открывается неделя советского фильма, на которой был показан фильм “Великий воин Албании Скандерберг” с музыкой Г. В. Свиридова. Давид Ойстрах летит на гастроли в США. В конце ноября открывается Второй Всесоюзный съезд архитекторов. На сцене Большого театра СССР ставится опера Д. Кабалевского “Никита Вершинин”. Арам Хачатурян в составе делегации едет в Англию.

В ноябре в Москве находится на гастролях Театр оперы и балета Латвийской ССР и другие латышские коллективы. Смотр музыкальных достижений латышей в Москве, как и смотр новой музыки ленинградцев, проходит опять-таки как предсъездовское мероприятие. В это же время в Москву приезжает прославленный лейпцигский оркестр Гевандхауза во главе с Францем Конвичным. Немцы привозят Вторую Брамса, соль-минорную симфонию Моцарта и Четвёртую А. Брукнера.

Вслед за оркестром Гевандхауза Москву посетил Будапештский театр оперетты. А в самом конце 1955 года — Евримен опера (Everyman opera) с “Порги и Бесс” Джоржа Гершвина. Вернувшись из длительного вояжа по Востоку (Индия, Афганистан и Индонезия), Н. Хрущёв и Н. Булганин со всем партийным синклитом посетят спектакль в начале января 1956 года²³.

В декабре, как обычно, отмечали день рождения И. В. Сталина. Газеты откликнулись на это событие и в 1955 году. О дате и необходимости написать статьи напомнил В. М. Молотов. Думаю, что не случайно он напомнил об этой дате своим коллегам по Президиуму ЦК КПСС. Раньше об этом не нужно было напоминать. Было принято за неписаное правило, что к этой дате статьи писали руководители партии, члены Политбюро (Президиума) ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС.

На сей раз в “Правде” 21 декабря 1955 года поместили редакторскую статью без указания автора “Жизнеутверждающая сила Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. К 76-летию со дня рождения И. В. Сталина” на второй странице²⁴, а на первой дали фотопортрет вождя. Статья сначала кратко описывает заслуги “ученика и продолжателя дела Ленина”, а затем плавно модулирует

в современность и рапортует уже о заслугах КПСС после смерти Сталина во главе с первым секретарём ЦК КПСС Н. С. Хрущёвым.

Статья скромная. Она меркнет рядом с большим материалом в подвале на двух страницах о заседании 20 декабря Московского Совета депутатов трудящихся, посвящённого 50-летию первой русской революции 1905–1907 годов. На первой странице – фотография зала, где проходило заседание, а на третьей и четвёртой страницах помещён доклад П. Н. Поспелова “Декабрьское вооружённое восстание 1905 года – вершина первой русской революции”. Невооружённым глазом видно, что материал о революции занимает ударное место в газете, на этом событии делается акцент. И потом ещё во многих газетах и журналах революция 1905 года будет одной из ведущих тем. Думаю, что Д. Д. Шостакович знал об этой идеологической кампании, когда брался за тему своей Одиннадцатой симфонии.

До XX съезда КПСС и до секретного доклада Н. С. Хрущёва “О культуре личности и его последствиях” оставалось ровным счётом два месяца. Ещё в марте 1953 года по предложению Г. Маленкова было решено не восхвалять вождя, покончить со славословиями в его адрес и не называть его великим. И вообще поменьше его вспоминать. Понять, почему всё же его вспомнили в декабре 1955 года, перед XX съездом даёт возможность статья Н. Матюшкина “По пути великого Ленина (к 76-летию со дня рождения И. В. Сталина)”, помещённая в журнале “Коммунист”²⁵.

Красной нитью через статью проходит мысль о важности установки на индустриализацию страны. Фактически это было негласным признанием работы Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР”, которую критиковал Маленков в 1953 году. Именно тогда, 8 августа 1953 года в своей речи на V сессии Верховного Совета СССР Маленков вопреки Сталину утверждал: “Правительство и Центральный Комитет партии считают необходимым значительно увеличить вложения средств на развитие лёгкой, пищевой и, в частности, рыбной промышленности, на развитие сельского хозяйства и поправить в сторону значительного увеличения задания по производству предметов народного потребления: шире привлечь к производству предметов потребления машиностроительные и другие предприятия тяжёлой промышленности”²⁶.

И вот теперь, когда Маленков был снят, когда вернулись к идее всемерного развития тяжёлой промышленности, нелишне было напомнить о плане индустриализации. Но только теперь, в 1955 году он уже трактовался не как план товарища Сталина, а как... ленинская программа социалистического строительства. Вот почему появилась статья С. Матюшкина, а в ней следующий пассаж: “Осуществляя ленинскую программу социалистического строительства, Коммунистическая партия выдвинула во главу угла всей своей деятельности индустриализацию страны”. И ещё раз: “Установка на индустриализацию стала генеральной линией Коммунистической партии”²⁷.

И далее в статье все идеи, все планы, которые ещё недавно считались сталинскими, Матюшкин теперь относит к заслугам партии. Статья пестрит выражениями “партия учит”, “партия, её Центральный Комитет учили и учат”. И в годы войны “Коммунистическая партия вдохновила и организовала силы советского народа” и (так!): “По воле партии (курсив мой. – А. Б.) Сталин был назначен председателем Государственного Комитета Обороны СССР и Верховным Главнокомандующим Советских Вооружённых сил”²⁸.

Ближе к концу статьи Матюшкин уже забывает о главном герое повествования, и не скупится на похвалы нынешней партии, обращая внимание на её коллективный характер. Прямо какое-то собрание близких друзей и милых сослуживцев... “Важнейшим принципом партийного руководства является коллективность”. И, конечно, “образец коллегиального руководства показывает ленинский Центральный Комитет нашей партии”. А под занавес, уже совсем забыв о Сталине, Матюшкин поёт осанну партии: “Созданная и выпестованная великим Лениным, партия с честью выдержала историческую проверку и представляет собой непобедимую силу”²⁹. Лишь касаясь международной обстановки и внешней политики, он вспомнил заслуги Сталина в связи с идеей сосуществования и ослабления международной напряженности, борьбой за мир и дружбу...

Не забыв процитировать Хрущёва (“Мы идём к XX съезду партии...”), Матюшкин завершает свою статью лозунгом: “Под знаменем Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, под руководством ленинского Центрального Комитета наша

партия уверенно ведёт советский народ по пути новых всемирно-исторических побед, к торжеству коммунизма”³⁰. Лозунг этот он заимствовал из годовой давности статьи в том же журнале “Коммунист”, написанной к 75-летию со дня рождения Сталина: “Советский народ под знаменем Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, под испытанным руководством Коммунистической партии идёт к новым победам. В мире нет таких сил, которые могли бы приостановить его движение вперёд, к коммунизму”. Правда, ещё в 1954 году автор статьи всё же называет Сталина “великим продолжателем дела Ленина”...³¹

В газете “Советская культура” 22 декабря 1955 года появляется статья старшего научного сотрудника Главной редакции Большой Советской энциклопедии Дубии Бакшиева “Во имя торжества коммунизма: К 75-летию со дня рождения И. В. Сталина”. В статье ни слова критики в адрес вождя, впрочем, и без “аллилуйщины”, которая обычно захлёстывала страницы газет к такой дате. Главная мысль статьи в целом та же, что и в статьях в “Правде” и “Коммунисте”, — всё идёт по начертанному Лениным и Сталиным плану и, самое главное, “XX съезд осветит пути дальнейшего развития нашей Родины”³².

Съезда ждали многие. И ожидали от съезда самого разного. Но никто не знал, что принесёт этот съезд, куда и кто его повернёт, в какую сторону, какое направление дальнейшего пути будет выбрано. “Куда ж нам плыть?..”

Съезд партии намечался на февраль. Думаю, что уже в конце 1955 года опытный Т. Н. Хренников пришёл к мысли, что не следует спешить с комзиторским съездом, опасаясь взять не ту линию... Были и другого рода причины. О некоторых из них поведал сам Хренников в своём письме в ЦК КПСС 18 апреля 1956 года с просьбой отложить созыв Второго съезда.

4

Начало 1956 года. Новогодняя речь Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. К. Е. Ворошилова³³. Она приводится на первой странице и рядом, чуть ниже помещены Ответы Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина на вопросы директора югославской газеты “Недельные информативные Новине” Станке Веселиновой. В речи Ворошилова и в ответах Булганина перечисляются события в мире, что было сделано и что произошло за прошедший год.

Итоги до сих пор впечатляют. СССР — мировая держава. Заключение Варшавского пакта, Женевское совещание Глав правительств четырёх великих держав, Бандунгская конференция, установление дипломатических отношений между СССР и Германской Федеративной Республикой, дальнейшее укрепление братской дружбы между Советским Союзом, Китайской Народной республикой, Польшей, Чехословакией, Югославией и другими странам, вставшими на путь социалистического развития, а также расширение связей и развитие дружественных отношений с Индией, Бирмой и Афганистаном, договор с Австрией, объявившей о своём нейтралитете, сокращение армии на 640 тысяч человек, передача Порт-Артура КНР, ликвидация военно-морской базы Порккала-Удд, снижение расходов на оборону на 10 миллиардов рублей. А до этого — успешные испытания новых баллистических ракет, закладка первого в мире атомного ледокола.

“Время, вперёд!” — под таким заголовком-автоплагиатом Валентин Катаев пишет передовицу на второй странице этого же первого номера газеты “Советская культура”³⁴.

Конечно, как и полагается по праздникам, новогодний номер — приподнятый, от него прямо-таки пышет жизнерадостностью, энергией, атмосферой беззаботного веселья, вроде той, что можно почувствовать в комедии “Карнавальная ночь”.

Открываю третью страницу. Тут помещены шаржи. Под рубрикой “Говора по-дружески...”. В одном смешном мордастом человечке с взлохмаченной шевелюрой узнаются черты композитора Т. Н. Хренникова. Под рисунком И. Игина текст Б. Тимофеева и А. Раскина: “Ему и “В бурю” шепчет “Мать”: — Сыночек, меньше б заседать!” Конечно, это только смешной и вроде бы безобидный шарж. Но напечатан он в газете “Советская культура”, а не в “Правде”, которую курирует стремительно возносившийся ввысь, без пяти минут кандидат в члены Президиума ЦК КПСС секретарь ЦК КПСС Д. Т. Шепилов³⁵, покровитель Хренникова.

Впрочем, в каждой шутке есть доля... В данном случае, затрудняюсь сказать, чего. С одной стороны, получился своеобразный анонс, смешная, но всё же реклама в центральной газете – в это время Хренников работал над оперой “Мать”. С другой стороны, название оперы срифмовано со словом, часто встречающимся в разного рода партийных документах и речах оппонентов Хренникова с критикой в его адрес. Что-то вроде намёка: не пора ли, мол, покинуть пост первого секретаря?

Хренников внимательно следил за тем, что происходило в других творческих организациях. С руководителями практически всех творческих союзов он был лично знаком по заседаниям в Комитете по Сталинским премиям и в других комитетах, по участию в общественно-политических мероприятиях, по совместной творческой работе в театрах, в кино. Конечно, он знал, что происходит в каждом союзе, в той же Академии художников, среди деятелей советского кино.

Так, художники готовились к своему первому съезду и перед съездом в их среде шли жаркие споры. Узкие тематические рамки и академичная манера письма канонизированных представителей сталинского соцреализма явно морально устарели, и молодёжь искала иные, новые ориентиры, новые образцы для подражания. Западная живопись последней трети XIX–XX века соблазнительно влекла к себе, отношение к тем же импрессионистам и постимпрессионистам, к разным течениям первой половины XX века стало признаком того или иного “лагеря”, художественной партии. Как раз выставка французской живописи в музее имени А. С. Пушкина и стала предметом оживлённого спора.

В газете “Советская культура” во втором номере за 1956 год вышла статья об этой выставке искусствоведа Н. Яворской “Сила национальных традиций”. Статья в целом положительная, с чувством уважения к старой французской живописи. С увлечением и с явным удовольствием искусствовед признаётся в своей симпатии к Пуссену, Ватто, Буше, Жерару, Жерико, Делакруа, Домье и Коро, барбизонцам. Но стоило ей подойти к импрессионистам, как восторг сменяется настороженными, скептическими нотами. В двух шедеврах К. Моне “Поле маков” и “Белые кувшинки” Яворская видит “отход от правдивой передачи действительности, отход от реализма”. В конце статьи автор уже совсем не могла удержаться, чтобы не высказать суровый критический взгляд на творчество художников конца XIX – начала XX века. По поводу Сезанна и Гогена она отозвалась так: “Они пошли по пути абстракции, отвлечённости от реальной жизни, который привёл в тупик буржуазное искусство”. И затем продолжила: “Формализм наложил печать на творчество таких больших мастеров, как Матисс и Пикассо, хотя вся их общественная деятельность направлена на борьбу за счастье человека”³⁶.

Н. В. Яворская впоследствии стала известным искусствоведом, специалистом по французской живописи, по тому же Сезанну. Писала ли она из убеждения? Трудно сказать. Но в своей речи на Первом съезде советских художников, который так же, как и съезд композиторов, состоялся в марте 1957 года, Д. Т. Шепилов убеждённо говорил о необходимости бороться с формалистическим направлением в искусстве. Но это было намного позже. Впереди был бурный год с событиями, которые стали эпохой, и страна совершила прыжок в неизвестное. Решительные перемены пришли в искусство и литературу за этот год.

Январь и начало февраля отличились относительным затишьем в литературе. Литераторы провели более или менее спокойный второй пленум правления Союза писателей СССР, посвятив его, главным образом, организационным и социально-бытовым вопросам, а также третье Всесоюзное совещание молодых писателей, открывшее ряд новых имён³⁷. Ю. Друнина, В. Тушнова, К. Ваншенкин, А. Межиров, М. Ганина, В. Соколов, Н. Соколов, Е. Евтушенко, Г. Бакланов – эти и другие имена едва ли не впервые появились на страницах “Литературной газеты”. Их открыли на Всесоюзном совещании молодых писателей³⁸. В своём содокладе “Некоторые вопросы развития молодой драматургии” В. Розов упомянул молодых драматургов А. Софронова, А. Макаёнка, А. Салынского, М. Шатрова. В Смольном произошло в начале января совещание представителей театров, драматургов, критиков. Выступал министр культуры Н. Михайлов. И здесь были отмечены имена новых молодых драматургов, поэтов М. Луконина, Р. Гамзатова и того же М. Шатрова.

В тот же день 10 января в газете “Советская культура” под рубрикой “К Первому Всесоюзному съезду художников” появляется статья молодого художника С. Шильникова “Своеобразие замысла”. Шильников – художник-реалист, но его волнуют, как и многих молодых, проблемы мастерства, техники. Его явно не удовлетворяет “прямолинейность выражения”, “иллюстративное решение” в картинах советских художников недавнего прошлого. То, что сравнительно недавно считалось зазорным обсуждать в печати, – искусство живописи до сих пор рассматривалось и оценивалось, главным образом, сквозь сюжет, изображаемое на картине. Как он писал, “многогранность художественного замысла выражается, прежде всего, в композиции картины, в основных её линиях”. Отметил Б. Иогансона и С. Чуйкова. И одновременно нашёл в себе смелость бросить почти что вызов представителям сталинского соцреализма. Упрекая их в бедности замысла, он делает критический вывод: “Закономерно поэтому, что, когда художник, так упрощённо понимающий задачу создания картины, хочет отразить историко-революционную тему, получается официально-парадное полотно”. И подробно разбирает недостатки, прежде всего, композиционные просчёты в картине лауреата двух Сталинских премий, главы художников Украины Михаила Хмелько “Навеки с Москвой, навеки с русским народом” (1951)³⁹. Пройдёт немного времени, и появится характерное для эпохи XX съезда КПСС словосочетание “лакировка действительности”.

Приход молодых отмечен был и в кино. Внимание критики был удостоен первый фильм молодого режиссёра Михаила Швейцера “Чужая родня” по сценарию В. Тендрякова. Отмечая достоинства нового фильма о деревне, критик Л. Погорева (“это правдивое и серьёзное изображение действительности...”), между прочим, дала ёмкую характеристику фильмам о деревне 1920-х – 1940-х годов. “В своё время – в конце двадцатых, начале тридцатых годов, – писала она, – создавалось у нас немало фильмов, где крестьянство изображалось в эдаком мрачном свете, где бородатые люди чаще всего наделялись “могучими” характерами, а быт их обрисовывался как нечто весьма неприглядное. Позднее, возможно, как своеобразная реакция на такое искусство, как проявление показать новые, светлые стороны колхозной жизни, появились фильмы совсем иные по характеру: деревня плясала и пела, она показывалась в умилительно розовых тонах, почти в опереточных традициях”⁴⁰. О лакировке в изображении колхозной жизни в конце февраля скажет и Никита Хрущёв в своём докладе “О культе личности и его последствиях”.

Музыку к фильму Швейцера писал старый ленинградец А. Пащенко. Позднее Михаил Абрамович Швейцер познакомится со Свиридовым, и он, и его жена С. А. Миркина станут близкими друзьями композитора. К фильму Швейцера “Время, вперёд!” по повести В. Катаева Свиридов напишет свою знаменитую музыку, фрагмент которой (откровенно говоря, какой-то “ошмётки”) ежедневно звучит постоянно в виде звуковой заставки к программе “Время” по Первому каналу. Звучит с некоторыми перерывами с конца 1968 года...

Молодых режиссёров и сценаристов – М. Швейцера, А. Алова и В. Наумова, С. Ростюцкого, Тенгиза Абуладзе и Реваза Чхеидзе – отметил начальник Главного управления по производству фильмов Министерства культуры СССР А. Фёдоров⁴¹. Позднее на ситуацию в киноискусстве отреагировал маститый С. Герасимов. Он также написал статью, опубликованную в “Советской культуре”, доброжелательно отозвавшись о фильмах М. Швейцера по повести В. Тендрякова, С. Ростюцкого “Земля и люди” по сценарию Г. Тропольского, о фильме И. Хейфеца “Большая семья” по роману В. Кочетова “Журбины”. Упомянул также два фильма В. Пронина, в том числе и фильм “Урок жизни” по сценарию “одного из крупнейших наших сценаристов Е. Габриловича”⁴².

Такое оживление в среде киношников объяснялось тем, что в это время назревал вопрос о создании Союза кинематографистов. И здесь шла тихая, незаметная конкурентная борьба за руководство будущим союзом. Сергей Аполлинариевич Герасимов был маститым мастером, интеллигентным, просвещённым человеком⁴³, лауреатом трёх Сталинских премий, автором значительного кинофильма сталинской эпохи “Молодая гвардия” (1948), музыку к которому писал, как известно, Д. Д. Шостакович. Фильм получил Сталинскую премию. Тем не менее, Хрущёв предпочёл видеть во главе Оргкомитета будущего союза Ивана Пырьева, создателя кинокомедии “Свинарка и пастух” (1941), музыку к которой писал молодой Тихон Хренников. Продолжали выступать художники и искусствоведы. И здесь тоже возникла “молодёжная”

тема, тема молодого поколения. Выступали и сами молодые. В газете “Советское искусство” выступил представитель военного поколения, художник Василий Арлашин. Самым злободневным вопросом для художников в то время была подготовка к Всесоюзной выставке 1957 года. Автор скромных пейзажей киргизских степей считал, что “Оргкомитет и Художественный фонд должны чаще “рисковать” во имя поощрения и поддержки молодёжи” и брал на себя смелость утверждать: “Я уверен, что многие из молодых художников оправдают такой риск действительно хорошими работами”⁴⁴.

Чем дальше, ближе к съезду, тем оживлённее и даже ожесточённое шли споры. В Московском союзе художников (а он был самым беспокойным и ершистым) вспыхнула горячая дискуссия вокруг французских импрессионистов. Сведения об этой дискуссии докатились до Отдела культуры ЦК КПСС. И вот в газете “Советское искусство” появляется статья искусствоведа, знатока искусства Античности, живописи Ренессанса Юрия Колпинского, освещающая ход дискуссии и атмосферу вокруг неё. Колпинский выступил против постимпрессионистов, с позиций “охранительства”. “Превращение человека из героя в натюрмортный предмет, столь свойственное Сезанну, – это уже начало конца искусства”, – пророчествовал Колпинский. Даже поиски Клода Моне 70-х годов, предупреждает маститый искусствовед, “открывают дорогу формалистическому абстрактному искусству с его распадом формы и гибелью художественности”⁴⁵. И призывал молодых: “Умению видеть жизнь мы будем учиться не у импрессионистов, а у великих мастеров антики, Возрождения и XVII века, чей опыт мы ещё недостаточно популяризируем, у реалистов Франции XIX века и, конечно, у замечательных мастеров русского реализма”⁴⁶. Статья Колпинского шла под рубрикой “К Всесоюзному съезду художников”.

Из старшего поколения под защиту попадали и вполне достойные художники. Так маститый А. Чегодаев написал хорошую статью о хорошем художнике, хоть и скромном, но всё же настоящем мастере, Сергее Васильевиче Герасимове⁴⁷. Конечно, и ему в 1930-е годы приходилось писать заказные картины вроде “Колхозный праздник” (1937), но он сумел сохранить свежесть взгляда, смелость мазка, сочность красок, а главное, не опуститься до низкого сервиллизма и роли малюющей портреты вождей партсуду.

Борьба за молодёжь, начатая Хрущёвым и его командой в середине 1950-х годов, шла по разным направлениям. Помимо решения чисто хозяйственных задач, к примеру, освоение целины, МТС, крупные новостройки, были и чисто культурные акции, подразумевавшие участие молодёжи. В частности, при Хрущёве получило развитие фестивальное движение. Фестивали молодёжи, казалось бы, чисто общественным акциям, в первую очередь, придавалось большое идеологическое и политическое значение. И уж во вторую – культурное. Через эти фестивали в СССР, между прочим, помимо знакомства советских молодых людей с модной одеждой, новой бытовой техникой, радиолами и фотоаппаратами, проникали современные бытовые танцы, песни, модные ритмы и современные эстрадные оркестры и ансамбли. Фестивалям, и особенно московскому 1957 года, мы обязаны распространению в СССР рок-н-ролла, моды на латиноамериканскую эстраду, французский шансон⁴⁸. Джазированная песенка В. П. Соловьёва-Седого “Если бы парни всей земли...”, его же ставшая популярной во всём мире (не без помощи легендарного пианиста Вана Клиберна) лирическая песня “Подмосковные вечера”, музыка (надобно сказать, невысокого качества) к кинофильмам “Девушка с гитарой”, “Матрос с “Кометы” и ряду других – всем этим мы обязаны Московскому фестивалю. Фестивали оказали воздействие на интонационный облик советской массовой песни. Стилистический слом оказался отнюдь не таким безболезненным. На секции песни в Союзе композиторов СССР ругали нещадно А. Лепина за его музыку к кинофильму “Карнавальная ночь”...

Решение о проведении в Москве Всесоюзного фестиваля советской молодёжи принимается в конце января 1956 года, перед самым съездом КПСС. Этот фестиваль рассматривался как некая генеральная репетиция VI Всемирного фестиваля молодёжи и студентов, проведение которого планировалось в 1957 году. Учредителями Всесоюзного фестиваля стали ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС и Министерство культуры СССР. Фестиваль должен был пройти по всей стране и длиться с сентября 1956-го по май 1957 года. Был создан Центральный оргкомитет фестиваля. Возглавить его было поручено секретарю ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепину, сыгравшему впоследствии решающую роль в “свержении”

Никиты Хрущёва в октябре 1964 года. Заместителями Шелепина стали министр культуры РСФСР Т. М. Зуева и министр культуры СССР Н. А. Михайлов со своим заместителем С. В. Кафтановым, а также генеральный секретарь Правления Союза композиторов СССР Т. Н. Хренников. На всемирных фестивалях устраивались конкурсы и академической музыки. Был устроен такой конкурс и на Всесоюзном фестивале. Этим объясняется появление Хренникова в составе комиссии. Все такие назначения и почётные приглашения шли в копилку и играли свою роль в создании “имиджа” композиторов, в данном случае – главы Союза композиторов СССР...

Среди заметных событий перед XX съездом партии в начале 1956 года можно назвать смотр эстонской музыки и культуры в конце 1955 года, премьеру оперы В. Шебалина “Укрощение строптивой”⁴⁹, Всесоюзный конкурс вокалистов и артистов балета. Смотр эстонской музыки проходил в рамках подготовки ко Второму всесоюзному съезду композиторов. Ближе к партийному съезду стали появляться сочинения, специально к нему приуроченные. Обычно программа концертов, проходивших перед открытием и после закрытия партийных съездов, составлялась в ЦК КПСС, она тщательно составлялась, и в такую программу выбирались произведения далеко не всех желающих. Попасть в программу такого концерта означало попасть в “обойму” отмеченных и признанных партий композиторов. Это была большая привилегия, отражавшаяся на карьере композитора. Так начинал Шостакович, чья опера “Леди Макбет Мценского уезда” показывалась делегатам XVII съезда ВКП (б) в 1934 году. В 1956 году обретающий уже в это время всесоюзную известность Отар Тактакишвили пишет песню “Слава партии” для хора, симфонического оркестра и чтеца (на слова Симона Чиковани) и торжественную увертюру.

5

И всё же главным, решающим событием как во всей жизни СССР, так и в музыкальной культуре стал XX съезд КПСС и, в особенности, знаменитый “закрытый” доклад Никиты Хрущёва, произнесённый им на утреннем заседании 25 декабря только для участников съезда с правом голоса. Не были приглашены не только журналисты, но даже гости съезда – представители компартий братских социалистических стран, не говоря уже о коммунистах стран Запада. Доклад, длившийся более четырёх часов, без преувеличения можно сказать, фактически повлиял на весь дальнейший ход истории. И обозначил начальную, отправную точку нового движения нашей страны, приведшей её к распаду. Все последующие события, вплоть до нынешних дней, были предопределены во многом этим докладом.

Меня давно уже занимает вопрос, просчитывал ли Хрущёв и его сподвижники, как будут развиваться дальше события, к чему приведёт развенчание культа отца, вождя, учителя, “полководца великих сражений”? *Чти отца своего*... Ведь сам Хрущёв был сталинский выдвиженец. Самые слабые места в его докладе – это когда он пытается выгородить себя или придать самому себе некую значительность в глазах... опять-таки Сталина. Смелость выступления Хрущёва имела, кроме прочего, и чисто психологическую подоплёку. Она была порождена его безотчётным страхом перед тираном. Тем страхом, из которого, постепенно накапливаясь, вырастает ненависть. А ведь перед съездом, когда на Президиуме обсуждали его доклад, Каганович предупредил Хрущёва: “Нам просто скажут: “А где же вы были?”

Доклад Хрущёва тысячу раз описан, проанализирована каждая строка и запятая этого доклада. Что было после этого, тоже хорошо известно. Начались процессы, которые вряд ли просчитывались Хрущёвым и его сторонниками в партии. Забурлила Россия, республики. В Познани прошло восстание рабочих, беспорядки устроили студенты в Праге на своём студенческом празднике “Маялес”. Через некоторое время начались известные события в Венгрии. Возникли вопросы у руководителей Китая. Еврокоммунисты испытали шок, после которого отношения с советскими коммунистами надолго осложнились. Болезненно отреагировали на упомянутое в докладе Хрущёва “дело врачей” коммунисты США и Израиля. 17 марта, когда о докладе и его содержании стало известно мировой общественности из сообщений агентства Рейтер, Ассошиэйтед Пресс и других, бурно отреагировали уже не только коммунисты, но и их оппоненты и противники. Об этом уже много раз и подробно

писалось, я не буду повторять давно и хорошо известное. Поэтому вернёмся к музыкальным делам.

Доклад Хрущёва произвёл огромное впечатление на художественную интеллигенцию. Особенно сильное впечатление он произвел на молодое поколение. Формировались идейно, духовно так называемые “шестидесятники”.

Судьбы представителей этого поколения сложились по-разному. Но ясно одно: что большинство в этом поколении после доклада и появления сопровождающих его партийных документов отпрянуло от официальной идеологии и росло с чувством более или менее ярко выраженного протестного настроения. Из него рождалось многообразие форм осмысления действительности, от открытого антисоветизма до пассивного чувства неприятия советской строя. В области академической музыки это протестное настроение выразилось в усиленном интересе композиторской молодёжи к додекафонии, электронной музыке и к эстетике и практике послевоенного музыкального авангарда. Короче, ко всему, что было долгие годы под запретом и предавалось анафеме советской официальной эстетикой. Таким образом, на арену музыкальной жизни выходила третья сила – молодёжь, послевоенное поколение. “Поколение детей XX съезда”, как они сами себя называли, восстало категорически против нелепого и совершенно отсталого так называемого “реалистического” направления, которое представляли слабые, порой полуграмотные композиторы, не владеющие элементарным знанием гармонии, навыками оркестровки. Впрочем, молодые уже критически рассматривали и опыт композиторов-классиков советской музыки. При внешнем пиетете к старшим, особенно к пострадавшим в сталинскую пору композиторам, объявленным формалистами, на знамёнах молодых были начертаны новые имена. Прокофьева и Шостаковича уважали, но они уже не были кумирами. Их места заняли Шёнберг, Веберн, Булез, Штокхаузен.

Молодое поколение не представляло собой сплочённый монолит, в нём существовали разные “партии”, группы, порой резко противостоящие друг другу. Тем не менее, после 1956 года появился новый отряд композиторов, с которым пришлось сотрудничать и считаться композиторам старшего поколения. В 1959 году пройдёт первый “молодёжный пленум” Правления СК СССР и потом последуют другие. Но это особая тема, которая требует отдельного рассмотрения.

Что касается старших поколений, то здесь также наметился новый расклад. Он носил скорее не столько музыкально-эстетический, сколько общий, мировоззренческий характер. Одни композиторы приняли новую партийную мифологию XX съезда КПСС о так называемом возвращении к ленинским нормам. После XX съезда партии рождается новая, в том числе и художественная “агиография” вождя революции. Другие оставались правоверными сталинистами. При этом одни оставались сторонниками “реалистического направления” и отстаивали принципы ждановской эстетики, а другие активно критиковали “реалистов” и не признавали эдикты Постановления 1948 года.

Впрочем, в отношении к современному музыкальному процессу какое-то время наблюдалось единство позиций большинства представителей старших поколений. Приветствуя “реабилитацию” ряда выдающихся западных композиторов первой половины XX века, старшие дружно выступили единым фронтом против ново-венской школы и послевоенного музыкального авангарда.

В известной мере, на взглядьи старшего поколения оказалось воздействие неумеренное увлечение молодёжи новейшей музыкой Запада. С другой стороны, положение советских композиторов претерпело изменение и в мировой музыке. Особенно это было заметно в сравнении с состоянием музыки в “братских” странах социалистического лагеря.

После того как доклад Хрущёва был переведён и разослан в правящие партии Восточной Европы, там незамедлительно отреагировали на него. Реакция была разной. В том числе и в культурной политике. В Польше и Чехословакии, например, художественные союзы и организации получили некоторую свободу в своей деятельности, в творчестве, перестали подвергаться жёсткой цензуре. Появились принципиально новые по своему наполнению и идеологии фестивали, такие как “Варшавская осень”, “Пражская весна”. Расцвёл признанный во всём мире польский музыкальный авангард. Советская композиторская школа стала утрачивать своё лидирующее положение, произведения выдающихся советских композиторов, особенно с просоветским содер-

жанием, стали получать прохладный приём и отнюдь не восторженную оценку со стороны критики.

Нет необходимости говорить, какую благодатную пищу предоставил доклад Хрущёва для Запада. Бурный расцвет советологии, в том числе и в её искусствоведческой и музыковедческой областях был во многом спровоцирован этим докладом.

Сейчас трудно представить, что переживали в эти дни лидеры советской музыки, члены Правления СК СССР, его первый секретарь. Мы вряд ли когда-нибудь узнаем их подлинное состояние и царившие в те дни их настроения. Не менее интересно, что переживал в те дни Шостакович.

Положение у обоих было непростое. Хренников чувствовал, что он как руководитель, поставленный во главе союза самим Сталиным, в теперешней ситуации может лишиться своего административного поста. Он хорошо знал, что происходит в других творческих союзах. Он даже не только знал (ведь в дни съезда ещё ничего не произошло, никто ещё не был лишён своих постов, к примеру, у писателей), сколько предчувствовал. Хренников обладал каким-то завидным сверхчутьём. И оно не изменяло ему. Достаточно вспомнить последовавшую в тот год отставку А. Фадеева, приведшую писателя к самоубийству. Конечно, Хренников надеялся на помощь со стороны некоторых представителей партийной верхушки, благосклонно к нему относящейся. И в первую очередь он рассчитывал (и как покажет время, не зря) на Д. Т. Шепилова.

Шостакович, скорее всего, тоже не чувствовал в те дни себя очень уверенным. Конечно, он мог считаться “жертвой” сталинского режима. И так он сам себя позиционировал, а после его смерти, особенно в постсоветское время, так его до сих пор представляет многочисленная армия шостаковичеведов. То, что он переживал в дни после прочтения доклада, вряд ли могло вызвать у него уверенность, что его так и воспринимают на самом верху. Дело в том, что в своём докладе Хрущёв вспомнил два кинофильма, прославляющие Сталина, — “Падение Берлина” и “Незабываемый 1919-й”. К обоим фильмам музыку писал Дмитрий Дмитриевич Шостакович. И за один из них, “Падение Берлина”, он получил очередную Сталинскую премию за 1949 год.

Конечно, Хренников не мог равняться с Шостаковичем по уровню своего таланта и мастерства, по своей культуре. И хотя Тихон Николаевич был человеком талантливым, прекрасным мелодистом, тем не менее, конечно, он не мог рассматривать себя равным Шостаковичу по своему положению в композиторской “табели о рангах”. И всё же у Хренникова было одно неоспоримое преимущество именно в тот момент, когда Хрущёв оглашал свой доклад и некоторое время после него. Дело в том, что Хренников, хоть и поставлен был Сталиным на пост генерального секретаря Союза советских композиторов, но он не писал музыку к кинофильмам о “садовнике грядущих садов”⁵⁰, в то время как Шостакович создал фактически музыкальную биографию вождя всех народов, учителя и друга советских пионеров. И это все прекрасно знали и помнили. А при желании могли и напомнить в нужный момент...

В мае планировался очередной пленум, посвящённый вопросам идеологии. Д. Т. Шепилов готовил к этому пленуму доклад “Решения XX съезда Коммунистической партии Советского Союза и задачи улучшения идеологической работы”. И в нём в разделе VII-м, посвящённом советской литературе и искусству, был следующий абзац: “Культ личности ослабил интерес к человеку. Сколько появилось во всех областях искусства произведений, в которых простой советский человек из народа выступает не в качестве подлинно действующего лица, а лишь как иллюстрация, как некий декоративный фон, призванный подчёркивать величие выдающейся личности. Вспомним хотя бы фильмы “Клятва”, “Незабываемый 1919-й год”, “Падение Берлина”⁵¹. Конечно, Шепилов этим рядом метил в любимца тов. Берия кинорежиссёра Михаила Чиаурели, который ставил все три упомянутых фильма. Но ведь два из них были с музыкой Шостаковича! И Шепилов это очень хорошо помнил. Пленум не состоялся, но всё же вопрос о том, кто и как восславлял вождя в искусстве, после доклада Хрущёва, что называется, висел в воздухе. И Шостакович не мог этого не понимать.

Думаю, что опасения подобного рода могли приходиться Шостаковичу в конце февраля 1956 года. Сложившаяся ситуация и атмосфера в первое время после доклада Хрущёва побудила лидеров советской музыки не спешить

с проведением съезда, подождать, когда как-то улягутся все треволнения и страсти, наступит ясность и какая-то определённости.

XX съезд КПСС не только не ослабил, а наоборот, породил ещё больший накал в соревновании между “партиями” в советской музыке. Впрочем, это наблюдалось и в других творческих союзах и организациях.

Ещё до открытия XX съезда вездесущий и весьма осведомлённый критик Иннокентий Попов пишет большую критическую статью в “Советскую культуру”, которую многозначительно называет “Черты нового: Заметки о советском симфонизме”. Статья шла под рубрикой “Навстречу Второму съезду композиторов”. Попов решается сделать свой выбор: в статье явно просматривается сильный акцент на молодых. Он не скупится на характеристики, о ком-то пишет с явной симпатией, о ком-то – более сдержанно. Свой обзор он начинает с фортепианного концерта Родиона Щедрина (“ещё очень молод...”, о музыке концерта: “в ней немало сырого, недоработанного, наиболее интересны эпизоды – на русском народном материале”). Отметил положительно фортепианный концерт Германа Галынина, более скромно – о “Симфониетте” Б. Чайковского, чуть-чуть упоминает былинку на народные слова для баса и симфонического оркестра “Сон Степана Разина” Галины Уствольской, отметив в сочинении некоторую рыхлость и вялость, выше ставит симфоническую поэму А. Муравлёва “Азов-гора”. Отметил также “Вторую симфонию” О. Тахташвили, музыку А. Бабаджаняна и узбека И. Акбарова (симфоническая поэма “Памяти поэта”). Скорее из уважения к старшим, упомянул цикл симфонических обработок кубанских песен А. Мосолова и сюиту “Солдатские песни” Л. Книппера. Интересен вывод Попова из его обзора: “Повторяем: процесс усвоения лучших классических традиций в советском симфонизме, процесс развития их стал сейчас весьма интенсивным. Но, как всегда в таких случаях, многие конкретные проявления этого процесса в настоящий момент неясны, спорны, туманны”.

Именно так: неясны, спорны, туманны. Попов – критик собирательный. В том смысле, что слушал, о чём и как говорят, обобщал услышанное и высказывал устоявшееся общественное мнение. Именно так же думали и руководители Союза композиторов о сложившейся ситуации и в жизни, и в самой музыке: неясно, спорно, туманно. Точно так же и в современном музыкальном процессе: вроде бы как и следуют лучшим классическим традициям, а вроде и не следуют. Всё как-то неясно, спорно и туманно... И всё же споры нужны, считает Попов, – “особенно перед Вторым съездом”.

Между тем, проходит XX съезд КПСС, 24 февраля принимается единогласно Резолюция XX съезда КПСС по отчётному докладу КПСС, затем заслушивают и одобряют Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 годы. И ни один из документов съезда не давал возможности понять, какой курс в области культуры и искусства всё-таки избирает партия. Отказ от лакировки действительности и от прославления Сталина, восстановление ленинских норм партийной жизни, правдивое изображение жизни – всё это было понятно, но непонятно было, каким общим руководящим методом теперь должны творцы руководствоваться. Дело в том, что ни в одном из документов съезда не было упомянуто священное правило, рождённое в сталинскую эпоху, – социалистический реализм, основной метод советской литературы и искусства⁵². Маяк потух, и не было понятно, “куда ж нам плыть”.

Сразу за съездом состоится ещё одно важное событие в жизни страны. 1 марта центральные газеты публикуют сообщение о создании Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Бюро в качестве председателя возглавляет сам Н. С. Хрущёв, заместителем Председателя Бюро становится секретарь КПСС Н. И. Беляев, членами его – председатель Совмина РСФСР М. А. Яснов, первый секретарь Московского Обкома КПСС И. В. Капитонов, первый секретарь Ленинградского Обкома КПСС Ф. Р. Козлов, первый секретарь Свердловского Обкома КПСС А. П. Кириленко, первый секретарь Горьковского обкома КПСС Н. Г. Игнатов и др.⁵³.

Событие это не имело практически никаких последствий для государственного строительства России. Оно было вызвано намерением Хрущёва ослабить гайки жёсткого централизма, принятого при Сталине. России, как, впрочем, и другим республикам, предоставлялось право быть более самостоятельными в вопросах ведения народного хозяйства, в планировании, приветствовалось

проявление большего внимания к своим национальным культурам, образованию.

В латентной форме это послабление привело постепенно к росту национального самосознания в республиках и, в конечном итоге, привело к национализму, который сыграл свою, едва ли не решающую роль в распаде СССР.

В республиках были свои партийные организации, свои советы министров, министерства, свои творческие союзы, были национальные флаги и гимны. Россия не имела своей республиканской партийной организации, не имела гимна. Ничего этого республика не получила ни при Хрущёве, ни у преемников его в руководстве партии. Единственное, что удалось создать Хрущёву, это республиканские творческие союзы в России. В том числе и Союз композиторов РСФСР. История возникновения этого союза, история его первых шагов имеет непосредственное отношение к нашей теме, и мы ещё вернёмся к этому сюжету.

6

Наступил март. Правление и Секретариат СК СССР ведёт текущую работу, идёт интенсивное прослушивание новых произведений, отбираемых для концертных программ приближающегося съезда, по подготовке к съезду идут отчёты секретарей, которые посещали с инспекцией республики и области в связи с подготовкой к съезду, идёт обсуждение докладов, которые должны быть представлены на съезде. Короче, кипела работа по его подготовке, и, казалось бы, ничего не предвещало каких-либо изменений в планах. Газеты и журналы по-прежнему выходят с разными материалами под рубрикой “Навстречу Второму съезду СК СССР” или без таковой, но с явным прицелом на приближающийся съезд. Что касается общих идейных установок, то о них судить по известным мне документам и печатным материалам довольно трудно. Тем не менее, постепенно начинают определяться позиции, пусть ещё в робкой форме и в неожиданных “ракурсах”.

В феврале во втором номере журнала “Советская музыка” публикуется несколько материалов под рубрикой “Навстречу Второму Всесоюзному съезду советских композиторов”. В разделе “Корреспонденции” А. Сохор помещает хронику из Ленинграда, касающуюся состояния камерно-вокального жанра. Как пишет молодой тогда ленинградский музыковед, “ещё не так давно камерно-вокальный жанр был одним из отстающих. Три-четыре года назад в Ленинграде можно было назвать лишь немногие удачные образцы этого жанра, например, романсы Ю. Кочурова, вокальную поэму Г. Свиридова “Страна отцов” (“Моя Родина”) на стихи А. Исаакяна, цикл “Весна” А. Животова. За последние два года положение изменилось. На прошедшем смотре состоялось первое публичное исполнение цикла песен Г. Свиридова на стихи Р. Бёрнса. Появление этого высокоталантливого цикла получило высокую оценку в нашей печати и на пленуме”⁵⁴.

В этом же номере появляется статья В. Шебалина “Хорошая музыка — прежде всего”. Опытный педагог, известный композитор и общественный деятель Виссарион Яковлевич Шебалин, которого третируют в 1948 году как формалиста и чья опера “Укрощение строптивой” была поставлена только недавно, касается в статье разных вопросов, в частности, проблемы массового быта, лёгкой музыки, воспитания широких масс. Не прошёл Шебалин и мимо творчества молодых композиторов. В том числе он весьма критически отзывается и о фортепианном концерте Родиона Щедрина. “К слишком малому стремится и слишком малого хочет иной раз наша молодая смена, но в выборе выразительных средств не стесняется и смущаться не любит, — пишет он: “Фортепианный концерт” Р. Щедрина, возбуждавший восторг у многих, на мой взгляд, звучит несколько легковесно, а финал “Концерта” не лишён банальности”⁵⁵. Не только В. Шебалин был невысокого мнения о первом “Фортепианном концерте” Родиона Щедрина. Пройдёт некоторое время, и с критикой этого концерта выступит Д. Д. Шостакович.

В марте выходит в свет третий номер журнала “Советская музыка”. Так как номера готовились обычно за несколько месяцев⁵⁶, то мартовский номер отразил в себе досъездовские взгляды и установки. Но, как показало время, эти установки оказались своевременными и после XX съезда КПСС.

Номер открывается статьёй С. Аксюка “Черты нового”. Она стоит в начале и является по функции как бы редакторской статьёй. Но отражает эта статья отнюдь не мнение главного редактора Г. Хубова. Статья писалась к съезду. В ней упоминается много разных композиторских имён. Разумеется, упоминается и Д. Д. Шостакович. Но высказывается автор о выдающемся композиторе весьма сдержанно. Примечательно, что Аксюк ни единым словом не упоминает “Десятую симфонию”. Зато упоминает “историческое постановление 1948 года”. И в связи с этим постановлением о Шостаковиче он пишет: “Вместе с тем, нельзя забывать, что творчеству Д. Шостаковича свойственна и некоторая замкнутость, корни его музыки в народе ещё недостаточно глубоки, его новаторство подчас лишено черт демократичности, его мир образов обособлен”⁵⁷.

В этом же номере в рубрике “Предсъездовская трибуна” помещена статья известнейшего дирижёра, народного артиста СССР, лауреата трёх сталинских премий С. Самосуда “Беседа о музыке наших дней”. Знаменитый постановщик и дирижёр опер Шостаковича “Нос” и “Леди Макбет Мценского уезда”, оперы И. Держинского “Тихий Дон” в МАЛЕГОТеА, дирижёр Большого театра и музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, в тот момент руководивший оркестром Московской филармонии (и, вероятно, тосковавший по возвращению в театр) Самуил Абрамович Самосуд предался воспоминаниям. Конечно, вспомнил Д. Д. Шостаковича. Вспомнил, как С. М. Киров слушал оперу “Нос”, и она ему не понравилась, и как он беседовал с Сергеем Мироновичем и пытался его переубедить. Потом перешёл к общим злободневным темам. Посетовал о низкой культуре слушателей и необходимости её воспитывать. Констатировал, что в советские театры пришла новая, демократическая публика. В конце статьи заметил о состоянии оперного творчества советских композиторов, выразив пожелание: “Отличные новые оперы могли бы создать А. Хачатурян, Ю. Шапорин, Г. Свиридов, Д. Кабалевский, В. Шебалин, Л. Книппер, М. Коваль, И. Держинский”. И заключил статью многозначительно: “Глубоко верю я в оперное дарование Т. Хренникова”⁵⁸. Ясно, что Самуил Абрамович уже знал о том, что Хренников работает над новой оперой и, стосковавшись по работе в театре, как бы делал заявку на возможное приглашение его дирижёром на новую оперу первого секретаря...

В разделе “Хроника концертной жизни” была помещена маленькая заметка о состоявшемся 14 января 1956 года в Малом зале Московской консерватории концерта из новых произведений камерной музыки. Были исполнены цикл песен на слова Р. Бёрнса Г. Свиридова (пел Е. Флакс), сонатина для скрипки и фортепиано М. Вайнберга, а во втором отделении состоялась премьера струнного квартета почтенного композитора М. Раухвергера, известного своими сочинениями для детей, и “Фортепианный квинтет ре минор” А. Волконского. Свиридова и Вайнберга связывали долгие годы близкой дружбы. Что касается Волконского, то из всей группы московских так называемых “авангардистов” Свиридов отличал Волконского как одного из наиболее талантливых.

В самом конце третьего номера журнала “Советская музыка” за 1956 год была помещена перепечатка из журнала “Новое время” (1956 год, № 6) — ответ “американскому музыкальному критику Д. Шостаковича. Дмитрий Дмитриевич отреагировал на статью известного в 1950-е годы музыкального и театрального критика Говарда Таубмена (Howard Taubman), колумниста в “Нью-Йорк таймс”, поместившего в номере от 8 января 1956 года статью под заголовком “Парень уже большой. Шостакович заслуживает небольшой свободы”⁵⁹. Статья Таубмена, в целом, малоприятная для Шостаковича. С иронией автор напоминает, как после войны Шостакович переменялся и стал писать пошлые вещи на заказ вроде “Песни о лесах”, ездить с политическими заданиями за рубеж. В заключение Таубмен выразил предположение, что сейчас, после смерти Сталина, условия для творчества художников в СССР будут улучшаться. Критик советует Шостаковичу сделать теперь выбор, быть ли ему “оружием в руках чиновников” и писать “в приказном порядке сочинения, легко доступные для среднего человека”, или он воспользуется предоставленной ныне возможностью свободно следовать своему собственному замыслу. “Он теперь большой мальчик и должен жить своим умом”, — заключает Траубмен свою, в общем-то, довольно поверхностную и высокомерную статью.

Таких “колонок” было много в прошлом, и они ещё будут сопровождать Шостаковича довольно долго в его дальнейшей жизни. Откровенно говоря, вызывает удивление, почему этот очередной намёк на политическую ангажированность и несвободу творчества Шостаковича вызвал такую реакцию в СССР. Конечно, он мог обидеть Шостаковича, но не думаю, что ему самому пришло бы на ум выставлять себя в таком нелепом виде. Мало вероятно, что это была его инициатива. Но вот зачем понадобилось бдительным чекистам и ребятам из международного отдела ЦК КПСС вытащить на свет божий заштатную статью Таубмена и заставить писать Шостаковича ответ? Непонятно, кому нужна была вся эта затея с напоминанием этой гаденькой, ехидной статейки советскому читателю, который не читал газету “Нью-Йорк таймс”. Правда, в это время на гастролях в США находился Давид Ойстрах. Позже он поделится своими впечатлениями в газете “Правда”, и это вызовет недовольство в ЦК КПСС. Таубмен писал рецензии на выступление Ойстраха, хвалил выдающегося советского скрипача.

Теперь, по истечении многих лет трудно уловить какие-то оттенки и нюансы в той культурной и политической ситуации. Некоторый ключ к разгадке даёт публикация “Ответа” Шостаковича в журнале “Новое время”.

Журнал вышел 2 февраля, и в нём была вкладка из трёх важных политических документов: “Декларации государств – участников Варшавского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи”, “Послания Председателя Совета Министров Союза ССР Н. А. БУЛГАНИНА Президенту Соединённых Штатов Америки Дуайту Д. ЭЙЗЕНХАУЭРУ” и “Проект договора о дружбе и сотрудничестве между Союзом Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки”.

Декларация стран Варшавского договора содержала предложение о заключении договоров о ненападении, в послании Булганина Эйзенхауэру содержится пожелание предпринять шаги, направленные на существенное улучшение отношений между СССР и США. Документы были свежие. Послание Н. А. Булганина – от 23 января, проект договора – перепечатка из газеты “Правда” от 29 января 1956 года.

Начинался новый виток разрядки напряжённости. Возможно, что “Ответ” Шостаковича был тоже своеобразным призывом заключить соглашение о мирном сосуществовании на полях культуры... Но с учётом паритета прав представителям каждой стороны решать самим свои проблемы, касающиеся как творчества, так и личной совести художника. Кажется, в таком духе был подготовлен ответ. Увы, ответ всё же готовил явно не сам композитор. Привожу фрагмент, предоставляя читателю право самому судить о его содержании. “Моему американскому критику не нравятся советы, которые на протяжении моей творческой жизни подавала мне советская партийная и музыкальная общественность. Он хочет изобразить дело так, будто эти советы мешали развитию моего творчества. Но это очередная “догадка”. В действительности я внимательно прислушивался к советам представителей нашей общественности, которые помогли мне в творческих исканиях. Ставя под сомнение этот факт, Таубмен пытается набросить тень на мою искренность. А это попытка в высшей степени оскорбительная и неправомерная! Нет, г-н Таубмен, я нуждаюсь в советах и очень ими дорожу, но только не в таких советах, какие Вы мне предлагаете или хотите предложить. Пожалуй, лишь с одним замечанием г-на Таубмена я готов согласиться – это когда он пишет о моих произведениях: “Давно пора, чтобы его продукция принималась без политических предубеждений”. Это справедливое замечание. Давно пора, чтобы творчество советских композиторов разбиралось на Западе без политических предубеждений, без попыток уложить наши произведения в прокрустово ложе антисоветских концепций, пора перестать подходить к нашей музыке, пользуясь сомнительными политическими домыслами и догадками. Тогда нам будет легче найти общий язык и совместно работать на пользу культурного прогресса человечества”⁶⁰.

Вот уже Хрущёв прочитал свой секретный доклад, вот уже в марте в ЦК КПСС посыпались одно за другим извещения о реакции на него со стороны рядовых коммунистов, ознакомившихся с ним на закрытых партийных собраниях, международный отдел ЦК не успевает готовить для Президиума ЦК информационные сводки о реакции на доклад со стороны коммунистов из разных стран.

Между тем, в композиторском мире творятся непонятные дела. Вопрос об открытии Второго всесоюзного съезда композиторов в текущем, 1956 году всё ещё стоит в повестке дня. Между тем, в печати всё явственней обнаруживаются какие-то явные расхождения и противоречия между ведущими композиторами.

Четвёртый номер журнала «Советская музыка» открывается подборкой коротких приветствий в адрес XX съезда КПСС под рубрикой: СОВЕТСКИЕ МУЗЫКАНТЫ ПРИВЕТСТВУЮТ РЕШЕНИЯ XX СЪЕЗДА КПСС. Здесь помещены статьи Р. Глиэра «Ближе к жизни», Д. Шостаковича «Подъём творческих сил», А. Хачатуряна «Во имя счастья человечества» и дирижёра К. Иванова «Почётный долг музыкантов»⁶¹. В этом же номере публикуется статья Д. Житомирского о новом балете А. И. Хачатуряна «Спартак». Ни самого Хренникова, ни о нём в этом номере нет никаких материалов.

Но вот во вторник 6 марта 1956 года в газете «Советская культура» под рубрикой «Навстречу Второму съезду композиторов» появляется большая подборка, публикация отзывов слушателей. Подборка пёстрая, оценки различные, но есть и критические в адрес ведущих советских композиторов. Так, А. Любимов, кандидат геолого-минералогических наук покритиковал оперу Д. Кабалевского «Никита Вершинин». Инженер В. Минервин в материале «Музыку – в массы» затронул симфонический жанр. Как он считает, «большинство же произведений наших симфонистов – будем откровенны! – достойные лишь узкого круга слушателей, не известно, не популярно в народе. Думается, это следствие того, что музыкальный язык их часто сложен, что они трудны для восприятия, мелодии их не запоминаются. Слушатели, особенно мало подготовленные в музыкальном отношении, гораздо больший интерес проявляют к произведениям, написанным более простым языком, таким, как «Поэма памяти Зои Космодемьянской» С. Разорёнова, «Венгерские напевы» А. Эшпая, концерты для скрипки с оркестром А. Хачатуряна и Д. Кабалевского, «Молдавская сюита» Н. Пейко, где ясно ощущается народно-песенная основа». Минервин не щадит и другие жанры. «Плохо с оперным жанром <...> несколько лучше с опереттой. <...>. Хуже всего положение с советским романсом. Трудно назвать такие произведения этого жанра на современную тему, которые получили хотя бы относительную известность»⁶².

Для того чтобы оттенить критические замечания трудящихся, газета помещает и ряд положительных откликов в разделе «Говорят радиослушатели». Тут уже корреспондент газеты пишет со слов слушателей, сопровождая своими комментариями. «Высоко оценивает классические и лучшие современные симфонические произведения преподаватель Карташов (Саратов): «Больше всего я люблю слушать симфоническую музыку Баха, Вагнера, Моцарта, Глинки, Скрябина, Рахманинова, Мясковского, Прокофьева. Из всех композиторов наиболее любимы мною Бетховен, Чайковский, Шостакович. Симфонии Шостаковича я люблю за чудесное звучание аккордов, их сочетаний, исключительно разнообразие оркестровых приёмов, ясность выражения простых, а в то же время великих человеческих чувств»⁶³.

И следом тот же корреспондент отмечает: «Но с большой теплотой отзываясь о лучших советских симфонических произведениях, слушатели в то же время выражают недовольство творчеством многих из них. В частности, серьёзные критические замечания высказываются в адрес некоторых сочинений того же Дмитрия Шостаковича. В ряде писем можно прочесть о том, что музыкальный язык композитора подчас слишком сложен, в результате чего мысли его воспринимаются с трудом»⁶⁴.

Затем, как в пироге «Наполеон», идёт следующий слой «крема». Педагог С. Кунаков и юрист В. Вифлеев в своём коротком материале под заголовком «Инструментальная миниатюра» жалуются: «Инструментальных миниатюр написано ещё очень немного и уже совсем мало среди них популярных: пьесы Н. Ракова, С. Цинцадзе, Д. Шостаковича. Вот, пожалуй, почти всё, что получило у нас подлинную жизнь».

В конце подборки приводится мнение инженера С. Васильева о хоровой музыке. Выразив недоумение, почему так мало пишут наши композиторы хоровой музыки, инженер высказывает критическое замечание: «Большим событием в музыкальной жизни было явление цикла хоров *a cappella* Д. Шостаковича на тексты революционных поэтов. Прекрасен замысел композитора – цикл о героях-революционерах, о высоком пафосе борьбы за

светлое будущее человека. Но меня не вполне удовлетворило это произведение. Конечно, необычайно высоко профессиональное мастерство композитора, обнаружившего блестящие знания выразительных возможностей хорových звучаний. Большой впечатляющей силой обладают отдельные образы цикла. Но в целом в хорах Шостаковича по сравнению с аналогичными произведениями классиков ощущается, мне кажется, какая-то нервозность, суетливость. Им не хватает внутреннего спокойствия, могучей, здоровой русской силы»⁶⁵.

Критические стрелы в адрес Шостаковича не появлялись в газетах едва ли не со времён 1948 года. Споры вокруг «Десятой», дискуссия вокруг неё – иное дело. Это были всё-таки внутриведомственные «разборки». Массовый читатель вряд ли брал в руки журнал «Советская музыка». Конечно, газета «Советская культура» не имела такого распространения, как «Правда» или «Известия». И всё же. А главное – подборка-то была составлена не из мнений специалистов-музыкантов, а любителей музыки, представителей советской интеллигенции, инженеров, врачей, педагогов.

8 и 13 марта газета «Советская культура» поместила ещё два материала под рубрикой «Навстречу Всесоюзному съезду композиторов». В коллективном письме в редакцию, подписанном ленинградскими композиторами и дирижёрами⁶⁶, речь идёт о музыке в драматических театрах, о недопустимо малых штатах оркестров в драмтеатрах, о том, что композиторы не хотят писать для таких оркестров музыку. «Нередко композиторы отказываются писать музыку к драматическим спектаклям, так как лишены возможности воплотить свой замысел, пользуясь театральными оркестрами. Нельзя представить себе музыку Глазунова или Хачатуряна к «Маскараду», Чайковского или Шостаковича к «Гамлету», Кара-Караева к «Оптимистической комедии», Свиридова к «Победителям» (список можно ещё и ещё продолжить), исполненную обычным оркестром наших театров»⁶⁷. Что стояло за этой публикацией, почему такой странный подобрался коллектив «подписантов», с какой стати в список попала музыка Свиридова к спектаклю, поставленному в 1946 году в БДТ В. Кожичем по пьесе Б. Чирскова⁶⁸, и что принесла эта статья с точки зрения состояния оркестров в драмтеатрах – увы, никак не могу прокомментировать. Должен признаться, просто не знаю⁶⁹.

Вторая предсъездовская статья была посвящена чувашской музыке. Её автор – председатель правления Союза советских композиторов Чувашской АССР Ф. Лукин⁷⁰.

Как и во всех такого рода статьях из национальных и автономных республик, обычно перечислялись достижения своих народов в области музыки, имена композиторов, упоминались свои местные проблемы. И, как правило, большинство секретарей национальных союзов композиторов в то время поддерживали первого секретаря СК СССР и выступали с явно консервативных позиций, часто клянясь в верности заветам Постановления 1948 года.

До конца марта 1956 года, казалось, не было никаких оснований препятствовать проведению Второго всесоюзного съезда композиторов СССР. Всё шло к его открытию, газеты, журналы, радио всё время об этом напоминали. Свиридов напряжённо работал над партитурой «Поэмы памяти Сергея Есенина», которая должна была прозвучать в день открытия съезда.

Но вот 24 марта в газете «Советская культура» под рубрикой «Новости искусства» появляется информационный материал «Опера Т. Хренникова «Мать». Газета информировала читателей о следующем: «Композитор Т. Хренников ознакомил недавно работников Большого театра СССР со своим новым произведением – оперой «Мать» (либретто драматурга А. Файко по роману М. Горького).

– Музыка в опере интересна и разнообразна, – заметил композитор Д. Шостакович. – В ней много настоящего, хорошего материала для певцов. Мне понравились все народные сцены и особенно картина «Демонстрация». Однако опера, мне кажется, велика, надо подумать о её сокращении. <...>

Директор театра М. Чулаки сообщил, что театр принял оперу к постановке и собирается выпустить её к 40-й годовщине Великого Октября.

Автор оперы композитор Т. Хренников с большим вниманием отнёсся ко всем критическим замечаниям и заявил, что в ходе работы над оркестровой обработкой произведения надеется многое усовершенствовать»⁷¹.

На следующий день в газете «Правда» на четвёртой странице один под другим идут два материала ТАСС. Один, под заголовком «Концерт английской

музыки в Колонном зале Дома союзов” содержит следующую информацию: Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио под управлением Н. Аносова исполнил серенаду для струнного оркестра Эдварда Элгара, сюиту “Фасад” Уильяма Уолтона, четыре морские прелюдии из оперы “Питер Граймс” Б. Бриттена. С успехом прошло выступление народной артистки РСФСР Н. Рождественской, которая пела песни из цикла “Китайские песни” Грэнвилла Бантока, колыбельную Сирилла Скотта и народную песню “Видно, рожью шла” на слова Р. Бёрнса. Инструментовку вокальных сочинений делали Д. Шостакович и Г. Рождественский. Всесоюзное радио начинает передачу спецпрограмм, посвящённых английскому искусству. В радиоконцертах примут участие Лондонский симфонический оркестр, оркестр Британского радио и театра Палладиум, духовой оркестр Королевской гвардии и др. Наряду с произведениями английских композиторов прозвучат английские народные песни в обработке Д. Шостаковича.

Тут же, под этой информацией ТАСС следует ещё одно сообщение ТАСС: “Новые постановки Большого театра СССР. Театр деятельно готовится к будущему сезону. К 40-летию Великого Октября будет поставлена новая советская опера – “Мать” Т. Хренникова. К этой же дате готовится балет “Спартак” А. Хачатуряна”.

То, что газета “Правда” печатает на первом месте о концерте английской музыки и о планировании Всесоюзным радио спецпрограмм, посвящённых английскому искусству, – это понятно. Впереди были переговоры с премьер-министром Великобритании Энтони Иденом, поездка в Англию Хрущёва и Булганина. Понятно также, почему газета “Правда”, курируемая Д. Т. Шепиловым, дала краткую информацию о том, что Большой театр готовит к 40-летию Великого Октября премьеру оперы “Мать” Т. Хренникова, не упомянув мнения Шостаковича. Непонятным остаётся, зачем и кто разрешил газете “Советская культура” опубликовать мнение Д. Шостаковича об опере “Мать”.

С объявлением о подготовке к премьере своей оперы в Большом театре Тихон Хренников вступал в большую игру. Ставки в ней были очень и очень высоки. Опера считалась первым по значению жанром в советском искусстве. Сталин любил всё большое. Терпеть не мог подводных лодок, любил крейсера. В музыке он предпочитал оперу, любил Большой театр, баса М. Михайлова. Написать оперу – уже означало высшую ступень композиторского мастерства. Поставить оперу в Большом театре было не только престижно, но и давало возможность тому же Хренникову чувствовать себя на равных с очевидными для всех лидерами советской музыки. Постановка оперы в Большом театре также давала возможность Хренникову посоревноваться в борьбе за лидерство в Союзе композиторов, за шанс остаться во главе союза. Но и это ещё не всё. Хренников уже в марте знал, что Президиумом ЦК КПСС принято решение об учреждении Ленинской премии в области литературы и искусства. И вот теперь он просто рассчитал одну простую арифметическую задачку. Ясно было, что он не успеет поставить оперу в 1956 году к открытию Второго съезда композиторов. А раз он её не поставит в этом году, то и нечего рассчитывать на выдвижение оперы на соискание Ленинской премии за 1956 год. Но Хренникову было также ясно, что и его борьбе за пост первого секретаря СК СССР, и выдвижению на Ленинскую премию оперы “Мать” Шостакович будет всячески препятствовать. В этом его убеждало высказанное в газете, публично мнение Шостаковича об опере. И, как покажет время, он был абсолютно прав в своих предположениях. Хренников практически всё верно просчитал. Он не мог только просчитать тот сюрприз, что ему преподнесла в 1957 году судьба-злодейка...

Он решается начать сражение. Прежде всего, он понял, что в его интересах необходимо перенести съезд на следующий, 1957 год. И второе – он принял решение вести открытую борьбу с Шостаковичем. Понимая, что он уступает Шостаковичу чисто в творческом плане, он решил бороться со своим соперником испытанным оружием – опершись на силу могущественного Агитпропа.

7

В понедельник 2 апреля Хренников выступает с программной статьёй в газете “Правда”⁷². Статья представляла собой заготовку, репетицию доклада на будущем съезде. В начале статьи идёт в форме отчёта перечисление всего,

что было создано советскими композиторами после Первого всесоюзного съезда композиторов. Хренников начал с оперы, потом перешёл на массовую песню, затем уделил внимание симфонии вместе с кантатно-ораториальным жанром. В этом разделе он перечисляет сочинения, написанные после 1948 года: “27-ю симфонию” Н. Я. Мясковского, “Седьмую симфонию” и ораторию “На страже мира” С. Прокофьева, ораторию “Песнь о лесах” и кантату “Над Родиной нашей солнце сияет” Д. Шостаковича, кантату о Родине А. Арутюняна, фортепианный концерт О. Тактакишвили, скрипичный концерт Д. Кабалевского, симфоническую сюиту “Памяти Леси Украинки” А. Штогаренко, трио А. Бабаджаняна и ряд других сочинений большой формы. В конце отчётной части он упомянул вокальные циклы Д. Шостаковича и Г. Свиридова.

Наконец, после констатационной части Хренников перешёл к проблемной. И вот тут он пошёл в наступление, ринулся в бой с открытым забралом. Здесь я позволю себе привести довольно большую цитату из его статьи, чтобы дать читателю самому почувствовать и оценить позицию и методы идейной борьбы Хренникова. “И всё же — при известных успехах нашего музыкального творчества — оно ещё сильно отстаёт от требований жизни. Мало ещё создано произведений, которые бы доставляли истинную художественную радость широким массам слушателей, глубоко волновали бы их правдивым воплощением чувств наших современников — советских людей. А ведь нам надо быть очень чуткими к проблеме связи музыкального творчества с жизнью, ибо всякое благодушие в этом отношении может привести к серьёзным искажениям в творческом пути художника, к формалистическим рецидивам в музыкальном искусстве. В композиторской среде ещё не преодолены различные предрассудки, пережитки эстетства. В результате этого появляются произведения чрезмерно усложнённые, далёкие от верного и убедительного отражения реальной действительности”.

По ходу развития своих доводов и мыслей, Хренников решил дистанцироваться от пресловутых “реалистов”, профессионально слабых композиторов, которые получили осуждение на пленумах и композиторских собраниях сразу после смерти Сталина. Как он пишет, “заметно даёт себя знать в нашем творчестве и опасность примитивизма, упрощённого понимания задач музыкального искусства”.

И всё же главный козырь он прибегает к концу проблемного раздела своей статьи. Этим козырем стал для него незабываемый им документ славного для него 1948 года — Постановление ЦК ВКП(б). Наряду с тезисом о недостатке произведений на современную тему.

“Мало произведений на тему современной жизни нашего народа. Слишком часто работают над темами далёкого прошлого. Наиболее сильно отставание в оперном творчестве. <...>

Много нерешённых задач и в других областях музыки. И мы не вправе считать, что в нашем музыкальном искусстве уже претворены те большие идейно-художественные требования, которые поставил перед советской музыкой Центральный Комитет партии в постановлении об опере “Великая дружба”. Это постановление напоминает нам о том, что мы постоянно должны жить интересами народа, развивать в музыке великие принципы народности и реализма.

Между тем, советские композиторы далеко ещё не преодолели довольно распространённого в их среде либерализма и непринципиальности в оценках музыкальных явлений. Часто те или иные произведения получают в музыкальной печати, в Союзе композиторов положительную оценку с узко профессиональной, кастовой точки зрения, вне зависимости от того, принимаются ли они широким кругом слушателей, обладают ли они силой жизненного воздействия”.

Последний абзац наводит меня на мысль, что появившийся 6 марта в газете “Советская культура” обширный материал с подборкой мнений любителей музыки с критическими замечаниями в адрес Шостаковича была далеко не случайной, а заранее подготовленной акцией. И готовилась она в недрах отдела культуры ЦК КПСС. Но продолжаю цитировать Хренникова:

“Композиторская общественность в интересах плодотворного развития советской музыки не должна замалчивать противоречия, неудачи в творчестве товарищей. Однако за последнее время в высказываниях некоторых музыкальных деятелей в Союзе композиторов, на страницах журнала “Советская музыка”,

газеты “Советская культура” довольно ясно обозначилась тенденция восхваления произведений без попытки вскрыть даже очевидно присущие им недостатки.

Особенно ответствен долг музыкальной критики по отношению к крупнейшим композиторам. На их творчестве в значительной мере учится молодёжь, каждое их произведение вызывает живой интерес и большие ожидания общественности. Тем более необходимы в оценке их произведений принципиальность, правдивость и ясность суждений.

К сожалению, критика в журнале “Советская музыка” не всегда отвечает этим требованиям. Серьёзные подчас противоречия и недостатки в ряде произведений наших мастеров замалчиваются или сглаживаются в статьях журнала”.

Не знаю, почему Хренников вспомнил газету “Советская культура”, которая не так часто баловала того же Шостаковича “восхвалениями” его творчества в целом или отдельных произведений. Полагаю, что газета названа здесь для отвода глаз. Главный удар направлялся Хренниковым в адрес журнала “Советская музыка”. Данный абзац, как и следующий за ним, — это чёрная метка главному редактору журнала Г. Н. Хубову. Отметив в качестве самокритики, что секретариат не сумел организовать широкую творческую дискуссию по важнейшим вопросам музыкального творчества, Хренников продолжает предъявлять претензии главному редактору журнала “Советская музыка”: “Между тем, многие вопросы эстетики получают за последнее время сомнительное, а порой и неверное освещение в высказываниях некоторых музыкальных деятелей. Таковы, например, попытки рассматривать проблему новаторства в отрыве от общественных задач искусства или снобистские рассуждения на тему о праве композитора сочинять музыку лишь для определённой группы населения, поскольку, мол, существуют различия в музыкально-образовательной подготовке слушательских масс. К сожалению, подобные взгляды излагаются порой на страницах журнала “Советская музыка” без каких-либо комментариев со стороны редакции”.

Собственно, это сердцевина статьи Хренникова, здесь он выложил свои основные постулаты. Далее он затронул тему творчества молодых композиторов. Перечислив имена наиболее заметных в то время молодых композиторов, он не преминул выразить беспокойство: “В творчестве некоторой части молодёжи ещё заметны влияния музыкального модернизма. Следствие этого — появление произведений, оторванных от образов действительности”. Многочисленное послевоенное поколение — третья сила, Хренников прекрасно понимал, что с этой силой шутить нельзя и ему придётся с ней иметь дело. Он просчитал, что лучший способ в этом случае будет разделить поколение на “чистых” и “нечистых”. Это принесло ему в дальнейшем успех в сотрудничестве с молодыми.

Заканчивал свою программную статью Хренников традиционным приветствием Цезарю: “Salve Ceasar” — апелляцией к высшей партийной власти в СССР. Как и полагалось по этикету, Хренников отпарторовал, что композиторы готовятся к композиторскому съезду с энтузиазмом под впечатлением от XX съезда КПСС и что они выполняют требование партии — обеспечить дальнейший расцвет нашей музыки. И напомнил о главной задаче, поставленной XX съездом КПСС перед мастерами искусств: “Съезд призвал вместе с тем беречь как зеницу ока чистоту нашей идеологии. Мы должны развивать советское искусство на основе незыблемых принципов марксистско-ленинской эстетики, в непримиримой борьбе со всякими попытками их ревизии, в борьбе против отживающих идей и представлений старого мира”.

Почему Хренников решился на такое выступление в газете номер один, органе ЦК КПСС? Любая, даже самая незначительная информация в газете “Правда” согласовывалась на уровне аппарата ЦК КПСС, отдела культуры. Обычно статьи и тексты докладов Хренникову помогал писать В. Белый. Но в данном случае пером Хренникова водила рука значительно более высокого ранга. Сопоставляя текст статьи с некоторыми высказываниями и речами высокопоставленного покровителя Тихона Николаевича, мы ясно понимаем, что статья за подписью первого секретаря СК СССР прорабатывалась на уровне секретаря КПСС, к тому времени кандидата в члены Президиума ЦК КПСС Д. Т. Шепилова⁷³.

Присяга на верность партии всегда была священной обязанностью композиторов-партийцев и беспартийных, занимающих видное положение в Союзе композиторов. Но в ситуации после съезда и секретного доклада Хрущёва присяга на верность обретала новый подтекст.

Дело в том, что уже в марте КГБ стал подавать тревожные сигналы наверх относительно реакции широких народных масс и разных слоев населения на осуждение культа личности со стороны высших органов партии – съезда, Секретариата и Президиума ЦК КПСС. Складывалась беспокойная и чреватая опасностью для партии обстановка внутри страны и за её пределами. Достаточно вспомнить венгерские события.

В Президиуме и в ЦК в течение марта-апреля царил растерянность. Впервые в советской печати официально появляется информация о поставленном на XX съезде КПСС вопросе о культе личности только через месяц после доклада Хрущёва. В газете “Правда” от 28 марта публикуется статья “Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма?”. Но в это же время выходят первые постановления Президиума, в которых даются указания резко пресекать антисоветские выступления, содержатся призывы бороться с протестными настроениями.

3 апреля 1956 года, на следующий день после публикации статьи Хренникова, Президиум ЦК КПСС принимает постановление “О враждебных вылазках на собраниях парторганизации технологической лаборатории АН СССР по итогам XX съезда”. 5 апреля “Правда” кратко пересказала его содержание. Всякие гнилые элементы под видом осуждения культа личности “пытаются поставить под сомнение правильность политики партии” путём “всякого рода измышлений и антипартийных утверждений”. При этом, чтобы никто не сомневался, как было на самом деле, подчёркивалось, что “политика партии во все периоды была и остаётся ленинской политикой”⁷⁴.

Поэтому верность заветам и установкам партии для творческих работников теперь фактически приравнивалась к военной присяге. Вопрос “С кем вы, мастера культуры?” становился отнюдь не риторическим вопросом. И такие люди среди партийной верхушки, как Шепилов, это прекрасно понимали. Понимали, куда это может завести. Вот почему доклад Хренникова появился на страницах газеты “Правда” в начале апреля. Это было своеобразным предупреждением сверху в завуалированной форме статьи, написанной не партийным функционером, не секретарём ЦК КПСС, а творческим человеком, первым секретарём Союза композиторов. Любопытно и весьма симптоматично, что эта задача была поручена именно Хренникову, а не, скажем, главе Академии художеств СССР А. Герасимову или первому секретарю Союза писателей СССР А. Фадееву. Последние были обречены, ставка на них уже не делалась.

8

Статья Хренникова сразу вызвала бурю эмоций в композиторских кругах, её внимательно читали исполнители, дирижёры, режиссёры театров, руководители филармоний. Для них статья была чуть ли не равной директивам партии. . .

Что касается Союза композиторов СССР, то, по всей видимости, в первый момент все просто оторопели, но быстро пришли в себя, и на заседании секретариата началась невиданная схватка. Пошли, что называется, в ножевую. . .

О том, кто и как дал отпор Хренникову, можно судить по пятому номеру журнала “Советская музыка”. Весь номер содержал в себе коллективный ответ Хренникову. Обозначились, “вытащили ножи” все его открытые и невидимые ранее его противники. Однако номер журнала вышел в мае. А до выхода этого номера Хренников успевает сделать сильный упреждающий “ход конём”.

Во вторник 17 апреля выходит в свет очередной номер газеты “Советская культура”. На первой странице номера помещается материал от редакции под названием “В программе – произведения молодых композиторов”. В материале – нейтральная информация о смотре творчества молодых композиторов – студентов и аспирантов высших музыкальных учебных заведений. Концерты проходили в МГУ⁷⁵.

А на второй странице газеты помещается авторская статья профессора Иосифа Яковлевича Рыжкина “Больше внимания вопросам музыковедения: По страницам журнала “Советская музыка”. У профессора И. Рыжкина солидное положение и репутация учёного. В 1956 году он был старшим научным сотрудником Института истории искусств, ещё в 1939 году стал в 32 года профессором Московской консерватории, в 1941–1943 годах был деканом историко-теоретического факультета Московской консерватории, в 1940–1944 годах заведовал кафедрой теории и истории музыки военно-дирижёрского

факультета Московской консерватории, а с 1944-го по 1948 год был уже заведующим той же кафедрой и профессором Института военных дирижёров. В годы войны был консультантом по вопросам музыки Всесоюзного комитета по радиовещанию. С 1946-го по 1948 год Рыжкин был заместителем главного редактора журнала “Советская музыка”, в Союзе композиторов СССР возглавлял секцию музыковедения и критики. Привожу намеренно послужной список Рыжкина, чтобы читатель мог составить представление о профессоре, его карьере, его постах. Статья почтенного и авторитетного профессора целиком посвящена критике журнала “Советская музыка”, его главного редактора. Рыжкин предъявляет Хубову серьёзные обвинения в потакании и открытой поддержке тех композиторских сил, которые были в своё время обличены в формалистических увлечениях. Вспомнил Рыжкин достопамятный 1948 год и борьбу с формализмом, которую вёл журнал “Советская музыка” в то время при его непосредственном участии. И в конце: “Об этом справедливо напомнила статья Т. Хренникова “Перед Вторым съездом композиторов” (“Правда” от 2 апреля 1956 г.)”. Так заключил профессор своё выступление в прессе.

Статья И. Рыжкина не случайно появилась 17 апреля. Дело в том, что уже на следующий день, 18 апреля Хренников пишет письмо в ЦК КПСС с просьбой отложить созыв Второго Всесоюзного съезда советских композиторов с мая на декабрь 1956 года. В своём письме он мотивирует это решение следующим образом: “В процессе подготовки докладов к съезду и в связи со статьей Т. Хренникова в газете “Правда”, в композиторской среде и в самом Секретариате возникла острая дискуссия, которая до сих пор не привела к единству взглядов по важным вопросам развития музыкального творчества и в принципиальной оценке различных художественных явлений”. И далее Хренников сообщает, что два докладчика на будущем съезде – А. Хачатурян и Д. Шостакович – отказались выступить с докладами и “прекратили работу над ними”. В таких условиях, заключает Хренников своё письмо, “созыв съезда... не представляется возможным. Необходимо время для того, чтобы провести до съезда широкую дискуссию по волнующим композиторскую общественность вопросам, дискуссия, которая должна привести к объединению творческих сил на основе политики партии по идеологическим вопросам”⁷⁶. Таким образом, Хренникову удалось решить одну задачу – перенести проведение Второго съезда на более поздний срок.

Между тем, жизнь шла своим чередом. В конце апреля Булганин и Хрущёв находятся в Англии. Перед их отъездом министр культуры Н. Михайлов помещает статью в газете “Правда”, посвящённую истории культурных связей России с Великобританией. В Англию в апреле на гастроли едет Ансамбль танца СССР под руководством И. Моисеева. В СССР прибывает выдающийся мексиканский художник Диего Ривера, бывший троцкист, но с 1954 года вступивший в Мексиканскую коммунистическую партию.

В тот же день, когда Хренников написал своё письмо в ЦК КПСС, в газете “Правда” появилось информационное сообщение о прекращении деятельности Информационного Бюро коммунистических и рабочих партий, созданного в 1947 году.

23 апреля “Правда” публикует доклад Д. Т. Шепилова “Ленинизм – победоносное знамя современной эпохи”, произнесённый на торжественном заседании в Москве по случаю 86-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина. В своём докладе Шепилов не забыл упомянуть литературу и искусство. При этом он едва ли не впервые после XX съезда напомнил о забытом на съезде методе социалистического реализма, попытавшись придать ему новый смысл в свете новых установок XX съезда КПСС на возвращение к ленинским нормам партийной жизни. Найдя подходящую цитату из В. И. Ленина: “безусловно, необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию” (Соч. Т. 10. С. 28), – Шепилов посулил собравшимся, что новое понимание метода социалистического реализма “открывает безграничные возможности для творчества”.

А между тем, 23 апреля Хрущёв с Булганиным встречаются с молодой английской королевой Елизаветой II. 1 мая после успешных переговоров они возвращаются из Лондона. В это время в Москве дают концерты английские музыканты. На заключительном концерте в Большом зале консерватории, где выступал в качестве дирижёра известный английский композитор Артур Блосс,

присутствовали Н. Булганин, А. Микоян, Н. Хрущёв и посол Великобритании в СССР сэр Уильям Хэйтер. В эти же майские дни в Москву прибывает делегация французской социалистической партии. В среду 9 мая в газете “Правда” публикуется “Закон о государственных пенсиях”, гарантирующий пенсию колхозникам. Строится стадион в Лужниках, в первый международный рейс в Лондон отправляется красавец и гордость советского авиапрома – первый реактивный пассажирский самолёт Ту-104, отмечается юбилей Третьяковской галереи, в свет выходит первый научно-производственный журнал “Кукуруза”...

10 мая газета “Советская культура” публикует совместную статью Д. Шостаковича и В. Виноградова “Музыка Азербайджана”. Известный фольклорист Виноградов вместе с композитором посетили съезд композиторов Азербайджана и делятся своими впечатлениями. Хвалят балеты Кара Караева (ученика Шостаковича) “Семь красавиц” и “Тропюю грома”. Находят недостатки (непосредственные, прямолинейные связи с народным искусством) у Фикрета Амирова, упоминают его оперу “Севиль” и объективности ради отмечают, что Амиров “очень популярен и любим в народе”. Свиридов ценил Амирова, они сблизились со временем и между ними сложились дружеские отношения.

13 мая покончил с собой А. Фадеев, официальное сообщение от Президиума ЦК КПСС и некролог публикуется в “Правде” только 15 мая. В этот же день в Москву прибывают председатель Совета Министров Франции Ги Молле и министр иностранных дел Франции г-н Кристиан Пино. 23 мая в Москве отмечают 50-летие со дня смерти Генриха Ибсена, 25 мая открываются гастроли Югославского драматического театра в преддверии исторического визита Иосипа Броз Тито в СССР. В понедельник 28 мая в газете “Правда” на первой странице приводится фото проводов поезда на вокзале в Харькове и помещён репортаж “Добровольцы едут в Донбасс”. Тогда ехали на стройки...

2 июня Москва встречает Иосипа Броз Тито, и в этот же день здесь же открывается декада армянского искусства и литературы.

В апреле-мае достигают точки кипения события на Ближнем Востоке. Активизирует свою деятельность Багдадский пакт. В январе 1956 года в Египте Революционным советом был подготовлен проект новой конституции, предусматривавшей установление однопартийной системы во главе с Национальным союзом, который избирает кандидатом на пост президента Насера. 14 июня завершается вывод из Египта последних частей британской армии. 23 июня того же года в ходе референдума подавляющим числом голосов новая Конституция вступила в силу, а Насер был избран президентом. После национализации Суэцкого канала назревает Суэцкий кризис. Он аукнется во всём мире, и, как это ни покажется странным, в том числе и в делах советских композиторов.

9

В мае выходит пятый номер журнала “Советская музыка”. Бедный Хубов понял, что Хренников своей статьёй в “Правде”, как римский император, показал ему кисть руки с опущенным вниз большим пальцем, означавшим смерть поверженному гладиатору. Главному редактору ничего не оставалось делать, как просить поддержки у своих коллег по Союзу. И весь пятый номер журнала представляет собой коллективный ответ музыковедческого корпуса Хренникову на его статью. Для видимости Хубов поставил в номер две нейтральные статьи сторонников Хренникова: В. П. Соловьёва-Седого “За подлинную массовость” и статью даже не столько сторонника, сколько подчинённого Хренникова, секретаря СК СССР С. Аксюка о фольклоре. Все остальные статьи носили явный или скрытый полемический характер.

Каждый музыковед нашёл свой способ выражения протеста, в основном в академической форме, причём во всех статьях указаны те композиторы, которые были вне лагеря Хренникова, а фактически стоящие в оппозиции первому секретарю СК СССР. Л. Данилевич в статье “О новаторстве” разделит мнимое и подлинное новаторство, пытаясь доказать, что советские композиторы и музыковеды в большинстве своём осуждают мнимое “новаторство”. А званием подлинных новаторов “наградили” Прокофьева, Мясковского, Хачатуряна, прибавив к ним Тактакишвили, Гомоляку и ряд других композиторов среднего и молодого поколений. И, конечно, поставив в этот ряд Шостаковича, упомянув его “Пятую”, “Седьмую” и “Десятую” симфонии.

Среди называвшихся композиторов-новаторов нашлось место и Свиридову. Правда, не в статье Л. Данилевича, а сразу в трёх статьях других авторов. Такое обилие объяснялось тем, что в мае, когда вышел пятый номер журнала “Советская музыка”, ожидалась премьера “Поэмы памяти Сергея Есенина”.

Специально творчеству композитора посвящена статья А. Сохора, “Расцвет таланта”. Здесь же помещён рисунок (графика) – первый в жизни композитора его портрет работы художника М. Митряшкина, с которым Свиридов был хорошо знаком. Сохор дал краткую характеристику творчества Свиридова, упомянул его разные сочинения, вспомнил ораторию на слова поэтов-декабристов (которую Свиридов так и не закончил). В конце статьи назвал одну из последних работ композитора – новую редакцию фортепианного квинтета, из которого впоследствии возникнет “Музыка для камерного оркестра”. Говоря о Шостаковиче, его влиянии на молодого Свиридова, вместе с тем Сохор отметил отличие свиридовских циклов от цикла Д. Д. Шостаковича “Из еврейской народной поэзии”. Значительное место в статье Сохора отведено “Поэме памяти Сергея Есенина”, ожидавшей премьеры “виновнице” статьи. Не обошлось без курьёза. Свою статью Сохор писал ещё в начале 1956 года, задолго до премьеры, и потому он описывает раннюю, одиннадцатичастную редакцию “Поэмы”. Но на премьере “Поэма” прозвучала в своей основной редакции в десяти частях. В статье кратко обозначено её содержание, главная тема – “поэт и Родина, поэт и Революция, фон повествования – картины крестьянского труда, русской природы и больших событий революционных лет”⁷⁷. В заключении статьи Сохор представляет композитора читателям журнала: “Музыка Свиридова всё ещё мало известна, хотя её полюбили. Георгий Свиридов находится в расцвете своего большого таланта. Впереди – работа над новыми большими и, как всегда, серьёзными замыслами”⁷⁸.

Упоминает в своей статье Свиридова и И. Нестьев, в то время заместитель главного редактора журнала “Советская музыка”. Как и Данилевич, Нестьев был осторожен. Он тоже прибегает к остроумному умозаключению в духе адвокатской защиты. “Борьба с формализмом как направлением, враждебным эстетическим принципам нашего искусства, – пишет он, – расчистила путь для успешного развития и совершенствования советской музыки”⁷⁹. Выйдя из трудного положения с формализмом, далее Нестьев освобождает себе пространство для развития собственной идеи. Он предлагает свою схему “классификации” советских композиторов, подразделяя их на разные течения и группы. По Нестьеву, в советской музыке есть композиторы-традиционалисты (Глиэр и Шапорин), опирающиеся на классику, есть композиторы, которым присуще новаторство (Шостакович, Прокофьев, Мясковский). Правда, Нестьев всё же не забывает напомнить, что эти композиторы испытали влияние модернизма. Нестьев наблюдает различие в вокальных и инструментальных жанрах. И здесь он одним из первых находит характеристику стиля Свиридова. “Мне думается, – размышляет музыковед, автор монографии о С. С. Прокофьеве, – что Г. Свиридов в своём вокальном цикле на слова Бёрнса пришёл к той мудрой простоте, которая является украшением истинного искусства. Поиски этой простоты потребовали от автора широкого художественного кругозора, смелой опоры на опыт многих предшественников (от Шуберта до Мусоргского и Шостаковича), тонкого ощущения интонируемого слова. А главное, что найденная композитором простота выражает очень глубокие и сложные жизненные образы. Именно о такой простоте говорят: “Чтоб словам было тесно, а мыслям просторно”⁸⁰.

Конечно, Нестьев не мог избежать традиционного сравнения Свиридова и Шостаковича. Положительно отозвавшись о “Десятой симфонии” и “Скрипичном концерте”, их влиянии на молодых композиторов, Нестьев замечает: “Как поучительна для многих его сверстников творческая судьба Г. Свиридова, который в последнее время решительно отошёл от одностороннего увлечения чистым инструментализмом и раскрыл себя как ярчайший вокальный композитор, глубоко чувствующий характеры живых людей, стихию народной жизни! Вокальные циклы Г. Свиридова (на стихи А. Исаакяна, Р. Бёрнса, С. Есенина) – вслед за высокоталантливыми романсами и хоровыми поэмами Д. Шостаковича – открывают новую чрезвычайно ценную страницу в советской музыке”⁸¹.

Упоминает Свиридова в своей полемической статье “Служить народу пламенно и честно” и Г. Н. Хубов. Георгию Никитичу уже было нечего терять, и он

решил вступить с всеильным первым секретарём СК СССР в открытую борьбу. Его статья по своему тону, по прокурорской интонации отдалённо напоминает знаменитую статью Эмиля Золя “Я обвиняю!”. Начался нешуточный, не на жизнь, а на смерть процесс: “Хубов против Секретариата СК СССР”. Хубов обвиняет секретариат СК СССР в серьёзных недостатках. Как он пишет, “деятельность его, раздуваемая шумной административной суетой, протекает в стороне от жизни, от большого коллектива композиторов и музыковедов. Заседания Секретариата обычно носят замкнутый, узко “аппаратный” характер. Широкий актив композиторов, критиков, исполнителей не принимает в них участия (за очень редкими исключениями). Острые творческие проблемы, волнующие музыкальную общественность, на Секретариате почти никогда не обсуждаются; большие, открытые дискуссии о новых, даже наиболее значительных произведениях советской музыки в последнее время устраиваются настолько редко, что от них стали уж отвыкать. А ведь казалось бы, что именно здесь-то, в горячих принципиальных спорах о новых произведениях, в открытых творческих дискуссиях по важным проблемам музыкальной современности – “нерв” работы Секретариата! Не налажена по-настоящему и живая творческая связь с композиторскими организациями на местах, и о сложных, многообразных процессах развития музыкального искусства в республиках, краях и городах нашей страны Секретариат имеет довольно поверхностное представление”⁸².

Статью свою Хубов завершил пафосно, гражданственно, но избежав обычной для таких концовок партийной риторики: “Служение народу творческим трудом <...> Такова благородная традиция, завещанная классиками; она живёт и в наши дни. Ей были верны С. Прокофьев и Н. Мясковский, ей следуют Р. Глиэр, Д. Шостакович, А. Хачатурян, Д. Кабалевский, Кара Караев, Г. Свиридов, Б. Лятовинский и другие”⁸³. Выстроив этот ряд композиторов, Хубов показал, кто стоит в противоположном Хренникову лагере. И он был почти что прав. Так оно и было на самом деле. Однако самого Хубова это не спасло. Он был обречён...

10

Второй Всесоюзный съезд советских композиторов так и не открылся 31 мая 1956 года. Но концерт в Концертном зале имени П. И. Чайковского, который был запланирован специально под открытие съезда, всё же состоялся. “Поэма памяти Сергея Есенина” была впервые исполнена, или, как ныне принято писать, состоялась мировая премьера “Поэмы”. Пел Государственный академический русский хор, к премьере его готовил молодой ассистент А. В. Свешникова, Владимир Минин, сольную партию исполнял недавно ушедший из жизни тенор, солист Большого театра СССР Алексей Масленников, долгие годы бесменно певший эту партию, под управлением Евгения Светланова играл оркестр Московской филармонии.

На премьеру собралась вся художественная Москва, почти вся московская композиторская рать, некоторые ленинградцы, гости из других городов. Так как концерт проходил вне съезда, то на нём вряд ли присутствовало, как это было принято, партийное и государственное руководство. Но, конечно, были бдительные наблюдатели из комитета по культуре ЦК КПСС. После концерта, прошедшего с оглушительным успехом, Свиридова поздравляли друзья-композиторы, музыканты, представители художественной интеллигенции, к нему подходили поздравить и взять на память автограф на программке незнакомые ему люди. Среди них была и сестра поэта Александра (Шура) Есенина, которую представил ему незнакомый литературовед, исследователь творчества Есенина Юрий Прокушев. С той поры и до кончины Свиридова между ним и крупнейшим исследователем творчества С. Есенина завязалась большая дружба. Премьера “Поэмы” означала рождение нового русского композитора, выдвинувшегося в первый ряд деятелей советского искусства.

Казалось бы, на следующий день все газеты должны были откликнуться на это большое событие в советской культуре. Но ничего этого не произошло. Газеты молчали. Лишь в июне на премьеру откликнулась одна-единственная “Вечерняя Москва”. Она поместила одну-единственную после премьеры рецензию. Её написал Дмитрий Дмитриевич Шостакович⁸⁴, дав ей высокую оценку: “Поэма памяти Сергея Есенина” – это гордость советской музыки”⁸⁵.

Рецензия в “Вечёрке” появилась 14 июня, а через три дня, 17 июня в газете “Правда” появляется большая статья Д. Д. Шостаковича “О некоторых насущных вопросах музыкально творчества (заметки композитора)”. Дмитрий Дмитриевич, вероятно, долго собирался с мыслями, советовался, читал, подбирал цитаты из статей П. И. Чайковского, А. Н. Серова, конечно, В. И. Ленина. Кто-то ему наверняка помогал оформить его мысли, придать им необходимую литературную форму с учётом газетной стилистики “Правды”. Скорее всего, это был Л. Данилевич. Но вот наступил момент, и Шостакович решает дать обстоятельный, развёрнутый ответ своему оппоненту, выходцу из 1948 года Тихону Хренникову.

Так как он обращается к Хренникову со страниц партийной газеты, Шостакович соответственно выстраивает статью. Начало каждого раздела её он начинает с цитаты партийного документа или из работ В. И. Ленина, а потом даёт свою, прямо противоположную хренниковской интерпретацию официального текста. Сначала Шостакович высказался о значении XX съезда КПСС, который “призвал нас внимательно изучать реальные жизненные процессы, вдумчиво относиться к их сущности, преодолевать схематизм, отвлечённость и предвзятость, смелее и решительнее отображать правду жизни. Эти указания съезда имеют огромное значение для всех областей идеологии и культуры. Во многом они определяют также и пути развития советского искусства”. И далее Шостакович избирает одну из основополагающих идей XX съезда – возвращение к Ленину и к ленинским нормам партийной жизни. И Шостакович тут же разворачивает эту идею в свою сторону и использует её как обоюдоострый клинок, ловко направляя его в сторону Хренникова: “Ленинская правдивость и принципиальность, которые должны быть нормой нашей общественной жизни, обязывают также и нас, композиторов, пристальнее, глубже и, главное – критичнее оценить положение в области советского музыкального творчества.

Советская музыка ценна своей реалистической направленностью, своей идейностью. Её прочной и незыблемой опорой являются принципы марксистско-ленинской эстетики; партия всегда защищала и защищает чистоту этих принципов, оказывая, таким образом, огромную поддержку советским художникам. На этой основе советская музыка добилась впечатляющих успехов: за последние годы, как и в предшествующее время, создавались и создаются высокоталантливые произведения разных жанров, форм, индивидуально-творческих стилей и национальных школ. Особенно радует большой рост музыкальной культуры наших братских республик. У нас много ярко одарённых композиторов, с каждым годом пополняются ряды замечательной музыкальной молодёжи, прочны и глубоки музыкально-культурные традиции. Всё это – залог также и будущих успехов советской музыки.

Однако было бы легкомыслием и беспечностью утверждать, что в нашей музыкальной действительности нет теневых сторон, что перед советской музыкой не возникает трудностей, что на пути её развития нет никаких опасностей. Нельзя, например, не сказать, что в течение последних лет, наряду с большими достижениями в советской музыке, появилось непомерно много нежизнеспособных музыкальных произведений. Большое количество их исполнялось во время всесоюзных и республиканских смотров, проводимых в связи с пленумами правления Союза советских композиторов, причём многие из этих произведений удастаивались самых высоких похвал и наград, а потом немедленно забывались. Ничего не радовало в подобных произведениях ни рядовых слушателей, ни профессионалов-музыкантов”.

Затем Шостакович ставит риторический вопрос и тут же отвечает на него: “Почему же из года в год увеличивалось количество нежизненных произведений?”

Мне кажется, во многом повинна тут наша музыкально-творческая среда и особенно штаб нашей музыкально-общественной мысли – Секретариат Союза композиторов СССР. Здесь, в практике повседневной работы, очень упрощались принципы и критерии реалистического искусства, народности и программности, принципы следования традициям классиков, в результате чего рождалась невзыскательность, нетребовательность в отношении идейно-художественных качеств произведений. Некоторые внешние признаки, как, например, наличие актуальных программных заголовков, “актуальной тематики”, стали как бы щитом, прикрывающим эти произведения от взыскательной

критики. Считалось, что для поощрения нужных тенденций в творчестве можно не придавать большого значения силе или слабости произведения в целом. Достаточно было однажды допустить подобное снижение требовательности, чтобы число серых и скучных произведений всё более возрастало, и остановить это делалось труднее и труднее”.

Это – прямой выпад против Хренникова и его стиля руководства. Об этом же писал и Хубов, и много раз говорилось на заседаниях Секретариата, на общекомпозиторских собраниях. После этого Шостакович переходит к вопросу о неудовлетворительном состоянии критики. А затем – к самой болезненной для Шостаковича теме, к догматам ждановской эстетики 1948 года. Ни разу не напоминая о Постановлении ЦК ВКП(б), не давая никаких поводов для обвинения в ложной трактовке партийного документа, который оставался всё ещё в силе, Шостакович обиняком, обходным манёвром находит своим критикам из 1948 года название – музыкальные догматики. И идёт с ним в атаку. Начинает он с апелляции к публике. “Думаю, что современному советскому слушателю в не меньшей степени должна импонировать музыка, “открывающая новые миры”, отражающие “глубокие процессы нашей духовной жизни”.

Об этом приходится говорить, так как стремление расширить в музыкальном творчестве диапазон мыслей, чувств, красок не всегда встречает должное к себе отношение. Музыкальные догматики чрезвычайно подозрительны к каждой, даже самой скромной попытке такого расширения и обогащения. Множество сомнений и подозрений вызывает в них каждый не совсем обычный поэтический штрих, всё, на чём лежит печать нового и притом индивидуального ощущения жизни”.

И потом опять через ленинскую цитату, почти перефразируя Хренникова, он мастерски делает выпад в сторону своего противника: “Социалистический реализм открывает неограниченные возможности для смелых художественных исканий и открытий, для подлинно свободного проявления творческой индивидуальности художника, черпающего вдохновение в жизни народа.

Догматики чрезвычайно превратно толкуют область трагедийного в искусстве, примитивно отождествляя трагедию с пессимизмом. При этом упускается из виду, что в мировом искусстве произведения высокой трагедии всегда были самыми жизнеутверждающими. Таковы именно трагедии Шекспира, Гёте, Толстого, Бетховена, Чайковского, Мусоргского. В наши дни передовое, гуманистическое искусство всех стран мира не менее живо, чем это было в прошлом, откликается на все скорби и страдания человечества и, правдиво воплощая их, заявляет о своём протесте против зла и насилия.

Как же может чуждаться этой области искусства советский художник, носитель самых передовых, гуманистических традиций в искусстве?

Догматики часто предъявляют композиторам наивные и смехотворные требования некоей арифметической уравновешенности “отрицательного” и “положительного” в каждом отдельном произведении. Им чуждо понимание того, что идейный смысл произведения определяется не внешней пропорцией “грустной” и “бодрой”, а пафосом выраженных в нём гражданских чувств, его общей гуманистической направленностью, его человечностью.

Курс на духовное обогащение нашего музыкального творчества – это одновременно и курс на смелое новаторство”.

Смелое новаторство – это одно из знаковых словосочетаний, это пароль прогрессистов от советской музыки. Именно его постоянно употребляли и А. И. Хачатурян, и Д. Д. Шостакович после смерти Сталина. Слова-шибболеты из лексики своих противников Шостакович тоже употребляет, но совсем в ином смысле, нежели его противники. “Справедливо борясь против чуждого нам бездушного, формалистического искусства как одного из проявлений упадочной буржуазной идеологии, партия призывала и призывает к неустанному творческим поискам, к смелому новаторству, к многообразию творческих индивидуальностей в искусстве социалистического реализма, к народности.

Однако новаторство в музыке не всегда находит у нас справедливое и правильное к себе отношение. Слишком поспешно у нас наклеивают ярлык формализма на каждое проявление творческих исканий. Формализмом нередко именуют то, что кому-либо не совсем понятно или не совсем по вкусу. Употребление этого понятия стало вообще несколько произвольным. Между тем, формалистическим искусством можно назвать только искусство пустое, безыдейное, холодное, безжизненное. Именно в таком искусстве приём,

избранный композитором, становится самоцелью, превращается в щегольство, в трюк, в эстетство. Когда же изобретённое связано с живой мыслью и чувством, когда оно одухотворено поисками правды, большого идейного содержания, его нельзя называть формалистическим. Произвольное толкование понятия “формализм” и злоупотребление им часто дискредитирует в глазах общественности творческие искания композиторов, тормозит, а иногда и вовсе останавливает их. Это особенно пагубно сказывается на творчестве молодёжи. . .”

Далее Шостакович пишет о необходимости настоящей, подлинной дискуссии, обвиняя “некоторых руководящих деятелей Союза советских композиторов в том, что они уклоняются от прямого спора по важным вопросам музыкального творчества”. И в конце обсуждения этой темы Шостакович опять удачно использует клише из партийных документов: “Излишне говорить о том, что всякая попытка помешать развитию творческой дискуссии обречена на провал, ибо она прямо противоречит призывам XX съезда партии”.

К документам XX съезда он вновь возвращается в самом конце своей статьи, говоря о задачах, которые стоят перед советской музыкой: “Эти задачи, поставленные в отчётном докладе ЦК КПСС на XX съезде Коммунистической партии, ясно указывают нам направление, в котором должны развиваться устремления творческих работников советского искусства. Реалистическое богатство содержания, высокая идейность, художественная сила, мастерство – такова чёткая и ясная творческая программа, данная XX съездом нашей партии советскому искусству”.

Эта блестящая отповедь Хренникову, написанная в той же стилистике, что и статья самого Хренникова, с использованием цитат из Ленина и с постоянным упоминанием партийных документов очень напоминает карнавальное переодевание или пародию, на которую так был щедр и которую часто применял в своём композиторском творчестве Шостакович. Но возникает вопрос: как такая статья могла появиться в газете, которую курирует высочайший покровитель первого секретаря СК СССР, кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Д. Т. Шепилов? В той самой газете, где недавно выступал со своей программной речью антагонист Шостаковича – Хренников?

Разгадка этого замысловатого ребуса находится на той же самой пятой странице, где помещена развёрнутая статья Шостаковича. Над ней помещена краткая информация ТАСС, сообщающая, что в Каир по поводу национального праздника Египта – Дня независимости – 16 июня прибыл Министр иностранных дел СССР тов. Д. Т. Шепилов⁸⁶. Статья Шостаковича безусловно готовилась и проходила через отдел культуры ЦК КПСС. В это время этот отдел курирует вместо Д. Шепилова другой член ЦК КПСС П. Поспелов, автор первой редакции “секретного” доклада Хрущёва “О культе личности и его последствиях”. Так осложнения на Ближнем Востоке странным образом переплелись с делами в стане советских композиторов. И это ещё была только завязка будущих битв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Свиридов Г. В. Музыка как судьба // Сост., авт. предисл. и коммент. А. С. Белоненко. М., “Молодая гвардия”, 2002. С. 532.

² Слова, выделенные курсивом, вписаны другими чернилами позднее, вероятнее всего, в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

³ Г. Свиридов. Музыка как судьба... С. 572.

⁴ Г. Свиридов. Музыка как судьба... С. 572.

⁵ Это был сборник “Избранные стихи”. М., “Огонёк”, 1925. Выражаю признательность ведущему научному сотруднику ИМЛИ РАН С. И. Субботину, указавшему мне на это издание.

⁶ Свиридов Г. В. Музыка как судьба... С. 517.

⁷ А вот В. Боков был, по Свиридову, поэтом простонародным. Были в свиридовской “калькуляции” гении безнациональные и ненародные. Например, Арнольд Шёнберг. Г. Свиридов относился к Шёнбергу с большим уважением. Тем не менее, по его мысли, пришедший к своей родной вере, к иудаизму, композитор не сумел дать своему народу оперу на национальном языке, музыкальном эквива-

- ленте иврита или идиша. “Моисей и Аарон” всё же не стала национальной еврейской оперой, подобно первой русской национальной опере “Иван Сусанин” М. Глинки.
- ⁸ Там же. С. 536.
- ⁹ Там же. С. 536.
- ¹⁰ Там же. С. 371.
- ¹¹ Текст приводится по следующему клавиру оратории: М., “Музгиз”, 1950. С. 88–95. В более позднем издании текст изменён.
- ¹² Текст неизменный во всех изданиях, начиная с клавира 1958 года.
- ¹³ Как известно, Пастернак отдал оконченную рукопись романа в редакции журналов “Знамя” и “Новый мир”, а также в издательство “Художественная литература” в начале 1956 года. Первое исполнение “Поэмы памяти Сергея Есенина” состоялось в мае 1956 года.
- ¹⁴ ЦГАЛИ г. Санкт-Петербурга, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 408, л. 11–11 об. (Стенографический отчёт творческого собрания композиторов по обсуждению “Поэмы, посвящённой памяти С. Есенина” композитора Ю. В. Свиридова. 9 марта 1956 года).
- ¹⁵ *Слонимский С. М.* Запретить запреты! В кн.: Георгий Свиридов в воспоминаниях современников / Сост. и коммент. А. Б. Вульф; Авт. предисл. В. Г. Распутин. М., “Молодая гвардия”, 2006. С. 96–97).
- ¹⁶ Протокол №30 заседания от 29 декабря 1958 года (РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1466, л. 338. Протоколы заседаний Секретариата Союза композиторов СССР).
- ¹⁷ См. текст постановления в кн.: Музыка вместо сумбура... С. 464.
- ¹⁸ “Советская культура”. 1955. Вторник 20 сентября. №116 (349). С. 1.
- ¹⁹ *Серикова И.* Интересный оперный спектакль // “Советская культура”. 1955. Четверг 3 ноября, 135 (368). С. 3.
- ²⁰ *Попов Ин.* Первые концерты. На смотре творчества ленинградских композиторов. // “Советская культура”. 1955. Суббота, 26 ноября, №145 (378). С. 3.
- ²¹ *Серикова И.* Талантливая молодёжь. На смотре творчества ленинградских композиторов. // “Советская культура”. 1955. Четверг, 1 декабря, №147 (380). С. 3.
- ²² Смотри творчества композиторов Ленинграда // “Советская культура”. 1955. Воскресенье, 4 декабря, №149 (382). С. 1.
- ²³ Партийная верхушка посетила второй спектакль “Эвримен опера” в Музыкальном театре им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. На спектакле присутствовали Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, В. М. Молотов, М. Г. Первухин, М. А. Суслов, Н. С. Хрущёв, Д. Т. Шепилов. (см.: “Правда”, 1956, Четверг, 12 января, №5 (397). С. 1). Судя по всему, Хрущёву не очень понравилась опера Дж. Гершвина. 14 января в №6 (398) газеты “Правда” на с. 4 появляется заметка Александра Гаука о гастролях театральной труппы “Эвримен-опера” и об опере “Порги и Бесс”. Заметка написана с соблюдением политеса, но без восторга, высказана умеренная похвала. Гаук выразил недоумение, не понимая, как назвать произведение Дж. Гершвина, что такое американская “народная опера”.
- ²⁴ “Правда”. 1955. Среда, 21 декабря. №355 (13650). С. 2.
- ²⁵ “Коммунист”. 1955. Декабрь, №18. С. 40–48.
- ²⁶ Цит. по изд.: *Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н. С. Хрущёва и сельское хозяйство. М., 2001. С. 65 (РАН Институт Российской истории).
- ²⁷ “Коммунист”. 1955. Декабрь, №18. С. 41.
- ²⁸ Там же. С. 42.
- ²⁹ Там же. С. 45.
- ³⁰ “Коммунист”. 1955. Декабрь, №18. С. 48.
- ³¹ *Титаренко С.* Верный ученик и великий продолжатель дела Ленина (К 75-летию со дня рождения И. В. Сталина) // “Коммунист”. 1954. Декабрь, №18. С. 26.
- ³² *Бахшиев Д.* Во имя торжества коммунизма: К 75-летию со дня рождения И. В. Сталина // “Советская культура”. 1955. Четверг, 22 декабря, №156 (389). С. 2.
- ³³ См.: “Советская культура”. 1956. Воскресенье, 1 января, №1 (393). С. 1.
- ³⁴ Любопытно, что М. Швейцер замышлял свой фильм “Время, вперед!” по Катаеву в тот момент, когда к власти только что пришёл Л. Брежнев и в обществе вновь забрезжила надежда, что произойдут какие-то важные перемены и страна двинется вперёд.
- ³⁵ Кандидатом он станет 27 февраля 1956 года.

- ³⁶ Яворский Н. Сила национальных традиций // "Советская культура". 1956. Четверг, 5 января, №2 (394). С. 4.
- ³⁷ Новые силы советской литературы // "Советская культура". 1956. Четверг, 19 января, №8 (400). С. 1.
- ³⁸ О Всесоюзном совещании молодых писателей, поэтов, драматургов давала материалы "Литературная газета" в течение января. См., к примеру, номер газеты за вторник 10 января, №4 (3505) и следующие номера за январь 1956 года.
- ³⁹ Шильников С. Своеобразие замысла. Под рубрикой "К Первому всесоюзному съезду художников" // "Советская культура", 1956, 10 января, №4. С. 3.
- ⁴⁰ Погорева Л. Мужественное искусство // "Советская культура". 1956. Вторник, 17 января. С. 3.
- ⁴¹ Фёдоров А. Молодые силы советского киноискусства // "Советская культура". 1956. Суббота, 28 янв., №12 (404). С. 2.
- ⁴² Герасимов С., народный артист СССР. Жизнь и творчество. Под рубрикой: "К конкурсу на лучшие киносценарии" // "Советская культура". Вторник, 7 февраля, №16 (408). С. 3–4.
- ⁴³ Надо сказать, что при всей своей разносторонней образованности, он, ко всему, ещё хорошо знал и любил музыку. Я помню, как он мне говорил, что может пропеть целиком первую часть Пятой симфонии П. И. Чайковского. Из нынешних режиссёров я не знаю такого...
- ⁴⁴ Арлашин В. Видеть героя без прикрас (К Всесоюзному съезду художников) // "Советская культура". 1956. Четверг, 19 января, №8 (400). С. 3.
- ⁴⁵ Колпинский Ю. Вопросы традиций в советском изобразительном искусстве: По поводу дискуссии в Московском союзе художников // "Советская культура". 1956. Вторник, 24 января, №10 (402). С. 3
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Чегодаев А. Искусство большого художника. Выставка С. В. Герасимова // "Советская культура". 1956. Четверг, 26 янв., 11 (403). С. 4.
- ⁴⁸ Моду на шансон привил советским людям Ив Монтан, приехавший в Москву в конце 1956 года. Его концерты в Москве сопровождались совершенно феерическим успехом.
- ⁴⁹ См. рец.: Шантырь Г. "Укрощение строптивой": Новая опера В. Шебалина. В рубрике: "Навстречу съезду композиторов" // "Советская культура". 1956. Вторник, 17 января, №7 (399). С. 3.
- ⁵⁰ Трудно вообразить себе, чтобы Сталин согласился на участие в кинофильмах, где он предстаёт героем композитора, написавшего музыку к кинокомедии "Свинарка и пастух". Всё же у тирана был вкус и представление о том, что чего стоит в искусстве. Он отдавал предпочтение Д. Д. Шостаковичу...
- ⁵¹ Доклад Н. С. Хрущёва о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы / Отв. ред. К. Аймермахер. М., РОССПЭН, 2002. С. 338. Серия "Культура и власть от Сталина до Горбачёва. Документы".
- ⁵² Единственный, кто вспомнил это слово на самом съезде, был А. Сурков.
- ⁵³ "Советская культура", 1956. Четверг, 1 марта, №26 (418). С. 1.
- ⁵⁴ "Советская музыка". 1956. №3. С. 80.
- ⁵⁵ Шебалин В. Хорошая музыка – прежде всего // "Советская музыка". 1956. №2. С. 52.
- ⁵⁶ Мартовский номер был подписан к печати 13 февраля 1956 года.
- ⁵⁷ "Советская музыка". 1956. №3. С. 9.
- ⁵⁸ Там же. С. 39.
- ⁵⁹ Taubman Howard A big boy now. Shostakovich Deserves A Little Freedom // The New-York Times, Sunday January 8, 1956. Section 2, p. X9. В ответе Шостаковича статья имеет сокращённое название "Шостакович заработал право на небольшую свободу".
- ⁶⁰ "Советская музыка". 1956. №3. С. 143.
- ⁶¹ "Советская музыка". 1956. №4. С. 3–6.
- ⁶² Навстречу Второму съезду композиторов // "Советская культура". 1956. Вторник, 6 марта, №28 (420). С. 3.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же.

- ⁶⁶ Коллектив авторов довольно пёстрый, ничего не говорящий. Подписались В. Соловьёв-Седой, И. Дзержинский, В. Пушкин, Э. Грикуров, Н. Рабинович, К. Кондрашин, Е. Мравинский, К. Элиасберг, А. Животов, А. Янсонс, З. Майман.
- ⁶⁷ “Советская культура”. 1956. Четверг, 8 марта, № 29 (421). С. 3.
- ⁶⁸ Б. Чирсков сделал сценарий по своей пьесе для кинофильма “Великий перелом” (1945), удостоенный Сталинской премии. Музыка к фильму писал Гавриил Попов.
- ⁶⁹ Единственное, что могу предположить, это участие в коллективном письме дирижёра З. Маймана, работавшего в БДТ и дирижировавшего спектаклем “Победители” в 1946 году.
- ⁷⁰ Лукин Ф. Чувашская музыка. // “Советская культура”. 1956. Вторник, 13 марта, № 31 (423). С. 3.
- ⁷¹ “Советская культура”. 1956. Суббота, 24 марта, № 35(427). С. 1.
- ⁷² Хренников Тихон. Перед Вторым съездом композиторов // “Правда”. 1956. Понедельник, 2 апреля, № 93 (13756). С. 2.
- ⁷³ Д. Т. Шепилов стал кандидатом в члены Президиума 27 февраля 1956 года, то есть буквально за месяц до появления статьи Хренникова.
- ⁷⁴ Цит. по изд.: Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущёва и сельское хозяйство. М., 2001. С. 72–73. (РАН Институт Российской истории).
- ⁷⁵ “Советская культура”. 1956. Вторник, 17 апреля, № 45 (437). С. 1.
- ⁷⁶ Т. Н. Хренников – ЦК КПСС с просьбой отложить созыв Второго съезда советских композиторов. 18 апреля 1956 года. 861/5. Цит. по кн.: Максименков Л., составитель. Музыка вместо сумбура: Композиторы и музыканты в Стране Советов. 19170–1991. М., Международный фонд “Демократия”, 2013. С. 473–474. Серия “Россия. XX век. Документы”.
- ⁷⁷ Сохор А. Расцвет таланта // “Советская музыка”. 1956. № 5. С. 79.
- ⁷⁸ Там же. С. 83.
- ⁷⁹ Нестьев И. Несколько мыслей о творческих течениях // “Советская. Музыка”. 1956. № 5. С. 12.
- ⁸⁰ Там же. С. 17.
- ⁸¹ Там же, с. 19.
- ⁸² Хубов Г. Н. Служить народу пламенно и честно. // “Советская музыка”. 1956. № 5. С. 5.
- ⁸³ Там же. С. 9.
- ⁸⁴ Шостакович Д. “Поэма памяти Сергея Есенина”. “Вечерняя Москва”. 1956. 14 июня.
- ⁸⁵ Цит. по рукописи-автографу рецензии. Текст, отредактированный в газете, был немного изменён: “Поэму памяти Сергея Есенина” можно смело назвать гордостью советской музыки”. Факсимиле рецензии и текст её в газетном варианте приводится в след. изд.: Книга о Свиридове: Размышления, высказывания, статьи, заметки // Сост. А. Золотов. М., “Советский композитор”, 1983. С. 12–13, с. 15.
- ⁸⁶ Министром иностранных дел Д. Т. Шепилов стал 1 июня 1956 года.

НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ

ПОСЛЕДНИЙ ОБЕРЕГ

Андрей Шацков. “Первозимье”. — Москва: Вест-Консалтинг, 2017. — 132 с.

Имя Андрея Шацкова давно известно любителям русской поэзии, в его литературном арсенале нет стихов пустых — он пишет только о том, что играет важную роль в судьбе каждого человека, не утратившего образы далёкого детства, счастливой юности и общения с наполненной волшебством природой:

*Мы убегали, в шуме майских гроз,
Стелясь, как жеребята, над травой,
В край радуг, в заповедный край стрекоз,
В край, шелестящий солнечной листвою...*

Наличие глубокой духовной основы стихов является тем главным признаком, который выделяет творчество Шацкова из сегодняшней поэзии. Последние три десятилетия наполнили наше национальное поэтическое творчество огромным потоком новых формальных направлений, в изобилии представляемых ныне на страницах таких журналов, как “Новый мир”, “Знамя”, “Октябрь”, “Звезда”, “Континент”, “Арион” и других изданий этого круга. Но стихи Андрея Шацкова максимально близки по своей сути иным изданиям — таким, как журналы “Наш современник”, “Москва”, “Нева”, “Молодая гвардия” и некоторым другим, суть которых выражается не то чтобы в эдаком прямолинейном, “лобовом” патриотизме, а скорее — в глубокой философской наполненности, показывающей верность родной земле, её истории и близким нам людям — родителям, детям, друзьям, любимым и тем, кто положил свои жизни на алтарь родного Отечества. И тем родным, кто уже покинул поэта, уйдя от нас в запредельные выси небес. Именно они и являются главными персонажами новой книги Андрея Шацкова “Первозимье”, хотя, несмотря на звучащий в нём мотив прощания, этот сборник никак нельзя назвать “поминальником”, так как имена его усопших родных только изредка упоминаются на фоне стихов, как это происходит с присутствием душ умерших его мамы, сына или его питерского друга, а иной раз и потерянной где-то на жизненных тропах (как это происходит в стихотворении “Яузская аллея”) любимой женщины:

*Поэты, известно, сейчас не в чести.
Их слог — романтически пылок...
Вот так бы за счастьем брести и брести,
Но осень задышит в затылок,*

*И хлынет на землю губительный дождь...
Лишь вспомню, бессонницей маясь,
Как ты всё идёшь, где-то рядом идёшь,
К плечу моему прижимаясь!*

В творчестве каждого настоящего поэта, восприятие любви находится в тесном соединении с понятием Родины, которую поэт готов с равной жертвенностью защищать от грозящего им с Востока или с Запада врага:

*Конец заповошного мая,
Слезами дожди окропят.
Арбы и повозки Мамаю
По пыльным дорогам скрипят.*

*И встать на путях его — лучше,
Чем мышью таиться в углу...
Стрелец — неприкаянный лучник,
Я к бою готовлю стрелу!*

Поэтическая стезя Андрея Шацкого давно пролегла через ратные просторы Куликова поля, мотивы которого отчётливо звучат в стихах его предыдущих книг. Эти мотивы продолжают витать и над стихами книги “Первозимье”, хотя, может быть, и не так прямолинейно, как раньше. И всё-таки Шацков и сегодня остаётся ратником, продолжающим ощущать себя стоящим в передовых рядах охранного войска, где когда-то погибали его предки, как это было на его родной подмосковной земле, о чём говорит его стихотворение “На Рузском холме”:

*Под малокровным небом ноябрь
Услышь, как пульс в висках стучит набатом.
Твой пращур, на холме канон творя,
Был кметем, воем, ратником, солдатом!*

*Он принял смерть, но принял — на миру!
И лёг со всеми в братскую могилу.
А ты — один, и твоему перу
Остановить набега — не под силу...*

Из года в год, практически на протяжении всей своей творческой судьбы, Андрей постоянно обращается к вошедшей в его душу теме знаменитого Бородинского поля, гул боя которого уже более двух столетий не умолкает в крови всего русского народа. Герои этого сражения давно воспринимаются в качестве героев Отечества:

*Над Бородинским полем — вечность,
И два орлиныя крыла!
Звёзд августа густая млечность
Над спелой рожью процвела.*

*С утра огнём взорвутся тучи
Редутов, брызжущих свинцом.
Гвардейский юный подпоручик
Не дрогнет каменным лицом...*

Ещё в 1999 году Андрей Шацков завершил цикл стихов “На поле Куликовом”, будто наследуя Александру Блоку, что позволило лауреату Государст-

венной премии поэту Владимиру Фирсову назвать автора “Последним осколком Серебряного века”. За цикл духовных стихов и вклад в дело православия Андрей был пожалован орденом Преподобного Сергия Радонежского. А в 2013 году он стал Лауреатом премии Правительства Российской Федерации в области культуры. Но это не значит, что точка, поставленная в 1999 году в конце цикла “На поле Куликовом”, действительно свидетельствует об окончании им этой значимой работы. Вот и в эту – последнюю на данный момент – книгу стихов Андрея Шацкого “Первозимье” оказался включён раздел “Реснота” (что в переводе с древнерусского означает истина, достоинство), в котором продолжают звучать мотивы, перекликающиеся с темами из книги “На поле Куликовом”. В стихотворении “Заповедные слова” Шацков опять обращается к звучащему эхом былых эпох мотиву героического стояния на рубежах нашего края, соединяющемуся на фоне высокой гражданственности с мыслью о потерянной в столетиях любимой:

*Настало время собирать жнивье
И камни, что разбрасывал повсюду.
Останется — Отечество моё,
Про отчество рассказывать не буду.*

*Но всё же, где бы ты ни процвела,
Какие кущи путь твой ни встречали,
Ты вспомнишь заповедные слова
Неутолённой, искренней печали...*

Говоря о творчестве поэта Андрея Шацкого, ловишь себя на желании продолжать и продолжать цитирование его строк, гармонично сочетающих в себе художественную красоту и глубину гражданских и философских идей. В современной поэзии в последнее время две эти категории вообще отошли куда-то на задний план, отодвинув понятие идейности в эпоху былого соцреализма, а художественность подменив мертворождаемым конструированием холодных метафор, типа таких, как у Семёна Кирсанова, Дмитрия Пригова и их сегодняшних последователей. Поэтому так радуют душу стихи, которые, благодаря слиянию двух этих категорий, воспринимаются как живые, рождающиеся под пером поэта по зову сердца, а не конструируемые по искусственным схемам. Таковы стихотворения Андрея Шацкого “Яблочный Спас”, “В сумерках года”, “День Успенья”, “Реквием задержавшейся зиме”, “Первозимье” или “Преображение”. В этом последнем есть такие замечательные строчки, которые блаженно освежают душу читателя, как капли пролившегося на них свыше долгожданного дождя:

*Фавора свет... Случайное движенье
К земле засохшей вымоленных струй...
Подставь лицо. Познай Преображенье.
Прими его, как горный поцелуй...*

Настоящая поэзия характеризуется тем, что в каждой её строке, в каждом образе таится хотя бы маленький, мимоходом отложившийся в сознании поэта вывод. Радостный он или обжигающий – это другое дело, главное – что стихотворение заставляет читателя осмысливать всё, что его окружает и встречается на его пути, а тем более – непосредственно в самой его жизни, как это бросается в глаза при чтении простого на вид стихотворения “Сюжет о зимних маргаритках”, оставляющего в душе читающего ощущение горькой печали:

*Цветы Богородицы — лета привет,
Которое вовремя к нам не приспело...
Как жаль — не сложился о счастье сюжет,
Но это в России — обычное дело.*

Это и в самом деле уже едва ли не привычный стандарт нашей жизни – принимать, вместо радости, достатка и успехов, рассыпающиеся сюжеты

о разбившемся, точно хрустальная ваза (или последняя в доме тарелка), счастье. Что здесь можно делать? Только признать случившееся и открыть свою душу читателям.

*Это твой последний оберег.
Твой последний луч дневного света...
Холода... Россия... Первый снег...
Исповедь печальная поэта.*

Несмотря на всю печальность этих строк, это ещё ни в коем случае не является свидетельством уныния, это только признание правды жизни, а правда — это и есть основа нашей жизни. И пока такие стихи, какие пишет Андрей Шацков, будут свидетельствовать о правде, жизнь будет продолжаться и дальше. А это главное.

ИРИНА ШЕЙКО

ПРОДОЛЖАЯ ДОБРЫЕ ТРАДИЦИИ

На факультете журналистики Кубанского государственного университета уже не первый год успешно проходит конференция, посвящённая творчеству выдающегося кубанского критика Юрия Ивановича Селезнёва. И вот, в этом году, как отметили многие гости, замечательная традиция возвращения в научный и публицистический дискурс имён талантливых земляков продолжилась – 16 июня в стенах факультета состоялась Первая Международная научно-практическая конференция “Творчество В. И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории”, на которую было представлено более сотни работ.

Организаторами мероприятия стали Кубанский государственный университет и факультет журналистики в лице ректора Михаила Борисовича Астапова, и. о. декана факультета журналистики Валерия Васильевича Касьянова и бессменного идейного вдохновителя Селезнёвских чтений, заместителя декана по научной работе Юрия Михайловича Павлова.

Следом за организаторами слово взял Виктор Иванович Лихоносов, поделившись с собравшимися, как с самыми близкими друзьями, историей своей молодости, поступления в институт и первых шагов на писательском поприще, когда он, молодой и увлекающийся, ещё и не ведал, что станет классиком литературы, и, что не менее важно, рассказал о том, что должно занимать главенствующее место в жизни каждого человека, чья деятельность связана со словом. Все внимали его размеренному рассказу, который был похож на прозу Лихоносова, на бесконечную повесть, иногда лиричную, иногда заставляющую улыбаться: “...Спасибо, Михаил Борисович, за напоминание о том, что я учился в пединституте. Когда вы говорили, я сидел и думал: если бы преподаватели, у которых я учился, слышали все это и видели, они бы крайне удивились, что этот студент – молодой, весёлый, кучерявый, который не подавал никаких надежд, ни в каких литературных кружках не участвовал, где-то со спортфаковцами вечно акробатикой занимался... фляки крутил... и вдруг он стал писателем. Они бы очень удивились!.. Конечно, для меня все это неожиданно, я приехал из Сибири и здесь живу уже 60 лет. Я приехал с одним чемоданом, такой глуховатый, скромный, одинокий поступать в институт. И мог не поступить, вы знаете! 25 баллов проходных было – 23 я набрал. Причём по сочинению я получил не “пять”, а “четыре”. И меня вызвали дополнительно, то есть могли не взять. А я, когда думал, что я не поступлю, я поехал длинным трамваем – Черёмушек тогда не было, было поле, сады – в аэропорт. Я тогда очень любил Шолохова... Я еду и думаю: если меня завтра вызовут и не возьмут, я поеду в Вёшенскую к Шолохову. Приеду, попро-

шусь к нему, спрошу, что мне делать. Я хотел быть артистом – не стал, в институт не поступил. Устройте меня в какой-нибудь колхоз, что ли... Я хотел жить на Дону из-за того, что я очень любил “Тихий Дон”... И потом – я совершенно не думал быть писателем, я поехал работать под Варениковскую, потом под Анапу – я встретил народ. Народ даёт нам всё. Дети, учтите. Народ, человек, жизнь, в которые вы должны быть влюблены: без любви нельзя ничего писать. Даже когда вы будете критические вещи писать, всё равно вас будет вести любовь к жизни, исходить вы будете из того, что жизнь надо защитить, облагородить и удержать... И всё, что случилось со мной, думаю, было связано с тем, что я очень любил литературу русскую. Писатели любимые становились для меня спутниками жизни, я был предан правде, я очень любил народную толщу через Шолохова, через “Тихий Дон” и “Поднятую целину”. Типы – это существо жизни народной. Понимаете? И с этого началось моё творчество. Если бы я этого не исповедовал, я бы ничего не написал. Литература стала моей судьбой и спасением... Любовь определяет человеческую жизнь... Но сейчас, когда так тяжело нашему Отечеству, нам особенно важна в самой атмосфере нашего общества любовь, сочувствие, сострадание, милосердие. И ваше перо должно всё это нести...” Писатель признался, что никогда не писал по графику, не просиживал за столом по 9 часов, главными вдохновителями для автора “Нашего маленького Парижа” всегда оставались люди, такие, как герои его первого рассказа “Брянские”, а свой талант Виктор Иванович называл не иначе, как наградой за то, что был старателем сердцем.

Поговорить о творчестве кубанского классика, побеседовать с Виктором Ивановичем о литературе и жизни в Кубанский госуниверситет приехали не только именитые гости из столицы – Александр Казинцев, заместитель главного редактора журнала “Наш современник”, Юрий Козлов, главный редактор “Роман-газеты”, Юрий Лощиц, Лидия Сычёва, редактор интернет-журнала “Молоко”, фотожурналист Наталья Батраева, но и деятели литературы и науки Юга России: заведующий кафедрой зарубежной литературы КубГУ Алексей Татаринев, директор Института русской и иностранной литературы Армавирского педагогического университета Дмитрий Ковальчук, заведующий кафедрой отечественной филологии и журналистики Армавирского университета Андрей Безруков, доцент кафедры отечественной филологии и журналистики Армавирского университета Николай Крижановский.

Отрадно, что каждый из вышедших к трибуне не просто представлял свой доклад о творчестве Виктора Ивановича, его месте в современном литературном процессе, рассказывал о вехах творчества классика, связанных с определённым изданием, а зачастую просто и сердечно вспоминал о первом знакомстве с Лихоносовым, первой читательской встрече с автором, высказывал Виктору Ивановичу слова благодарности и делился выводами, сделанными после прочтения его текстов. Творчество кубанца стало отправной точкой для разговора о литературе – истинной и мнимой, её месте в нашей жизни, о тех ценностях, на которых должна основываться жизнь писателя и не только, – разговора о культурной политике и образовании, воспитании молодёжи и многом другом.

Вот так проза настоящего “последнего рыцаря русской литературы” смогла не только собрать в одном месте его единомышленников, но и вырвать всех готовящихся к конференции из привычного светлого ритма жизни, напомнить о самом главном: “... Я перечитывала, готовясь к конференции, многие повести, и вдруг я почувствовала, что я отключилась от интернета, от соцсетей, от суеты, и я пришла к главному какому-то смыслу, к тому, который сумел высказать в своём творчестве Виктор Иванович...” – вспоминала в своём выступлении Лидия Сычёва.

Уже в конце конференции Олег Мороз выскажет близкую собравшимся мысль – “... первая [конференция] получилась лирическая.

Большинство выступавших признавались в любви Виктору Ивановичу. Более того, лирика даже проявилась в том, что произведения классика навеяли нам, выступавшим, свои воспоминания. О том, как в первый раз попала в руки книга Виктора Лихоносова, какие она вызвала эмоции и так далее. В общем, пробудила и наши чувства, которые относятся к прошлому. Вообще, тема памяти, прошлого – она очевидно лихоносовская, она неизбежно должна звучать...”

Особое место Виктора Ивановича подчеркнул в своём выступлении редактор «Роман-газеты» Юрий Козлов: «...Идеология сегодня подменяется геополитикой, и когда во внутренней жизни страны существуют серьёзнейшие проблемы, общественные лица, комментаторы на телевидении от этих проблем уходят, а вместо этого идёт обсуждение геополитических моментов, кажется, что мы оказываемся во враждебном окружении. Это, с одной стороны, действительно так. Но это уже есть плод, видимо, неумелой политики... И это находит своё отражение в литературе. В такие времена люди начинают самостоятельно искать ориентиры жизни, литературные произведения, которые несут не какой-то негатив, хаос, а всё-таки надежду и спокойную уверенность в собственных силах, и веру в жизнь, и в лучшие качества окружающих нас людей. Поэтому произведения Виктора Ивановича будут востребованы читателем до тех пор, пока существует Россия и пока в ней живут русские люди... Я хочу сказать, что в условиях, когда писателям действительно живётся нелегко и когда толстые журналы переживают кризис, такие мероприятия (как данная конференция) становятся своеобразной «точкой сборки». Такие авторы, как Виктор Лихоносов, его общественная позиция, его публицистические материалы, его редакторская деятельность становятся точками притяжения для всех, кто работает в русле национальных традиций, для всех, кто чувствует, пусть и по-разному, боль и немоту читателей. Мне кажется, что такие мероприятия, как сегодня, они очень важны и нужны, потому что они заставляют нас ещё раз задуматься и о литературе, и о писателях, и о том, куда, наконец, движется наша страна и что ждёт нас в будущем...»

Итог встрече подвёл Валерий Васильевич Касьянов, пообещав, что сделает всё возможное, чтобы Лихоносовские чтения стали событием краевого масштаба. Будем надеяться!